XX ВЕК
ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Владимир Чиков

НЕЛЕГАЛЫ

ДОСЬЕ КГБ №13676

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Во 2-й часта книги рассказывается о проведенных советской разведкой в 1950–1960 годах блистательных операциях по похищению самых оберегаемых в Великобритании тайн по созданию бактериологического оружия. В повести действуют не вымышленные герои, а реальные люди — крупные политики и дипломаты, замечательные советские разведчики Конон Молодый, Леонтана и Моррис Коэны, иностранные агенты экстра-класса — англичане Джордж Блейк, Гарри Хаутон и Этель Элизабет Джи.

- Владимир Чиков
  -
  - Из воспоминаний Леонтины Коэн
  - Из отчета Бена о командировке в Париж
  - Из воспоминаний Гей Сёч
  - Из воспоминаний журналиста Питера Черчиля
  - Из воспоминаний Леонтины Коэн
  - Из воспоминаний Морриса Коэна
  - Из рассказа бывшего охранника Алекса Тилла
  - Из воспоминаний Морриса Коэна
  - Эпилог
  - Досье на тех, кто занимался атомной разведкой
  - Послесловие
  - Приложения
    - Обращение к читателю агента ФБР Роберта Ламфиера, подготовленное им к французскому изданию этой книги
    - Из воспоминаний, лично написанных Моррисом Коэном
    - Документы секретной операции «Венона»
    - Приложение № 2
    - Приложение № 3
    - Приложение № 4
    - Приложение № 5
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94

- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138

- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155

Владимир Чиков
Нелегалы. Часть 2
«Дачники» в Лондоне

Находясь в Москве, Коэны не скрывали, что участие в деятельности советской разведки являлось для них святой обязанностью, что они продолжают гордиться тем, что сделали для Советского Союза. «Если коммунизм считается религией, — говорили они, — то всю свою последующую жизнь в России мы готовы посвятить этой религии». В первое время они много ездили по стране, плавали по Волге и Енисею, отдыхали на лучших курортах СССР, ходили по московским музеям и выставкам, а потом их стали привлекать к кое-каким мероприятиям по линии МГБ. Иногда с ними даже консультировались, но к настоящей оперативной работе не подпускали. Пока их только проверяли на предмет того, как они относятся к советской действительности, как оценивают внутреннюю и внешнюю политику СССР. В этих же целях на их квартире поставили даже слуховой контроль. Что поделаешь, агентам-иностранцам по вечной традиции ЧК уготована такая судьба — их держат как бы на привязи и только внешне обращаются как с равными. Коэны чувствовали это и переживали, они представляли свою жизнь в Москве совсем иначе, полагая, что в Советском Союзе после всего того, что сделали для него, они будут равные среди равных. Но не тут-то было! Им все еще не доверяли при всей внешней любезности. Страшный дискомфорт Коэны ощущали и из-за незнания русского языка. Им хотелось жить так, как хотелось, не приспосабливаясь ко всему советскому.

Когда об этом стало известно руководителю нелегальной разведки, то ее начальник Арсений Тишков[1] пригласил непосредственно куратора Коэнов подполковника Корешкова.[2]

— Александр Афанасьевич, — начал нахмуренный, строгий генерал, — прошу доложить, как адаптируются к новым условиям жизни ваши подопечные. Чем они недовольны, к чему стремятся, чем занимают себя и тому подобное.

Спокойный и немногословный Корешков ответил не сразу.

— Коэны — удивительные люди, — начал он после небольшой паузы, — Терпеливые, совестливые, разуверившиеся и в Боге, и в черте. И в то же время глубоко сохранившие веру в добро, в правду и справедливость. Очень скучают по Америке. Она им, зараза, до сих пор во сне снится. Причем они нисколько

не скрывают, что любят свою страну. Коэны заявляют, что если бы не воинственные настроения Пентагона и не его пропагандистские страсти о «холодной войне», то руководители наших стран могли бы вполне найти дорогу к миру. А то, что это возможно, США и СССР, говорят они, доказали в годы войны, когда шли вместе против фашизма. Со временем, убеждали меня Коэны, американцы и русские будут наверняка жить вместе в мире и работать рука об руку…

— Ну, хорошо, — прервал Корешкова генерал. Он еще больше нахмурился, когда его подчиненный заговорил чуть ли не о дружбе с Америкой, и глубокая складка надолго залегла на его высоком лбу. — А почему же все-таки Коэны недовольны жизнью в Москве?

— Прежде чем ответить на этот вопрос, товарищ генерал, я хотел бы дать ответ на ранее заданные вами вопросы: что делают и к чему стремятся? Так вот, они страшно недовольны, что теряют зря время в бессмысленной болтовне и ничегонеделании из месяца в месяц. Безделье и бездействие для них — сущее наказание. Моррис, чтобы занять себя, начал писать книгу. А Леонтина, так та вообще не может найти себе применения. Живем, говорит она, как узники: ни с кем не общаемся, в советских радиопередачах ничего не понимаем, слушаем и понимаем только классическую музыку…

— А книгу-то о чем пишет Моррис, вы хоть знаете?

— Да. Он хочет показать в ней на примере Америки, как некоторые люди теряют равновесие при резких поворотах истории: отказываются от своих взглядов и, скатываясь в лагерь реакции, становятся затем ренегатами и предателями интересов рабочего класса. Другие, наоборот, несмотря на крутизну таких поворотов, сплачиваются с товарищами по убеждению еще крепче и тому подобное…

— И все-таки на основной вопрос я так и не получил от вас ответа, Александр Афанасьевич.

— Извините, товарищ генерал, но я не понял вашего вопроса. Повторите его, если можно.

— Повторяю в третий раз: к чему они стремятся? Есть ли у них, например, какие-то планы на будущее? Кто знает, может, они намереваются уже возвратиться в Америку. Можете вы что-то об этом сказать?

— Конечно, могу! — воскликнул Корешков. — О своих дальних планах на будущее они мне, конечно, не говорят, а вот о желании и дальше работать в разведке все уши прожужжали. И я их прекрасно понимаю: без продолжения сотрудничества с нами Коэны не мыслят своей дальнейшей жизни. Участие в работе

советской разведки, как заявлял мне не раз Моррис, они считают своей прямой обязанностью.

— Это хорошо, что они так считают. Но если раньше их служение Лубянке было добровольным делом, то теперь оно станет, действительно, их обязанностью. От этого и жизнь их станет значительно труднее. Они понимают это?

— Думаю, что понимают, — коротко ответил Корешков.

Генерал Тишков сделал паузу, потом твердо произнес:

— Я считаю, что Коэны с их огромным профессиональным опытом, подходящим еще возрастом и крепким здоровьем вполне могут принести пользу нашей разведке и стране. Я поручаю вам выяснить отношение Коэнов к возможному направлению их за кордон на нелегальную работу. Если согласятся, то пусть предложат свои варианты вывода их за границу. Потом мы посмотрим, соглашаться или не соглашаться с их предложением. А пока я хочу, чтобы вы постоянно были с ними. Гуляйте вместе, ходите в кино. Если надо, пейте и ешьте с ними. Но они не должны оставаться одни…

Когда Корешков рассказал Коэнам о состоявшемся разговоре с руководителем нелегальной разведки, то Моррис осторожно заметил:

— Кажется, мы впервые за полгода почувствовали к себе деловой интерес. Или я ошибаюсь, мистер Денис?

— Совершенно верно. Если вы готовы поработать так же продуктивно, как раньше, в интересах нашей страны, то у нас есть для вас хорошее предложение…

— Какое именно? — подхватила Леонтина.

— Очень интересное. Перебраться за «железный занавес».

— О! Хорошо бы в Латинскую Америку. Поближе к Нью-Йорку, — пошутил Моррис.

— Нет, это исключается. Скорее всего, речь может идти об африканской стране.

— Все равно, мы согласны.

— Но тогда вам придется полностью поменять свои имена и фамилии и жить по фиктивным документам.

— Мы готовы на все. Если нужно, то готовы даже сделать пластическую операцию на лице, лишь бы поскорее приступить к делу, — поспешила заверить его Леонтина.

— А почему вы так легко идете на все это?

— Наверное, потому, что разведка для нас — это как героин для наркоманов. Мы теперь не мыслим без нее своей жизни, в ней мы познавали истинное воодушевление и великую преданность идее. Разведка для нас — это и путь к великому, и торжество великих свершений. В конце концов, это всегда выход на большую

самостоятельную дорогу, а не такое вот, как у нас сейчас, будничное существование.

Леонтина произнесла это безо всякой патетики, но в ее словах была спокойная сила духа, и питали эту силу ее личные убеждения и верность избранному в жизни пути…

* * *

Из справки подполковника Корешкова А. А., составленной им после беседы с Коэнами и приобщенной к делу № 13 676:

На их вопрос: почему так долго не предлагалось дальнейшее сотрудничество в интересах СССР — Коэнам было разъяснено, что разведка — это тоже своего рода искусство. Что в ней тоже могут возникать драматические ситуации, как в театральной жизни: есть хорошая пьеса, но нет талантливых исполнителей. Или наоборот: есть классные исполнители, но нет хорошей пьесы. Бывает в театре и так, что для талантливых исполнителей специально пишется пьеса. Вот так получилось и в разведке: есть Коэны, но нет для них хорошего дела, нет, так сказать, необходимого поля для красивой игры. Поэтому нам предстояло определить страну, в которой они могли бы принести наибольшую пользу в качестве нелегалов.

На следующий вопрос Леонтины: кто такие нелегалы — ей было объяснено, что это специально подготовленные лица, тайно проживающие по заданию разведки в той или иной стране по чужим установочным данным и соответствующим фиктивным документам. Что вместо реальной биографии они используют заранее подготовленную легенду,[3] а свою разведдеятельность осуществляют под прикрытием журналиста, художника или бизнесмена…»

На справке наложена резолюция заместителя председателя Комитета информации С. Савченко:

> «Прошу:
>
> 1) разработать и доложить подробный план подготовки «К»[4] к нелегальной работе в качестве связников-радистов, предусмотрев в нем комплекс мероприятий по легенде-биографии, отступной легенде[5] и легенде прикрытия;
>
> 2) через Марка[6] выяснить, интересовалось ли ФБР фактом исчезновения «К» из Нью-Йорка. Если что-либо известно ФБР об их местонахождении, то необходимо это учесть при обработке их легенд;

3) для подготовки «К» к работе за границей выделить наиболее грамотных сотрудников разведки;

4) с учетом опыта работы «К» в стране главного противника определиться, в каком регионе целесообразнее их использовать;

5) тщательно продумать вопросы документации «К», определения гражданства и их псевдонимов.

24.0351 г.».

Через два дня по радиоканалу на имя Марка был направлен запрос в отношении Коэнов. В поступившей через некоторое время в Центр радиограмме от Марка говорилось;

Сов. секретно.
Экз. единств.

На № 287/34 от 26.0351 г.

Исчезновением Другарей неоднократно интересовались у родителей и родственников Луиса неизвестные лица. Они ссылались при этом на то, что якобы Луис очень нужен школе и отделу просвещения. Отец Другаря отвечал всем однотипно: около года назад сын с женой выехали в Канаду, обещали возвратиться домой через два-три месяца, однако по непонятным ему причинам они до сих пор не вернулись. Кроме того, отец сообщил, что квартира сына была кем-то опечатана в октябре прошлого года.

В последний раз исчезновением Луиса интересовались в феврале, что может свидетельствовать о том, что Другарей продолжают разыскивать по сей день.

Марк.

9.0451 г.

С учетом содержания радиограммы из Нью-Йорка в Москве начали шаг за шагом отрабатывать для Коэнов варианты легенд и определять страну их дальнейшего нелегального оседания. В это же время в Центре к работе в Англии готовился майор Бен — Конон Трофимович Молодый,[7] и поэтому руководством разведки было принято решение, что его связниками-радистами должны стать американцы Коэны. Не раскрывая их друг перед другом, Бен был представлен им под именем Арни как разведчик-нелегал, недавно возвратившийся из Канады, что соответствовало действительности. Непосредственное руководство их совместной

подготовкой было возложено на начальника отдела Виталия Григорьевича Павлова.[8] В начале июля 1951 года он коротко изложил Коэнам в присутствии специально выделенных для них двух наставников программу занятий на английском языке:

— Курс вашей подготовки будет состоять из двух частей, по три месяца каждая. Первая часть рассчитана на теоретическое изучение страноведения, истории дипломатии, английской архитектуры, живописи, культуры и так далее. После этого у вас будет короткий отдых. Вторая часть программы сориентирована на обработку профессиональных и практических навыков, необходимых для разведчика-нелегала. Вас будут обучать технике шифрования, тайнописи, фотодела, работе на радиопередатчике в условиях, предельно приближенных к оперативным, а также подбору мест для закладки тайников и умелому изъятию из них контейнеров с разведматериалами. Но прежде чем начать эти занятия, ваши непосредственные кураторы, — Павлов перевел взгляд на сидевших напротив Коэнов кадровых сотрудников разведки, — должны сегодня же выяснить, чем вы уже обладаете и в каком объеме. Они устроят вам своеобразный маленький экзамен. Итак, я представляю вам еще одного вашего шефа по имени Грей.[9] Он является заместителем начальника отдела. Хорошо знает Англию. Ну, а Денис[10] вам уже знаком. Можете обращаться к ним по любому вопросу…

Коэны изучающе посмотрели на молодого обаятельного Грея.

— Теперь что касается мер вашей безопасности, — жестко продолжал Павлов. — Запомните, никто из инструкторов не должен знать ваших настоящих имен и фамилий, а также ваших бывших кличек в Нью-Йорке. К занятиям вы приступаете с завтрашнего дня. Ровно в девять за вами заедет Грей…

Первый день обучения был посвящен изучению тайнописи, а второй и несколько последующих — изучению шифров. Это были радостные для Коэнов дни, когда осторожность в обращении с «учителями» постепенно сменялась растущей к ним привязанностью.

На заключительной стадии подготовки Коэны приступили к освоению своей основной работы за кордоном — на радиопередатчике. Когда они научились собирать и настраивать его в стационарных условиях, то после этого начались практические занятия: несколько дней подряд Моррис выезжал с инструктором под Нарофоминск, а Леонтина оставалась в Москве, чтобы переговариваться с ним по рации на расстоянии; они посылали друг другу открытым текстом учебные сигналы, различные «шифровки» и банальности, а затем для приобретения устойчивых навыков в их квартире между комнатами была

специально оборудована внутренняя радиосвязь…

* * *

Во время подготовки к нелегальной работе Коэны как-то сразу пришлись по душе Бену. По одному ему известным загадочным признакам он увидел в них воплощение британской сдержанности, интеллигентности и ответственного отношения к делу. Нравилось ему также то, что, несмотря на уже имевшийся опыт разведывательной деятельности, они с большим вниманием относились ко всему, чему их учили, что, не стесняясь, признавались в том, чего не знали и не умели. Бен в свою очередь тоже учился у них правильному произношению английских слов и оборотов, особенно названий тех лондонских улиц, которые читаются совсем не так, как пишутся.

Перед тем как выехать на работу за границу, начальник отдела подготовки нелегалов Павлов вместе с Денисом и Греем решили обсудить с Коэнами их легенды-биографии.

— А мне всегда казалось, что все детали легенд-биографий давно уже выстроены вами, — заметил улыбающийся Моррис.

— Да, мы длительное время корпели над их разработкой, — подтвердил Павлов. — И тем не менее мне поручено согласовать все с вами. Кое-что, возможно, придется уточнить, что-то дополнить и тому подобное.

— Но нам хотелось бы сначала знать, в какую страну должны нас направить? Это же очень важно для легенды… Да нас, например, дошли недавно слухи, что нам уготована командировка то ли в Африку, то ли в Новую Зеландию.

На лицах сотрудников нелегальной разведки отразилось замешательство: от кого Коэны могли это узнать — такие вопросы до принятия окончательного решения всегда содержались в глубокой тайне.

— Да, рассматривались и эти страны, но это было давным-давно, чуть ли не год назад, — пояснил Павлов. — А сейчас мы будем вести речь о направлении вас в Англию…

Коэны страшно обрадовались, а Леонтина даже зааплодировала.

— Видно, Бог все же есть! — воскликнула она.

— Мы благодарны ему, что он так удачно распорядился нашей судьбой, — многозначительно добавил Моррис. — Англия — это не Африка и не Новая Зеландия. Слава богу, что нам не придется теперь перестраиваться…

— А вот с этим мы с вами не совсем согласны, — продолжал

Павлов на английском языке. — В Англии вам придется исполнять новые роли. В Лондоне вы будете жить и работать под другими именами, иметь свое коммерческое дело. Перед вами будут поставлены другие разведывательные задачи. Но давайте обо всем этом по порядку.

Павлов повернулся к сидевшему слева о него Денису и обратился к нему на русском языке:

— Будем ждать Степанова[11] или начнем обсуждение без него? Очевидно, он задерживается надолго.

— Да, начнем — ответил Денис.

— Итак, — Павлов снова перешел на английский и посмотрел сначала на Луиса, потом на Лесли, — перед вами будет поставлена задача исключительной важности и секретности. На настоящий момент о ней знают только присутствующие здесь мои товарищи и еще два человека. Один из них — руководитель нелегальной разведки Степанов, он должен вот-вот подъехать. Другой — тоже наш коллега, который готовит для вас документы прикрытия. Как ими пользоваться, вы пройдете у него отдельный инструктаж. Кстати, он встречался с вами в Мексике перед отправкой в Советский Союз…[12] В Англию вы поедете как новозеландские граждане под фамилией Крогеры. У Морриса будет имя Питер Джон, а у Леонтины — Хелен Джойс. Первые разработчики вашей легенды хотели заменить фамилию на Кроу, но кто-то из высокого начальства доказал, что Кроу больше подходит для немцев, чем для новозеландцев…

Заметив на лице Морриса явное недовольство, Павлов вежливо спросил:

— Вам что… не нравятся новые фамилии?

Питер[13] нахмурился и после небольшой паузы, с усилием сохраняя ровный тон, произнес:

— Я бы, конечно, предпочел другую, но что теперь поделаешь, коли все уже решено на самом высоком уровне. Даже документы уже изготавливаются под эту фамилию. Пусть остается все как есть, — махнул он рукой. — Жаль вот только, что не посоветовались об этом с нами раньше…

Возникла долгая неловкая пауза:

— Об изменении фамилий не может быть и речи, — вмешался Грей, — потому что все уже, действительно, санкционировано высшим руководством. Это во-первых. А во-вторых, в Новой Зеландии проживали настоящие Крогеры, причем именно с такими именами — Питер Джон и Хелен Джойс, что очень важно для легенды прикрытия.

Питер сумрачно посмотрел на Павлова и язвительно заметил:

— Ну, а зачем тогда вы говорили, что можно еще кое-что

поправить, дополнить и тому подобное?.. А впрочем, ладно… Крогеры — это тоже хорошо. — Он сделал вид, что успокоился, что вопрос уже решен, и, взяв с угла стола чистый лист бумаги, начал пробовать на нем подписываться новой фамилией.

— Подпись свою вы будете, господин Крогер, отрабатывать дома после того, как вас проинструктируют о правилах пользования новыми документами. А сейчас, — невозмутимо продолжал начальник отдела Павлов, — мы доведем до вас и обсудим вместе самое главное — ваши легенды-биографии. — Он взял со стола голубую папку с жирной красной буквой «К», обозначавшей их новую фамилию, раскрыл ее и, не заглядывая в нее, обратился к Питеру:

— По легенде Моррис у нас родился в Новой Зеландии. Отец его — уроженец Веллингтона, коммерсант. Мать тоже родилась там. В тысяча девятьсот тринадцатом году семья выехала в США, в Сиэтл. Вскоре отец открыл книжный магазин. До восемнадцати лет ты учился в школе, а затем работал вместе с ним в магазине. — Павлов все чаще стал посматривать в папку. — В тридцать седьмом ты познакомился с Хелен — воспитанницей католического колледжа в Нью-Йорке. Она иногда приезжала в Сиэтл к своей подруге по общежитию, и ты начал периодически встречаться с ней и вести переписку. Через два года вы оформили брак. Жили некоторое время у родителей Питера. В сорок первом умерла его мать, а где-то через пять лет — и отец. Питер стал единоличным наследником книготоргового дела, но через полгода он продал все это и уехал вместе с Хелен в Нью-Йорк, где впоследствии стал совладельцем небольшой книготорговой фирмы в районе Бронкса. В сорок восьмом заболела проживавшая в Канаде мачеха Хелен, и Крогеры, оформив семейный английский загранпаспорт, уехали в эту страну…

Леонтина начала торопливо делать записи. Глядя на нее, Павлов предупредил:

— Не надо ничего записывать. Вы будете подробно ознакомлены с легендой-биографией и обязаны знать ее как свои пять пальцев… В пятьдесят четвертом у Питера заболели ноги, поэтому вы вынуждены были продать все и уехать на лечение сначала в Италию, а оттуда в Австрию…

— Неплохо придумано, — одобрительно заметил Питер. — Ноги у меня после войны в Испании действительно побаливают.

— Легенда, Питер, никогда не должна быть чистым вымыслом, она всегда должна дополнять правду. А еще лучше ее ковать самому, не полагаясь ни на МИД, ни на наш Центр. Самому писать свой автопортрет, придумывать эпизоды из якобы взавправдашной жизни, окружая ее значительными и мелкими

деталями. Итак, пойдем дальше. — Павлов принялся перелистывать страницы папки «К». — После лечения на австрийском курорте в Альпах вы переезжаете в Лондон и начинаете там организовывать свое книготорговое дело… Вот, собственно, и все. К этому я хотел бы добавить только одно: никогда без надобности никому ничего не рассказывать о своей легенде. Никто от вас не ждет, что вы начнете распространяться о себе. Если будут задавать какие-то вопросы, тут уж играйте, как говорится, по слуху… Теперь, пожалуйста, вопросы.

Питер, заерзав на стуле, спросил:

— У меня один вопрос: Крогеры — это все-таки реальные или вымышленные люди?

— Разумеется, это реальные люди, выходцы из Новой Зеландии, но они погибли в годы войны. Если же спецслужбам удастся проверить и доказать, что вы не Крогеры, то вы переходите на отступную легенду. Называете свою настоящую фамилию и объясняете, что вы выехали из Нью-Йорка в пятидесятом году из боязни наказания за участие в деятельности Компартии США. Выезжать по американским документам было опасно, поэтому купили у одного из иностранных моряков мексиканские паспорта за тысячу долларов, затем на польском пароходе «Баторий» отбыли в Европу. Можете сказать — в Варшаву и что вы проживали там на улице Вавельска у Марии Пэтке.

— Это кто такая? Родственница Лоны, что ли? — поинтересовался Питер, — Пэтке — это же девичья фамилия Лоны?!

— Да, это ваша родственница. Но заменять ее будут наши люди. Теперь послушайте дальше. В Варшаве вы приняли польское гражданство, а в пятьдесят четвертом году купили у неизвестного польского еврея паспорта на имя Крогеров и уехали в Англию.

— Ну хорошо, с Питером все вроде бы ясно, — вмешалась Хелен. — У него теперь своя легенда-биография, а мне-то она разве не нужна?

— Ну как же так?! — всплеснул руками Павлов. — Вы у нас человек из легенды: доставка атомных секретов из Лос-Аламоса навсегда войдет в историю органов госбезопасности. — Он покопался в документах на столе и, отыскав листок бумаги с отпечатанным текстом, начал было читать, но в этот момент в гостиную вошел высокий улыбающийся шатен в черном, длинном пальто покроя реглан. Эго был Александр Михайлович Степанов. Окинув сидящих за столом проницательным взглядом, он разделся и после обмена рукопожатиями, обращаясь к Хелен,

спросил:

— Надеюсь, вас не слишком замучили?

— Да нет, все в порядке.

Павлов, пересев на другой стул, уступил свое место начальнику нелегальной разведки.

— Так на чем вы остановились? — поинтересовался тот, продолжая стоять чуть в стороне.

— Ознакомили Коэнов с их новыми именами и фамилиями и довели пока только до Морриса его легенду-биографию.

— Ну, хорошо. Продолжайте, Виталий Григорьевич, свой инструктаж.

Павлов пододвинул к себе голубую папку и, прежде чем начать деловую часть беседы, представил Крогерам Степанова в качестве начальника нелегальной разведки, затем поведал им о том, что Александр Михайлович накануне войны направлял из Берлина наиболее ценную и точную информацию о предстоящем нападении гитлеровцев на Советский Союз и что в мае 1945 года он принимал участие в процедуре подписания в Карлсхорсте акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Подполковник Корешков, который с приходом Степанова сразу же исчез из-за стола, вернулся с подносом, на котором стояли стаканы, вазочка с кусковым сахаром, тарелка с бубликами и белый чайник с заваркой. Затем он принес и поставил на стол старый медный самовар и шесть подстаканников.

— Угощайтесь, пожалуйста, — Степанов разлил в стаканы заварку и, подставляя их под краник самовара, на русском языке добавил:

— А вы, Виталий Григорьевич, можете продолжать. Не будем терять время.

Павлов кивнул.

— Итак, о Хелен Крогер. Родилась она в канадской провинции Альберта. Отец ее — мелкий торговец, мать — домохозяйка. В семь лет вы остались без матери. Овдовевший отец через год женился и переехал в Нью-Йорк, где открыл торговлю рыбными продуктами. Мачеха невзлюбила приемную дочь, и отец вынужден был отдать ее в католический колледж. И, как я уже говорил, вот тогда вы и познакомились с Питером. Через год вы вступили в брак и переехали к нему в Сиэтл. Затем все идет так же, как у Питера, — Италия, Австрия, Англия… Да, чуть не забыл: отец ваш вместе с мачехой вернулся потом в Канаду. Отец умер три года назад. Мачеха осталась одна, а потом куда-то уехала оттуда. Скорее всего, в Штаты. Вот и все. Детали проработает с вами Денис. Пожалуйста, вопросы.

Поправив прическу, Хелен повернулась к Степанову.

— Все это хорошо, конечно, но есть в наших биографиях одно уязвимое место… — Она сделала небольшую паузу.

Павлов насторожился: он был основным разработчиком легенд Крогеров.

— Я не представляю себе, — начала она, — что мы можем говорить, если нас просят, почему мы покинули курортные места австрийских Альп? И почему мы перебрались именно в Англию?

Начальник разведки едва заметно улыбнулся.

— Значит, так, ответ должен быть простым, естественным и убедительным. Во-первых, вы не владеете немецким языком, вам трудно устроиться на работу и общаться со своим окружением. Ну, а во-вторых, какая может быть книготорговля на курорте? Вот потому вы и решили уехать оттуда. Ну, а в Великобританию вас привел родной английский язык…

Питер с Хелен с удивлением переглянулись. Степанов заметил это и потому спросил:

— Вас не удовлетворяет такое объяснение? Пожалуйста, давайте обменяемся мнениями.

— Нет-нет, нас удивило не это, — извиняющимся тоном торопливо обронила Хелен, — Нас поразило полное совпадение наших точек зрения на возможное занятие Моррисом книготорговым бизнесом в Англии. Дело в том, что Моррис больше всего на свете любит книги. Он может днями читать их, переписываться с другими книголюбами и обмениваться с ними литературой. К тому же у него уже есть опыт коммерческой деятельности. До войны Моррис работал в Амторге. Да и по его легенде легко угадывается именно этот вид бизнеса…

Степанов снова добродушно улыбнулся.

— Вы правильно подметили, что прикрытие Питера исходит из самой легенды-биографии. Вот мы и поговорим об этом сейчас. Книги — товар весьма удобный, я бы сказал, портативный, не требующий много места для хранения и какого-то особого ухода при его транспортировке. Для торговли ими легче арендовать помещение под небольшой магазин. Для книготорговли вообще нет необходимости иметь много служащих: от силы два-три человека. Двое уже есть — Питер и Хелен. К тому же этот вид бизнеса ведется круглый год. И что особенно важно — это простота товарного и денежного обращения. На первой стадии организации книготоргового бизнеса требуется незначительный ассортимент букинистической литературы, на ее покупку хватит пяти-шести тысяч фунтов стерлингов… Вот, пожалуй, и все мои аргументы…

Подумав секунду-другую, он вспомнил:

— А впрочем, нет, есть еще, вытекающие из главных целей вашей командировки. Вы уже сказали им о них? — Степанов повернулся к начальнику отдела Павлову.

— Нет, не успели, — быстро ответил тот.

Как бывший разведчик-нелегал, Степанов единственный из руководителей I Главного Управления МГБ мог опираться в своих рекомендациях на богатый личный опыт. Поэтому его советы и распоряжения всегда являлись убедительными, реальными и точными.

— Главными задачами вашей поездки в Англию и оседания там на длительное время являются… — Он пригладил ладонью волнистые темные волосы. — Первое: купить дом в пригороде Лондона и оборудовать в нем радиоквартиру. Второе: арендовать помещение, желательно в центре города, для книготорговли. Третье: открыть финансовые счета сначала в лондонском, а потом и в швейцарском банках. Эти первые три задачи должны обеспечить вашу легализацию. Затем начнутся проблемы чисто производственного характера. Ваша основная цель — стать надежными, оперативными помощниками нелегального резидента в Лондоне. Он прибудет туда месяца на два-три позже вас. К тому времени вы должны пройти первую стадию легализации…

— Это еще что такое? — нетерпеливо спросила Хелен.

— Это первоначальное устройство на временное жительство, реально сделанные шаги по организации собственного дела. Я полагаю, в ближайшие дни вас познакомят с детальным планом легализации, в котором будет указано, что необходимо вам сделать на первой и второй ее стадии. А сейчас мы давайте попробуем обозначить только главные задачи и наметить пути их выполнения.

Степанов никогда не «давил» своим авторитетом. Он обладал поразительным чутьем угадывать способности людей и умением внимательно выслушивать иную, не совпадающую с его собственной точку зрения.

— Поскольку вы в Англии будете выполнять не только главную роль радистов, но и курьеров нелегального резидента, его связников, — продолжал Степанов, — то и с этой точки зрения ваше прикрытие книготорговцев весьма удобно. В поисках клиентов и закупки для них заказной литературы у вас будет возможность встречаться с нужными нам людьми и иметь законное право ездить в другие европейские страны. Такого рода поездки Питера, как правило, будут совпадать с интересами нашей разведработы и не вызывать ни у кого подозрений. Курьер-нелегал должен всегда иметь возможность свободно

передвигаться и обладать большими связями в Европе…

— Господи! Наконец-то у нас будет настоящая работа! — вырвалось у Хелен.

Почесав подбородок, Степанов сделал паузу и, не глядя на Хелен, снова заговорил, повысив голос:

— Но прошу иметь в виду: ваше прикрытие должно быть не только надежным, но и рентабельным, иначе оно может вызвать подозрения. Это мне знакомо по своему опыту работы. Деловой престиж такого круга людей можно и нужно зарабатывать только с банковским счетом. Поэтому в бизнесе надо быть в меру осторожным и в то же время достаточно дерзким и хитроумным. Особенно во взаимоотношениях с финансово-налоговыми органами. Да и вообще, я вам скажу, новоявленные бизнесмены-богачи в любой стране вызывают к себе подозрение. Человек, неизвестно откуда свалившийся на Землю с мешком фунтов, всегда будет привлекать внимание коммерсантов и предпринимателей. Этому человеку никогда не откроют текущий счет в банке и не вручат чековую книжку, если он не докажет, что это его капитал несомнительного происхождения…

Степанов сделал паузу, и ею сразу же воспользовался Питер Крогер:

— Я прекрасно знаю, что бизнесмен с банковским счетом — это солидный человек, заслуживающий доверия. Но если вы знакомились с моим досье, то не могли не обратить внимания на то, что мой отец имел в Нью-Йорке торговую лавку. Да и по легенде-биографии у нас был собственный книжный магазин. А посему вы можете быть спокойны и уверены: в случае больших или малых подозрений новоявленный богач Питер Крогер может смело заявить английским финансовым властям, что его капитал — это отцовское наследство.

— Но я полагаю, что мистер Моррис со мной согласится в том, что в нелегальной разведке вид торговой деятельности — не самоцель, а лишь средство обеспечения условий для легализации. И прежде всего — для получения официальных документов на право проживания в другой стране…

— Кстати, о документах, — вставил Павлов. — По легенде у вас будут канадские и еще резервные паспорта. По ним вы сможете периодически выезжать из Англии в другие страны. Такие поездки необходимы для встреч с нашими курьерами и с агентурой, с которой нельзя контактировать в Лондоне. Условия связи с ними, места встреч мы будем сообщать вам по радиоканалу или через тайник…

Крогеры обрадованно переглянулись.

— А что… срок нашего отъезда в Англию уже определен? —

поинтересовался Питер.

— Нет еще. Осталось только отдокументировать.[14] Возни с этим будет много, но мы попросим Павла Георгиевича[15] ускорить это дело. Специалист по подделке он хороший, работает надежно, но надо побыстрее обеспечить его всеми данными на Крогеров. Это, — Степанов повернулся к Павлову, — будет зависеть лично от вашей расторопности. Теперь меня интересует, как будет происходить процесс обмена канадских паспортов на подлинные английские. У любого поддельного документа есть свой предел. Один телефонный звонок МИ-5[16] в Оттаву своим коллегам — и лучшая в мире подделка превращается в мыльный пузырь. А вообще-то разведчик-нелегал чувствует себя намного спокойнее, когда у него настоящие документы…

— Мы согласны с вами, — заметила Хелен, — но я не понимаю: при чем тут МИ-5. По закону от тысяча девятьсот сорок восьмого года о гражданстве Великобритании Питер, как уроженец одного из ее доминионов, имеет вполне законное право на британское подданство. Я, как его супруга, тоже имею такое право. А если учесть, что по легенде Хелен Крогер уроженка бывшего доминиона Англии — а шесть лет назад Канада ведь была доминионом, — то, выходит дело, она вдвойне имеет это право!

— Все верно! — согласился Павлов. — С учетом именно этих обстоятельств и формировалась легенда-биография. Знали мы и то, что акцию по обмену вашего семейного паспорта можно провести в Париже в находящейся там новозеландской миссии. Но есть одно «но», из-за которого у нас возникают опасения. Дело в том, что МИ-5 в случае малейших подозрений может проверить в новозеландской миссии, на каком основании Питер и Хелен получили отдельные паспорта. И если контрразведка наткнется на ваш фиктивный семейный паспорт, то сами знаете, что будет. Ей стоит только зацепиться, а там уж она так раскрутит дело…

— Смею вас заверить, ничего этого не будет, — перебил его Питер, — Старые документы никогда не изымаются, они всегда возвращаются заявителям. Это я точно знаю.

— Ну, тогда это меняет положение дела, — снова вступил в разговор Степанов. — Но надо сначала перепроверить это, а уж потом принимать решение.

— А как вы можете перепроверить? — спросила Хелен.

— Командируем в Париж нашего сотрудника или выясним через местную резидентуру.

— А может, не надо этого делать? — снова заметила Хелен, — Может, мы сами попробуем через миссию выяснить условия обмена? Скажем, в связи с истечением срока действия

документов… Кстати, когда он истекает?

— Через четыре месяца, — ответил Павлов.

— Хе!

— Самое время направить туда письмо.

— И сделать это надо из Австрии, — пояснил Павлов. — Кстати, оттуда вы и полетите в Лондон, а до этого вам надо там освоиться. Значит, так: через недельку я сам съезжу туда для разведки, а потом вы отправитесь в курортный городок Земмеринг, устроитесь там на лечение и начнете переписку с миссией.

— А если из миссии придет ответ с указанием явиться лично? — забеспокоился Питер.

— В таком случае вы сообщите, что выехать в Париж не можете из-за болезни.

— На мой взгляд, это вполне логично, — одобрила Хелен.

— Тогда завтра, — Степанов перешел на русский язык, обращаясь к Павлову, — готовьте им все нужные документы для командировки в Австрию и сразу для Англии. Все детали их легенды и линии поведения мы потом еще раз с ними проработаем. А пока пусть они привыкают к своим именам и фамилиям. И пусть ваши товарищи сразу же начинают разрабатывать их родственные связи по Польше.

— Само собой, — согласился Павлов.

* * *

Документы, касающиеся предстоящей поездки Крогеров в Австрию и Англию, были утверждены начальником внешней разведки. Этими документами и открывается одиннадцатый том дела № 13 676, которому было присвоено условное название «Дачники». В подшитой в нем шифротелеграмме из Парижа сообщалось:

> Нами установлено, что после выдачи в новозеландской миссии паспортов все материалы, подтверждающие личность заявителя, его семейное и имущественное положение, возвращаются обратно. Для получения паспортов приезд в миссию необязателен.
>
> Документы могут быть высланы по почте с соответствующей мотивировкой невозможности личного приезда заявителей и указания цели обмена.
>
> *Огнев К.*

16 ноября 1953 года.

В отдельном конверте к делу приобщены направленные в новозеландскую миссию и впоследствии возвращенные Крогерам документы. На одном из них наложена резолюция с неразборчивой надписью: «Прошу срочно подготовить рапорт на вывод «К» (Крогеров. — *В. Ч.)* в Англию».

Подпись на документе неразборчива.

А еще через некоторое время в деле «Дачников» появился новый документ:

Сов. секретно.
Экз. единств.

Председателю КГБ при СМ СССР генерал-полковнику т. Серову И. А.

РАПОРТ

Центром проведена работа по созданию нелегальной резидентуры «Бена» в Великобритании. В качестве ее оперативных работников намечаются «Дачники» — бывшие загранисточники «Луис» и «Лесли»:

Коэн Моррис, 1910 года рождения, уроженец США, американец, участник военных действий в Германии и Испании, в 1948 году закончил педагогический факультет при Колумбийском университете;

Коэн (Пэтке) Леонтина, 1913 года рождения, уроженка США, полька, вместе с мужем сотрудничает с разведкой с 1941 года.

Для оседания в Англии «Луис» и «Лесли» используют загранпаспорта, официально полученные ими в новозеландской миссии в Париже. Фиктивные документы возвращены из миссии и находятся в личном деле «Дачников». Вывод их в Великобританию предполагается осуществить из Австрии через Швейцарию.

Просим утвердить «Луиса» и «Лесли» в качестве оперативных работников нелегальной резидентуры «Бена» и санкционировать проведение намеченной комбинации по их выводу в Англию, где они будут выступать как новозеландские граждане — коммерсант Питер Крогер и домохозяйка Хелен Джойс Крогер.

И. о. начальника Первого главного управления А. М. Коротков

19 марта 1954 г.

На рапорте резолюция:

Вывод «К» за границу санкционирую.

И. А. Серов

22 марта 1954 года.

На другой день с Крогерами перед их отъездом за границу была проведена заключительная инструктивная беседа. В целях легализации в стране пребывания и организации прикрытия для ведения разведывательной работы в соответствии с планом агентурнооперативных мероприятий им было еще раз рекомендовано:

1. Купить дом в пригороде Лондона, в котором оборудовать радиоквартиру.

2. Арендовать помещение для книготорговли.

3. Открыть счета в швейцарском и лондонском банках.

4. Вести скромный образ жизни, проявлять осмотрительность в расходовании денежных средств.

5. Приобрести полноценные связи среди книготорговцев, установить с ними и с соседями по месту жительства дружественные отношения.

6. До встречи с руководителем нелегальной резидентуры[17] связь с Центром поддерживать путем почтовой переписки с использованием тайнописи. В случае крайней необходимости можно вызвать на связь сотрудника посольской резидентуры, для чего в любой из понедельников необходимо поставить сигнал с левой стороны входа в концертный зал «Квинс-холл». Явка должна состояться там же, но на следующий день в пять часов вечера.

Условия встречи формулировались так:

— Питер должен прогуливаться вместе с Хелен около «Квинс-холла» и курить трубку. В левом кармане его пальто — свернутая газета «Фигаро». Разведчик, который придет на явку, должен держать в руке журнал «Лайф» и первым назвать слова пароля: «По-моему, мы с вами встречались в Париже в мае прошлого года!» Ответ: «Нет, друг мой, в Париже мы не встречались, я в то время находился в Риме».

— В случае вызова вас на явку в Париж встреча должна состояться у выхода из станции метро «Пирамид». Условия связи точно такие же, как в Лондоне.

Из воспоминаний Леонтины Коэн

Перед тем как отправиться в Лондон, мы несколько недель жили под видом новозеландских туристов в Швейцарии. В этой стране нам необходимо было познакомиться с организацией банковского дела и наладить контакты с влиятельными людьми, чтобы заручиться их рекомендациями для открытия собственного текущего счета. С этой целью мы завели несколько полезных контактов и договорились в дальнейшем поддерживать почтовую связь.

В Лондон прилетели под самый Новый год, устроились в гостинице на Пикадилли и в тот же вечер заказали в ресторане «Лайонс» новогодний ужин…

Сразу после рождественских праздников началось изучение города, а потом пошли серые будни выполнения задания — поиски помещения для организации бизнеса и квартиры для жилья. На быстрый успех мы, конечно, не рассчитывали, так как знали, что англичане редко идут на сближение с иностранцами. От общения с лондонцами мы с первых дней испытывали какое-то двойственное чувство: что-то нам нравилось, другое вызывало недоумение и даже раздражение. Мы, американцы, привыкли бурно проявлять свои чувства, а они — нет, они страшно замкнуты и хладнокровны. Дальше слов «здравствуй» и «прощай», «хорошая погода сегодня» дело никак не шло. Уж, казалось бы, на что просты и ясны слова «да» и «нет», однако у англичан они почти неопределенные обтекаемые выражения — «по-видимому», «пожалуй», «мне кажется». У нас в Америке в праздничные дни всегда все двери открыты настежь, люди веселятся всюду, а в Лондоне в такие дни улицы словно вымирают, каждый англичанин веселится в кругу семьи, по принципу: мой дом — моя крепость. Если говорят, что чужая душа — потемки, то душа британца — сплошной мрак Оставалось только набраться терпения и уповать на «его величество случай», который нам пришлось заранее готовить и ждать.

Более-менее сносные отношения мы установили лишь в конце зимы с одним клерком, которого удалось разговорить благодаря единственно откровенному предмету беседы у англичан — о подступавшей весенней погоде. Именно она позволила «сломать зимний лед» замкнутости, завязать с клерком знакомство и через некоторое время узнать от него адрес фирмы, занимавшейся обменом жилья и сдачей квартир в аренду. Десять дней я ездила в эту фирму в надежде найти то, что нужно, и только на одиннадцатый день мне предложили коттедж в районе Кэтфорда,

в тридцати километрах от Лондона. Его хозяин-профессор уезжал на год со всей семьей в США, где ему предстояло пройти стажировку в Корнеллском университете.

Решив одну задачу, мы приступили к выполнению другой — подготовке условий для вхождения в книжный бизнес, то есть к осуществлению первого этапа легализации. Для этого надо было сначала подобрать помещение под торговый зал. Вот тогда-то и пришлось мне походить по неведомому Старому Свету и убедиться воочию, а не по проштудированным в Москве десяткам книг об Англии, что Лондон — это действительно, как выразился Бенджамин Дизраэли, целая страна, а не просто город. Два месяца поисков оказались не напрасными: в конце концов мне удалось найти очень удобное помещение для развертывания нашего дела. Причем в самом центре города, близ знаменитой Трафальгарской площади. Речь идет о Стрэнде. Именно на этой улице, по соседству с Лондонской школой экономики и старинным зданием Лоу Корте, в котором располагались гражданский суд и адвокатура, мы взяли в аренду помещение под букинистический магазин. Что и говорить, лучшего места и желать было не надо!

* * *

Март 1955 года. В Центр поступил меморандум из Берна:

> «На наш почтовый ящик пришло письмо с лондонским штемпелем. Условный текст письма свидетельствует о том, что «Дачники» приступили к выполнению первого этапа легализации».

На меморандум наложена резолюция красным карандашом с неразборчивой подписью:

> «Для оказания практической помощи «Д» в организации коммерческого дела прошу командировать в Париж для встречи с ними тов. Перфильева К. Т.[18]».

Прежде чем Бену выехать в Париж, в Лондон был срочно направлен специальный курьер. В его задачу входило: заложить материалы в заранее подобранный легальной резидентурой тайник и возвратиться обратно. Как только он это сделал, Крогерам по другим каналам была доведена информация о необходимости в тот же день, в определенный час, обработать тайник за решеткой вентиляционного канала в мужском туалете

кинотеатра «Одеон».

Зимние улицы Лондона в тот день мокли под холодным нудным дождем. Дул ледяной мартовский ветер. Подняв воротник плаща и застегнув верхнюю пуговицу, Питер выпрыгнул из автобуса на остановке Юстон-роуд, свернул на тихую Уоррен-стрит и, миновав ее, направился в сторону Лестер-сквера. Иногда он останавливался у витрин лавок и магазинов, чтобы установить, нет ли слежки. Не обнаружив ничего подозрительного, Питер спокойно, как ни в чем не бывало, направился к мрачной глыбе киногиганта со светящимися буквами «Одеон». Делая вид, что знакомится с его афишами, Питер еще раз проверился и, окончательно убедившись, что «хвоста» за собой не привел, купил билет в кино и вошел в холл. В условном месте увидел приколотую канцелярскую кнопку: она была именно того цвета, какого ей и надлежало быть. Обрадованный тем, что линия связи Москва — Лондон заработала, он прошел в кинотеатр, посидел минут двадцать, затем поднялся и, объявив, что фильм ему не понравился, со словами «чушь собачья», стал пробираться к выходу.

Выйдя из кинозала, Питер скорым шагом прошел к месту расположения тайника. Там тоже никого не было. Поэтому безо всяких предосторожностей он просунул руку в отверстие за решеткой вентиляционного канала, нащупал упаковку в целлофановой обертке, быстро извлек ее оттуда и, положив за пазуху, вышел в холл, а затем на улицу.

Питер был уверен, что за ним слежки не было. Но кто знает, возможно, наблюдение велось за курьером из Центра и теперь продолжает вестись и за ним, но более конспиративно, поэтому он вновь сосредоточился.

Тщательно проверяясь, Питер еще около часа бродил по мокрым улицам Лондона. Изрядно промокнув и продрогнув на ледяном ветру, он поставил в условном месте сигнал об изъятии тайника и лишь после того покинул центр города. Вернувшись домой, он развернул целлофановый сверток и удивился: в нем лежало большое кожаное портмоне бельгийского производства. Питер усомнился — ему ли предназначался этот сверток, поскольку в кармашках портмоне ничего не было. Тогда он распорол его с помощью ножа и извлек два совершенно новых канадских паспорта: один на имя Джеймса Цилсона со своей фотографией, другой на имя Джейн Смит с фотографией Хелен. В одном из паспортов была небольшая записка. В ней говорилось:

«Не забудьте поставить в паспортах личные подписи под фотокарточками; в случае выезда из Англии на

Европейский континент переходите на резервные канадские паспорта. Самолетом пользоваться не рекомендуем: лучше всего плыть пароходом до Бельгии, а затем к месту назначения поездом…»

Среди других указаний было и такое: десятого апреля Крогерам необходимо выйти на связь в Париже у станции метро «Пирамид» с прибывающим из Центра связником. В словах пароля, который он должен назвать первым, вместо ключевого слова «Париж» должно стоять слово «Варшава».

Познакомив Хелен с поступившими из Москвы резервными паспортами и с содержанием записки, Питер решил, что в оставшиеся до встречи с представителем Центра полтора месяца необходимо все свои усилия направить на организацию коммерческого дела, чтобы можно было чем-то отчитаться за свою работу. Хелен согласилась с решением мужа. Пользуясь своим обаянием и изворотливым умом, она сумела за это время установить деловые отношения с семьей служителя церкви Святого Клемента и с его помощью получить церковный документ о благонадежности и рекомендацию, необходимую для обращения в крупнейший банк Великобритании — «Барклайз». Глава семьи — церковнослужитель познакомил ее с менеджером банка, и тот разрешил Крогерам пользоваться услугами его филиала на Стрэнде, расположенного рядом с создаваемой ими фирмой «Эдип и Медея». Он же помог им подобрать адвоката, хорошо знающего налоговую систему Англии, и бухгалтера для ведения финансовых дел.

* * *

Прибыв в Париж десятого апреля, Крогеры поселились в маленькой гостинице на Опера де Пари. На другой день в назначенное время они вышли к станции метро «Пирамид». Ровно в пять, как предписывалось условиями связи, Питер начал раскуривать трубку, ожидая подхода курьера из Центра. Минуло пять, шесть, семь минут, однако никто не подходил к ним. В последний раз осмотревшись по сторонам, Питер нежданно-негаданно заметил фигуру знакомого человека, одетого в добротный темно-серый габардиновый плащ и такого же цвета ворсистую шляпу. Он ничем не выделялся из окружающих его людей и шел прямо на них, размахивая журналом «Лайф» в левой руке. Это был Конон Трофимович Молодый. От внезапности его появления у Питера мелькнула подозрительная мысль: «А вдруг

Арни не тот, за кого привыкли его считать в Центре? И появился он здесь, чтобы легче сдать нас тут, за пределами Советского Союза…» Его сомнения мгновенно рассеялись, когда Арни, широко улыбаясь и игнорируя все условности, заключил в объятия маленькую, хрупкую Хелен.

— Господи! Арни! Ты ли это? Вот уж никогда бы не подумала, что увижу тебя здесь! — удивилась она.

— Да я! Я, конечно!

Они снова обнимались и целовались, и вряд ли кто из видевших эту сцену мог подумать, что на их глазах встретились представители советской нелегальной разведки. Подобных рандеву на улицах Парижа ежедневно проходит десятки тысяч, а может быть, и больше. Встречаются влюбленные, приятели, просто знакомые, люди бизнеса и искусства. И эта встреча Бена и Хелен абсолютно ничем не выделялась из великого множества подобных свиданий.

Питер, глядя на Арни, удивлялся: у него типичная внешность разведчика. Типичная в том смысле, что она ничем особенно неприметна и что вообще он человек без особых примет. Все у него как бы среднее: и рост, и телосложение, и полнота… И даже красота — она тоже у него обычная. Впрочем, нет. Он очень обаятельный и приятный человек, который не любит яркой или броской одежды. Профессиональные навыки разведчика-нелегала заставляли его одеваться так, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Да и сама внешность Бена лишена была каких-либо примечательных национальных черт. Он легко мог сойти и за канадца, и за американца, равно как и за француза или даже немца.

Повернув к Питеру свое в меру загорелое, в меру обветренное, аккуратно выбритое округлое лицо, Бен, виновато улыбаясь и крепко пожимая его руку, обронил:

— Прости меня, Пит, я опоздал почти на десять минут.

Питер Крогер сокрушенно развел руками, — мол, что с тобой поделаешь, и, хотя нужды в обмене паролем уже не было, поскольку не могло быть и речи о такой цепи совпадений, как наличие журнала «Лайф» в левой руке, подход к точному месту и времени встречи, тем не менее он педантично (вот что значит оперативная дисциплина!) поступил в строгом соответствии с установленными правилами конспирации:

— Ты тоже меня извини, Арни, но порядок есть порядок: назови, пожалуйста, пароль, — А про себя опять невольно подумал: «Теперь-то я окончательно тебя проверю, поскольку в содержание пароля незадолго до этой встречи были внесены коррективы. Вместо ключевого слова «Париж» он должен мне

назвать Варшаву».

Хелен с укором посмотрела на мужа: зачем, мол, пароль!

— Все правильно, Пит. Личная безопасность превыше всего, — с подкупающим добродушием проговорил Бен. — Ну что ж… Пароль так пароль: «По-моему, мы встречались с вами в Варшаве в мае прошлого года?»

— Нет, мой друг, в Варшаве мы не встречались, я в это время находился в Риме, — ответил довольный Питер.

— А где же, Пит, твоя курительная трубка? — засмеялся Бен. — По условиям встречи, насколько я помню, она должна дымиться…

— Пока я ждал твоего прихода, она успела уже погаснуть. А ровно в пять она курилась как вулкан.

— Прекрасно! Я думаю, теперь мы с тобой квиты. А сейчас, если не возражаете, мы пройдем на бульвар Сен-Мишель и посидим в знакомом мне кафе «Бульмиш».

— С удовольствием! — воскликнула Хелен и, взяв Бена под руку, спросила: — Скажи нам, Арни, с кем мы теперь будем работать?

На лице Бена появилась лукавая улыбка:

— С одним канадцем. В кавычках, конечно. Я думаю, вы с ним сработаетесь.

— А как его зовут? Может, мы знаем его?

— Гордон Лонсдейл! Известен вам такой?

— Нет.

Бен имел разрешение сообщить Крогерам о своем назначении на работу в Англию в качестве руководителя нелегальной резидентурой, но решил до поры до времени об этом не говорить.

— Послушай, Арни, а почему бы тебе не поехать в Лондон? — спросила вдруг Хелен. — Вот было бы здорово, а!.. Хочешь, мы с Бобзи попросим Центр, чтобы они тебя прислали к нам?

— Если уж вам пришло такое фантастическое желание поработать под моим началом, то я со своей стороны передам это моему непосредственному руководству. Чем черт не шутит, может, оно и в самом деле внимательно рассмотрит вашу просьбу… Вот только климатические условия у вас не очень… Да и англичане не слишком мне импонируют. Я больше люблю американцев…

— Мне тоже эти сэры и лорды не нравятся, — заметил Питер. — Все они какие-то чопорные… Холодные. Особенно с нами, иностранцами. Первые два-три месяца я еще как-то сохранял хладнокровие при общении с ними, а сейчас… Иногда мне кажется, что я решительно не подхожу для этой страны.

— Я понимаю тебя, Пит, — спокойно ответил Бен, — Первые

месяцы проживания в незнакомой стране всегда бывают самыми тяжелыми. Это период адаптации, поверь мне. Потом все войдет в свою колею. Ну, а что касается холодности англичан, то на это у них есть свои причины. Островное положение Великобритании, ее оторванность от других стран мира давно уже наложили отпечаток на психологию англичан. Национальные черты характера, выработанные ими на протяжении многих столетий, в отличие от меняющегося облика страны в материальном и духовном отношении, остаются прежними.

— Надо просто-напросто не обращать внимания на их странности и почаще напоминать им, что мы родом из Канады, — подчеркнула Хелен. — Это, я заметила, помогает сломать ледок недоверия со стороны соседей и установить с ними нормальные взаимоотношения.

— Да, британцы всегда неплохо относились к канадцам, — согласился Бен и, почувствовав затылком, что Питер отстал от них, обернулся. — Что там у тебя случилось, Пит?

— Как видишь, заправляю трубку табаком, — ответил тот.

Прикурив, он догнал Бена и Хелен и, поравнявшись с ними, ворчливо обронил:

— Я иногда думаю, что, наверно, было бы лучше, если бы нас оставили работать в той же, скажем, Канаде или в какой-нибудь латиноамериканской стране. Вся беда в том, что не мы выбираем, а нас выби…

— Перестань, Бобзи, скулить! — оборвала его на полуслове Хелен. — Опять ты за свое?

— Ну зачем же так, Лона?! — остановил ее Бен. — Пусть человек говорит о наболевшем.

— Мне надоело его нытье. Между прочим, это все идет у него от ностальгии. Он почему-то в последнее время сильно скучает по своему отцу. Свихнуться можно…

— Ну, а по кому же ему еще скучать? — заступился за Питера Бен. — Мать у него умерла, поэтому, вполне естественно, он беспокоится об отце. Могу заверить тебя, Пит, мы тоже не забываем о нем. По указанию руководства Центра его ежемесячно навещает небезызвестный тебе Марк Он сообщает, что твой отец чувствует себя нормально. Ему известно, что у вас все в порядке, что вы находитесь теперь в полной безопасности. От вашего имени ему ежемесячно помогают деньгами.

Рассказывая об этом Питеру, Бен проявлял по отношению к нему немалый такт: не желая волновать его, он умолчал о том, что сотрудники американского ФБР давно пытаются через родственников узнать, где находятся Коэны. Прибегая к различным уловкам и ухищрениям, они не давали покоя и его

отцу.

Интуитивно чувствуя, что Бен что-то недоговаривает, Питер все больше начинал мрачнеть, погружаясь уже в который раз в хаос неясных, неотвязных мыслей об отце. Впрочем, Питеру была присуща в некоторой степени сентиментальность, и долгая разлука с отцом только усилила его и без того глубокую привязанность к Америке. С жадностью, острой болью и тоской перебирал он свои воспоминания о Колумбийском университете и небоскребах Манхэттена, о хорошо знакомых местах в устье реки Гудзон и золотых пляжах у Нью-Йорка, и грезилось ему, как он бродит по ним и лицо его освежает порывистый ветер Атлантики, разглаживая морщины…

Наступившее молчание Питера не укрылось от Бена, и, поняв состояние его души, он дружески обнял его за плечи, несколько секунд разглядывая его, потом сказал:

— Не беспокойся, Пит, с отцом твоим все будет хорошо.

Бен заметил, как на лице Питера что-то мелькнуло, взгляд его стал вдруг сосредоточенным, и он сухо, словно боясь, чтобы кто-то из проходящих не мог услышать его, произнес:.

— Скажи, Арни, могу ли я передать через Марка письмо для отца и получить потом от него собственноручный ответ?

Бен уловил в его словах большую тревогу и страх за отца и потому решил ему помочь:

— Хорошо, Пит, давай поступим так: ты подготовь заранее письмо, но без указания адреса на конверте. А в следующий раз, когда в Лондон приедет курьер, мы передадим с ним твое послание…

Питер на ходу благодарно пожал ему руку и полушепотом обронил:

— Спасибо тебе, Арни.

Тут они подошли к входу в кафе «Бульмиш».

— Поднимемся на второй этаж, там намного уютнее, а главное, безопаснее, — предупредил Бен.

Раздевшись, они прошли в зал и остановились у окна, из которого открывался вид на собор Нотр-Дам. Полюбовавшись этим прекрасным видом, они сели за один из столиков. Столики стояли достаточно далеко друг от друга, так что можно было спокойно разговаривать, не привлекая к себе чужого внимания. Сделав заказ, они приступили к обсуждению деловых вопросов. Хелен рассказала о своем знакомстве со священнослужителем из церкви Святого Клемента и с менеджером банка «Барклайз», сообщила, что им удалось недавно взять в аренду помещение на Стрэнде для книжной торговли и что сейчас там полным ходом идет ремонт.

— Но на все это у нас уходит слишком много денег, — заключила она. — Так много, что мы можем скоро оказаться в долговой яме.

— А вот это уже плохо! — с упреком бросил Бен. — Попадать в долговую яму нежелательно. В глазах англичан вы должны выглядеть состоятельными людьми, а не должниками. Иначе это сразу снизит ваши акции в книжном бизнесе.

— Но ты пойми нас, Арни: у нас не было и нет иного выхода, как идти на расходы…

— Как нет? — не дал ей договорить Бен, глядя теперь уже на Питера. — А швейцарский банк? У вас же там есть свой счет!

Хелен и Питер переглянулись.

— Мы помним об этом, но брать деньги оттуда не собирались и не собираемся, — отпарировал Питер.

— Почему? — Глядя на Питера, Бен неожиданно для себя заметил появление на его волевом, всегда спокойном лице много новых морщин. «Да, — подумал он, — видимо, нелегко тебе дается нелегальная работа в незнакомой стране! Но ты-то хоть американец!.. И английский — твой родной язык… А каково нашим российским ребятам?!»

Кто-кто, а Бен знал, что такое нелегальная работа: это ни дня не ведать спокойного сна, ни на миг не расслабляться, постоянно чувствовать опасность и испытывать острую жалость к себе, когда приходится сознательно укрощать свои спонтанные порывы и желание снять напряжение будней…

— Видишь ли, Арни, — прервал его размышления Питер, — человек, имеющий банковский счет, — это уже солидный человек, заслуживающий доверия и уважения. Счет в банке определяет мое положение в книготорговле, а если я начну его расходовать направо и налево, то, извини меня, я могу остаться без собственного счета. И тогда прощай вся моя состоятельность, потому что весть о финансовом крахе мгновенно разлетится по всему Лондону.

— И большая сумма вам нужна сейчас? — спросил Бен.

— Я должен подумать.

— А чего тут думать-то? — удивленно подняла плечи Хелен. — Думай не думай, все равно, как говорят у вас в России, сто рублей не деньги. Поэтому надо иметь в виду: чем больше, тем лучше. Все равно со временем деньги снова нам потребуются.

— И все же, сколько вам нужно сейчас?

— Фунтов триста — четыреста. Столько у нас на руках должно быть каждый месяц, пока мы не начнем сами получать прибыль, — ответил Питер.

— М-да, большая сумма, ничего не скажешь, — кисло

поморщился Бен. — Хорошо, деньги будут. Какие еще у вас есть проблемы?

— Пойми нас правильно, Арни, — с некоторым смущением заговорил Питер, — первые шаги в коммерческом деле оказались намного неуверенее, чем мы ожидали… Да, я любил и люблю книги, разбираюсь неплохо в иностранной литературе, но я никогда не относился в ним как к товару, как к средству заработать себе на жизнь. А лондонские книготорговцы смотрят на литературу именно так! Это весьма опытные люди. И, как я заметил, ко мне они относятся несколько настороженно, предполагая, что я могу в скором времени составить им конкуренцию. А по существу это не так. Мы, если говорить откровенно, еще не дозрели для того, чтобы конкурировать с ними. Мы еще «зеленые». И вообще не представляю, получится ли что у нас с этим делом?

Слова Питера ошеломили Бена: только этого еще не хватало, чтобы завалить «легенду», которая им рекомендовалась.

— Не надо, Пит, впадать в отчаяние. Удача, видимо, временно отвернулась от вас, что со всяким может случиться. Но в отличие от других неудачников вы ничего не теряете. Для вас главное не преуспевание в бизнесе, а создание условий для полной легализации. Прикрытие книготорговцев вам нужно для того, чтобы вы имели хорошие возможности для разъездов по Англии и выездов на континент. Давайте лучше поговорим о том, что надо сделать, чтобы тебе, Пит, не быть «зеленым» среди лондонских книготорговцев. По внешнему облику ты уже близок к ним. Вид у тебя респектабельный, да и выражение лица как у натурального английского коммерсанта. Это факт.

Хелен громко засмеялась:

— Ты преувеличиваешь, Арни. Вот если бы Бобзи не был таким добрым и мягким, то мы бы, пожалуй, действительно ни в чем не уступали бы этим британцам.

Бен улыбнулся.

— Я уверен, что со временем вы и не уступите им, надо только «дозреть» вам немного. А чтобы не засидеться в «зеленых», надо как можно быстрее закрепиться среди местных бизнесменов. Я имею в виду — смелее знакомиться с ними, поддерживать с некоторыми из них дружеские отношения, бывать на книжных аукционах, консультироваться по вопросам изменения ценовой политики в книжном мире, по организации рекламы и тому подобное. Влиятельные, хорошо информированные в бизнесе друзья или просто знакомые могут стать для вас самым ценным капиталом — это я по себе знаю. А то, что вас немного побаиваются местные книготорговцы, это нормально. Бизнес есть

бизнес, и у него всегда были свои законы. Надо просто знать их. В мире бизнеса наибольшее доверие вызывает тот, кто слывет тружеником, кто экономно ведет свои дела, а не околачивается на ипподромах и в казино.

Хелен взглянула на мужа:

— Бобзи это не грозит. Он никогда не позволит себе вести подобную жизнь. Бобзи действует всегда… — Она не договорила, увидев подходившего к ним молодого «патрона» с подносом в руках.

— А вот и мы с «петухом в вине»! — воскликнул он и начал составлять закуски с подноса.

Водрузив в центре стола большое фирменное блюдо, источавшее изысканные ароматы французской кухни, он пожелал всем приятного аппетита и удалился к стойке бара.

— А теперь, друзья мои, — воспрянул духом Бен, — приступим к трапезе. «Патрон» должен убедиться, что перед ним истинные гурманы. И если полиция поинтересуется у него когда-нибудь, о чем вели разговор за этим столиком, он и через много дней должен ответить: «Эти господа не разговаривали — они ужинали!»

Когда «патрон» принес кофе и отошел от стола, Бен снова вернулся к деловой части беседы, порекомендовав Питеру посещать почаще книжные аукционы не только в Лондоне, но и в других европейских странах, совмещая эти поездки с выполнением операций по связи с советской разведкой.

Выйдя из кафе, они направились к набережной Сены. Речь зашла о необходимости приобретения собственного коттеджа на окраине Лондона.

— Он нужен не только для радиоквартиры, — добавил Бен, — но и для придания вам респектабельности как начинающим бизнесменам. Собственный дом, да еще с садиком при нем, — это же предел мечтаний любого англичанина!

Питер грустно улыбнулся:

— Но на его покупку тоже нужны деньги, и немалые! Если они даже появятся у нас, то это может вызвать подозрения со стороны налоговой инспекции.

— Вам надо купить его с рассрочкой платежей лет на двадцать… Вы же все равно долго в Англии не пробудете…

— А где же мы будем? — удивленно посмотрела на него Хелен.

— Мир велик… Но не об этом сейчас речь. Так вот, о покупке дома… В случае вашего отъезда из Лондона его всегда можно продать без финансовых потерь и погасить все долгосрочные платежи.

Питер смотрел на Бена и думал: «Арни прекрасно разбирается в том, о чем говорит. А еще он умеет предвидеть события и их возможные последствия…»

— Да, это неплохая идея, но у нас нет необходимой суммы для ее реализации.

— И сколько же нужно под эту необходимую сумму?

— Честно говоря, я не могу назвать точную цифру… Но тысячи три, наверно, надо… — Подумав, Питер твердо добавил: — Да, не меньше.

— Хорошо, вопрос о деньгах будем решать в Центре и потом сообщим вам обязательно. А сейчас… — Бен посмотрел на часы, — извините, друзья мои, нам пора расставаться.

Хелен и Питер понимающе кивнули.

— Лучше бы ты, Арни, остался с нами работать. Нам бы намного легче было, — заметила Хелен.

— А главное — мы увереннее чувствовали бы себя, — добавил Питер.

— Спасибо за такую оценку. Но я убежден, что все у вас сложится так, как намечалось в Москве. Уверен еще и потому, что темная полоса в жизни всегда сменяется светлой. Жизнь — это тельняшка…

Из отчета Бена о командировке в Париж

…В процессе встречи с Крогерами дополнительно проработаны каналы связи с Центром. Чтобы максимально обезопасить работу с ними, подобрано несколько новых почтовых адресов в Париже и Вене, куда они могут направлять свои тайнописные сообщения.

Для срочной связи желательно обеспечить их контакт с нашим представителем в посольстве.

В целом Крогеры нормально вживаются в новые условия. Однако они все еще испытывают определенные трудности, связанные с адаптацией к обстановке в Англии. Но, невзирая на это, они полны решимости поскорее реализовать первый этап легализации. В этом направлении ими уже проделано следующее: в центре Лондона арендовано помещение, в котором будут размещаться их офис и книжный склад, получены необходимые рекомендации, дающие право на открытие собственного банковского счета.

Задачи, которые поставлены Центром перед Крогерами, решались бы более оперативно, если бы они не испытывали в настоящее время финансовые затруднения…

* * *

По возвращении из Франции Питер и Хелен, по рекомендации Бена, активизировали свою работу: они чаще стали посещать аукционы — почти ни один аукцион не проходил без них, там они завязывали нужные знакомства, устанавливали полезные контакты с известными в Лондоне книготорговцами. Питеру со свойственным ему упорством и терпением удалось сломать ледок недоверия и преодолеть характерную для англичан сдержанность по отношению к новым знакомым. Способствовали этому и необыкновенные природные данные Питера вызывать к себе чувство уважения и симпатии. Он всегда строго следил за своим внешним видом: носил светлый клетчатый пиджак и дорогие сорочки с пуговками на воротничке, золотой перстень и часы с золотым браслетом. И почти никогда не расставался с толстой курительной трубкой, как у Уинстона Черчилля. Стройный, сухопарый, как настоящий англичанин, и моложавый, несмотря на солидный возраст, он своими благовоспитанными

манерами и независимостью суждений производил самое благоприятное впечатление на окружающих. Умея прятать личные амбиции, он всегда довольствовался своей скромной ролью в тени крупных лондонских бизнесменов. Те в свою очередь, проникаясь к нему доверием и уважением, начали приглашать его на книжные аукционы Ходсона и Ченсери-Лейна, а затем и на Сотби. Одновременно с этим англичане с присущей им хитростью делали все, чтобы этому скромному, деликатному «новозеландцу» не доставались редкие фолианты. И невдомек им было, что у Питера Крогера не было тогда даже денег для закупки дорогостоящих книг. Невдомек им было то, что он и его несколько экзальтированная супруга являлись советскими разведчиками-нелегалами. Да и могли ли они так подумать об этих совершенно не похожих на суперменов-шпионов обыкновенных людей, ничем не выделяющихся из уличной толпы?!

Впрочем, все так и должно было быть: сила разведчика-нелегала в его незаметности, в неброскости, в умении маскироваться и растворяться среди обычных людей.

В радиограмме, поступившей из Центра после встречи с Беном, Хелен предписывалось прибыть в Берн для связи с курьером из Москвы. Но Хелен к тому времени была больна и потому поехать в Швейцарию не смогла. В Берн вылетел Питер. В тот же день он встретился в обусловленном месте со связником. Тот передал ему толстый сверток в фирменном пакете и предупредил, что в свертке находятся деньги в закамуфлированной упаковке.

Вернувшись в гостиницу, Питер закрыл номер на ключ, развернул сверток и не смог сдержать улыбки: «камуфляж» явно предназначался для его супруги, поскольку представлял собой розовый дамский корсет, размер которого был рассчитан на маленькую, изящную Хелен. Что же делать: корсет есть, но нет Хелен? Распороть и вынуть деньги? Или положить корсет в чемодан и открыто везти его в Лондон, а в случае досмотра в аэропорту сказать, что купил в Берне подарок жене? Но на корсете нет ценника, да и по его внешнему виду вполне можно было догадаться, что он не местного производства. Естественно, это могло вызвать подозрение у таможенников и сотрудников службы безопасности. Выход один: попробовать надеть корсет на себя. Он долго вертел его в руках, потом разделся до пояса, просунул в корсет голову, затем левую руку, а вот правая не шла: корсет был явно мал и на его теле начал потрескивать.

Нервничая, Питер решил надеть его снизу: разулся, снял брюки, натянул чуть выше колен, а дальше пришлось прилагать

немалые усилия. Сопя и кряхтя, он начал подтягивать корсет то с одной, то с другой стороны, но делать это с каждым разом становилось все труднее. В сердцах рванув его на себя, Питер дернулся от резкой боли в паху. Застонав, он выругался и со злостью стал стаскивать его с себя: «Черт побери, почему их начали делать без шнуровки! То ли дело раньше: взял бы да и расшнуровал на сколько надо!»

Когда корсет наконец сполз, Питер плюхнулся в кресло. В этот момент в дверь постучали. Вскочив, он спрятал корсет под подушку и начал торопливо надевать брюки и рубашку. Пока одевался, стук прекратился и кто-то отошел от двери. Снова раздевшись, Питер опять задумался: что же делать с этим несчастным корсетом? Потом догадался: «Вспорю-ка я его по шву, наложу на грудь лифом назад, а затем перемотаю бинтом!» Так он и сделал. Упаковавшись, Питер подошел к зеркалу и стал разглядывать себя с разных сторон. Чувствовал он себя в этой «упаковке» весьма неудобно: жесткие пластины, вшитые в корсет, сдавливали бока, затрудняли дыхание, делали его неуклюжим, как рыцаря в тяжелых доспехах, а чаши корсета, выпиравшие в районе лопаток, напоминали прорастающие ангельские крылышки. Но что поделаешь: зато так было намного безопаснее.

Благополучно доставив деньги в Лондон, Питер использовал их на закупку редких букинистических книг, а также на изготовление собственных рекламных каталогов. Понимая, что для закрепления своей легализации надо вступить в пользующуюся мировой известностью Ассоциацию букинистов Великобритании, Питер для начала оформил членство в клубе британской национальной книги. Лишь после этого асы книжного бизнеса, оказывавшие снисходительное покровительство Питеру, стали включать его фамилию в торговые каталоги. О появлении нового магазинчика на Стрэнде сообщили некоторые лондонские газеты.

В Центре это расценили как успешное выполнение «Дачниками» первого этапа легализации. В сообщении, исполненном тайнописным текстом и направленном Крогерам из Вены, говорилось:

> …Из вашего отчета о проделанной работе мы поняли, что коммерческие дела у вас развиваются успешно. Для упрочения легализации, на наш взгляд, необходимо ускорить приобретение собственного дома, в котором вам предстоит оборудовать радиостанцию для внутренней связи с Центром, а также добиться, чтобы ваша книготорговая фирма «Эдип и Медея» работала

рентабельно. Это помогло бы в глазах английских налоговых и полицейских органов и в обществе респектабельных бизнесменов завоевать репутацию благонадежных, заслуживающих полного доверия книготорговцев, а главное — позволило бы более успешно вести разведывательную работу.

Считаем возможным приступить теперь к выполнению второго этапа легализации. Необходимая для этого финансовая помощь вам будет оказана. Не скупитесь на расходы. Делайте все возможное для выполнения основного вашего поручения — обеспечение надежной радиосвязи с Центром.

Артур.

29 марта 1956 года.

Через месяц Крогеры направили в Вену тайнописный ответ:

.. На окраине Лондона приобретен приличный кирпичный коттедж, отвечающий требованиям конспирации. Расположен он в двух-трех милях от военного аэродрома Норхолт. Его радиостанции работают круглосуточно, и поэтому запеленговать кратковременный выход в эфир постороннего быстродействующего передатчика в нашем доме будет практически невозможно.

Перед тем как дать нам ссуду на покупку собственного дома, представители ипотечного[19] банка проверили нашу платежеспособность и пришли к выводу, что мы вполне можем погасить кредит, не закладывая нашу недвижимость.

Наш адрес: 45 Крейнли Драйв, Руислип, графство Миддлсекс, Лондон.

Крогеры

В связи с ограниченными возможностями изложения всех деталей в тайнописном сообщении донесение Крогеров нуждается в соответствующем пояснении. Особенно та его часть, где говорится, что коттедж отвечает требованиям конспирации. Что это означает? Во-первых, автомобильной дороги к нему не было, а все подходы просматривались из окон со всех сторон. Во-вторых, в случае обнаружения слежки из коттеджа можно было скрыться через запасный выход в сад, за которым находился пустырь, а за

ним небольшой лесок. Был и еще один путь отхода: поскольку дом находился в тупике, перекрываемом полутораметровой кирпичной кладкой с узким проходом в стене, то можно было «нырнуть» в него и сразу же затеряться на соседних улицах или на конечной автобусной остановке.

* * *

В мае 1956 года Крогеры наконец-то получили сообщение о том, что в последний вторник в пятнадцать часов тридцать минут на третьем этаже Корнер-хауза «Лайонс» они должны встретиться с назначенным на должность руководителя лондонской нелегальной резидентуры Гордоном Лонсдейлом.

Закрыв свой офис на Стрэнде в три часа, Питер и Хелен доехали до Пикадилли-Серкус, а затем прошли до Корнер-хауза пешком. Как всегда тщательно проверившись, они только после этого вошли в холл ресторана «Лайонс». Опасаясь, что в зале может оказаться кто-то из знакомых бизнесменов, Питер у входа придержал шедшую впереди супругу, оглядел сидевших за столиками клиентов — их было всего шесть, — и вдруг Хелен, резко повернувшись к нему, обрадованно воскликнула:

— Бобзи! Ты смотри, кого я вижу в дальнем левом углу! Это же Арни!

Питер, крепко сжав ее локоть, полушепотом сердито процедил сквозь зубы:

— Лона, ты что, с ума спятила? Мы же не на книжном аукционе! Нельзя же так! Кто знает, может, он прибыл сюда для того, чтобы проконтролировать нашу встречу с Лонсдейлом. Ты же видишь, Арни не обращает на нас никакого внимания. Уткнулся глазами в газету и видеть никого не хочет. Пойдем в конец зала, — тихо добавил он, несколько озадаченный поведением Бена. — Мы ведь тоже его не замечаем?! Вот и договорились. Будем ждать от него сигнала. Не подаст — значит, так надо. А пока пройдем в уголок, займем столик и будем ждать прихода нашего Лонсдейла.

Не успели они дойти до середины зала, как Бен вскинул голову, бросил на стол газету и, вскочив, громко воскликнул:

— Кого я вижу! Сколько лет, сколько зим.

Он обнял Хелен, пожал руку Питеру.

— Вот уж, действительно, пути Господни неисповедимы. Прошу к моему столу!

— Может, не так громко? — забеспокоился Питер.

Не обращая внимания на его реплику, Бен продолжал тем же

неестественно развязным, громким тоном:

— Что будем пить: мартини или джин?

— Если можно, джин со льдом, — улыбнулась Хелен.

После того как принявший их заказ официант отошел от столика, Бен наклонился к сидевшему напротив Питеру:

— Это я умышленно озвучивал сцену нашей встречи. Подобных встреч тут ежедневно происходит сотни, а то и тысячи. Наша тоже не должна ничем выделяться. Так что, товарищи, все пока развивается точно по сценарию…

Питер пожал плечами. Закурил. Скрывая волнение, он произнес:

— Может, я ошибаюсь, Арни, но мне кажется, Центр не совсем доверяет нам…

— С чего ты это взял? — вскинул брови Бен.

— Видимо, ты в курсе, что мы получили указание встретиться с неким Гордоном Лонсдейлом… А приехал почему-то опять ты…

Бен расхохотался. Успокоившись, наклонился к столу и тихо произнес:

— Перед вами и есть тот самый Гордон Лонсдейл! Да, да. Не гляди на меня так, словно видишь в первый раз. Чтобы вы убедились в этом, сообщаю мой пароль: «Извините, мы не встречались с вами в Мексико-сити?» Ваш ответ должен быть таким: «Нет, в Мексико-сити мы никогда не были, а встретить нас вы могли только в Оттаве». Ну как?..

Глаза Хелен от удивления буквально округлились, а Питер, так тот словно язык проглотил.

— Подведем некоторый итог, — улыбнулся Бен. — Поскольку теперь мы будем работать вместе, прошу называть меня впредь Гордоном, а не Арни. Это, как вы понимаете, в наших общих интересах. Под фамилией Лонсдейл мне предстоит теперь легализоваться в Англии.

Вдавив окурок в пепельницу, Питер спросил:

— А как нам представлять тебя, если кто-то вдруг увидит нас вместе?

— Говорите всем, что я ваш знакомый бизнесмен, занимающийся организацией новой фирмы, — пояснил Бен.

— Какой именно фирмы?

— По продаже автоматов-продавцов.

Крогеры недоуменно переглянулись.

— Чепуха какая-то! — выпалила Хелен.

— Ну почему же? Мои автоматы будут торговать бутербродами, фломастерами, лекарствами, которые не требуют рецептов врачей. Со временем они наводнят весь Лондон и дадут мне миллионные прибыли. Это позволит открыть собственный

банк! А вы говорите — чепуха…

Увидев направлявшегося к столу официанта с подносом, Хелен жестом дала знать об этом Лонсдейлу. Тот, быстро сориентировавшись, перевел беседу на бытовую тему, а когда официант закончил сервировку стола и оставил их одних, сказал с наигранной патетикой:

— Я буду трудиться в поте лица, не зная ни сна, ни отдыха, но обязательно стану миллионером!

— Зачем вам это нужно? — невольно перешел на «вы» Питер. — Вы же сами не раз предупреждали нас, что коммерческая деятельность не самоцель, а лишь средство для обеспечения условий ведения разведработы. Или перед вами поставлена теперь другая задача — заработать валюту для страны?

— Нет, Пит, основная Цель моего приезда сюда — тоже разведывательная. Хотя мои миллионы действительно пригодятся моему народу!

Возбужденная его патриотическим пафосом, Хелен негромко зааплодировала.

Питер укоризненно посмотрел на нее.

— Ничего, ничего, Пит. Это, кстати, тоже входит в сценарий нашей встречи, — защитил ее Лонсдейл. — Что же касается моих будущих миллионов, то я исхожу из реалий нынешнего дня. Автоматы по продаже мелких товаров очень нужны Англии, задыхающейся от нехватки рабочих рук. И еще учтите: я очень удачливый человек. А удачливым всегда везет!

Тут уже не выдержал и Питер:

— Тогда тост за первый миллион бизнесмена Гордона Лонсдейла.[20]

Осушив бокал, Лонсдейл, обращаясь к Питеру, спросил:

— Ну, а теперь о том, как у вас дела?

Возникла пауза.

Гордон терпеливо ждал, зная неторопливую манеру Питера отвечать на вопросы.

— Общая картина выглядит неплохо, — медленно начал Питер. — Осталось сделать, как выразился бы художник, лишь несколько заключительных мазков…

— Ну, а если чуть-чуть поконкретнее?

— Это можно… Должен сказать о главном: мы научились правильно делать дело. Уже закупили много редких книг. Недавно оформили заказ в Нидерландах на изготовление собственного каталога, который разошлем потом по всему миру. Это позволит заполучить расположение клиентов весьма высокого международного уровня…

— Но они уже и есть у нас, — вставила Хелен.

— Кто же? — заинтересовался Гордон.

— Двое американцев, бельгиец и два француза. Так что фирму Крогеров знают уже не только в Англии.

— Это совсем неплохо, — удовлетворенно заметил Лонсдейл.

Питер засветился горделивой улыбкой:

— В Лондоне нам уже поступило предложение о вступлении в Ассоциацию букинистов Великобритании. А это весьма престижно!

Гордон налил в рюмки джина:

— За ваши успехи, друзья!

— Спасибо, Гордон. Мы очень рады, что ты будешь теперь нами руководить.

Отпив глоток джина, Питер откинулся на спинку стула и надолго ушел в себя.

— Ты чего задумался, Пит? — прервал его размышления Гордон, знавший эту его особенность.

На сей раз на губах Питера появилась блуждающая виноватая улыбка.

— Да так… Вспомнил отца… Пять лет назад я сказал ему, что уезжаю по заданию партии на два-три месяца. Он, как сейчас помню, кивнул тогда головой, а потом сказал: «Я буду ждать тебя, Моррис. Буду крепиться до тех пор, пока снова не увидимся…» А теперь, выходит, я обманул его, — Губы Питера задрожали. Но он нашел в себе мужество проглотить слезу, вспомнив при этом наказ отца: «Когда тебе станет невыносимо тяжело от тоски и горечи, то ущипни себя!» — Как ты считаешь, Гордон, — твердым голосом продолжил он, — я имею право получить за пять с лишним лет хотя бы короткий отпуск, чтобы слетать на денек к отцу?

Вопрос застал Лонсдейла врасплох. Что сказать на это? Он долго молчал. А Питер настаивал:

— Ты понимаешь, мне надо навестить его, пока он жив…[21]

Хелен тоже поддержала его просьбу, несколько раз кивнув головой.

— Я, Пит, разделяю твое беспокойство за отца, — наконец отозвался Лонсдейл. — Но ехать в Штаты тебе никак нельзя… Вас могут там разыскивать обоих… Я, конечно, доложу твою просьбу Центру и попрошу через возможности Марка навести справки о его здоровье.

— Неплохо было бы, если бы Марк попросил отца, как я уже говорил тебе однажды, собственноручно написать мне письмо в несколько строк, чтобы я мог убедиться, что он жив.

— Хорошо, Пит, я попрошу его и об этом, — заверил Гордон.

— И все же я не хотел бы терять надежды когда-нибудь посетить отца, — упрямо продолжал Питер. — Я, конечно, понимаю, что появляться нам в Штатах опасно, но мы готовы даже изменить свою внешность…

Эти слова несколько ошеломили Лонсдейла. Отрицательно покачав головой, он твердо заявил:

— Нет, Пит, на такой шаг, как пластические операции, Центр никогда не пойдет!

— Почему?

— Да потому, что вас все равно могут узнать. Поверь мне, Пит, не стоит рисковать.

Ничего не сказав в ответ, Питер подлил себе джина в бокал, поднял его и, оперевшись локтем на стол, с нескрываемой тоской и печалью стал разглядывать его на свет.

Лонсдейл, долив джина в бокалы себе и Хелен, предложил выпить за здоровье присутствующих.

Настроение у Питера после выпитого бокала немного улучшилось. Он понимал, что Лонсдейл прав: Центр действительно откажет им в поездке в Америку. Переключившись на деловой тон, он спросил:

— Послушай, Гордон, ты помнишь, на последней встрече в Париже мы говорили о подборе и изучении двух-трех кандидатов для последующей вербовки?

Лонсдейл заинтересованно кивнул.

— Так вот, один кандидат уже есть. А еще один находится на «дозревании».

— Кто же тот первый?

— Книготорговец, как и я.

— Наверно, тоже разведчик, как и ты. И тоже по заданию британской разведки изучает тебя, а ты — его.

Питер с удивлением посмотрел на своего патрона:

— Ты угадал, Гордон: Чамберс Льюистон! — бывший офицер МИ-6.[22] У него по сей день много знакомых среди сотрудников МИ-5[23] и МИ-6.

— Прекрасно. Я займусь им после того, как легализуюсь. А пока продолжай изучать второго кандидата и подбирай третьего. А сейчас, — Лонсдейл посмотрел на часы, — отведенное нам по сценарию время для встречи уже истекло. В следующий раз я звоню вам по телефону в офис на Стрэнде, называюсь Арнольдом и интересуюсь новыми поступлениями исторических фолиантов. Вы говорите, что кое-что поступило. Тогда я спрашиваю: «Когда к вам лучше подъехать?» Вы называете дату, но встреча должна состояться не в этот день, а на другой, в шестнадцать ноль-ноль у северо-восточного угла магазина «Би-энд-эйч» на Оксфорд-стрит.

Если у меня вдруг возникнет необходимость срочно встретиться с вами, то я сам называю время и место…

— О'кей.

* * *

В тот день, когда должна была состояться вторая встреча с Крогерами, в Лондоне с утра моросил мелкий холодный дождь и все вокруг было тусклым, серым и неприятным. Увидев подходивших к магазину «Би-энд-эйч» Питера и Хелен, Лонсдейл встретил их и, чтобы не мокнуть под дождем, пригласил в безлюдный торговый зал.

— Я недавно побывал в районе вашего проживания, — начал беседу Гордон, — и удивился, как много времени вы затрачиваете на дорогу до своего офиса на Стрэнде. Наверно, неплохо было бы вам купить себе машину, — порекомендовал он.

Крогеры с улыбкой переглянулись: они сами давно мечтали об этом.

— Машина нам, конечно, нужна, — согласился Питер. — И не столько для экономии времени на дорогу, сколько для транспортировки книг.

— Так в чем же тогда дело?

— В фунтах стерлингов, — улыбнулся Питер.

— Фунты будут, — с обычной уверенностью ответил Бен. — Ну, а как у вас складываются взаимоотношения с соседями?

Питер перевел взгляд на Хелен и как-то небрежно бросил:

— Эго скорее по ее части, пусть она и ответит.

— Я спрашиваю вас об этом потому, что вы должны знать: самое лучшее прикрытие для нелегала — это соседи и знакомые.

Хелен доброжелательно улыбнулась:

— Неужели вы думаете, что я не умею наводить мосты с соседями?

— Но я, например, знаю, что подружиться с англичанами непросто.

— Да, это так. Но первую крепость я взяла сравнительно легко. С семьей Сбчей, проживающей в доме напротив, мы подружились сразу. Я часто захожу к ним, они бывают у нас, особенно их четырнадцатилетняя дочь Гей. В доме номер сорок один к нам хорошо относятся супруги Спунеры… Так… Кто еще?.. А, Уиллеры!.. Сначала они, правда, не очень хотели дружить с нами, но потом, когда узнали, что мы выходцы из другой страны, их отношение к нам изменилось сразу. В лучшую сторону, разумеется… Нашли мы также общий язык и с итальянцами из

дома номер тридцать девять…

Хелен сделала паузу, задумалась. Потом, словно вспомнив что-то, продолжила:

— Вообще-то наш район Руислип намного демократичнее других районов и предместий английской столицы. Наверно, потому, что проживают в нем в основном выходцы из других стран, и новичков принимают намного лучше, чем в каком-либо другом районе Лондона.

Бен обратился к Питеру:

— В сумке, Пит, которую ты сейчас возьмешь у меня, есть все, что потребуется вам для изготовления микрограмм.[24] В банке из-под талька — приспособление для чтения микроточек. Все это вы должны сегодня же обязательно спрятать в надежном тайнике. Итак, вы берете сейчас с пола мою сумку, а я — вашу. Надеюсь, она не пустая?

— С пустыми не ходим, — засмеялась Хелен. — В сумке пирог, завернутый в пергаментную бумагу. На бумаге — тайнописный текст: характеристики Чамберса Льюистона и данные на Печника из военного ведомства.

— Спасибо вам большое за пирог… И за Печника тоже, — шутливо обронил Бен. — В следующий раз встретимся через две недели у театра «Олд Вик» или у вас дома.[25]

С этими словами он распрощался и вышел из магазина.

Из воспоминаний Гей Сёч

Когда Питер и Хелен поселились в соседнем с нами коттедже, мне было четырнадцать лет. Особенно запомнилась Хелен. Она была для всех нас существом, доселе невиданным: носила узкие брючки в обтяжку, чего английские женщины пятидесятых годов никогда себе не позволяли и считали это даже непристойным. Но Хелен есть Хелен. Она могла не стесняясь, по-мальчишески, свистеть на всю улицу, все невольно обращали на нее внимание, а ей хоть бы что. Она была экстравертом, похожим на шумного, энергичного мальчишку-сорванца. Экстравагантная, не похожая на женщин нашей улицы, она как-то сразу стала для меня, несмотря на большую разницу в возрасте, незаменимым взрослым другом. Я доверяла ей свои девичьи тайны, которые даже матери никогда бы не доверила.

Она также дружила с моей матерью, часто заходила к нам, дарила по праздникам подарки, угощала вкусными домашними печеньями и никогда при этом не касалась политических вопросов. Как будто ничто ее в этом мире, кроме домашнего быта и обычных женских сплетен, не интересовало.

Хелен всегда была для меня женщиной-загадкой. С ее способностями перевоплощаться, как выяснилось позже, она могла бы стать неплохой актрисой.

Питер совсем другого склада. Он необыкновенно мягкий человек Нежный и вежливый. О таких обычно говорят: мухи не обидит. Он походил больше на кабинетного ученого-философа, чем на коммерсанта в книжной торговле. У него, сколько помню, всегда были какие-то идеи, он всегда много философствовал, когда приходил в наш дом. С мамой он мог часами обсуждать висевшие на стенах картины английских художников или произведения литературы.

Нам тоже нравилось бывать в гостях у Крогеров. Они умели делать все хорошо, искренне, от души. Именно эти качества и позволили им подружиться со всеми своими соседями. И что удивительно, они так легко и непринужденно вписались в руислипское общество, что никому и в голову не могло прийти поинтересоваться, откуда они появились в нашем графстве Миддлсекс. Впрочем, эта вот эксцентричность характеров Крогеров позволила им так же легко войти в среду лондонских книготорговцев.

Только потом, спустя несколько лет, мне стало понятно, почему Крогеры, никогда не увлекавшиеся игрой в крикет, постоянно ходили на матчи между владельцами книжных

магазинов и их служащими. Ходили не для того, чтобы поболеть за кого-то или попробовать себя в какой-нибудь команде, а для того, чтобы утвердиться в книжном бизнесе, который, как оказалось потом, был нужен им для другого, более важного, только им известного дела. Да и кто мог подумать тогда, что у Хелен и Питера было две жизни — одна ролевая, которая проходила на наших глазах, а другая — настоящая, глубоко спрятанная от чужих глаз…

* * *

Из материалов дела № 13 676 (том 13)

Совершенно секретно.

Москва. Центр, т. Андрееву (лично).[26]
Отправлена из Лондона 29.10.56.
Время отправления 18 час. 29 мин.
Снятие копий воспрещается.

Шифротелеграмма № 637/54

Организация прикрытия «Дачников»[27] завершена. Приступили к выполнению второго этапа легализации. Книготорговая фирма «Эдип и Медея» выглядит вполне солидно, но при этом им пришлось пойти на непредвиденные затраты, связанные с ремонтом и приобретением мебели для офиса. Кроме того, для транспортировки книг им нужна машина, а для этого тоже необходимы деньги.

Просим доставить в Брюссель «Астру»[28] и расписание работы на ней.

Родин.

Подписной № 361.

* * *

Знаменитые лондонские туманы даже летом плотно окутывали улицы города и скрывали все вокруг. Приехав в Руислип к полуночи, Лонсдейл опасался, что не найдет дом Крогеров. Так оно и оказалось: на пустынных тротуарах, скупо

освещенных уличными фонарями, встретить кого-нибудь и спросить о малоизвестном тупичке Крэнли Драйв было невозможно — все уже давно спали.

Поплутав около часа по Руислипу, он все же отыскал тупик Крэнли Драйв, нырнул в запомнившийся ему узкий проход, затем свернул направо и остановился, разглядывая темные контуры похожих друг на друга коттеджей. Днем Лонсдейл предупредил Питера по телефону о своем намерении посетить их ближе к полуночи. «Но неужели они не дождались моего приезда и легли спать? — раздумывал он, поднимаясь в горку. — А может, и не легли и ждут меня, закрыв на окнах светонепроницаемые шторки…» Наконец он заметил в одном из коттеджей струившийся через щели ставней тусклый свет, едва пробивавшийся сквозь непроглядный свинцовый туман. Поняв, что не спать в такое позднее время могут только Крогеры, он обрадованно подошел к дому и постучал в окно. Через несколько секунд послышались резкие металлические звуки открываемых дверных замков и засовов. Потом раздался голос Питера:

— Это ты, Гордон?

— Как видишь, — отозвался Лонсдейл.

Дверь на веранде открылась:

— Ну и туман!.. Ты случайно не заблудился? Мы уже заждались…

— Ты угадал, Пит. Поплутал я в вашем Руислипе изрядно…

Закрыв дверь на засов, Питер провел гостя в прихожую, помог ему раздеться. Лонсдейл, увидев выдвижную лестницу, что вела на антресоли, спросил:

— А там что?

— Пока ничего… Лона предлагает оборудовать там рацию. Установить железную печку, поставить стол…

— Радиостанция не там должна находиться.

— А где же?

Лонсдейл окинул взглядом прихожую, в которую выходило несколько дверей. И стал считать их:

— Одна… две… три… четыре!

— О, ты настоящий математик! — сострил Питер.

— Стараюсь, — улыбнулся Гордон. И спросил: — И куда же они ведут?

— Три — в жилые комнаты, а эта — в кухню. Кстати, нам туда: Лона испекла пироги и, наверно, разогревает их, услышав твой стук в окно.

— Пироги — это хорошо, — довольно потер руки Лонсдейл. — Но я ужасно продрог, пока искал ваш тупичок Крэнли Драйв.

— Намек понял… Сейчас достану джина и…

— На сей раз, Пит, ты не понял меня, — сказал Лонсдейл. — Только физическая работа может сейчас отогреть мою душу и руки.

— Но джин нам тоже не помешает?!

С этими словами Питера они вошли в кухню.

Она была просторной, красиво меблированной. Поприветствовав хозяйку, Лонсдейл предложил свои услуги накрыть на стол, но Хелен категорически возразила:

— Да ты что, Гордон! Ради бога, оставь это мне.

— Ну, хорошо, тогда разрешите осмотреть ваши апартаменты.

— Это — пожалуйста. Пока я накрою на стол, ты успеешь обойти нашу хижину, — засмеялась Хелен. И обратилась к мужу: — Бобзи, зажги для осмотра свет во всех комнатах. А сам приходи потом помогать мне.

Питер включил белые кнопочки, выведенные на маленький щиток в прихожей, затем увеличил свет во всех комнатах до полного накала.

— А это не вызовет подозрений у соседей? — забеспокоился Лонсдейл.

Питер, улыбнувшись, кивнул на настенные часы с длинным латунным маятником и сказал:

— Взгляни, сколько времени: уже час ночи. И не забывай, что на улице очень плотный туман… Думаю, Гордон, ты разберешься во всем лучше меня. А я помогу Хелен.

— Ради бога…

Лонсдейл не торопясь ходил по комнатам, профессионально осматривая их и пытаясь определить, где и как лучше хранить разнообразное разведывательное снаряжение, поскольку сам жил в маленьком номере гостиницы. Крогеры, как ему показалось, содержали дом в образцовом порядке: он был пропитан тем добрым старомодным ароматом, который присущ многим английским жилищам, — смесью запахов хвойного мыла и мебельной политуры. По всему чувствовалось, что его хозяева старались не уронить перед соседями свое достоинство и выглядеть нисколько не хуже других обитателей Руислипа.

Через четверть часа Хелен пригласила гостя ужинать. Сели они за круглый стол красного дерева. После первой же рюмки разговор перешел к обсуждению служебных вопросов. Предосторожности ради Лонсдейл, указав пальцем в потолок, предупредил, что их могут подслушивать, и потому попросил говорить только шепотом. Затем они стали обсуждать, где целесообразнее хранить химические реактивы и другие

ингредиенты для изготовления и проявления тайнописных текстов, негативы и планы связи…

— Эти мы найдем где спрятать, — заметила Хелен, — но мы не знаем, куда девать более крупные вещи.

— Что ты имеешь в виду? — не понял ее Лонсдейл.

— Да хотя бы ту же «Астру»…[29] Ее нам должны подослать со дня на день. Или устройство для ускоренной передачи магнитных записей? Может, нам все это поднять на антресоли?

— Нет, Лона, для радиоквартиры надо подобрать более конспиративное место. Где именно — давайте вместе думать… Мне показалось, что со стороны сада фундамент вашего дома поднят почти на метр. Так это?..

— Так оно и есть, — подтвердил Питер.

— А что, если здесь, под кухней, и оборудовать радиобункер? Подкопаем еще на метр, забетонируем, чтоб вода не заходила, утеплим… А главное, здесь намного безопаснее…

— А как же заходить туда? — удивленно спросила Хелен. — Получается, со стороны сада, чтобы все видели? Нет, Гордон, ты тут что-то не до конца продумал.

— До конца, до конца. Заходить ты будешь в бетонированную нишу тоже отсюда, прямо из кухни. Сегодня же мы сделаем в полу небольшое отверстие для люка, собьем крышку, накроем ее куском линолеума и поставим на это место холодильник на колесиках. Подошло, скажем, время работы на передатчике, ты откатываешь в сторону холодильник, включаешь свет под полом и ныряешь в радиобункер без чьей-либо помощи. И никто из посторонних не догадается, что под холодильником расположен люк.

— Неплохо придумано, — согласилась Хелен. — Вот только одну деталь ты упустил из виду.

— Какую?

— Антенну-то как вы протянете? Тоже, что ли, через холодильник? Ее же надо выводить наружу…

— А мы проводку сделаем потайной, чтобы ее тоже никто не заметил. И действовать она будет по принципу спининга: гибкая, эластичная антенна будет сама разматываться и наматываться на катушку, стоит только нажать на кнопку.

— Ты, Гордон, дьявольски хитер и изобретателен во всем! — воскликнула Хелен. — Я предлагаю выпить за тебя.

— А я хочу выпить за вас…

Во втором часу ночи они приступили к работе. С помощью гвоздодера и топора вскрыли пол в кухне, затем взяли лопаты и спустились вниз рыть погреб.

— А куда же мы будем девать вынутую землю? —

поинтересовался Питер.

— Выход один: выносить ведрами в сад и делать там цветочную клумбу. По крайней мере, это не вызовет ни у кого никаких подозрений.

— Но выносить сор из избы ночью — нехорошая примета, — съехидничала Хелен.

— Но мы-то имеем дело не с мусором, а с землей, и не с избой, а с английским коттеджем…

В четыре часа, когда углубление под полом уже начало обретать необходимые формы, Хелен предложила прекратить работу и лечь спать. Но Питер возразил:

— Нет, нет… Надо спешить. Ты же сама говорила, что в ближайшее время курьер может подвезти из Центра радиостанцию.

И они продолжали работать, делая короткие перерывы на отдых…

Уже утром, когда рассвело, Лонсдейл сменил одежду и, покачиваясь от усталости, покинул дом Крогеров.

* * *

Сентябрь 1957 года в Лондоне выдался туманным. Лонсдейла это устраивало: каждый вечер он мог незаметно наведываться к Крогерам и помогать им в устройстве радиобункера. Когда все работы по нему были завершены, Гордон посоветовал Питеру отказаться от аренды помещения на Стрэнле и перевести офис в одну из своих комнат. Обменявшись еще несколькими ничего не значащими для их основной деятельности фразами, Лонсдейл, чтобы не могли их подслушать, вывел Питера на улицу, в садик, где они, спокойно прогуливаясь, могли продолжить свой разговор.

— Перевод офиса в свой дом позволит тебе, во-первых, сократить расходы на аренду. А во-вторых, вы только на поездки до Стрэнда будете экономить по пятнадцать часов в неделю. К тому же здесь, в Руислипе, не так, как в центре Лондона, будет бросаться в глаза ваше частое отсутствие при отъездах на континент для встречи с нашими курьерами.

Питер не спешил с ответом, потом задумчиво произнес:

— Поездки в другие страны, между прочим, необходимы мне не только для разведывательной работы, но и для решения своих коммерческих дел.

— Вы разве уже вышли на международную арену?

Питер обиженно произнес:

— Фирма Крогеров не вяжет веников: мы, к твоему сведению, уже признаны в Международной торговой ассоциации букинистов. Я уж не говорю о том, что мы давно стали членами Ассоциации букинистов Великобритании, тоже, кстати, пользующейся всемирной известностью.

— Ого! — воскликнул Лонсдейл. — Ну, молодцы! Поздравляю! И приношу вам свои извинения, что недооценил ваши коммерческие способности. Считайте, что закрепление легализации вы завершили с блеском. Теперь, я полагаю, можно будет и поменьше уделять внимания книготорговле, поскольку она должна стать лишь прикрытием для нашей основной деятельности.

— Мы об этом всегда помнили и потому старались добросовестно делать свое дело. Логическим завершением наших стараний стал прием сразу в обе ассоциации. Так что, мистер Лонсдейл, изволь и ты нас признавать! Мы, например, внимательно следим за твоими успехами в бизнесе и с удовлетворением должны отметить, что ты быстро становишься известным в Лондоне человеком. Мы только что узнали из газет о том, что ты будешь представлять Англию на всемирной выставке в Брюсселе. Это правда?

— Да, — не без некоторого тщеславия подтвердил Гордон.

— А раз это правда, — продолжал Питер, — то мы тоже вправе поинтересоваться, а не увлекся ли ты вспомогательной стороной нашего общего дела, ради которого все мы сюда приехали?

Лонсдейл поначалу невольно смутился, потом улыбнулся и твердо ответил:

— Нет, Пит, я не увлекся… Просто дело как-то само собой легко пошло с первого дня. Вот и весь секрет. В конце концов, не отказываться же от прибыли! Лично мне мало что перепадает, основную часть ее я пересылаю в Центр… Теперь давай поговорим о самом главном. Сегодня я получил сообщение, что через четыре дня в Брюссель прибывает наш курьер. Он привезет для вас радиопередатчик, который будет находиться в атташе-кейсе, идентичном с моим. Необходимо будет их поменять и привезти сюда…

— С твоим кейсом поеду я?

— Да.

— Место встречи?

— У главного входа на готовящуюся всемирную выставку… Там уже сейчас бывает достаточно много посетителей.

— Приметы курьера известны?

— Нет. Он сам подойдет к тебе и первым назовет пароль: «Вы

знаете, что Гордон тоже является участником этой выставки?» Твой ответ: «Да, Гордон мне говорил об этом». В руке у него должен быть точно такой же кейс, как у меня.

— Понятно. Но как он узнает меня?

— Он не раз видел тебя на учебном объекте. И потом, в Центре есть твое фото. По возвращении из Брюсселя — а ты должен вылететь оттуда в тот же день, когда получишь радиопередатчик, — обязательно поставь для меня условный сигнал — метку на самом толстом стволе дерева напротив моей гостиницы.

— Ты имеешь в виду Белый дом Королевской заморской лиги?

— Именно его. Так вот, на высоте одного ярда от земли прилепи кусочек черного пластилина. И на будущее имей в виду: это дерево будет служить местом постановки сигналов для вызова на экстренную встречу с тобой. Ну, а после возвращения из Брюсселя я жду вас в Корнер-хаузе «Лайонс» в пятнадцать тридцать в зале ресторана.

* * *

Октябрь 1957 года. Брюссель. На улицах расклеены плакаты и рисунки с изображением первого 1) мире советского искусственного спутника Земли. Космическая тема доминировала и возле главного входа на всемирную выставку, где ровно в час дня встретились как старые знакомые два немолодых уже человека с одинаковыми черными атташе-кейсами: один — высокий, седоволосый, в модном клетчатом пальто, другой — чуть пониже, в темном плаще и черной фетровой шляпе. Они обменялись несколькими условными фразами, пожали друг другу руки и разошлись. Через полтора часа снова встретились, но уже в другом месте — на маленькой безлюдной улочке недалеко от железнодорожного вокзала. Это были Питер Крогер и прибывший из Москвы курьер советской разведки. Несколько минут они просто прогуливались по переулкам, обменивались только им понятными фразами, затем, поставив на тротуар рядом два одинаковых атташе-кейса, прикурили от одной зажигалки. Подняв кейсы, они как ни в чем не бывало продолжили путь в направлении железнодорожного вокзала, и никто при этом не обратил внимания, что они произвели обмен того, что держали в руках. Курьер на ходу пояснил Питеру, что он доставил ему радиостанцию, инструкцию к ней и валюту на приобретение автомобиля.

— Если время выхода в эфир, позывные и частоты по каким-либо причинам не будут устраивать Хелен, — заметил он, — то радиоцентр готов их изменить. Дайте только знать об этом.

— Хорошо, я ей это передам.

— И последнее, — продолжал представитель Центра, — меня просили сообщить вам об обстоятельствах ареста Марка.[30] Вам, наверно, уже известно, что провал произошел не по его вине?

— Но я хотел бы знать об этом поподробнее. В прессе писали лишь о факте ареста, но не о его причинах.

— Что касается причин ареста, то, к великому сожалению, «завалил» его свой…

— Как свой? — Питер даже поперхнулся.

— Да, вот так получилось. Предал его непосредственный помощник Вик.[31] Он многое знал о работе Марка и жил рядом в Бруклине, в районе нижнего Бей-Риджа.

— Я хорошо знаю этот район. Там проживает много скандинавов.

— Совершенно верно. Вик был родом из России, а прибыл он в Штаты через Финляндию.

— Но почему же он предал Марка? Он же его соотечественник?

— Потому что Вик оказался жалким плебеем, возомнившим себя патрицием. Пьяницей и бабником.

— Не понимаю, как Марк мог довериться такому человеку?

— Марк не допускал мысли о том, что ему в помощники могут прислать ненадежного и некомпетентного разведчика. А не верить Центру он не имел права.

— А что же Центр-то так обмишурился?

— Ничего не поделаешь… И в разведке бывают ошибки. В семье, как говорится, не без урода.

Питер задумался, глаза его сузились до крошечных щелочек.

— Передайте Центру, что Крогеры готовы вылететь в Нью-Йорк и принять участие в мероприятиях по ликвидации предателя. Скажите, что у меня есть надежные люди в том самом Бей-Ридже, где проживает Вик.

— Нет, Питер, вам с Лоной нельзя появляться в Штатах. Да и Центр, я уверен, не пойдет на проведение подобной акции. Судьба сама накажет предателя-подонка…[32] Да, чуть не забыл: при обыске в гостинице «Латам», где был арестован Марк, у него нашли вашу фотографию с надписью «Моррис и Леонтина».

Лицо Питера побледнело, но он тут же взял себя в руки и твердым голосом спросил:

— Что же нам теперь делать?

— Продолжать свою коммерческую деятельность и помогать

Бену. Я уверен, что Марк вас не выдаст. Можете не беспокоиться, он найдет объяснение, как у него оказалась ваша фотография.

— Тем не менее это осложняет наше положение.

— Но ведь не секрет, что ФБР и до обнаружения этой фотографии несколько лет уже разыскивало вас.

— Но теперь-то, когда они уловили нашу связь с Абелем, ФБР, очевидно, предпримет все снова, чтобы найти нас? Может, надо что-то заблаговременно предпринять, чтобы обезопасить нас?

— Вашу связь с Абелем ФБР не сможет доказать, а сам Рудольф Иванович, я убежден, найдет надежное объяснение тому, почему у него оказалось ваше фото. Он сможет сказать, что сделал этот снимок, как и десятки других, для представления на конкурс или фотовыставку, в которых уже не раз принимал участие…

Питер, бросив взгляд на часы, предупредил:

— Смотрите не опоздайте на пароход.

Курьер, тоже посмотрев на время, воскликнул:

— Все верно! Мне пора. Через полтора часа мой пароход отплывает в Ленинград.

— Тогда пойдемте к остановке. Мне тоже сегодня надо возвратиться в Лондон. А для прикрытия поездки сюда нужно забежать в букинистический магазин и купить пару книг…

* * *

Вернувшись в отель, Питер прилег на кровать отдохнуть, но вскоре же заснул. В десятом часу вечера его разбудили ворвавшиеся в комнату сотрудники уголовной полиции: в связи с проникновением в гостиницу опасного преступника они потребовали предъявить документы, удостоверяющие личность.

— Пожалуйста, — как можно спокойнее и вежливее ответил Питер Крогер.

Пока полицейские разглядывали его билеты на самолет, Питер подумал: «Если они потребуют открыть атташе-кейс, то придется отвергнуть их притязания. В конце концов, я иностранец!.. А вдруг эти люди из МИ-5?..»

В этот момент один из полицейских поинтересовался целью его приезда в Брюссель.

— Цель была одна — купить книги для своего магазина, — хладнокровно ответил Питер.

Вежливо извинившись, полицейские вернули документы и покинули номер. Питер следом за ними вышел в холл и уселся в

кресло, чтобы проследить, будут ли они заходить в другие номера гостиницы. И только после того как воочию удостоверился в этом, он вернулся к себе и начал собираться в аэропорт…

В Лондон он прилетел поздним вечером и сразу же позвонил Лонсдейлу, сообщив условной фразой о том, что атташе-кейс благополучно доставлен в Англию.

На другой день Гордон приехал в Руислип. Но Хелен встретить его не смогла — она была больна. Постучавшись, он вошел к ней в спальню. Увидев его, она обрадованно воскликнула:

— Как хорошо, что ты приехал! А я вот одна рассматриваю привезенные мужем «новые книги».[33] — И тут же совсем тихо добавила: — Послезавтра у меня пробный выход в эфир…

Гордон так же шепотом ответил:

— Ничего не понимаю! «Астра» еще не установлена, а уже назначен выход в эфир?!

— Вот ты сейчас и поможешь мне смонтировать ее.

— А с тобой-то что случилось?

— Простыла… Будь они неладны, эти лондонские дожди и туманы. Четвертый день валяюсь в постели. Вот только сегодня отлегло немного, но температура еще держится.

— И как же ты будешь работать на рации?

— Ногами, — засмеялась Хелен. — А если всерьез, то до послезавтра, я думаю, оклемаюсь.

— Мы с Питером очень надеемся на тебя, Лона! А сейчас позволь-ка взглянуть на твои «новые книги».

— Да ради бога! — Хелен собрала лежавшие на постели инструкции и протянула их Лонсдейлу.

Забрав их, он покинул ее спальню и направился на кухню, где Питер варил кофе.

Ознакомившись с правилами установки радиостанции «Астра» и выпив по чашке кофе, они спустились в бетонированный, выложенный изнутри красным кирпичом бункер и начали устанавливать новую радиостанцию. Провозились они с нею долго, а потом принялись за антенну и заземление. Делать это в комнате было чертовски сложно. По приставной лестнице они протянули антенну на чердак, а затем вывели ее на улицу. Не успев все довести до конца, Лонсдейл покинул дом Крогеров лишь под утро, а вечером снова приехал к ним, чтобы вместе с Питером настроить и опробовать работу приемопередающего устройства перед тем, как выйти Хелен на связь с радиоцентром.

Когда наконец все было закончено, Лонсдейл устало взглянул на Хелен, потом довольно улыбнулся и сказал:

— Уверен, что теперь вы успешно справитесь и без меня.

Главное, не надо торопиться при записи цифровых групп и не комкайте интервалы между ними. При работе одно предплечье у вас должно быть горизонтально, в одну линию с рычагом ключа. Пальцы всегда расслаблены, и не забывайте о том, что запястье не должно лежать на столе. А на будущее запомните: непосредственно перед сеансом связи не рекомендуется брать в руки и переносить тяжеловесные предметы, так как мышцы предплечья, кисть и пальцы теряют в этом случае необходимую для четкой работы с ключом Морзе чувствительность. Об этом святом правиле я узнал при изучении полного курса Морзе.

— Меня больше всего беспокоит боязнь потерять ощущение времени, — заметила Хелен, с полным равнодушием глядя на лежавшие рядком поверх настольной скатерти кварцы, последовательно пронумерованные и приготовленные к работе. — Самое страшное, если я проявлю излишнюю медлительность и передача затянется на несколько минут больше положенного времени. Кстати, как долго можно вести ее, прежде чем тебя запеленгуют?

Лонсдейл с недоумением посмотрел на Хелен.

— Это зависит от многих обстоятельств. И от качества радиопеленгационной аппаратуры, и от методики ее использования, и от загруженности эфира, и от удачи, в конце концов. Засечь ведь можно только во время самой передачи и в зависимости от используемой частоты. Но, наверно, она должна вестись не более трех или четырех минут, — неопределенно заключил он.

Хелен покачала головой и снова спросила его:

— А если получится больше?

— Тогда поймают ваши радиосигналы, и, считайте, вам — кранты…

Хелен на миг бросило в дрожь:

— И что же будет с нами? Что вы будете делать, если нас схватят?

Чувствуя на себе ее взгляд, он было заколебался, а потом сдержанно улыбнулся и сказал:

— Будем вызволять вас в свою страну.

— Да, но как? — страдальческая гримаса скривила ее бледное лицо.

— У нас огромное ведомство, миссис Хелен. Оно может многое, что вы не можете себе предположить. Разные ниточки тянутся в разные места. Всего никому, кроме председателя КГБ, не дано знать.

Не спускавший с него глаз Питер вдруг тоже встревожился и спросил:

— А вы хоть что-то знаете?

— Да, кое-что знаю, но только сказать не имею права. — Лонсдейл хлопнул при этом обеими ладонями по краю стола и вдруг умоляющим тоном произнес: — Да вы не беспокойтесь ни о чем, я уверен, что у вас будет все в порядке. Ну ладно, — он встал из кресла и тихо проговорил: — Ужасно не хочется тащиться домой, но надо. Такая уж наша планида.

— Погодите минутку, — предупредил его Питер и вышел.

Вернулся он с бутылкой белого портвейна.

— Очень хорошее вино, давайте на дорожку выпьем.

Лонсдейл молча наблюдал, как Питер наливал ему и Хелен вина, потом плеснул себе немного и, подняв рюмку, произнес:

— За успех нашего завтрашнего дела!

* * *

Было шесть часов утра. Хелен неохотно встала, оделась — после болезни ноги отяжелели и плохо слушались. Навостряя ухо на малейший звук, доносившийся с улицы, она начала готовить радиостанцию к работе: поставила переключатель кварцев на «основную частоту», настроила анодный ток и связь с антенной, затем подрегулировала настройку антенны и, убедившись, что передатчик с антенной настроены правильно, стала слушать эфир.

Когда до передачи, назначенной ровно на семь утра, оставалось три минуты, Хелен вдруг почувствовала ужасную усталость. Поправив наушники и снова напрягая слух, она посмотрела на часы — стрелки их приближались к семи. Оглядевшись в поисках блокнота и карандаша, она жестом попросила сесть рядом подошедшего к ней Питера, и оба стали молча ждать. Вскоре в наушниках раздалось тихое потрескивание. Хелен переключилась на прием и тут же услышала знакомые слова позывных:

— Таруса — я Ирбит… Таруса — я Ирбит…

Так повторялось несколько раз. Хелен напряженно ждала, когда начнется текст радиограммы, но в эфире продолжали звучать одни лишь позывные:

— Таруса — я Ирбит… Таруса — я Ирбит…

Но вот наконец далекий голос четко и ясно сообщил:

— Таруса — я Ирбит, примите радиограмму. Номер тридцать семь, группа сорок восемь…

Рука ее начала быстро сновать в раскрытом блокноте. Донесение все шло и шло, и казалось, ему не будет конца. И вот

уже рука с карандашом стала то замирать, то снова ускоряться, а потом вдруг будто совсем отяжелела и стала еле двигаться. «Господи, ну почему она пишет так медленно?» И в это время снова зазвучали позывные:

— Я Ирбит… Я Ирбит. Связь заканчиваю, через десять минут — повторение радиосеанса на запасной частоте… — После этого передача прекратилась. Через некоторое время радиостанция пискнула, и все это начало повторяться на запасной частоте.

Хелен была предельно внимательна: малейшая неточность затруднила бы потом расшифровку радиограммы, которая заканчивалась просьбой подтвердить прием передачи. Сделав это, Хелен принялась сверять цифровые данные с первой записью: ошибок не было. После этого началась расшифровка текста. Это была долгая и кропотливая работа. В донесении, предназначенном для Гордона Лонсдейла, говорилось:

> Наибольший интерес для нас представляет расположенный в Портоне Центр по изучению биологических методов ведения войны. По имеющимся данным, там нашли пристанище гитлеровские ученые и специалисты, которые перебрались туда в 1945 году и продолжили начатое еще в Германии свое «черное дело» — разработку средств химической и бактериологической войны.[34]
>
> При успешном внедрении в Портонскую лабораторию просим обратить особое внимание на получение информации о созданном ими особом смертоносном веществе, двухсот граммов которого достаточно для того, чтобы умертвить население земного шара.
>
> *Алексеев.*

Бросив листок на стол, Хелен встала и, не глядя на Питера, раздраженно бросила;

— Ты посмотри, что делается в этой Англии!

Питер, взяв радиограмму, начал читать. Лицо его постепенно все больше хмурилось и бледнело. Закончив чтение, он пробормотал:

— Ах, люди, люди… Что ж вы так быстро забываете! Прошло всего-то тринадцать лет с испытания первой смертоносной бомбы, и вот те на… опять создается такое же страшное оружие! Кому-то, видно, мало отнятых жизней у сорока миллионов человек!

Хелен вздохнула:

— В голове не укладывается, как люди сами для себя могут творить подобное! Как будто нет у них ничего святого!

— Директиву Центра надо срочно показать Гордону. Мы со своей стороны должны помочь ему как можно быстрее выполнить это ответственное задание.

Судя по всему, он уже знает, что разрабатывается в Портонской лаборатории. Поверь, Лона, с каждым годом я все больше убеждаюсь, что все самое страшное, в том числе и империалистические войны, как говорил Ленин, зарождаются в обстановке глубокой тайны. И потому считал и всегда буду считать своим долгом помогать раскрывать эти тайны. В этом, кстати, и заключается ценность нашей разведывательной работы, которая приносит пользу всем людям планеты Земля, а не одному Советскому Союзу. И потому я никогда не откажусь защищать то, что считаю правильным и справедливым…

Его монолог прервал зазвонивший в прихожей телефон.

Питер поднял трубку и сразу же узнал голос Лонсдейла.

— Доброе утро, сэр… — отозвался он. — Да, все в порядке, книг поступило много… Пожалуйста, сэр… Просьбу выполню… Я подготовлю их к завтрашнему вечеру. Да, только на обмен… Я понял все… До свидания, сэр.

Разговор начался с определенных, для посторонних ничего не значащих фраз, подтверждающих, что беседуют именно те, кто называл себя, и что у них все в порядке. Условности, проскользнувшие в телефонном разговоре, позволили, не упоминая деталей, договориться об обмене информацией через тайник.

На другой день полученное из Центра задание для Лонсдейла Питер вложил в спичечную коробку, которую должен был спрятать в заранее обусловленном месте. Но неожиданно пошел мелкий моросящий дождь. Чтобы обеспечить сохранность информации, Питер отыскал ржавую консервную банку, положил в нее коробку и только после этого оставил ее под лавочкой в нужном месте. Затем он поехал в Ватерлоо-роуд, где изъял из тайника предназначенный для него самого контейнер в виде малоприметной чурки.

Вернувшись домой в Руислип, он с помощью отвертки вскрыл трухлявый обрубок и поразился: внутренняя часть его была совершенно свежей, а в водонепроницаемом свертке находилась агентурная информация для передачи в Москву и отпечатанная на машинке пояснительная записка:

«1. Прошу передать Классику[35] полученную от Барона[36] информацию о Суэцком кризисе. Я

ознакомился с его выводами и тоже считаю, что Англия, очевидно, навсегда распрощается со своими контрольными функциями в Египте и в зоне Суэцкого канала.

2. В этом же контейнере находится особой важности документ, который дает оценку морских маневров в рамках НАТО. Материалы получены — так и радируйте — от агента Шаха,[37] который работает в Портленде, где находятся военно-морская база ВМФ и секретный научно-исследовательский центр по разработке электронной, магнитно-акустической и тепловой аппаратуры для обнаружения подводных лодок, мин и других видов морского и противолодочного оружия. Данный документ ввиду его большого объема перенести на микроточки,[38] закамуфлировать в книгу и отправить ее по известному Вам адресу.

3. Все материалы после их использования и сам контейнер прошу вернуть мне через резервный тайник № 3».

Полученные от Лонсдейла материалы Хелен перепечатала на машинке, после чего стала помогать Питеру изготовлять микроточки. Для этого сложного и трудоемкого процесса Крогеры располагали всем необходимым: набором различных фотоаппаратов — «Экзакта», «Минокс», «Практика», микроскопом фирмы «Бритекс» и соответствующими уменьшающими линзами. Особую мягкую пленку для микроточек Питер с помощью химических реактивов делал сам в домашних условиях.

Изготовленные таким способом микроточки Крогеры подклеивали на страницы старых книг или вовнутрь картонных обложек и в переплеты, где ни один не посвященный в эти секреты человек не смог бы их обнаружить. Книги пересылались в одну из европейских стран на подставное лицо, а оно уже передавало ее представителю советской разведки.

* * *

Из служебной характеристики «Дачников», подготовленной Беном в 1958 году и приобщенной к делу № 13 676:

Сов. секретно.
Экз. единств.

«Легализовавшись в Англии под видом книготорговцев, «Дачники» открыли в Лондоне

букинистический магазин, приобрели собственный дом и оборудовали в нем стационарную радиостанцию, через которую поддерживают устойчивую двустороннюю связь с Центром. С помощниками-радистами мне повезло. Мы быстро сработались — а это очень важно. Они прекрасные люди и, главное, настоящие мастера своего дела.

Большую помощь они оказывают в выполнении своей частички одного общего задания, связанного с получением информации по Портону и Портленду. Каждый из них выполняет в этом задании свой необходимый для дела маневр.

Но чтобы лучше понять их, раскрыть характер каждого и оценить их по достоинству, сообщаю следующее:

1. ПИТЕР КРОГЕР:

Всю свою сознательную жизнь он нес огромный груз ответственности и необходимости жить и действовать в разных измерениях. С одной стороны, он — человек сугубо мирной профессии: учитель в Америке и коммерсант в Англии, а с другой — солдат невидимого фронта, на который он пошел по долгу совести и велению сердца и которому он отдавал и отдает большую часть своей жизни.

Можно только поражаться неуемной энергии и необычайной разносторонности Питера Крогера. В годы войны он сотрудничал на одном из самых важных участков научно-технической разведки — добывании атомных секретов, а затем успешно работал в нелегальной резидентуре Абеля. Выполняя многочисленные и сложнейшие задания по линии НТР, он еще находил время и для занятий литературной деятельностью, которую Питер продолжал, находясь уже в Советском Союзе. Сам он предпочитал об этом молчать. Мое ознакомление перед отъездом в Англию с содержанием его двух рукописей — повести «Второй эшелон» и романа «Поезд истории на повороте» дает основание полагать, что он человек одаренный, верный социалистической идее и принципам соцреализма.

В Лондоне Питер Крогер зарекомендовал себя тоже с самой лучшей стороны, хотя ему и было очень нелегко здесь раздваиваться — вести коммерческое дело, а по линии нелегальной разведки заниматься подбором и разработкой кандидатов на вербовку, не говоря уже о

поддержании радиостанции в рабочем состоянии, проведении тайниковых операций и изготовлении микроточек. Являясь помощником нелегального резидента, он установил полезные для нас контакты с сотрудником одного военного ведомства Англии — Чамберсом, с политологом Эллиотом и с бывшим офицером МИ-5 Бароном. Что бы ни делал П. Крогер: принимал ли участие в приемах Ассоциации книготорговцев, беседовал ли с банкирами Лондона, он все время помнил, что вечером ему предстоит передать или изъять из тайника совершенно секретную информацию. Действовал он в этих случаях всегда строго по плану и в соответствии с рекомендациями Центра.

Обладая важным для разведчика качеством — держать все в секрете, он всегда был верен своему слову, ничего не забывал и руководствовался в разведдеятельности только одним принципом: «Что для дела полезно и что неполезно». Крогера отличает острый ум, наблюдательность, сдержанность и в необходимых случаях решительность. Достаточно его раз увидеть, чтобы понять, что он делает то, что говорит.

Словом, на него можно положиться во всем. Он честен, надежен и конспиративен.

По характеру П. Крогер спокоен, о своей личной жизни говорить не любит. Ему присущи манеры человека, давно привыкшего к цивилизованному обращению. Хорошо умеет владеть собой. За счет личных качеств и большого умения выжать для своей коммерческой карьеры все до капли он достиг достаточно высокого положения и в мире книготоргового бизнеса. И не только в Англии, но и в Европе.

2. ХЕЛЕН ДЖОЙС КРОГЕР:

Она является полной противоположностью Питеру: обладает быстрой реакцией и переключаемостью в мышлении, легко усваивает все новое, но не любит вникать в детали. Контактна. Умна. Изворотлива. Приветлива и весьма энергична. Не было еще ситуации, из которой она не находила бы выхода.

В лице Хелен советская разведка имеет высококвалифицированную радистку со своим почерком работы. Большая заинтересованность в нашем деле, высокая ответственность, способность все схватывать на лету и необыкновенная сообразительность позволяют ей

не только успешно осуществлять радиосвязь, но и выполнять тайниковые операции, обрабатывать поступающую от агентуры информацию и составлять тайнописные документы для отправки в Центр. Она — мастер на все руки.

По своей дьявольской изобретательности, дарованию, смелости и блестящим актерским способностям — это просто уникум, подарок самой судьбы для нашей разведки. Когда надо, Хелен умеет быть и добренькой, и ласковой и путем полуправды или полулжи выведать у нужных нам людей необходимую информацию. По характеру Х. Крогер — человек проказливый и в то же время решительный, находчивый, умеющий постоять за себя, используя для этого и цепкий ум свой, и прекрасные внешние данные.

3. ВЫВОДЫ:

За время работы в Англии Крогеры не допустили ни одной ошибки, не сорвали ни одного оперативного мероприятия. Профессионально использовали технические средства разведки, надежно обеспечивали сохранность секретных материалов, предназначенных для пересылки в Центр.

С учетом вышеизложенного полагал бы возможным представить П. и Х. Крогеров к правительственным наградам.

Гордон Лонсдейл.

13.08.58 г.

К документу подколот бланк начальника I Главного Управления КГБ при СМ СССР, на котором наложена резолюция:

«За успешное выполнение специальных заданий за рубежом и за особые заслуги перед Советским государством прошу до 05.09.58 подготовить необходимые материалы для награждения «Дачников» орденом Красного Знамени».

А. М. Сахаровский.

17.08.58.

* * *

Гордон Лонсдейл встречался с Шахом (Гарри Хаутон) каждый

месяц. На встречу Шах привозил из Портленда по нескольку сот совершенно секретных документов Адмиралтейства: шифры морской разведки и инструкции к ним, отчеты, доклады, разведывательные задания по Советскому Союзу и странам Восточной Европы. Располагая такими данными, внешняя разведка СССР получала возможность проникать в самые тайные замыслы правительства Великобритании по военным вопросам, ее специальных служб, а также военно-политического блока НАТО. Кроме указанных документов Шах передал Лонсдейлу огромное количество чертежей различных видов оружия и приборов, хранившихся в бронированной «сейфовой комнате» научно-исследовательского центра в Портленде.

К утру эти «горячие» материалы должны были снова лежать на своем месте в сейфе. Поэтому, не знакомясь даже с их содержанием, в целях экономии времени Лонсдейл оставлял Шаха в городе (как правило, в каком-нибудь ресторане), а сам отвозил материалы Крогерам. После их фотографирования подлинники секретных документов возвращались агенту.

Но такой способ получения и обработки секретной информации был сложен и небезопасен. Лонсдейл это понимал и неоднократно пытался уговорить Шаха, чтобы он сам фотографировал материалы на рабочем месте или дома. Суть этого замысла состояла в том, что агент должен выносить с режимного объекта не кипу секретных документов в какой-то сумке, а лишь одну-две пленки, причем непроявленные — в случае опасности их можно было бы легко засветить.

То же самое и при передаче их разведчику, которому не надо было еще раз встречаться с агентом для возвращения этих материалов.

Однако все усилия Лонсдейла убедить Шаха готовить и передавать информацию в непроявленных пленках оказались безуспешными: агент не умел, не любил и не хотел фотографировать, несмотря на то что Гордон подарил ему удобный для этих целей миниатюрный высококлассный аппарат «Минокс». Более того, Шах боялся этим заниматься: фотоаппарат, считал он, является серьезной уликой, вещественным доказательством шпионской деятельности, особенно если аппарат хранится на работе, в сейфе.

После каждой встречи Лонсдейла с Шахом Крогерам значительно прибавлялось забот: с вечера они закрывали двери и ставни окон с внешней и внутренней стороны, и на несколько дней создавалась видимость, что в доме № 45 по Крэнли Драйв никого не было. На самом деле внутри его и ночью и днем шла работа: проявлялись и сушились фотопленки, затем они

печатались и переводились в десятки микроточек, каждую из которых Питер и Хелен старательно подклеивали потом в книги или под марки на конвертах.

Это было нудное, изнурительное и опасное дело: каждые сутки одно и то же — фотографирование, проявление, печатание, снова фотографирование — уменьшение изображения до микроскопических размеров, подклеивание.

В Москве полученные из Англии материалы приводили в восхищение руководство Комитета госбезопасности и заинтересованных союзных ведомств. Большая часть этой информации из Лондона имела первостепенное значение для Министерства обороны: его Генштаб получал возможность знакомиться со многими отчетами НАТО о проведенных маневрах военно-морских сил, а также с результатами испытаний новых видов оружия на британском флоте. Не меньший интерес эта информация представляла для НИИ и конструкторских бюро судостроения и Минсредмаша…

* * *

Встречаясь с Лонсдейлом, Гарри Хаутон относился к нему с особым подобострастием. Как истый служака и бывший офицер военно-морского флота Ее Величества, он с уважением относился к любому человеку с погонами. А тут он общался с капитаном второго ранга, к тому же еще и американцем (Лонсдейл выдавал себя за помощника военно-морского атташе США в Лондоне Алека Джонсона). Однажды Хаутон рассказал, что у него есть молодая любовница по имени Этель Джи, на которую он тратит много денег, и при этом намекнул на то, что если Лонсдейл станет получать непосредственно от нее информацию, то не мог бы капитан второго ранга увеличить им вознаграждение за это?

— А где она работает? — заинтересовался Лонсдейл.

— В научно-исследовательском центре, который дислоцируется на территории нашей базы в Портленде.

— И чем она занимается?

— Учетом и размножением секретных документов. Между прочим, это благодаря ее помощи мне удавалось выполнять отдельные ваши задания по подводному флоту.

— А Этель знает, что вы сотрудничаете с американской разведкой? — спросил он добродушно.

— Думаю, что нет… Возможно, догадывается…

— А почему вы думаете, что она может догадываться?

Хаутон осклабился:

— Я же просил ее достать не сто листов чистой бумаги, а наисекретнейшие документы.

— Она когда-нибудь интересовалась источником ваших доходов?

— Разумеется, потому что скрыть их от нее практически невозможно.

— А если она случайно обмолвится или сознательно расскажет об этом кому-нибудь? — тревожно спросил Лонсдейл.

— Поручиться, что этого не может произойти, я, конечно, не могу. Но если бы она хотела это сделать, то, уверен, давно бы уже выдала меня. Но это не в ее интересах! Она ведь тоже совершает должностное преступление, выдавая мне секретные материалы. Это во-первых. А во-вторых, мы давно любим друг друга и намерены скоро пожениться.

— Ну, если вы намерены пожениться, то она, наверно, тоже будет заинтересована в ваших доходах?

— Разумеется.

— Тогда, может быть, стоит поговорить с ней, чтобы она тоже согласилась оказывать помощь Алеку Джонсону? Только при этом условии вы могли бы получать от него вознаграждение вдвое большее…

Хаутон долго обдумывал предложение Лонсдейла, потом наконец согласился:

— Хорошо, я попробую поговорить об этом с Этель.

— Обязательно. И объясните ей, что вы сотрудничаете не с ЦРУ, а с американской военной фирмой, которая занимается разработкой аналогичных проблем подводного флота.

Этель Джи давно догадывалась, что ее любовник тайно работает на какое-то другое государство, и когда узнала, что на Соединенные Штаты, то она охотно согласилась сотрудничать с «американской фирмой» — лишь бы неплохо платили за это — и с еще большим энтузиазмом стала отбирать и передавать Шаху наиболее ценные, на ее взгляд, секретные материалы. Причем не только те, которые шли через нее, но и документы шифровальной службы, не подлежащие оглашению. Размещавшиеся в соседней с ее комнатой шифровальщики в конце дня выносили кодированные ленты и копировальную бумагу в специальную урну, после чего сотрудники службы безопасности отправляли ее в мусоросжигательную печь. За пять — семь минут до этой процедуры Ася незаметно выходила из кабинета и, действуя на свой страх и риск, поспешно выбирала из урны использованные шифровальные ленты и копирки, прятала их в маленькую сумочку и сразу же покидала помещение. Если бы кто-то даже застал ее копающейся в урне, она в этом случае могла сказать:

выбрасывала ненужные копии документов, подлежащих уничтожению по акту (для подстраховки Ася всегда держала в кулаке скомканными один или два секретных документа, которые она могла бы в случае опасности демонстративно бросить в урну).

Первую от Аси информацию Лонсдейл заложил в тайник для Крогеров в пригороде Лондона и сообщил об этом Хелен. Когда она подъехала туда на «мерседесе», то, к удивлению своему, увидела на обочине автострады дорожных рабочих. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! «Если бы они и раньше работали здесь, то Лонсдейл ни в коем случае не стал бы оборудовать тут тайник, — подумала Хелен. — Что же делать: а вдруг это хорошо продуманная операция Скотленд-Ярда по захвату того, кто придет сюда изымать материалы?.. Нужна проверка. Проверка и еще раз проверка. Убедиться, что за мною не было «хвоста», вести наблюдение за дорогой, засечь машины, записать их номера…»

Отъехав подальше от места закладки тайника, Хелен вытащила из багажника запасное колесо, монтировку и, делая вид, что меняет баллон, стала вести скрытое контрнаблюдение: не бросая беспокойных взглядов по сторонам, не оборачиваясь грубо и демонстративно, а удостоверяясь другими неприметными и естественными способами — поворотом тела у баллона, приседаниями или сменой места положения у колеса.

Убедившись, что ничего подозрительного в действиях дорожных ремонтников нет, решила основательно провериться и, бросив колесо и монтировку в багажник, не закрывая его, направилась повыше к кладбищу. Укрывшись за одним из памятников, стала наблюдать за тайником и за своей машиной. «Кто знает, возможно, в «мерседес» давно уже вмонтировали слуховой «жучок», подобный радиомаяку, и он теперь сигналит полиции о моем местонахождении, — думала Хелен, — Потому, очевидно, и не было «хвоста» как обычно, а эти проклятые филеры находятся где-то в пригороде на значительном от меня расстоянии. И если это так, то, зная, что машина у тайника, кто-то должен сейчас сюда подъехать. И сделать это они могут, используя только одну дорогу. Хорошо, что и она под моим контролем. Что ж, подожду еще немного…» И тут в ее памяти всплыли часто повторявшиеся слова Гордона Лонсдейла: «Не надо забывать, на чем строится любая разведка: на везении и риске. Надо уметь рисковать, а там, глядишь, и повезет…»

Несколько минут она продолжала стоять на краю кладбища, соображая, что ей предпринять в сложившейся ситуации. «Может, мне сделать большой крюк и подойти к тайнику с противоположной стороны?» — пришла ей мысль. Так она и поступила. Но дорожных рабочих на прежнем месте уже не

оказалось. И вообще их нигде не было видно. Отыскав кусочек фольги, обозначавший место закладки тайника, Хелен снова проверилась. «А вдруг он начинен электронной сигнализацией? — внезапно мелькнула у нее мысль. — А группа захвата окопалась где-нибудь поблизости…» Посмотрела на часы: на обработку и возврат материалов у нее оставалось мало времени. Решила рискнуть, надеясь в случае чего спастись бегством: добежать до своей машины раньше группы захвата. Еще раз убедившись, что за ней никто не следит, она присела на корточки и быстро начала разгребать землю. Как только обнаружилась упаковка в форме небольшой коробки из-под шоколадных конфет, Хелен без суеты взяла ее и, не глядя по сторонам, что есть духу побежала к машине. Осмотревшись около нее и убедившись, что никто за ней не следит, быстро села за руль, развернула «мерседес» и, моментально набрав скорость, поехала в сторону Лондона. В пригороде она долго ходила по узким улицам, пытаясь обнаружить слежку. «Кажется, «хвоста» нет», — едва успела она подумать об этом, как на одном из перекрестков неожиданно вырос высокий полицейский. Он дал ей отмашку «остановиться». «Что бы это значило?.. Правил движения вроде бы не нарушала: никого не обгоняла, скорость не превышала, на светофоры реагировала правильно». Сразу же вспомнилась злополучная встреча с дорожными рабочими и, молниеносно связав два этих события, она настолько всполошилась, что чуть было не задавила стража порядка, резко затормозив перед самым его жезлом.

— В чем дело, сэр? — спросила она, стараясь внешне сохранить спокойствие. В это время подошли еще двое полицейских с радиопереговорными устройствами в руках. «Черт возьми, неужели за мной все же следили с помощью «радиожучка»? — пронеслась в ее голове тревожная мысль. — Ну что ж, чему быть, того не миновать».

Улыбающийся полицейский, поигрывая дубинкой, подошел к дверце «мерседеса» и вежливо произнес:

— Извините, миссис, но багажник машины следует всегда закрывать. Разрешите мне захлопнуть?

— Да ради бога, — весело обронила она и посмотрела назад: багажник был действительно открыт (бросив монтировку и запасное колесо, она забыла его закрыть).

Сделав вид, что ничего страшного не произошло, Хелен поблагодарила полицейского за услугу, остальным двум кокетливо подмигнула и, включив мотор, резко рванула с места — не выдержали нервы.

* * *

Волнения и тревоги Хелен, связанные с изъятием материалов из тайника, оказались ненапрасными: информация, доставленная ею, представляла большую ценность для советского МИДа и Министерства обороны. Эта ценность определялась тем, что совершенно секретные документы Адмиралтейства раскрывали:

— результаты испытаний военно-морской техники, в том числе гидроакустических приборов;

— сроки и место проведения маневров военно-морских сил стран НАТО.

— планы совместных действий сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил Великобритании на случай чрезвычайных обстоятельств, военных конфликтов и региональных кризисов;

— унизительное для англичан соглашение с американцами о поставке атомной энергетической установки устаревшего типа для строительства подводной лодки «Дредноут».

Но прежде чем эта важная информация, изложенная на ста двадцати листах, была передана в Центр, дом Крогеров на несколько дней и ночей снова превратился в неприступную крепость. Питер, считавший, как всегда, что от быстроты обработки и пересылки в Москву материалов зависит своевременность принятия решений на правительственном уровне, работал в фотолаборатории по двадцать часов в сутки. Чаще всего по ночам. В этот напряженный период Хелен получила из Центра радиограмму о скоропостижной смерти отца Питера и захоронении его на нью-йоркском кладбище в Рочелл-парке. Она решила не сообщать об этом мужу до тех пор, пока он не закончит все работы в домашней фотолаборатории. Когда Питер вышел из нее, то казалось, что даже внешне он сильно изменился: от недосыпания покраснели веки глаз, на запавших небритых щеках и подбородке выступила густая игольчатая щетина.

После того как он привел себя в обычное состояние, Хелен показала ему радиограмму.

Известие о смерти отца ошеломило Питера: закрыв лицо руками, он чуть слышно запричитал:

— Господи! Прости меня за то, что я не уберег его… Если бы я съездил к нему хоть на денек, он бы еще крепился, остался бы живым. Мне не случайно так сильно хотелось увидеться с ним… Я как будто предчувствовал, что скоро его может не стать…

Хелен никогда еще не видела мужа таким подавленным, а потому не знала, что надо предпринять, чтобы хоть немного успокоить его. Когда же он начал снова бормотать какие-то

несвязные слова, она подошла к нему, наклонилась поближе, стала что-то говорить ему, но он противился этому.

— Не надо, Лона… Прошу тебя… не надо… Я знаю, что не вернешь его теперь…

Неожиданно кто-то постучал в дверь. Хелен вышла открывать. Вскоре она вернулась вместе с Лонсдейлом, сообщив ему на ходу о смерти отца Питера. Гордон, выразив ему свое соболезнование, сказал:

— Твой отец, Пит, прожил долгую жизнь и увековечил себя хорошим сыном…

На лице у Питера что-то дрогнуло, зрачки глаз сузились, на лбу выступили мелкие капли пота. Он так сильно сжал кулаки, что костяшки его пальцев побелели. Сделав усилие, чтобы сдержать себя, он тихо обронил:

— Большой грех лежит и на тебе, Гордон: отец мог бы еще жить, если бы я навестил его… Но ты почему-то всегда был против этого… Хотя сам не раз уже бывал дома…[39]

Лонсдейл не ожидал от него такого упрека.

— Если ты считаешь, что я виноват, — заметил он, — то прости меня, Пит. Но ты же знаешь, смерть не спрашивает, кому, когда, где и как умереть…

— Если можно, оставьте все меня… Хочу побыть один…

Хелен жестом дала понять Лонсдейлу, чтобы он безропотно следовал за ней. Когда они шли в другую комнату, она тихим голосом сообщила, что для него тоже поступила радиограмма из Центра. Взяв с книжной полки томик Уитмена, она вытащила из него отпечатанный на машинке листок бумаги и подала его Лонсдейлу.

В директиве Центра говорилось:

> Нами получены подтверждающие вашу информацию сведения о том, что СИС совместно с ЦРУ разработаны специальные вопросники по сбору разведывательной информации в разных странах мира.
>
> Просим приложить максимум усилий по добыванию копий вопросника по социалистическим странам, в том числе по СССР.
>
> *Артур.*

Прочитав, Лонсдейл возвратил Хелен радиограмму.

— Что, непростое задание? — спросила она.

— Да нет. Центр поздновато спохватился. Первое донесение я отправил полгода назад через Родина,[40] и, пока перепроверяли информацию, поезд ушел… Но ничего, постараемся получить то,

что надо Центру.

Лонсдейл достал из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и передал его Хелен:

— Об этом надо радировать как можно быстрее.

— Что здесь?

— Почитай.

Хелен развернула листок и начала читать про себя:

> Ваше задание по Портону выполнено. В ближайшее время контейнер с результатами микробиологических исследований будет направлен вам через курьера. В контейнере несколько десятков, а может быть, и сотни бактерий. При обращении с ними необходимо соблюдать особую осторожность и иметь в виду, что один микроб страшнее взрыва термоядерной бомбы.
>
> *Бен*
>
> *18 августа 1958 года.*

Закончив чтение, Хелен тревожно посмотрела на Лонсдейла.

— Ну что? — спросил он.

— Душу сжало.

— От чего?

— От страха… Это все правда?

— Что правда?

— Что один микроб страшнее атомной бомбы.

— Да, в десятки раз опаснее того, за чем вы когда-то охотились в Лос-Аламосе. Как видишь, наука идет вперед.

— Но кому нужна такая наука, если она направлена на разрушение, умерщвление всего живого на Земле. Это же все делается для войны! А мы сидим здесь и молчим…

— Нет, не молчим и не сидим просто так. Мы с вами работаем здесь во имя того, чтобы не было войны. Наша главная задача — добывать информацию, не просмотреть возможной подготовки Запада к ядерной или какой-либо другой войне. И в этом отношении наша работа в Лондоне, как это ни парадоксально, нисколько не угрожает безопасности самой Англии и ее народа.

Хелен улыбнулась и тихо, чтобы их не могли записать с помощью, возможно, установленного в доме подслушивающего устройства, сказала:

— Тогда получается, что в случае провала мы и не должны подлежать наказанию?

— К сожалению, это не так. Хотя… как сказать? Перед

командировкой в Лондон я изучал законодательство Великобритании и не нашел в нем ни одной статьи, осуждающей шпионаж. Есть, правда, одна статья, но она трактуется несколько иначе, чем у нас. У них есть тайный заговор… или сговор с целью нарушить закон о сохранении гостайны.

— И что это будет означать для нас?

— Это будет означать, что статья с такой трактовкой ничем нам не будет грозить до тех пор, пока нам не докажут, что мы состоим в сговоре.

— А кто это «мы»?

— Я и Питер.

— А меня, значит, ты не берешь во внимание?

— Конечно нет! И притом сознательно. Ведь если считать и тебя, то это будет уже три человека и будет квалифицироваться судом как тайный сговор… На всякий случай имей в виду, ты не посвящена в наши дела. Ты была всегда просто домохозяйкой.

Хелен кокетливо повела плечиком и согласилась:

— Что ж… пусть будет так. Тогда вы с Питером тоже должны не выдавать меня, а я соответственно вас. Ни при каких обстоятельствах!

— Вот именно! Только так и должно быть!

* * *

Через полтора месяца по просьбе Лонсдейла Крогерам взамен вышедшего из строя радиопередатчика «Астра» прислали из Москвы три новые радиостанции «Мэрфи». При первом же выходе в эфир Хелен приняла для Лонсдейла короткую радиограмму.

В ней говорилось:

> Контейнеры с продукцией Портонской лаборатории получены. Просим информировать о результатах дальнейшей работы по ней, обратив особое внимание на сбор сведений об ученых-бактериологах.
>
> Одновременно напоминаем, что в 1960 году истекает срок действия паспортов «Дачников». Необходимо им напомнить о продлении документов. За успешное выполнение заданий по Портленду и Портону «Бен» и «Дачники» представлены к правительственным наградам.
>
> *Артур.*

Из материалов дела № 13 676

Совершенно секретно.
Экз. единственный

РАПОРТ

В результате проведенного анализа материалов дела № 13 676 установлено: данных о расшифровке «Дачников» не имеется. О местонахождении их в Великобритании ЦРУ неизвестно. Однако серьезной уликой является обнаруженная у Абеля Р. И. фотография «Дачников» с их настоящими именами на обратной стороне фотоснимка. Кроме того, в легенде прикрытия отсутствуют какие-либо сведения о их проживании в Польше в 1950–1953 гг. По отступной легенде, «Дачники» — поляки, однако в случае ареста они не смогут объяснить:

— почему у них нет никаких документов, связанных с пребыванием в Польше, и чем они там занимались;

— почему «Дачники» прибыли в Лондон по чужим документам, а не под своими настоящими фамилиями.

Учитывая эти уязвимые места в отступной легенде «Дачников», полагал бы целесообразным скорректировать ее и довести до их сведения через т.т. Родина или Бена.

Полковник Д. П. Тарасов[41]

14 октября 1960 года.

На рапорте наложена резолюция:

Прошу срочно доработать и доложить скорректированную легенду «Д»,[42] а также наши мероприятия по возможному выводу их в Советский Союз в случае возникновения опасности провала.

А. М. Сахаровский

16 октября 1960 года.

Через два дня рапорт с предложениями по отступной легенде «Дачников» был доложен начальнику I Главного Управления. В документе наряду с другими вопросами отмечалось:

«1. В Польшу «Дачники» прибыли в 1950 году по своим американским паспортам, однако вскоре были арестованы за незаконный въезд в эту страну. В течение двух лет они отбывали наказание, затем приняли польское гражданство и проживали в Варшаве на улице Вавельска. В 1954 году польский еврей по фамилии Мордухович предложил им за 500 долларов новозеландские паспорта на имя Крогеров, и с этими документами они выехали сначала в Австрию, затем в Англию.

2. В конце 1960 года в Лондоне Крогеров нашел неизвестный тип и от имени того же Мордуховича начал шантажировать возможным заявлением в Скотланд-Ярд о незаконном их проживании в Англии, если они откажутся оставить в своем доме на сохранение его вещи. Получив согласие, он через некоторое время пришел к ним снова и принес несколько больших упаковок Заплатив Крогерам якобы за хранение его вещей тысячу фунтов, он впоследствии оборудовал в их доме радиостанцию.

3. По плану мероприятий на случай возможного вывода Крогеров из Англии им предписывается вылететь во Францию, затем в Копенгаген. В морском порту сесть на советский пароход. Перед тем как покинуть Лондон, выдать условный звонок в резидентуру. Второй вариант: выехать по запасным канадским паспортам во Францию, а оттуда в Швейцарию. В Берне обратиться в советское консульство за получением въездной визы в СССР».

Получив такое дополнение к ранее разработанной легенде, Питер не на шутку заволновался: не находятся ли они на грани провала? А тут еще, как назло, приснился ему накануне странный сон: будто прибыл он на кладбище Хайгейт для закладки материалов в тайник, подошел к подобранному для этого месту и неожиданно для себя увидел прятавшуюся за деревом хозяйку соседнего дома Рут Сёч, которая, как он понял, вела за ним наблюдение. Питер попытался уйти от ее слежки, но ему это не удалось. Соседка продолжала преследовать его, а когда он оказался далеко за пределами кладбища, то сразу очнулся и заснуть уже не смог.

За завтраком он рассказал об этом Хелен, та увязала сон с поступившей днем раньше радиограммой о корректировке их поведения в случае провала и тоже вбила в голову, что с ними должно что-то случиться.

Гложущее чувство тревоги долго не покидало Крогеров. В конце концов они сообщили об этом Лонсдейлу. В тот же вечер Гордон приехал в Руислип и пригласил их на прогулку перед сном. Он выслушал внимательно все их опасения и, глядя Питеру в глаза, укоризненно покачал головой:

— Я не вижу ничего такого, что могло бы предвещать вам или мне опасность. Я не понимаю, зачем увязывать какие-то сновидения с радиограммой из Москвы? Корректировка вашей легенды вызвана стремлением еще больше обезопасить вас на случай непредвиденных обстоятельств. А вы, ударившись в мистику, запаниковали…

— Не мистика это, Гордон, а предчувствие, — поправила Хелен. — Сны у людей часто сбываются… И ты это прекрасно знаешь!

— Ну, вы уже зациклились на этом сне… Нельзя же так! — Лонсдейл старался держаться спокойно, хотя ему было трудно говорить с ними не сердясь. — Вам надо забыть обо всем этом, — добавил он после некоторой паузы.

— Ты, Гордон, не слишком вежлив с нами, — с обидой вдруг обронила Хелен и недовольно посмотрела на мужа, недоумевая, почему тот продолжает молчать. — Это плохо еще и потому, что ты тоже нервничаешь, — продолжала она. — Что, кстати, не делает тебе чести.

— Просто я не могу быть всегда сладким, как ореховый торт. Особенно в ситуациях, когда начинают изводить себя и других мистическими домыслами…

— Гордон прав, — наконец заговорил Питер. — Нам, конечно, нельзя сейчас раскисать. Извини, Гордон, за проявленную слабость. Но было бы хуже, если бы мы не сказали тебе об этом. Только признание и этот обмен мнениями могли спасти нас от дальнейшего беспокойства за свою судьбу. Ну, а что касается сна, то пусть сон будет не в руку!

— Ну это уже другое дело, — Лонсдейл многозначительно вздохнул. — Послезавтра, Пит, я должен для тебя заложить тайник По графику — поверь, так уж совпало — на Хайгетском кладбище. Вот мы и проверим, насколько вещим был твой сон!

— Не шути так, Гордон, — остановил его Питер. Мысль его сделала неожиданный поворот. — От закладки в тайник крупных размеров камуфляжей с большим количеством материалов нам пора отказываться. Это к хорошему не приведет. Изымать их намного опаснее, чем, скажем, фотопленку. И лучше всего непроявленную…

— Я уже говорил по этому поводу со своим источником, но он категорически отказывается фотографировать добываемые им

материалы.

— Почему?

— Опасается, что за подобным занятием его могут накрыть.

— Это кто, Шах так говорит?

— Да, он.

— Но у нас, пойми правильно, Гордон, не хватает времени на все. Куда бы еще ни шло, если бы от Шаха поступало несколько десятков листов, а то ведь сразу по полторы-две сотни. Это очень отвлекает нас от коммерческой деятельности, как правило, на две-три недели. А не уделять ей столько времени каждый месяц никак нельзя! В конце концов это может вызвать подозрение у моих коллег-книготорговцев: начинал, мол, дело активно, а когда добился всего — стал вдруг заниматься этим делом спустя рукава… Да это и не похоже на меня, подумают они.

— Я согласен с тобой, Пит, но придется потерпеть.

— Потерпеть-то можно, но ведь будет страдать дело. Мы тем самым подвергаем и себя, и Шаха большому риску.

Лонсдейл долго молчал, обдумывая сказанное Питером. Потом, ничем не выражая своего недовольства, заявил:

— Хорошо, Пит, со следующего месяца я буду сам фотографировать в машине получаемые от Шаха материалы. А передавать буду непроявленные пленки.

— Но это еще не все, — остановил Питер поднимавшегося со стула Лонсдейла. — Давай обсудим еще одну проблему.

— Давай, — Гордон снова уселся на стул.

— Представь себе, — начал Питер, — что через какое-то время — по истечении срока командировки или по каким-то другим причинам — нас выведут из этой страны. Возвратимся мы, скорее всего, в Союз. Ну, а дальше что?.. Разведывательная работа для нас на этом закончится, а устроиться куда-либо нам уже не удастся…

Лонсдейл внимательно следил за его мыслью, потом поглядел украдкой на Хелен: она, по всему чувствовалось, хотела что-то сказать.

— Почему не удастся? — вставил он, переключив взгляд снова на Питера.

— Да потому, что мы не знаем русского языка, — подхватила Хелен, — и не являемся гражданами вашей страны. Да и возраст у нас будет уже пенсионный.

— Ну это вы зря! Наша страна никогда не оставит вас без куска хлеба.

— Оставит или не оставит — это еще как сказать! Одной судьбе известно, что будет с нами. И потому мы хотели бы обратиться к вашему правительству с просьбой принять нас с

советское гражданство. Как ты думаешь, нас могут принять?

— А почему нет? — удивился Лонсдейл. — Завтра же доведу эту информацию до наших товарищей в консульстве, а они сообщат об этом в Центр. Я полагаю, вопрос будет решен положительно.

Крогеры радостно переглянулись.

— Спасибо, ты нас успокоил, — заметила Хелен.

— А чтобы и мне со спокойной душой покинуть вас, убедительно прошу еще раз обратить внимание на более конспиративное хранение разведывательного снаряжения. — Лонсдейл вытащил из сумки светильник и, поставив его на стол, сказал: — В полости его спрячьте отработанные коды, а также расписание последующих радиопередач, — Затем он покопался в карманах и, вынув зажигалку «Ронсон», добавил: — В нее вы тоже можете кое-что упрятать.

Питер воспринял рекомендации Лонсдейла с полным пониманием, а Хелен, недоуменно пожав плечами, с иронией спросила:

— К нам что, из Центра… едет ревизор?

— Нет, не ревизор. Просто береженого Бог бережет.

* * *

Полученные через тайник материалы от Лонсдейла настолько заинтересовали Питера, что он, прежде чем заняться микрофильмированием, сначала прочел их. Это был разведывательный вопросник, состоящий их трех разделов. Первый раздел нацеливал английскую агентуру на сбор «сведений особой важности» — о плане экономического развития СССР, и прежде всего о военной промышленности — объем производства, ресурсы, новые боевые самолеты и авиационное оборудование, организация воздушной обороны. В этом же разделе английскую разведку интересовали вооружение и снаряжение Советской Армии, дислокация и номера воинских частей. Особое внимание уделялось местонахождению подводных атомных лодок и стартовых площадок для ракет.

По второму разделу, озаглавленному «Важные сведения», МИ-6 интересовали признаки изменения внутренней организации и политики советского правительства; возможное возникновение экономических затруднений и текущее положение в промышленности и сельском хозяйстве, а также конкретные сведения на крупных ученых: степень их подготовки и квалификации, разработкой каких проблем они занимаются,

оплата научного труда и так далее.

Третий раздел — самый короткий — назывался «Выяснить по возможности». По нему требовалось добыть информацию об именах, фамилиях, должностях и личных качествах офицеров всех родов войск в чине от майора и выше.

Встретившись в следующий раз с Лонсдейлом в своем офисе, Питер в осторожной форме завел с ним разговор об этой акции английских спецслужб:

— Вопросник МИ-6, который я получил от тебя, заставляет меня думать, что английское руководство готовится к войне против СССР. Я правильно это понял?

— Да, правильно. К сожалению, Пит, в мире всегда существовали и существуют не только миролюбивые государства, но и страны, перед секретными службами которых всегда стояла и стоит задача не предотвращать войны, а, наоборот, собирать сведения о потенциальном противнике для подготовки или возможного нанесения внезапного ядерного удара. Перед советской разведкой стояла и стоит совершенно иная задача. Я бы сформулировал ее так; всеми доступными методами и средствами, в меру сил и возможностей, предотвратить угрозу нашей стране. Ты, конечно, можешь не согласиться: мол, как это разведка может предотвращать войны? Но ты вспомни, что недавно писали в «Таймс» читатели ее главному редактору. В письмах прямо говорится, что разведчик — это самый ценный, но не признанный еще слуга общества, что он достоин всяческого восхваления за то, что помогает избегать возникновения войн и даже предотвращать их. Ты можешь опять спросить: как он может это сделать? Отвечаю: в кармане у меня дочти всегда находится крохотный передатчик. Он способен выстрелить в эфир за одну секунду около ста слов. Этот радиопередатчик необходим мне только для исключительной цели: моментально послать в Москву информацию-молнию о готовящемся атомном нападении на Россию. Получив такой сигнал, там могут успеть принять необходимые меры для ответного удара… Вот почему мы, Пит, должны быть абсолютно точными и уверенными в правоте своего дела.

— Когда я прочитал разведывательный вопросник СИС, то никак не мог понять, зачем англичанам-то влезать в подобные военные авантюры? Ведь если начнется опять война, то я могу себе представить, что может стать с этим островным государством при такой высокой плотности населения. Это все равно что сунуть гранату в бочку с рыбой.

— Да, это так Потому мы здесь и работаем. Каждый из нас добывает частички нужной информации, и когда они сходятся в

Центр из многих загран-точек, то получается мозаика, из которой складывается полная картина. Она-то и помогает нашему правительству принимать правильные решения или даже делать политические прогнозы на будущее… Кстати, информацию по подводным лодкам вы отослали в Центр?

— Я физически не мог этого сделать. Обработать полторы тысячи листов не так-то просто…

— А разве Лона не помогает тебе?

— Помогает, но сейчас у нее много своих забот. Осваивает новую радиостанцию «Мэрфи».

— А «Астру» куда спрятали?

— Закопали в саду.

— Это вы неплохо придумали… А как обстоят дела с «Мэрфи»?

Вспомнив о накладке при первом выходе в эфир на новой радиостанции, Питер ответил не сразу;

— Все нормально, но однажды Лона приняла радиограмму, которую до сих пор расшифровать не удалось… Попросила радиоцентр повторить текст сообщения, а оттуда ответили, что никакой передачи на той неделе для нее не было.

Лонсдейл побледнел.

— Как же это могло получиться?.. Может, она работала на чужой волне?

— Вполне возможно. Но Лона в тот день ничего не передавала, и поэтому запеленговать ее никак не могли. К тому же вчера нам уже поменяли и позывные, и дни выхода в эфир. Так что ничего страшного не произошло, — успокоил его Питер.

В это время зазвонил телефон. Поняв по первым фразам, что у Питера начался деловой разговор с кем-то из клиентов, Лонсдейл жестом попрощался с ним и покинул его офис.

* * *

Хелен продолжала работать на радиостанции «Мэрфи». Среди принятых ею радиограмм были и такие, которые грели душу, что было очень важно в условиях нелегальной работы:

> Передайте поздравления «Дачнику» в связи с днем рождения. Желаем ему счастья, доброго здоровья, а его фирме дальнейшего процветания.
>
> Передайте «Бену» поздравления с получением «Большой Золотой Медали» за лучший британский экспонат на Международной выставке в Брюсселе.

17 октября 1960 года Центр радировал Крогерам и Лонсдейлу о необходимости загрузки тайника с подробным описанием его местонахождения недалеко от поворота на кладбище Хайгейт-хилл. Указывалось также, что для закладки контейнера в тайник надо выкопать ямку размером 20х20 сантиметров.

Через неделю Хелен получила от Гордона Лонсдейла контейнер с секретнейшей продукцией Портонской лаборатории по изучению биологических методов ведения войны. Это был небольшой термос, в котором находилась пробирка с бактериями. В тот же день Хелен выехала на Хайгейт-хилл. При подъезде к месту закладки тайника она заметила тренировавшихся на пустыре солдат из территориального подразделения английских войск, и напротив них, на обочине дороги, стояли два крытых военных «студебекера». Впервые за время проведения тайниковых операций ей стало страшно, она чувствовала себя так, словно на нее надвигается неотвратимая опасность. Невольно возникла мысль: не связано ли это с деятельностью английской контрразведки? В самом деле, не слишком ли много случайных накладок за столь короткое время? Дважды в районе расположения тайников она уже столкнулась с посторонними людьми. Винить в этом Лонсдейла она никак не могла, потому что знала, что Гордон в подборе мест для тайников был безупречен, конспиративность их была всегда стопроцентной. А тут вдруг дважды уже — то дорожные рабочие, то теперь вот — солдаты. С чего бы это? Положение было хуже некуда. И посоветоваться даже не с кем. Но надо было что-то предпринимать: или идти на риск — оставлять контейнер в тайнике, или выставлять сигнал опасности в Лондоне, чтобы разведчик посольской резидентуры не выходил на тайниковую операцию. Она еще раз просчитала: ей надо пройти от дороги до тайника тридцать метров и столько же обратно — на это уйдет самое большее полминуты, столько же потребуется на закладку тайника. Всего получается минута. «За минуту «студебекеры» не успеют даже развернуться, а мне главное — лишь бы успеть сесть за руль», — подумала Хелен и тут же вспомнила давний совет Абеля о том, что машина придает разведчику чувство уверенности, что если и подстерегает его опасность, то он будет укрыт в ней со всех сторон — будет находиться, можно сказать, на своей территории. Что ему останется лишь нажать на газ, и десятки лошадиных сил унесут его от противника… А Хелен умела лихо водить машину.

И все же она не пошла в этот раз на закладку тайника, не стала подвергать опасности разведчика, который должен был

прибыть на его изъятие. На другой день, когда на пустыре никого не было и никто не вызывал у нее никаких подозрений, она положила упаковку в углубление, прикрыла ее землей и пожухлой осенней травой, а затем как ни в чем не бывало вернулась в Лондон. На одной из улиц в условленном месте она поставила мелом метку, сигнализировавшую о загрузке тайника, потом условной фразой сообщила Лонсдейлу по телефону о выполнении задания…

* * *

Из дела № 13 676

Совершенно секретно.
Председателю КГБ при СМ СССР т. Шелепину А Н.

РАПОРТ

В нелегальной резидентуре Бена в Англии с 1955 г. работают в качестве связников-радистов разведчики-интернационалисты, граждане США, нелегалы Леонтина и Моррис Коэны.

Помимо выполнения основной своей роли, они оказывают постоянную помощь Бену в вербовочных акциях и в проведении различных разведывательных операций, связанных с получением и обработкой секретной информации.

В 1950 году в связи с возникшей угрозой провала они были выведены из США в СССР, оставив все свое имущество в Нью-Йорке.

Коэны давно уже посвятили свою жизнь работе на советскую разведку. Недавно они обратились в Комитет с ходатайством о приеме их в советское гражданство.

Принимая во внимание, что у них сейчас нет никаких сбережений, считали бы целесообразным установить им зарплату в размере 800 рублей в месяц и выйти в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством о принятии их в советское гражданство.

Просим рассмотреть.

Начальник Первого Главного Управления КГБ при СМ СССР генерал-лейтенант А. М. Сахаровский.

23 октября 1960 г.

На рапорте синим карандашом наложена резолюция:

> Согласен. Прошу подготовить проект записки в инстанцию с ходатайством о приеме Коэнов в советское гражданство.
>
> *А. Шелепин.*
>
> *25.X.60 г.*

Такой документ был вскоре подготовлен и направлен в ЦК КПСС. В Комитет госбезопасности он возвратился с резолюцией секретаря ЦК:

> Вопрос о Коэнах поставлен преждевременно. Они могут еще предать нас. Вот когда вернутся в Советский Союз, тогда и будем рассматривать их ходатайство.[43]
>
> *М. Суслов.*
>
> *2. XI.60 г.*

* * *

В конце 1960 года генеральный директор МИ-5 Роджер Холлис получил из ЦРУ материалы допроса перебежчика — одного из руководителей польской разведки полковника Михаила Голеневского,[44] сообщавшего о том, что у русских есть в Англии два очень ценных агента: один в Интеллидженс сервис, другой завербован восемь лет назад в Варшаве польскими и советскими органами госбезопасности. По данным Снайпера (такая кличка была присвоена Голеневскому), первый агент находился в плену в Северной Корее,[45] а второй — работал в посольстве Великобритании в Варшаве шифровальщиком военно-морского атташе.

В тот же день шифровальщик был установлен по картотеке английского МИДа. Им оказался Гарри Фредерик Хаутон, 1905 года рождения, родился в г. Линкольне. В 16 лет ушел служить на флот.

Во время II мировой войны ходил с конвоями на Мальту и в Мурманск. В 1952 году был направлен в Польшу в качестве сотрудника военно-морского атташата. Работая в этом аппарате, Хаутон занимался махинациями на Варшавском черном рынке,

злоупотреблял «выборовой» и «житневой», за что и был отправлен в Англию до окончания срока служебной командировки…»

А вот что сообщалось о нем в документах, приобщенных к делу № 13 676:

1. «…Особую ценность представляют переданные «Шахом»[46] в последние два месяца шифры и инструкции. Используя их, разведка получила возможность проникнуть во многие тайны Адмиралтейства и военно-политического блока НАТО…»

2. «…После того как «Шаха» отозвали в Англию, он устроился на работу в учреждение, занимавшееся испытанием подводного оружия и различным гидроакустическим оборудованием для обнаружения подводных лодок. Учреждение это располагается на территории военно-морской базы в Портленде. С «Шахом» восстановлена связь сотрудником посольской резидентуры.

В процессе сотрудничества он передал советской разведке большое количество чертежей и документов различных видов оружия и приборов, которыми оснащаются английские подводные лодки.

В целях безопасности полагал бы целесообразным передать его на связь опытному разведчику-нелегалу Бену…»

3. «…С санкции Центра Бен взял на связь «Шаха» от имени Алека Джонсона — капитана второго ранга военно-морского флота США…»

Получив полные данные на Хаутона, Роджер Холлис дал указание:

1. Установить за Хаутоном плотное наружное наблюдение.
2. По месту службы изучить все его связи и возможности по сбору информации.
3. Взять под контроль его телефонные разговоры.
4. Провести негласный обыск по месту работы и жительства.

Через некоторое время на стол генерального директора МИ-5 поступило первое сообщение:

> .. Лаутон работает на Портлендской военно-морской базе. На ее территории расположен закрытый особо режимный научно-исследовательский центр по разработке электронной, магнитно-акустической и тепловой аппаратуры для обнаружения подводных лодок, морских мин, торпед и других видов противолодочного оружия. Там же работает его любовница — Этель Элизабет Джи.[47] Она занимает должность старшего клерка бюро учета и размножения секретных и совершенно секретных документов.

Происходит из довольно респектабельной семьи. На государственную службу в Портленд направлена в 1940 году. С Гарри Хаутоном — роман с 1955 года. Не замужем.

При проведении обыска по месту жительства Хаутона найдены папки с секретными документами Адмиралтейства и план базы в Портленде…

В следующем донесении шефу службы госбезопасности Роджеру Холлису сообщалось:

…Сотрудниками Скотленд-Ярда зафиксирована подозрительная встреча Хаутона на Ватерлоо-роуд с неизвестным лицом, которому он передал пакет в целлофановой сумке, а в обмен получил конверт размером 4х3 дюйма. Связь Хаутона была взята нами под наблюдение.

Установлено: неизвестным лицом является сэр Гордон Арнольд Лонсдейл — один из директоров фирмы «Мастер Свитч и К»», проживающий в «Белом доме», владелец богатой загородной виллы и около десятка личных номеров в лучших отелях Лондона.

Лонсдейл — миллионер, имеет свой вклад в отделении Мидлендского банка на Грейт-Портленд-стрит с правом получения солидного кредита. Титул «сэр» ему дарован лично Ее Величеством Королевой за то, что он прославил Великобританию на Международной выставке в Брюсселе…

Ознакомившись с этим донесением, Холлис собрал руководителей отдела, который вел разработку Хаутона, и спросил:

— Что будем делать с почтенным сэром Лонсдейлом?

Никто из присутствующих на собрании не решился что-либо сказать о человеке из высшего общества. После того как шеф МИ-5 пояснил, что английская контрразведка тоже не располагает пока никакими доказательствами шпионской деятельности Лонсдейла, началось обсуждение хода дальнейшей работы по нему и Хаутону. Тогда же были определены основные ее направления:

1. Через возможности особого управления Скотленд-Ярда продолжить наблюдение за Хаутоном и Лямбдой-2.[48]

2. По местам работы и жительства Лямбды-2 и Этель Джи провести неофициальные обыски.

3. Побудить Хаутона и Этель Джи признаться в проведении

шпионской деятельности, напомнив им о том, что в случае добровольного признания они смогут рассчитывать на снисходительность суда при определении меры наказания.

4. Довести до сведения Хаутона, чтобы на последнюю встречу с Лямбдой-2 он пришел вместе с Эгель Джи, что позволит суду легко доказать и ее причастность к шпионскому заговору.

5. Совместно с суперинтендантом Управления специальных расследований Скотленд-Ярда Джорджем Смитом разработать детальный план мероприятий по делу «Лямбда-2». Основное внимание уделить выявлению его шпионских связей в Англии и сбору вещественных доказательств, а также подготовке операции по захвату Лямбды-2, Хаутона и Джи в момент обмена информацией. Не допустить при этом возможного использования ими ампул с ядом.

6. Получаемые в процессе разработки Лямбды-2 материалы докладывать лично генеральному директору МИ-5 Роджеру Холлису.

По линии Скотленд-Ярда ответственность по руководству разработкой и операцией по аресту Лонсдейла и его связей была возложена на суперинтенданта Джорджа Смита. В Управлении специальных расследований за ним прочно закрепилось прозвище Супер-Смит. Его заместителем был назначен другой Смит — по имени Фергюссон. Он являлся старшим инспектором полицейского участка. На Смитов возлагалось и проведение официальных обысков и первичных допросов…

* * *

Через некоторое время генеральному директору МИ-5 Роджеру Холлису был доложен меморандум старых сводок периодического наблюдения за Лямбдой-2. В нем сообщалось:

— 26 октября Лонсдейл оставил в Мидлендском банке на Грейт-Портленд-стрит большой кожаный портфель,[49] в котором находились деловые бумаги, пленки, дорогостоящая фотокамера и список с названиями улиц;

— 25 ноября Лямбда-2 и Хаутон встретились у паба[50]«Мэйпл» на Дитон-роуд. В пабе они обменялись портфелями, после чего «Л-2» уехал на своей машине. Однако на одной из улиц Лондона он был потерян службой наружного наблюдения. На другой день его машина была обнаружена на Уиллоу-гарден, в районе Руислипа;

— 18 декабря Лонсдейл встретился с Хаутоном и Этель Джи у театра «Олд-Вик», где ему была передана толстая папка. После

этой встречи он выехал в Руислип и длительное время находился в доме № 45 по Крэнли Драйв, в котором проживают супруги Крогер — Хелен и Питер.

Ознакомившись со всеми этими материалами, Роджер Холлис пригласил на беседу суперинтенданта Скотленд-Ярда Джорджа Смита и поинтересовался его мнением в отношении дальнейшей разработки Лонсдейла. Мнение того было однозначно: как можно скорее пресечь последующую утечку секретной информации из Портленда и произвести арест Лямбды-2, Хаутона и Этель Джи.

Холлис задумался. Было видно, что он согласился с мнением Супер-Смита, но его сдерживала от принятия решения непроработанная связь Лямбды-2 — супруги Крогеры, что и подтвердилось в его вопросе к суперинтенданту:

— А чем мы располагаем сейчас на супругов Крогер?

— Пока ничем. Улик против них у нас нет, — ответил Смит.

— Но они могут быть, если установить за ними подвижное и стационарное круглосуточное наблюдение… Попробуйте оборудовать в каком-нибудь из соседних с Крогерами домов наблюдательный пункт.

— А под каким предлогом?

— Под предлогом поимки преступника, якобы совершившего в Руислипе ряд крупных краж со взломом и неоднократно появлявшегося около дома Крогеров… Изучите их прошлое. Если они тоже вражеские агенты, то с кем они еще встречались? Куда и на какое время они исчезали из Лондона? То же самое необходимо сделать и в отношении Лямбды-2.

— Это мы сделаем, — поторопился с ответом суперинтендант.

— Подождите, это еще не все, — остановил его Холлис. — Нам надо обязательно провести в их доме негласный осмотр с целью возможного обнаружения предметов, свидетельствующих о преступной связи с Лямбдой-2. Кроме того, необходимо принять меры по недопущению их выезда за пределы Англии.

— Это мы тоже сделаем, а как быть в отношении самого Лямбды-2?

— Будем планировать операцию по его захвату и аресту. Лучше всего это сделать в момент передачи Хаутоном или Джи секретных материалов. Их встреча, как нам известно, должна состояться седьмого января следующего года. Вот тогда и осуществим эту операцию. А пока продолжайте по ним работать. И по Крогерам тоже. По тому же плану, что и по Лямбде-2…

* * *

Наблюдательный пост Скотленд-Ярда был оборудован в расположенном напротив дома Крогеров коттедже, в котором проживала семья Сёчей. Хелен дружила с этой семьей. Забегая к ним на короткое время, она замечала мелькавшую в окнах тень незнакомого мужчины, торопливо убегавшего по лестнице на мансарду. «Уж не любовника ли она себе завела? — думала Хелен. — Да вроде бы не похоже это на Рут… Женщина она серьезная…»

Странное заключалось и в том, что прежде у Сёчей в прихожей всегда был порядок — нигде ничего лишнего, а теперь — беспорядок; на полу валялись чьи-то сумки, на стульях разбросана зимняя мужская одежда. Поначалу Хелен не придавала этому значения, а потом осмелилась и спросила:

— Кто это у вас часто бывает?..

Стройная темноволосая Рут виновато опускала глаза и робко отвечала:

— У нас с дымоходом что-то неладно, вот трубочист был…

В другой раз — другое: «Садовники были…»

В третий: «Электрики…»

В четвертый: «Из страховой компании приходили…»

— Но почему, как только я захожу, на столе почти каждый раз остается недопитый горячий кофе? — допытывалась Хелен.

И снова, в который раз, Рут Сёч вынуждена была врать:

— Да это муж, не допив, выбежал к машине.

Хелен видела, что Билл Сёч давно уже находился на улице и не думал даже заходить в дом. Замечала она и то, что, как только в доме были незнакомые, атлетически сложенные молодые мужчины, он большую часть свободного времени проводил у машины. Вызывали удивление у Хелен и слишком интеллигентного вида «трубочисты» и «электрики», и слишком моложавые красивые «садовники», и часто попадавший на глаза аккуратный «телефонист» без каких-либо инструментов. «И потом, почему Сёчи перестали вдруг посещать наш дом? Поздравлять с праздниками и тому подобное?» — всякий раз задумывалась Хелен.

Но больше всего ее поразило сообщение другой соседки — Уинфред Спунер, которая рассказала о том, что письма, адресованные Крогерам, почтальон оставлял ей для последующей передачи Питеру. На вопрос: почему сам не относит их адресату, тот, смутившись, ответил: «Боюсь упреков со стороны миссис Крогер за задержку корреспонденции, хотя я в этом нисколько не виноват». На вопрос: «Кто же тогда виноват?» почтальон, приложив палец к губам, сообщил: «Все дело в том, что письма на имя Крогеров задерживаются не на почте, а в полицейском

участке…»

Соседка продолжала что-то еще рассказывать, но Хелен уже не слушала ее. Она размышляла: «Почему за нами установили слежку? Почему началась перлюстрация корреспонденции? Что могло послужить основанием для всего этого? Каналы связи законспирированы, сделано все возможное для безопасности работы и вдруг…» Сколько бы ни думала Хелен, сколько бы ни напрягала память, стараясь вспомнить возможные проколы, связанные с организацией нелегальной разведывательной работы, она не могла отметить ничего такого, что могло бы послужить основанием для проявления повышенного к ним интереса. Хелен знала, что английские спецслужбы при проверке труднопроверяемых версий в отношении каких-либо лиц иногда позволяли себе раскрывать перед ними свой интерес, побуждая тем самым подозреваемых или проверяемых к совершению опрометчивых поступков. «Может, поэтому и на сей раз возникла необходимость в проведении таких безотлагательных действий, как слежка и перлюстрация?» Однако и это объяснение не удовлетворило Хелен. Оставалось одно из двух: или кто-то предал их, или это случайность: Скотленд-Ярд ошибся в выборе объекта. Других мало-мальски серьезных причин для подобных подозрений она не видела. Но чем сильнее задумывалась Хелен о возможном акте предательства, тем больше возникало у нее сомнений относительно этого позорного поступка.

Подходя к дому, Хелен представила: а вдруг у Питера произошел какой-то прокол? Но как сказать ему об этом и как он это воспримет? Чтобы не огорчать его раньше времени, она решила до утра не говорить ему о своем предчувствии. Вновь и вновь прокручивая в голове эту ситуацию, она долго не могла заснуть. Наступившее утро дало мыслям новое направление: надо запросить Центр, может быть, там располагают информацией, что могло случиться, и смогут дать подходящий совет?!

Не заметив, как Питер ушел на заседание Ассоциации букинистов, она еще долго мучилась в догадках, пытаясь объяснить самой себе сложившуюся ситуацию.

Вечером, возвращаясь из ассоциации, Питер заметил в окошке мансарды соседнего дома не ее постоянную обитательницу, пятнадцатилетнюю Гей Сёч, а довольно полную, с мужскими чертами лица незнакомку лет сорока. Не колеблясь, он завернул к соседке и, показав кивком наверх, тихо спросил:

— Кто такая?

Рут, смутившись, отвела взгляд в сторону, секунд пять молчала, потом тихо, чтобы наверху не было слышно, шепотом ответила:

— Это наша знакомая из Швейцарии. Приехала изучать английский язык.

Питер смекнул, какая она «знакомая», и, не растерявшись, сказал:

— Тогда приходите вместе с ней к нам в гости на Новый год. Я бы очень хотел с ней познакомиться.

— Она всегда так любвеобильно смотрит на меня!.. По-моему, я не безразличен ей, — с тонкой иронией добавил он.

Рут испуганно уставилась на него. Не желая, чтобы он начал проявлять к «гостье» живой интерес, всерьез предупредила:

— Не клейся к ней, Пит, она девушка строгая и стеснительная.

— Да о чем ты говоришь, Рут? У этой секс-бомбы такая наглая физиономия, что она готова заглотнуть любого мужика.

Рут поняла, что сплоховала, и, не зная, как объяснить повышенный интерес «швейцарки» к дому Крогеров, равнодушно бросила:

— Кто ее знает, может, и вправду она влюбилась в вас…

— Упаси меня Бог от этой пассии! — брякнул Питер и поспешил убраться восвояси.

Войдя в комнату Хелен, он обратил внимание на необычное поведение супруги: она то тревожно подходила к окну, тяжело вздыхая, то молча садилась на кровать, сложив руки на коленях, то как-то боязливо то и дело шарила глазами по стенам и потолку. Питер понял: что-то случилось. Он попытался заговорить с ней, но она отмалчивалась, вид у нее был испуганный, и было что-то беспокойное в самой ее позе.

Питер взял ее ладонь в свои руки и тихо спросил:

— Ты плохо чувствуешь себя, Лона?

— Да, у меня голова раскалывается от недобрых мыслей. Пойдем погуляем, я хочу тебе кое-что сказать. Здесь опасно говорить. Нас могут подслушать.

— Но там сейчас очень студено да и слякотно после только что прошедшего мокрого снега.

— Ничего, мы оденемся потеплее.

На улице действительно было холодно. Порывистый леденящий ветер гнал по тротуару откуда-то взявшиеся редкие желтые листочки.

— Ты посмотри, Бобзи, листок попал в лужу — и все, конец ему, отлетался, — с грустью проговорила Хелен.

Питер остановился и, глядя на одинокий листок, полушепотом обронил:

— Вот и мы, наверное, влипли в расставленные сети Скотленд-Ярда. И заметут нас так же, как вот этот листок…

Хелен тревожно посмотрела на него:

— С чего ты взял?

— А с того… — И он рассказал ей о своих подозрениях, о полицейской ловушке, установленной в соседнем доме. — Если британская контрразведка заинтересовалась нами, то это уже конец.

— Может, ты, Бобзи, допустил где-то ошибку?..

— Скорее всего, это ты могла допустить ее, а не я! — рассердился он. — Где-нибудь по неосторожности своей ляпнула что-нибудь, вот и пошло кругами, как от брошенного в воду камня…

— Нет, Бобзи, такого не было. И вообще… — Хелен внезапно умолкла, понуро опустив голову.

Питер был убежден, что о чем-то важном она промолчала, и потому спросил:

— Что «и вообще»?..

— А то, что за двадцать лет сотрудничества с советской разведкой мы, я считаю, не допустили ни одной ошибки, которая могла бы навлечь на нас подозрения. Мы ни разу не были по своей вине на грани провала.

— А почему ты считаешь, что сейчас мы стоим на грани провала?

Хелен долго молчала, потом сказала:

— Поводов для тревоги более чем достаточно. И ты это, слава богу, наконец-то сам почувствовал.

— Что ты имеешь в виду?

— Помнишь, я как-то говорила, что письма нам стали приходить с большой задержкой, хотя по штемпелю они должны были поступать на несколько дней раньше?

— Да, помню, — кивнул Питер.

— Ну и что из этого вытекает? Как ты думаешь?

— Ничего, если предположить, что почтальон не мог застать нас дома…

— Нет, не это. Уинфред Спунер мне сказала, что, прежде чем передать нам письма, они поступают на контроль в полицейский участок. Если же все это взвесить, то получается некая взаимосвязанная цепочка. Перлюстрация корреспонденции — раз; шпики в доме Сёчей — два; «секс-бомба», про которую ты говорил, — три. А из всего этого вывод может быть лишь один: на нас идет самая настоящая «охота».

Питер остановился, как будто наткнулся на невидимую стену, закрыл глаза.

— Ты права, Лона. Сила интуиции, если угодно, шестое чувство подсказало мне сегодня зайти к Рут Сёч и

поинтересоваться, кто поселился у них в мансарде… Она юлила, вертела лисьим хвостом, но так и не сказала. Да, МИ-5 следит за нами, — заключил он погасшим голосом.

— А мне кажется, не только за нами… Очевидно, и за Гордоном идет слежка, — добавила Хелен. — Не случайно же он перестал встречаться с нами?! И даже вот не звонит… Если бы у него все было в порядке, он дал бы уже знать о себе…

— Все может быть… Но за Гордона ты не беспокойся.

— Но как же я могу не беспокоиться, если он, допустим, арестован? Или, почувствовав угрозу провала, уехал уже из Англии?

— Арни так поступить не может. И пока сигнала от него нет, мы должны верить в него. Ты же знаешь, из какой он породы людей!

— Да-да, ты прав, Бобзи… Прости меня за мои грешные мысли. — Хелен крепко сжала его руку.

— Арни достаточно дерзок и хитроумен во всех своих делах… Не будь он таким, он никогда бы не стал миллионером и не получил бы гран-при в Брюсселе. Даже если бы детективы Скотленд-Ярда дышали ему в затылок, он все равно дал бы нам сигнал тревоги…

— Может, нам связаться с Москвой? Вдруг там ничего не знают о возникшей над нами опасности?

— Да, об этой ситуации мы обязаны сообщить в Центр, — после долгой паузы согласился Питер и предложил завершить прогулку, чтобы попытаться установить связь с Москвой.

* * *

Ответ на радиограмму Хелен Крогер пришел в тот же день. В ней сообщалось:

> Особых причин для беспокойства не видим. Однако обстоятельства складываются так, что надо вам прекратить связь с нами и с Беном. Не отчаивайтесь. Мы будем заботиться о вас.
>
> Поздравляем с наступающим Новым годом.
>
> Счастья вам, здоровья и благополучия.
>
> *Артур.*

Поздно вечером позвонил Лонсдейл и трижды, как было условлено, кашлянул в трубку — это был сигнал тревоги, одновременно означавший необходимость срочного изъятия

последнего резервного тайника на кладбище Хайгейт-хилл (система связи была разработана на все случаи жизни и смерти).

У одного из памятников Лонсдейл должен был оставить обычный ржавый гвоздь, в полости которого находилось экстренное сообщение для них.

Утром, не теряя времени, Крогеры сели в машину и поехали к магистрали, ведущей на Хайгейт-хилл. Празднично украшенные новогодние улицы Лондона по-прежнему блестели лужицами и мокрыми крышами от не прекращавшегося вторые сутки мелкого дождя. Он мешал Питеру замечать через потные стекла «мерседеса» ведущуюся, возможно, за ним слежку. Малейшее подозрение, что она есть, — и они обязаны были возвращаться домой: ни о каких попытках уйти от «хвоста» в этом случае не могло быть и речи. Поэтому Питер часто просил Хелен остановить машину, договаривался, где она должна была подобрать его, быстро выскальзывал из салона и несколько кварталов крутил, петляя по улицам сурового Альбиона: менял направление движения, заходил в гостиницы, пабы, останавливался около витрин магазинов, разглядывая рекламные товары. Поговорив с какой-то дамой, свернул на узкую улочку, где оказался единственным бросающимся всем в глаза человеком. Когда вышел на большую улицу, то вскочил на ходу в автобус, на следующей остановке сошел с него, нагнулся, поправил шнурки» и благодаря этому успел осмотреться вокруг. Не увидев никого, внезапно изменил курс. Словно разыгрывая из себя самого «дьявола», он мотался так, повторяя подобную «программу» выявления слежки несколько раз. Когда он наконец убедился, что «хвоста» за ними нет, только тогда, купив букет цветов, они выехали на хайгейтскую автостраду.

Хотя на кладбище в тот дождливый зимний день посетителей было мало, они для видимости останавливались у памятников, читали надписи на них, потом положили цветы у могилы Карла Маркса, а при подходе к обусловленному месту Питер умышленно обронил носовой платок и вместе с ним поднял ржавый гвоздь. После этого они так же неспешно вернулись к машине. В салоне Хелен торопливо отвернула головку контейнера-гвоздя, вытащила плотно свернутую в трубочку тонкую бумагу, развернула ее и удивилась: листок с двух сторон был чистым.

— Странно. Как это понимать?

— Скорее всего обстоятельства складывались так, что он вынужден был написать сообщение симпатическими чернилами, чтобы обезопасить себя и нас.

— О, да! Это я не учла.

Они снова проверились и покатили домой. Ехали всю дорогу молча: опасались, что в машине могло быть установлено подслушивающее устройство. Одним из косвенных признаков этого, как считали они, было отсутствие слежки. Благополучно добравшись до дома, Питер сразу же зашел в свою лабораторию, смочил тайнописное сообщение специальным химическим составом и, когда текст проявился, дважды прочитал его. Затем вышел к Хелен и передал ей послание Лонсдейла. Их надежды на то, что у него все в порядке, не оправдались.

> По причине очевидно ведущейся за мной слежки, — писал он, — Центр дал мне указание временно свернуть всю разведывательную работу. Выходить в эфир нам запрещено до особого распоряжения.
>
> В случае возможного ареста и проведения официального обыска обнаруженные уликовые материалы не принимайте на свой счет, валите все на меня или на того самого мнимого польского «провокатора», который иногда наведывался к вам в дом и оставлял кое-какие вещи, приплачивая вам за их сохранность.
>
> И последнее: постарайтесь кое-что из известных улик уничтожить или надежно спрятать.
>
> С Новым годом вас!
>
> *Бен.*
>
> *31.12.60 г.*

Прочитав это короткое тревожное сообщение, Хелен шепотом спросила мужа:

— И что ты скажешь на это?

Он, как обычно, спокойно ответил:

— Пойдем-ка лучше немного прогуляемся.

Хелен поняла его и стала одеваться.

Когда они вышли из дома, он сказал ей:

— Крепись, Лона! Еще не все потеряно.

— Стараюсь… Но что-то не очень получается. На душе так скверно, что не могу найти себе места. Вся надежда была на Гордона. Я считала, что он мог бы помочь нам при возникновении любой опасности… А теперь вот… Не вижу никакого выхода…

— Выход может быть только один: я остаюсь здесь, в Англии, а ты сегодня же собирай свои манатки и улетай в Бельгию или в Швейцарию. А оттуда сама знаешь, куда надо лететь… А я тут сумею один побороться и доказать, что не виновен ни в чем.

Хелен нахмурилась, отрицательно мотнула головой:

— Нет, Бобзи, я не могу тебя оставить одного. Если хочешь знать, вместе нам легче будет бороться…

— Спасибо, Лона… Большое спасибо… Я знал, что ты откажешься…

— Ты лучше скажи, что будем делать со всеми этими шпионскими причиндалами?

— Кое-что, как советует Лонсдейл, надо уничтожить, а остальное спрятать в брандмауэр.[51]

— Но радиостанция, фотокамеры и принадлежности к ним не войдут в него…

— Это пусть останется на месте. Гордон же говорил: в случае чего мы должны отказываться от всего этого… Уничтожать надо отработанные коды, шифроблокноты, негативы пленок с планами радиосвязи и все то, что нам больше не понадобится.

— Тогда, может быть, сегодня и начнем, а то чем черт не шутит?

— Если он уже не пошутил, — серьезно обронил Питер и остановился, уставившись взглядом на подъезжавшие к их дому машины. — Ты посмотри, — указал он кивком в сторону виллы, — нас уже обкладывают со всех сторон… Как при охоте на волков, только красных флажков не хватает…

Глаза Хелен широко открылись. В это время прямо перед их коттеджем медленно проезжал военный радиопеленгатор, а следом за ним шла полицейская машина, замаскированная под почтовый фургон.

— Что за чертовщина! Они даже не делают из этого секрета.

— Мы тоже должны продемонстрировать им твердость духа, делать вид, будто ничего не замечаем… И вообще мне пришла сейчас хорошая идея. Если до сего дня мы боялись попасть под подозрение МИ-5 или Скотленд-Ярда, то теперь, когда мы уже на крючке у них, надо поменяться ролями: пусть они боятся, как бы мы от них не улизнули.

— Это ты хорошо придумал. Но только кто от этого будет в выигрыше?

— Теперь это не имеет значения. Главное — будет игра, и она придаст нам больше смелости и азарта… И давай договоримся вот о чем: ты знаешь, что в нашем доме могут быть установлены подслушивающие устройства, поэтому, чтобы не раскрыть нашу связь с Лонсдейлом, надо называть его не Гордоном, а по тому первому псевдониму — Бен, по которому мы знали его в Центре.

— Хорошо.

Вернувшись домой, они опустили на окнах светонепроницаемые шторы, включили свет и начали разбирать

предметы разведывательной экипировки: ненужное выбрасывали в ведро для сжигания, а принадлежности, которые могли еще потребоваться, прятали в домашние тайники.

На другой день, 2 января 1961 года, Питер напомнил супруге, что они должны быть в полдник на новогоднем приеме, устраиваемом книготорговой ассоциацией.

— А может, нам добираться туда на своих двоих, а машину оставить дома? У меня предчувствие, что эта поездка может стать для нас последней.

— В каком смысле?

— В самом прямом. По дороге в ассоциацию или на обратном пути нам могут устроить какую-нибудь катавасию. В нас может, например, врезаться трейлер, у которого отказали тормоза. После чего появится сообщение в газетах в траурной рамке: «Крогеры погибли в автомобильной катастрофе. Обстоятельства выясняются…»

Питер закрыл глаза, медленно представив столкновение: страшный удар и…

— Не говори глупостей, Лона! — сердито обронил он шепотом. — Мы нужны им живые, а не мертвые. И вообще… ты, по-моему, начинаешь уже паниковать, хотя на тебя это не похоже. Помнишь, Бен говорил: тот, кто не может свыкнуться с опасностью, тот не подходит для нашей работы. Не думай о ней, и все будет о’кей. А теперь готовься к праздничному приему.

— Иду-иду!

Через час они покинули дом. Когда вернулись обратно, Питер, открывая дверь, заметил на замке царапины, которых на нем раньше не было. Он, естественно, насторожился, и рука его сама потянулась к тому месту, где он обычно носил маленький пистолет. Поняв, что кто-то уже открывал дверь, он осторожно прошел по темному коридору в свой рабочий кабинет, где у него всегда хранились некоторые предметы шпионской экипировки. Почувствовав слабый чужой запах еще до того, как зажечь свет, Питер с оглядкой щелкнул выключателем и внимательно осмотрел все, что было в этой комнате. Обычный человек, не имеющий к спецслужбам никакого отношения, ничего бы не заметил, но у разведчиков, особенно нелегалов, такие штучки не проходят. Заранее используя невидимые для глаза «ловушки», профессионал всегда может установить — дотрагивался ли кто до его вещей. Пропажи чего-либо Питер не обнаружил, но по одному ему известным приметам уловил, что во всех ящиках стола кто-то аккуратно рылся, хотя все вроде бы лежало на месте. Затем он прошел в библиотеку, проверил, все ли книги на месте, потому что в некоторых из них лежали фунты и доллары в крупных

купюрах, а также были спрятаны куски целлофана, использовавшегося для изготовления микрограмм. Здесь тоже все было цело, но от этого ему не стало легче: теперь он окончательно утвердился в мысли, что за ними не просто следят, а уже скрытым способом добывают доказательства шпионской деятельности.

Чтобы не высказывать Хелен своего тревожного состояния, Питер быстро разделся и лег в кровать, прикрыв глаза. Но заснуть он не мог. Состояние было тягостное: он никак не мог понять, где и когда был сделан тот неправильный шаг или случайно оброненное слово, которые могли вызвать подозрение у английских спецслужб? Мысли его перескакивали с одной на другую, он погружался в себя, начиная фантазировать о том, что когда-нибудь над тайником или при встрече с Беном ему могут закрутить руки, щелкнут наручники — и отвезут его в МИ-5, где два или три опытнейших офицера-контрразведчика поведут с ним грубую вербовочную беседу. «Но ничего у них не получится, я отмету все их грязные домогательства, — подумал он, и в этот момент вдруг какой-то жуткий холод пронзил его, и он почувствовал, как по щеке медленно прокатилась слеза. — Какая обида, столько потрачено сил и нервов на приобретение офиса, оборудование радиостанции, организацию книжного бизнеса, тайники, курьерские поездки, выходы на проверки и ожидание встреч в лондонских туманах и под моросящими и проливными дождями… Сколько сил души ухлопано на все это! И на тебе! Неужели все это кобелю под хвост?..» В груди у него с новой силой закипела ненависть, и он принялся уговаривать себя, что сейчас не время для этого чувства — сейчас нужно собраться и не показывать вида, что ты знаешь, что находишься под контролем английской спецслужбы, что полиция находится почти все время у тебя под боком, присматривая за тобой и твоим домом.

Понимая, что всякие сантименты могут только помешать делу, и зная, что он уже не в силах заснуть от нервного напряжения, Питер встал в середине ночи и уныло поплелся в свой рабочий кабинет. Усевшись за стол с бумагами, он решил закончить подготовку ответов на письма клиентов.

Увлекшись деловой перепиской, Питер потерял всякое представление о времени и не заметил, как наступил рассвет. Утром его позвала на завтрак Хелен. Наливая кофе, она тихо спросила:

— Объясни мне, Бобзи, почему Бен до сего дня не уезжает из Англии? Если он знает, что ведется слежка и Центр дал нам указание свернуть работу, то чего же он дожидается? Резервный

паспорт у него имеется… Так в чем же дело?..

Питер сидел молча, погруженный в свой собственный мир, он не знал, что сказать Хелен, какие найти слова для ответа.

— Видишь ли, Лона, если за кем-то и ведется слежка, то это еще не значит, что человек засыпался, — начал он объяснять. — Бывают случаи, когда детективы берут кого-то под наблюдение просто-напросто по ошибке. Очевидно, поэтому Центр, исходя из этого, и дал ему такое расплывчатое указание: на время свернуть работу, чтобы не подвергать опасности и себя и нас.

Хелен взяла блокнот с подоконника и, как когда-то в Нью-Йорке Клод учил ее вести беседу путем переписки, черканула на первой отрывной странице:

— А не мог ли завалить нас Бен? Если взвесить все, то получается некая цепочка событий, в которой Бен и мы, на мой взгляд, нарушили главный принцип разведслужбы — конспирацию. Он, например, беспечно приезжал к нам домой раз шесть, встречался с нами у себя в офисе, как с клиентами, не соблюдая установленных правил осторожности. И самое подозрительное для тех, кто следил за ним, это то, я считаю, что он подолгу задерживался в нашем доме.

Питер почесал подбородок и после небольшой паузы, взяв карандаш, начал писать на другой странице:

— Логика правильная. Один его неверный шаг мог вполне привести к провалу, в том числе и нас. Но мне не хочется преждевременно бить тревогу, потому что все это не имеющие пока никаких доказательств наши домыслы. Лично я ничего не имею против старины Бена. Он — хороший опытный разведчик. Мы проработали с ним бок о бок уже больше пяти лет. Втроем мы прокладывали в Англии путь для нелегальной разведки и все эти годы нуждались друг в друге. Но я не думаю, чтобы Бен пошел на нарушение конспирации, когда посещал наш офис. Кстати, нас посещали, как и он, по нескольку раз многие клиенты. И они тоже, между прочим, подолгу задерживались у нас, подбирая для себя нужную литературу. И уходил он от нас, как и они, всегда со стопкой книг, на которых стоял наш фирменный знак — «Эдип и Медея». Нет, Лона, опытный Бен никогда не допускал оплошности в работе, он все время был начеку. У него, я заметил, выработалась своя, особая психология разведчика-нелегала, схожая с клятвой Гиппократа: «Не навреди». У него есть особый талант. Это — абсолютная честность, порядочность и тонкая хитрость, благодаря чему он и добился таких больших высот в коммерции и, уверен, таких же больших успехов в добывании нужной для Центра информации. Нет, Лона, он не мог сам «засветиться»! И тем более завалить нас по своей якобы

беспечности. Не такой он человек! Тут что-то другое. Могли быть обнаружены материалы, заложенные им в тайник, или он попал в поле зрения при изъятии их оттуда. Мог, например, его выдать и агент, случайно проболтавшийся своим друзьям или жене. Да, никогда никто не знает, откуда его подстерегает опасность. Надо просто перестать думать об этом.

Он отложил карандаш и передал блокнот Хелен.

Больше минуты она разбиралась в его небрежно исполненной записи, а когда прочитала, тихо спросила:

— Ты уверен?

Питер пристально смотрел на нее, не говоря ни слова. Казалось, что он находился в это время в глубоком и горестном недоумении. Он и в самом деле чувствовал себя так, будто его только что предали. Потом он взял из ее рук блокнот и быстро написал:

— Нечего меня спрашивать об этом! Это все равно что спрашивать, иметь ли нам детей, зная, что их не будет у нас никогда из-за моего ранения в Испании.

— Извини, Бобзи… Я тоже не хотела подозревать его, но что-то прет из меня помимо моего желания и воли. И все-таки я считаю, что сейчас нам, всем троим, в самый раз улизнуть из Англии.

— Нет, Лона, так нельзя: если мы все покинем Лондон, то Центр останется без нелегальной резидентуры в этой стране, а чтобы восстановить ее потом, потребуются многие годы. Это во-первых. А во-вторых, мы еще не знаем, что замышляют против нас спецслужбы. Они же могут и тормознуть нас: не дать возможности выехать отсюда… — В этот момент Питер вдруг закрыл глаза и стиснул ладонями голову.

— Ты плохо чувствуешь себя? — забеспокоилась Хелен.

— Да, я чувствую себя неважно. Г олова раскалывается, возможно, это от того, что я опять всю ночь не спал. Деловые бумаги разбирал и ответы на запросы клиентов писал. Я, пожалуй, пойду прилягу… А что касается твоих опасений провала и исчезновения из Англии, не будем спешить: надо сначала оглядеться, понять и осознать все, что делается сейчас вокруг нас…

Но для такого осознания у Крогеров не оставалось уже времени. 7 января 1961 года, в первый день Рождества, в девятнадцать часов пятнадцать минут в их доме резко зазвенел звонок — длительный и непрерывный.

— Обычно в это время к нам приезжал Бен на уик-энд, — обрадовалась Хелен. — Может, он?

— Нет, Лона, это не он. Он не должен появляться здесь. Но

кто — сам не пойму. У Бена было всегда четыре прерывистых звонка. А это, слышишь, как настойчиво звонят?.. Пойду узнаю.

Провожаемый тревожным взглядом Хелен, Питер вышел в прихожую, затем на веранду.

— Кто там? — с трудом сдерживая волнение, учтиво спросил он.

— Мистер Крогер?

— Да.

— Мы из полиции. Нам надо с вами поговорить.

Несколько секунд Питер стоял в нерешительности, испытывая невероятное напряжение. Пульс его сердца в это время достигал девяноста ударов в минуту. Растерянность и страх неожиданно улетучились, и, заскрежетав засовами, он открыл дверь. Порыв морозного ветра резанул по голым ногам. Питер затянул потуже халат, и тут же его ослепил яркий свет мгновенно включенных прожекторов. На него было направлено со всех сторон по два мощных светильника. Щелкая затворами фотоаппаратов, перед входом засуетились корреспонденты и кинотелеоператоры, нацелив объективы своих камер на Питера и на стоявших перед ним около десятка детективов в традиционных для них английских макинтошах. К дому мчались справа и слева стоявшие поодаль полицейские машины и фургоны. Через несколько секунд казалось, сюда нагрянул «весь свет». Повсюду сновали откуда-то взявшиеся непонятные люди в штатском, скорее всего, агенты Скотленд-Ярда. Они подтягивались все к дому Крогеров, шарили глазами по его окнам, что-то докладывали своим начальникам. Была среди них и молодая полная женщина, внешний облик и уверенный взгляд которой не оставлял сомнений, что она тоже из полиции. В страшной суматохе и шуме Питер не сразу вспомнил, где он мог видеть ее раньше. Потом, когда она начала расталкивать людей локтями и протискиваться к входной двери, он узнал ее — это была та самая секс-бомба «из Швейцарии», которая вела наблюдение за виллой Крогеров из соседнего дома. Подойдя к Питеру, она улыбнулась ему фальшивой улыбкой и с вызовом бросила:

— Как передала мне ваша соседка, вы, говорят, хотели меня видеть… Так вот, я пришла.

— Но сейчас так много посторонних людей, в том числе копов, что я не готов вас принять при таких свидетелях, — съязвил Питер.

Авторское отступление

Двумя часами раньше эти же полицейские под руководством суперинтенданта Джорджа Смита провели операцию на Ватерлоо-роуд по захвату и аресту Гордона Лонсдейла, Гарри Хаутона и Этель Джи в момент передачи секретных материалов. Происходило это следующим образом (из отчета суперинтенданта):

> …Из Портленда Хаутон и Джи прибыли поездом на вокзал Ватерлоо. Затем на автобусе они проехали до рынка на Ист-стрит. В 16.20 вернулись обратно на Ватерлоо-роуд. Зашли в кафе «Стиве». Вскоре вышли оттуда и ровно в 16.30 были на углу Ватерлоо-роуд. В это время туда подъехал Лямбда-2. Он поздоровался с ними, как со старыми друзьями, обнял за плечи Джи, прошелся с нею под руку, потом на ходу взял у нее корзину. В этот момент и был подан сигнал к захвату Лямбды-2 и его сообщников.
>
> Все трое были схвачены и посажены в разные машины. В корзине оказались четыре папки из Адмиралтейства с грифом «сов. секретно» и «секретно», в которых содержатся сведения о военных кораблях, приказы по военно-морскому флоту, чертежи конструкций узлов атомной подводной лодки и схемы базирования на ней ракет. Всего около 200 страниц. Кроме того, в корзине лежала закрытая металлическая банка. В нее, по заявлению Хаутона, вложены непроявленные фотопленки…
>
> *Джордж Смит.*

В тот же вечер 7 января короткий отчет суперинтенданта был передан генеральному директору МИ-5 Роджеру Холлису. Ознакомившись с документом, Холлис пригласил к себе Супер-Смита и, когда тот зашел к нему, первым долгом спросил:

— Как вел себя Лямбда-2 при аресте?.. Протестовал? Возмущался?

— Нет, мистер Холлис, он вел себя предельно спокойно, как и подобает настоящему сэру…

— Впрочем, это теперь не имеет значения. Скажите лучше, что будем делать с Крогерами?

Смит, заметив, что Холлис смотрит на него в упор, замялся.

— Улик у нас против них нет, — робко начал он. — Все предметы, которые обнаружены и задокументированы при негласном обыске, Крогеры, как бизнесмены, имеют право хранить дома… Но у них есть некоторые вещи, идентичные тем,

которые мы видели и у Лямбды-2…

— Это все понятно, — махнул рукой Холлис, не дав ему довести свою мысль до логического конца. — Вы вот что должны твердо усвоить: Крогеры, скорее всего, чувствуют, что мы следим за ними. А раз так, то они могут и что-нибудь неожиданное предпринять, когда узнают, что их босс сегодня арестован.

— Вот пусть и дергаются. Это только нам на руку, — заметил Смит. — У нас будет лишний шанс убедиться в их причастности к шпионской деятельности.

Холлис был не совсем удовлетворен рассуждением суперинтенданта и потому намекнул ему:

— В отношении Лямбды-2 вы, мистер Смит, были более решительны, и мне это понравилось. Вот и сейчас мне тоже хотелось бы услышать от вас какое-то конкретное предложение.

Суперинтендант уловил намек шефа МИ-5.

— А давайте мы возьмем их прямо сейчас, пока они ничего не знают об аресте Лонсдейла. Да, именно сейчас, пока они никуда не исчезли.

Холлис улыбнулся довольной мягкой улыбкой и, подумав секунду, сказал:

— Я согласен с вами, мистер Смит. Люди из группы захвата не разбежались?

— Нет, все на месте.

— А пресса будет?

— Будет.

— Тогда идите, получите ордер на арест Крогеров и действуйте тем же составом, что и при задержании Хаутона, Джи и Лонсдейла. Желаю удачи!

* * *

На удачу рассчитывал и Супер-Смит, когда ехал со всей группой на арест Крогеров. Когда Питер открыл дверь, он первым надел на него наручники и провел его в сопровождении других полицейских в комнату, где находилась Хелен.

— Я из Управления специальных расследований Скотленд-Ярда, — вежливо представился он ей. — Моя фамилия Смит. По званию — суперинтендант.

— Очень хорошо, что вы суперинтендант, — с гордо поднятой головой ответила Хелен, чувствуя, как бледнеет ее лицо. — Но почему с вами так много людей? В чем дело? Может, вы ошиблись адресом?

Супер-Смит улыбнулся:

— Нет, миссис Крогер, мы редко ошибаемся.

— Тогда объясните, что привело вас к нам?

— Мы хотели бы выяснить у вас имя человека, который приходил к вам в первую субботу ноября и декабря месяца. Появился он у вас в такое же вот время, как мы сейчас, где-то после девятнадцати часов.

Хелен бросила взгляд на мужа, ожидая от него подсказки.

— Отвечайте, миссис Крогер.

— Мне трудно кого-то выделить из тех, кто приходил к нам в выходные дни по вечерам. А тем более вот так сразу вспомнить их имена и фамилии.

— Напрасно вы таитесь. У вас нет альтернативы, кроме чистосердечных признаний… Вы провалились. Мы знаем ваши тайные контакты. И потому у вас нет выхода, господа, кроме как расколоться.

Сердце Питера взволнованно билось. Холодный пот выступил у него на лбу. Выдвинувшись чуть вперед и стараясь быть спокойным и убедительным, он любезно проговорил:

— Я являюсь владельцем книготорговой фирмы «Эдип и Медея». Здесь же находится мой офис. К нам приходит в разное время суток довольно много людей, в том числе и мои друзья по книготорговой ассоциации.

— Перечислите тех из них, кто бывает у вас целый день. Или оставался до полуночи.

Питер решил ничего не говорить до тех пор, пока по характеру задаваемых вопросов не поймет, о чем осведомлен Смит, но для видимости все же назвал несколько имен.

— Тогда потрудитесь, мистер Крогер, вспомнить тех из них, которые имели имя Гордон.

От этих слов внутри у Питера словно что-то оборвалось. Умея контролировать свои эмоции и поступки, он тут же взял себя в руки и начал напропалую перечислять разных англичан, не упоминая фамилии Лонсдейла. Для большей убедительности то же самое начала делать и Хелен. Недовольно хмурившийся Супер-Смит понял, что ему вешают лапшу на уши, и, не выдержав, остановил ее резким тоном:

— Все, хватит! — Он повернулся к стоящим рядом с ним двум джентльменам и отдал им команду приступать к обыску. — Возможно, только после этого господа Крогеры поймут, что их шпионская карьера навсегда закончилась. — И, обратившись к пожилому толстяку, добавил:

— А вы, Фергюссон, займитесь со своими ребятами обыском на кухне и в спальне миссис Крогер.

— Подождите, интендант! — резко остановила его Хелен. —

Сначала объясните нам, кто дал вам право вторгаться в наше жилище и в нашу личную жизнь?

Тревожась за поведение Хелен, Питер подошел к ней, легонько сжал ее руку и тихо обронил:

— Успокойся, Лона, прошу тебя. — Затем, обращаясь уже к суперинтенданту, вежливо и громко спросил: — А в самом деле, на каком основании вы даете такие команды? У вас что… есть на этот счет санкция прокурора?

Супер-Смит снова повернулся к толстяку:

— Покажите им документы.

Толстяк шагнул к Питеру, достал из кармана макинтоша ордера на арест и обыск и подал их ему вместе со своим удостоверением.

— Старший инспектор Управления спецрасследований Фергюссон Смит, — прочитал вслух Питер.

Затем он развернул сложенные вдвое два небольших листка: ему было достаточно взгляда, чтобы убедиться, что это действительно были ордера на обыск и арест. И тут Хелен вспомнила об оставленном в спальне конверте, в котором находились серьезные уликовые материалы. В голове появилась ужасная тяжесть: что делать с конвертом? Пойти в туалет и уничтожить, пока не поздно? Но могут остаться следы: конверт был из плотной и блестящей бумаги. Даже если его разорвать, на поверхности будут плавать кусочки. Что же делать? Она чувствовала, что на нее смотрят Супер-Смит и Фергюссон, заметившие на ее лице смятение и страх.

С трудом ей удалось произнести:

— Извините, я покину вас.

— Куда вы? — рявкнул на нее инспектор.

— В уборную, — нашлась что ответить Хелен и вышла из комнаты.

Войдя в спальню, она заперла за собой дверь и вынула ключ.

Услышав щелчок замка, суперинтендант пожал плечами и дал понять Фергюссону, чтобы он последовал за ней.

Хелен быстро нашла конверт, затолкнула его в дамскую сумочку и, прихватив ее с собой, выбежала из спальни. Но за дверью, держа в руке пистолет, путь ей преградил инспектор:

— Ни с места! Только шевельнитесь — и вам конец!

Хелен скривилась от этих слов, но нисколько не испугалась его.

— Извините, но мне нужно подложить дров в бойлер, ночью нам холодно будет спать, — как ни в чем не бывало пролепетала она, с силой отталкивая его в сторону.

Он схватил ее за руку:

— Не беспокойтесь, миссис Крогер, вам не придется дома спать. Покажите, что вы вынесли из этой комнаты?

— Сумочку свою, чего же еще. Там у меня женские салфетки. — Хелен вцепилась в сумочку двумя руками и держала так крепко, что у нее свело пальцы.

Инспектор, не церемонясь, вырвал сумку, пошарил в ней и, вытащив конверт, спросил:

— От кого это письмо?

— Я не знаю. Нам приходят сотни различных писем от клиентов мужа…

— А почему оно не подписано?

— Этого я тоже не знаю, — тихо сказала она, всеми силами стараясь не потерять самообладания.

Инспектор промолчал и прошел вместе с ней в комнату, где находился Супер-Смит.

Осмотрев содержимое конверта, — а в нем лежали небольшого формата листок с колонками цифр и две стеклянные микроскопические пластинки, суперинтендант спросил:

— Вероятно, это вы должны были передать тому самому Гордону, фамилию которого вы почему-то затруднялись назвать?

— Кого вы имеете в виду? — усмехнулся Питер.

— Гордона Лонсдейла, арестованного нами ровно три часа назад. Ну, что вы на это скажете? — Суперинтендант стал наблюдать за реакцией Питера.

Тот был, казалось, невозмутим, но только внешне.

— А что мы должны вам сказать? — поспешно ответила за него Хелен, переключая внимание суперинтенданта на себя. — Нам это имя ни о чем не говорит.

Супер-Смит ухмыльнулся:

— Это вам оно может ничего не говорить, а вот мистеру Крогеру оно, очевидно, хорошо знакомо?

Брови Питера дрогнули, но сделал вид, что не расслышал обращения к нему.

— Мистер Крогер! — окликнул его коротышка Фергюссон. — Вы знакомы с Лонсдейлом?

Питер вспомнил, что Гордон предупреждал его однажды о том, что если дело дойдет до ареста, то они не должны утаивать его фамилию и отрицать связь с ним как с человеком, оставившим у них радиоаппаратуру и фотопринадлежности.

— Возможно, я и был знаком с ним, — наконец заговорил он. — Но давать какие-либо показания в отношении него я не буду до тех пор, пока вы не предъявите нам конкретные обвинения.

Нехорошая усмешка скривила губы Супер-Смита.

— Вы оба обвиняетесь в нарушении закона о сохранности официальных тайн, — сообщил он после небольшой паузы.

Питер с удивлением посмотрел на него и быстро заговорил:

— Это какое-то недоразумение, мистер Смит. Мы никогда не имели доступа ни к каким секретам и государственным тайнам. Я повторяю вам: мы коммерсанты, занимающиеся книготорговлей. Мы имеем дело только с книгами… Понимаете, только с книгами!

— Успокойтесь, мистер Крогер. Мы все равно вас арестуем, — злорадствуя, ответил Супер-Смит, слегка покачиваясь с пятки на носок.

— А почему вы арестуете меня? — как-то безразлично произнес Питер.

— Потому что мы получили такой приказ… То есть ордер на ваш арест.

Хелен в этот момент спряталась за спины полицейских и, выждав момент, направилась к кухне, но ее тут же окликнул вынырнувший из толпы коротышка инспектор.

— Миссис Крогер! Вы куда?

— Куда надо! — хладнокровно ответила она, не оборачиваясь. — Не бойтесь, не сбегу. Мне надо погасить огонь в бойлере.

— Странно! То вы собирались подтопить печку, а теперь…

— Но вы же сами говорите, что не оставите нас здесь.

— Да, мы вас заберем с собой, — подтвердил инспектор. — Но печь оставьте в покое, наши ребята останутся пока здесь охранять ваше состояние. А сейчас зима…

— Нет-нет, я должна погасить огонь, — заупрямилась Хелен. — Чего доброго, уголья выпадут на пол, а у нас, вы сами видите, ценнейшая коллекция книг! — И как ни в чем не бывало опять засеменила к кухне.

Инспектор, обернувшись, жестом дал понять «секс-бомбе» из Скотленд-Ярда, чтобы она шла за ней. Но Хелен в это время вбежала уже на кухню и, схватив с полки несколько писем, успела бросить их в раскаленную печку. Ринувшаяся к ней сотрудница из группы Супер-Смита опоздала — листы бумаги вспыхнули в печке как порох.

Из воспоминаний журналиста Питера Черчиля

В течение последних двух дней перед арестом Крогеров я вел наблюдение за ними с мансарды соседнего дома, где проживала семья Сёчей. Не берусь судить, догадывались ли они и знали ли об этом, но поведение их было естественным, хотя, возможно, они создавали только видимость.

Вечером седьмого января, когда сотрудники Скотленд-Ярда вломились в их дом, его осветили прожекторами со всех сторон. Сделано это было для того, чтобы никто не смог в него зайти или вынести что-нибудь компрометирующее через калитку со стороны пустыря. Именно здесь Лонсдейл оставлял свою машину и через сад проникал в дом Крогеров.

Хорошо помню, на яркий свет прожекторов, как бабочки, сбежались тогда жители Руислипа, стараясь узнать, почему так много полицейских машин собралось у дома Крогеров. Большая суматоха поднялась, когда Хелен и Питер вышли из своего дома в наручниках и в плотном окружении сотрудников Скотленд-Ярда и журналистов.

Крогеры покидали свой дом с достоинством, без суеты и слез, как будто они шли не в полицейское отделение на Боу-стрит, а в гости к друзьям по коммерческим делам. Шедший впереди суперинтендант Джордж Смит объявил журналистам, что в доме № 45 по Крэнли Драйв обнаружено много шпионского снаряжения, неизвестно кому принадлежащего, и потому их, дескать, арестовали, чтобы все выяснить. Взять мне у Крогеров интервью было невозможно, они находились под охраной полицейских.

Когда Питера и Хелен посадили в разные машины, пронзительно взвыли сирены и по перекрытым полицией улицам их на большой скорости повезли к центру города. А я так и остался без сенсационного интервью, ради которого согласился побыть в шкуре полицейского и поторчать десять дней в окне холодной мансарды дома Сёчей.

Из воспоминаний Леонтины Коэн

Свой арест 7 января 1961 года мы восприняли без паники, потому что были в какой-то мере уже готовы к этому. Помню, жалко было оставлять книги и спрятанные в них честно заработанные нами несколько тысяч долларов и английских фунтов. Однако все это пошло «коту под хвост». Остались мы без единого пенса в кармане. Затем начались ежедневные допросы. Мы вели себя так, чтобы сотрудники МИ-5 и Скотленд-Ярда сами раскрывали свои карты перед нами, а мы уже в зависимости от этого вырабатывали для себя линию поведения.

Предварительный допрос на Боу-стрит, который попеременно вели Смиты — Фергюссон и Джордж, оставил у нас профессиональное разочарование: они очень хотели, чтобы мы сами признались во всем, обещая за это смягчить нам меру наказания. Но мыто знали, что это пустой номер. Со своей стороны я и Моррис тоже давали им понять, что, пока нам не будет предоставлен адвокат, ни на какие вопросы мы отвечать не будем. Но это была лишь уловка: мы понимали, что знакомые юристы вряд ли станут защищать нас по уголовному делу, которое нам «клеили» служители английской Фемиды. А обвиняли они нас в заговоре с целью шпионажа. Отвергая такое обвинение, мы продолжали играть роль невинных коммерсантов, поскольку никаких доказательств шпионской деятельности у британской контрразведки не было. Понимая это, Смит-старший дал указание посадить Морриса в камеру, в которой якобы случайно оказался Гордон Лонсдейл. На самом деле это было подстроено специально. МИ-5 и Скотленд-Ярд рассчитывали, что Лонсдейл и Моррис, разговорившись, выдадут нечто очень важное для следствия. Между прочим, они действительно сумели тогда сказать друг другу то, что нужно, но сделали это так, что их разговор не смогла бы зафиксировать самая высокочувствительная подслушивающая аппаратура. В частности, Гордон сказал Моррису, что на последующих допросах нам можно признаться в знакомстве с ним и даже больше, что он является другом нашей семьи, но только как коммерсант, богатый коммерсант-миллионер, что он оставлял у нас и хранил часть своих вещей и ценностей. Гордон был уверен, что рано или поздно при проведении повторного, более квалифицированного обыска в нашем доме и в квартире самого Лонсдейла будут обнаружены идентичные предметы быта и разведывательной техники. Просил также не скрывать, что тайник под полом и установленная там радиостанция — это дело его рук То есть он

повторил все то, что излагал ранее в своем последнем сообщении, которое мы изъяли из резервного тайника на кладбище Хайгейт-хилл. Таким образом он брал на себя все, желая спасти нас…

* * *

Как и предполагал Гордон Лонсдейл, при повторном многодневном обыске в доме Крогеров были добыты весьма существенные улики и предметы шпионской экипировки:

— радиостанция «Мэрфи» с комплектом запасных батарей и набором различных принадлежностей;

— устройство для высокоскоростной передачи магнитных записей;

— линзы для изготовления микроточек, фотокамеры «Минокс» и «Экзакта»;

— микроскоп и два стеклянных слайда, между которыми находились не отработанные до конца микроточки;

— напечатанные мелким шрифтом коды, шифроблокноты, планы радиосвязи, контрольные таблицы;

— светильник и настольная зажигалка «Ронсон» с потайными полостями, идентичные тем, что были найдены на квартире Лонсдейла;

— вшитые в папку высококачественной кожи паспорта «ухода» на имя Джеймса Цилсона и Джейн Смит с фотографиями Питера и Хелен Крогер.

Показав все это Питеру, Супер-Смит радостно воскликнул:

— Вот теперь-то мне понятно, зачем вам понадобилось на окнах и дверях устанавливать столько самых надежных замков и засовов фирмы «Чаб»!

Питер, лукаво глядя на него, улыбнулся:

— Это не так, мистер Смит. Надежная система запоров совсем не для того, о чем вы подумали.

— Интересно, для чего же еще?

— Исключительно ради сохранности моей библиотеки.

— А по-моему, ради того, чтобы никто из посторонних лиц не смог увидеть у вас полный набор шпионского снаряжения Джеймса Бонда.

— Ну, если вам очень хочется, пусть будет так.

— А почему это вы легко соглашаетесь? — удивился Супер-Смит.

— Потому что хранение подобного снаряжения в век промышленного шпионажа по британским законам не есть преступление. Тем более для нас, коммерсантов и банкиров, —

пояснил Питер.

Супер-Смит, отодвинув от себя протокол допроса, улыбнулся:

— Вот вы как, оказывается, расцениваете это… Так сказать, с оправдательным уклоном.

— А как же вы хотели? По вашей милости я же не только обвиняемый, но и сам себе защитник! И потому я не буду подписывать несправедливый приговор. Тем более что все эти вещдоки никогда не принадлежали нам и обыск проводился в наше отсутствие.

— Но вы же и не можете опровергнуть, что все эти «штучки» не принадлежат вам!

— Да, не могу… Но вы же отлично знаете, кто принес их в наш дом.

— Кого вы имеете в виду? — встрепенулся Супер-Смит.

— Не надо играть с нами в кошки-мышки, мистер Смит, — не отвечая на его вопрос, резко отпарировал Питер.

— Но я заметил, вы все время хотите, чтобы мы раскрывали вам карты. А мы хотим, чтобы делали это вы! И это, поверьте, прежде всего в ваших интересах.

— В моих интересах? Да о чем вы говорите?! В моих интересах обеспечить себе и Хелен защиту, поскольку мы не считаем себя виновными.

Супер-Смит уставился на него пустым, студенистым взглядом.

— Ну хорошо, пусть будет так, — подвел он черту под этой частью допроса. — Теперь расскажите, когда и где вы познакомились с Лонсдейлом?

— Это произошло два с половиной года назад. Он представился нам тогда другом того самого человека, который продал нам паспорта на имя Джеймса Цилсона и Джейн Смит. В тот же раз он попросил у нас разрешения оставить свои вещи. Впоследствии он стал заходить к нам в офис на Стрэнде. Когда мы перевели офис на Крэнли Драйв, то он и туда стал приходить и привозить с собой какие-то вещи.

— Когда вы узнали его подлинное имя?

— После того как его фотографии стали появляться в английских газетах. Если мне не изменяет память, это произошло сразу после международной выставки в Брюсселе. Потом, помню, были еще его фотографии, это когда сама королева Великобритании пожаловала ему титул «сэр»…

Стул под Супер-Смитом жалобно заскрипел.

— Достаточно, мистер Крогер, — остановил он Питера взмахом руки. — Нам хорошо известно, чего он добился в Англии. Знаем, что он крупный промышленник, один из

директоров фирмы «Мастер Свитч и К°», что имел персональную ложу в Альбетр-Холле.[52] Что пользовался услугами «Мидлендбанка» с правом получения любых кредитов. Но все это было вчера, а сегодня мы располагаем фактами о том, что он шпион международного класса.

— И у вас есть уже доказательства его шпионской деятельности?

Суперинтендант снова заерзал на стуле.

— Здесь я задаю вопросы! — вспылил он. — А вы должны лишь отвечать на них.

— Хорошо, я слушаю вас, — смиренно ответил Питер.

— Мы подозреваем, что Гордон Лонсдейл привлек к шпионской работе не только вас, но и других граждан Англии…

— Вы можете подозревать кого угодно, мистер Смит. Я уже говорил, что мы были знакомы с Лонсдейлом, но не на такой основе, о которой вы только что упомянули…

В этот момент в кабинет вошел высокий элегантный мужчина в темно-синем костюме. Супер-Смит встал и подобострастно вытянулся перед ним. Вошедший взял стул и сел напротив Питера.

Суперинтендант, обращаясь к Питеру, пояснил:

— Это мой коллега. Он тоже из Скотленд-Ярда…

Но Питер догадался уже, что этот человек скорее всего из МИ-5.

— Итак, продолжим наш допрос, — начал опять Супер-Смит, — Кто еще, мистер Крогер, кроме вас, был наиболее близок к Лонсдейлу?

— Мне это неизвестно.

— Где вы еще помимо вашего дома и вашего офиса на Стрэнде встречались с ним?

— Видите ли, — лениво произнес Питер, — у меня не было необходимости встречаться с ним где-то еще… За заказанными книгами он обычно приезжал к нам сам.

Питер вел себя как опытный игрок: он говорил только то, чего нельзя было скрыть, на все другие острые вопросы старался закрывать перед дознавателями «двери» с помощью простого «я не знаю» или же уводил их далеко на «темные аллеи», когда казалось, что они слишком близко подходят к истине.

«Коллега» суперинтенданта, вытащив из кармана пачку «Кэмела», протянул ее Питеру:

— Угощайтесь, мистер Крогер.

Питер отрицательно мотнул головой, отвергая его попытку расположить к себе допрашиваемого.

— Я ознакомился с записными книжками и другими

документами, недавно изъятыми у вас при обыске, — продолжал «лжедетекгив», подключаясь к допросу, — и пришел к предположению, что вы по заданию Лонсдейла могли выезжать во многие страны Европы — в Голландию, Бельгию, Австрию, Швейцарию и…

— И во Францию, — добавил Питер.

— Да, и во Францию. И чем же вы занимались там во время этих поездок?

— Я выезжал в эти страны по делам своей фирмы: на книжные аукционы и для закупки литературы по заказам клиентов.

— Хорошо, мы это выясним потом. Теперь ответьте на такой вопрос: кто из вас работал на радиопередатчике?

— Ни я, ни Хелен ни на каком передатчике не работали.

— Но вы знали, что он был установлен у вас под полом?

— Нет, не знал.

— А что вы можете сказать про радиоантенну, которая была в вашем доме выведена наружу по пожарной лестнице?

— Антенна была сделана до нашего переезда в Руислип.

В ответ на это «детектив» в темно-синем костюме нахмурился, потом вдруг вспылил:

— Почему вы упорно не говорите нам правду?

— Какую правду? Я вообще не понимаю, что вы хотите от меня?

— Мы хотим, чтобы вы признали свою шпионскую связь с Лонсдейлом. Мы убеждены, что вы и ваша жена были теми людьми, которые обладали уникальной возможностью прикрывать его шпионскую деятельность и оказывать ему большую помощь. Почему вы не хотите этого признать? Не проще ли было бы все рассказать сразу?

— Нет, не проще, потому что мы не участвовали в шпионских делах и никого не собирались прикрывать.

Ответ прозвучал вполне резонно, и сотрудник МИ-5 надолго выключился из допроса: он почувствовал, что, уступая своему нетерпению, повел себя не так, как следовало, чтобы рассчитывать на успех. Понял он и то, что один его неправильно заданный вопрос, неправильно выбранный тон могут сбить с пути, увести следствие не в ту сторону, а потом из-за этой оплошности придется Смиту терять дни, а то и недели, чтобы наверстать упущенное.

— Мистер Крогер, — значительно спокойнее начал он, — ваши соучастники по шпионажу уже разоблачены, и, между прочим, они признались, что работали на Лонсдейла. Через месяц в суде первой инстанции должно состояться предварительное

слушание по вашему делу. Намерены ли вы там давать показания по существу?

— Нет, мне нечего сказать, так как никакого отношения ни я, ни Хелен к шпионажу не имеем.

— Поверьте, мистер Крогер, ваше спасение — в признании. Должен вам сказать, мы имеем достаточно улик, чтобы разоблачить вас если не в шпионаже, то в «тайном сговоре с целью нарушить закон о сохранении государственной тайны».

Вопросы напарника Супер-Смита снова граничили с прямым бездоказательным обвинением. Почувствовав это, Питер вспылил было, но тут же, подавив эмоции, спокойно спросил:

— Может, и нет у нас, как вы говорите, спасения, но я что-то не пойму, между кем подразумевается так называемый вами «тайный сговор»?

— Эта формула, мистер Крогер, зародилась у нас много сотен лет назад. Но чтобы отправить вас за решетку, нам достаточно доказать лишь наличие намерения нарушить закон о сохранении государственной тайны. А это очень легко делается… Теперь поясню, между кем подразумевается тайный сговор. Вам, очевидно, знакомы некие Гарри Хаутон и Этель Джи?

Знакомство с Асей и Шахом Питер твердо решил скрывать любой ценой и потому отрицательно качнул головой:

— Кто они такие? В первый раз слышу о них…

— Гарри Хаутон и Этель Джи работали в Портленде. Вы о них должны были знать. Они поставляли Лонсдейлу секретную информацию по Адмиралтейству. Если вы даже и не знали о них, то довожу до вашего сведения: они, как и вы, находились в тайном сговоре с Лонсдейлом. Все вместе вы составляете единое «шпионское кольцо», в котором Крогерам отводилась, как я предполагаю, одна из главных ролей — поддерживать радиосвязь.

— С кем именно? — подхватил Питер, рискнув узнать: известно ли службе безопасности, на какую страну они работали.

— Этого мы пока не знаем, — проговорил он.

Питера такой ответ обрадовал: он еще раз убедился в том, что советская разведка в период их подготовки к работе в Англии явно переоценивала мастерство сотрудников Секьюрити сервис. Мысленно он еще раз вернулся к заданным ему вопросам и постарался пункт за пунктом воссоздать полную картину того, что дознаватели могли знать о них, и, убедившись, что не так много, сказал:

— В «шпионское кольцо» прошу вас, мистер… — тут он умышленно запнулся, а затем спросил в лоб: — Простите, как вас зовут?

Лжедетекгив, растерявшись, повернулся к Супер-Смиту, но

тот, не отрывая взгляда от протокола, продолжал заполнять его.

— Называйте меня Стоуном, — наконец отозвался самоуверенный «детектив» в темно-синем костюме.

— Так вот, мистер Стоун, когда у вас нет доказательств, то не прибегайте, ради бога, к провокациям. Это, поверьте, не украшает вас. И поймите вы одно: я ведь могу и не отвечать на ваши вопросы!

— Не надо эмоций, мистер Крогер! Вы, очевидно, забываете, где находитесь!

— Я протестую против подобного метода ведения допроса и требую мистера Смита занести мое заявление в протокол!

Супер-Смит продолжал торопливо писать. «Стоун» мгновенно повернулся к нему, с нескрываемой злобой выхватил из-под его рук протокол допроса и пододвинул его Питеру:

— Подпишите, мистер Крогер. И мы на этом сегодня закончим.

Почувствовав еще большую неприязнь к «Стоуну», Питер демонстративно отвернулся от него:

— Ничего я подписывать не буду!

— Почему?

— А зачем, коль вы бездоказательно собираетесь судить нас за какой-то тайный сговор, в котором мы никогда не состояли и не принимали в нем участия?! Стоит ли подписывать себе приговор? Зачем все это? — слегка повысив голос, повторил Питер.

— Воля ваша, — вздохнул «Стоун», разыгрывая поражение, — тогда мы и без этой подписи докажем на суде вашу вину.

— Это каким же образом? — удивленно посмотрел на него Питер.

— Через вашу же супругу. В отличие от вас, мистер Крогер, она уже во всем нам призналась. — Лжедетектив приподнялся над столом и, обращаясь к Супер-Смиту, сказал: — Продолжим допрос завтра.

Питер с трудом удержался, чтобы не рассмеяться ему в лицо, потому что хорошо знал неуступчивый, волевой характер Хелен и был убежден, что она скорее может выдать себя в непринужденной обстановке, чем во время прямого допроса. И хотя не поверил, что жена могла в чем-то признаться, им все же овладело смутное беспокойство: а вдруг этот тип «Стоун», маскирующийся под сотрудника Скотленд-Ярда, путем шантажа и угроз вывел ее из себя и она совершила какую-нибудь случайную ошибку? Но эти опасения Питер тут же отмел: он был уверен в ней больше, чем в самом себе.

Хелен начали допрашивать, задавая один за другим

перекрестные вопросы с такой скоростью, что она не успевала их осмысливать. Поняв, что ее заявление может в чем-то совпасть с показаниями Питера, она приняла для себя единственно правильное решение — больше отмалчиваться, отказываться давать ответы на некоторые прямые вопросы.

Чтобы продолжить расследование дела Хелен Крогер, Супер-Смит, «Стоун» и их помощники решили изменить тактику допроса: чтобы судить о человеке, понять, чем он руководствовался, совершая те или иные поступки, надо хорошо знать его, и поэтому они стали позволять ей говорить и на посторонние темы — о литературе, о закупке книг в других странах, о детстве, проведенном в Канаде.

Следователи Скотленд-Ярда считали, что человек, рассказывая о себе, вольно или невольно раскрывается. Но нельзя забывать, что Хелен была очень умной и хитрой женщиной. Она прекрасно знала, что ее показания тщательно потом проверят, могут даже перепроверить через того же Питера. И в то же время Хелен заметила, что с ней обращались теперь не как с арестованной, а как с «гостьей», и в ответ она стала рассказывать им все о себе и, казалось, вполне серьезно. Они внимательно слушали ее, задавали различные, в том числе и прямые, вопросы, причем в такие моменты, когда она меньше всего была настороже. Однако сбить ее с панталыку было не так-то просто.

Понимая, что она одна «на поле боя» и ей предоставлена возможность импровизировать — лгать, когда можно и нужно, а правду говорить, когда она им, Крогерам, выгодна или была уже всем известна, Хелен, памятуя о том, что никаких доказательств у следователей нет, чаще держала язык на привязи.

— А радиостанция марки «Мэрфи» — она где была куплена вами? — продолжал вежливо «Стоун».

Хелен удивленно посмотрела на него. И реакция ее была абсолютно естественной:

— Я не имею об этом ни малейшего представления.

— Но откуда же она у вас взялась? Кто ее вам доставил?

— Мне это неизвестно. Я же всего-навсего домохозяйка.

— А кто же был на ней радистом? Вы или ваш муж?

— Мы не были ими. Муж занимался только коммерческими делами, я уже говорила вам об этом.

— А может, сам мистер Лонсдейл на ней работал?

— Я не хочу отвечать на этот вопрос.

— Послушайте, миссис Крогер. Так дело не пойдет. Вы можете просидеть здесь слишком долго и совсем зря. В вашем доме обнаружена действующая радиостанция, а вы не знаете, кто на ней работал. Как это понимать?

— Как хотите. Мне это все равно.

Супер-Смита, изрядно уставшего от однообразных малорезультативных допросов, такой ответ арестованной окончательно расстроил. Видя, что и «Стоун» уже скис, он вдруг резко воскликнул:

— Ваш муж сказал, что радисткой у мистера Лонсдейла были именно вы, миссис Крогер!

На ее губах появилась шаловливая задорная улыбка.

— Он не мог так сказать, потому что, как я уже говорила, никто из нас не был радистом. И вообще… Не тратьте понапрасну время, господа.

«Стоуну» от злости и от своего бессилия сломить ее упорство захотелось вдруг ударить эту маленькую непреклонную женщину. Он быстро встал, сделал вид, что хочет ее стукнуть, но не дотронулся до нее и неожиданно вышел из кабинета…

* * *

По английским законам обвиняемый не может находиться под стражей без предварительного слушания дела более семи дней. Но провести сложное следствие за короткий срок практически невозможно. Поэтому в Великобритании беззаконие ухитрялись творить абсолютно «законно»: уголовное дело представлялось магистрату или же судье с просьбой продлить содержание арестованного под стражей еще на неделю — и так могло продолжаться без конца.

7 марта, ровно через два месяца после ареста, Крогеров посадили в «Черную Мэри»[53] под усиленной охраной доставили в суд первой инстанции на Боу-стрит. Здесь, напротив знаменитого оперного театра «Ковент Гарден», должно было состояться предварительное слушание «портлендского дела» — своего рода генеральная репетиция, на которой должен был решаться всего один вопрос: достаточно ли у обвинения доказательств, чтобы выходить с этим делом в Олд Бейли.[54] В день его открытия многие английские газеты поместили сенсационные сообщения под крупными заголовками: «У шпионского кольца была прямая радиосвязь с Москвой!», «Микрофильмы секретных документов Адмиралтейства!» Однако в процессе слушания обвинением не было предъявлено доказательств фактов сбора, хранения и передачи шпионской информации потенциальному противнику, вследствие чего пришлось инкриминировать не шпионаж, а лишь «тайный сговор с целью нарушить закон о сохранении государственной тайны».

Максимальное наказание по этой статье предусматривалось от трех до пяти лет тюрьмы.

Процесс над «портлендской пятеркой» должен был стать для Министерства юстиции самым важным из всех уголовных дел последних десятилетий. Еще бы! Ведь в «пятерку» обвиняемых входили представители трех национальностей: двое американцев — Питер и Хелен Крогер, двое англичан — Гарри Хаутон и Этель Джи и канадец Гордон Лонсдейл (Конон Трофимович Молодый), который руководил всеми операциями по проникновению в Адмиралтейство и в Центр по изучению биологических методов ведения войны. Предстоящие слушания в суде высшей инстанции вызвали большой резонанс не только в Англии, но и во всем мире: газеты были заполнены сенсационными сообщениями об аресте в Лондоне канадского коммерсанта-миллионера, который оказался русским шпионом. Его крупные снимки и огромные заголовки статей подогревали любопытство не только рядовых лондонских обывателей, но и представителей высшего света Великобритании.

Чтобы спасти этот процесс, а на суде первой инстанции не было приведено ни одного серьезного доказательства, за два дня до начала основных слушаний ранее назначенного председательствовать на суде Хилберри заменил сам Верховный судья лорд Паркер. Полицейские чиновники, сотрудники Секьюрити сервис, узнав об этом, спешно начали ревизию готовности к судебному процессу: тщательно анализировались каждый документ и вещественные доказательства, изъятые в доме Крогеров и на квартире Лонсдейла; досконально продумывалась тактика обвинения, которой следовало придерживаться на суде; многократно проверялись и дорабатывались юридические меморандумы как по существу самого дела, так и по процедурным вопросам.

И вот наконец наступил день открытия судебного процесса в самом Олд Бейли, в зале номер один.

Без пяти десять охрана ввела в зал группу обвиняемых — Лонсдейла, Хаутона, Джи и Крогеров. Их усадили в так называемый «док» — специальное место, отгороженное от зала барьером. Через три минуты появились генеральный прокурор и присяжные, облаченные в средневековые одежды: черные мантии, широкие белые галстуки и длинные парики. Ровно в десять торжественно прошествовали к своим тронным креслам на приподнятом подиуме трое сухопарых судей — в париках и ярко-красных мантиях, отделанных горностаем. Как только они уселись, в зале сразу установилась напряженная тишина.

Судебный клерк зачитал обвинительный акт: точную копию

того, который зачитывался на предварительном слушании на Боу-стрит. Затем с обвинительной речью выступил генеральный прокурор Реджинальд Мэнингхэм-Буллер. Заученным, картинным жестом он демонстрировал иногда разложенные на его столе вещественные доказательства. Хелен и Питер внимательно вслушивались в каждое его слово, ожидая услышать обвинение в шпионаже. Но генеральный прокурор ни разу не употребил слово «шпионы», и Крогеров это обрадовало: они поняли, что британской Секьюрити сервис после предварительного слушания дела на Боу-стрит так и не удалось доказать их связь с Москвой, что свидетельствовало о высокой надежности и конспиративности их работы.

Вслед за Реджинальдом Мэнингхэмом выступил суперинтендант Джордж Смит, сообщивший суду о том, что Крогеры отказывались отвечать на некоторые вопросы. Последующие два дня судебного заседания были заполнены серыми безликими показаниями свидетелей, имена которых по соображениям безопасности заменялись буквами латинского алфавита: «мистер А.», «миссис В.», «мистер С.» и так далее. Затем полтора дня давал показания в качестве свидетеля обвиняемый Хаутон. Стараясь выгородить себя, он признал, что передал Лонсдейлу много секретных документов из Портленда. Его показания подтвердила Этель Джи, но затем она «утопила» и самого Хаутона, и себя, заявив о том, что она действительно нарушила данную ею подписку о неразглашении государственной тайны и передала через своего любовника около двух тысяч секретных документов.

* * *

Допрос Лонсдейла на суде начался с вопроса: признает ли он себя виновным в тайном сговоре с Хаутоном, Джи и Крогерами? Лонсдейл, ухватившись руками за барьер, отделявший его от зала, оглядел присутствующих в нем людей, затем, обращаясь к главному судье Паркеру, сделал заявление, из которого следовало, что Крогеры не состояли с ним в тайном сговоре и что даже если суд сочтет обвинение против них доказанным, то виновным во всем должны считать только его, какими бы последствиями лично ему это ни грозило.

Авторское отступление

Конон Молодый твердо решил для себя еще до судебного процесса сделать все возможное, чтобы Крогеры и все те, кто продолжал в Англии и в других странах мира оказывать России тайную помощь, еще раз, как и после суда в Америке над Рудольфом Абелем, убедились бы в том, что на советских разведчиков всегда можно положиться.

В моральном кодексе разведчика есть неписаный закон: что бы ни происходило в его стране, что бы ни случилось с ним самим, он должен сделать все возможное и невозможное, чтобы не поставить под угрозу провала своего помощника, чтобы люди, вставшие на путь сотрудничества с ним, не пострадали впоследствии и не беспокоились за свое будущее.

Надменный, с тонкими бескровными губами лорд Паркер долго и презрительно смотрел на Лонсдейла, потом неожиданно задал коварный вопрос:

— Подсудимый Лонсдейл, вы встречались когда-нибудь с Крогерами в Канаде?

— Нет, ваша честь, в Канаде я с ними никогда не встречался.

Вопрос. Знали ли вы человека по имени Джеймс Цилсон?

Ответ. Нет, ваша честь.

Вопрос. Знали ли вы человека по имени Санчес Педро Альварес?

Ответ. Нет, ваша честь.

Вопрос. Что вам известно о женщине по имени Санчес Елена?

Ответ. Это имя, ваша честь, мне ни о чем не говорит.

Вопрос. А знакома ли вам Джейн Смит?

Ответ. Нет, ваша честь, не знакома.

— Подсудимый Лонсдейл, вы можете сесть. — Семидесятилетний старец перевел жесткий взгляд на Хелен. — А теперь я прошу встать подсудимую Крогер.

Хелен встала и с надеждой посмотрела сначала на Лонсдейла, потом на Питера, словно хотела что-то спросить у них, но в этот момент вновь раздался скрипучий старческий голос лорда Паркера:

— Подсудимая Крогер, вам знакомы имена и фамилии, которые я сейчас называл подсудимому Лонсдейлу?

— Нет, не знакомы.

— А вам, подсудимый Крогер, они знакомы или нет? — обратился он к Питеру.

— Нет, ваша честь, они мне тоже не знакомы.

Судья. Садитесь, подсудимый Крогер.

В это время позади кресла судьи появился клерк и положил перед ним тоненькую папку с вновь поступившими документами. Пока лорд Паркер знакомился с ними, в переполненном зале Олд

Бейли поднялся шум. Журналисты из разных стран мира, а их на суде было аккредитовано более двухсот, мгновенно догадались, что Паркер к концу процесса припас что-то сенсационное — это всегда было в его правилах.

Фотокорреспонденты, продираясь через битком заполненный зал, устремились к «доку», нацелив на подсудимых объективы фотокамер и фотовспышек.

Оторвав наконец взгляд от папки с документами, Верховный судья властным взмахом руки успокоил шумный зал и снова обратился к Хелен:

— Подсудимая Крогер, вам знаком человек по имени Эмиль Голдфус?

Вопрос для Крогеров оказался подобным удару молнии! Хелен хотела повернуться к мужу или Лонсдейлу, услышать от них хоть какую-нибудь подсказку, но не могла даже пошевельнуться, ее словно парализовало. В зале установилась зловещая тишина: все мгновенно вспомнили, что под этим именем в США проживал советский разведчик Рудольф Абель, арестованный несколько лет назад в Нью-Йорке за шпионаж и впоследствии обмененный на американского летчика Пауэрса.

— Подсудимая Крогер, я прошу вас отвечать на вопросы! — раздался в тишине зала суровый голос судьи.

Он вывел Хелен из оцепенения.

— Нет, мне не известен Эмиль Голдфус.

— А знаком ли вам Мартин Коллинз?

— Нет, ваша честь.

— Тогда, может быть, вам известен полковник Абель?

— Нет, ваша честь, я не знаю никакого полковника Абеля, — спокойно ответила Хелен.

Если бы судья Паркер знал, чего стоило ей это спокойствие!

Те же вопросы и в той же последовательности Верховный судья задал Питеру. Тот психологически был уже готов к этим вопросам. Он отвечал непринужденно, как будто и в самом деле не знал Абеля. И вдруг новый неожиданный вопрос:

— Подсудимый Крогер, что вы можете сказать о фамилии Коэн? Известна она вам? — начал новый виток допроса лорд Паркер.

Питер. Таких фамилий в Англии много.

Судья. А что вам известно о Моррисе и Леонтине Терезе Коэн? Она же Пэтке?

Питер. К сожалению, ваша честь, о них я тоже ничего не знаю.

На лице лорда Паркера появилась едва заметная лисья улыбка. Он повернулся к обвинителю Реджинальду Мэнингхэму-

Буллеру и многозначительно подмигнул ему. Тот прекрасно понял его — все в этом суде было заранее отрепетировано, как в хорошем театральном представлении. Подчиняясь взгляду Паркера, генеральный прокурор встал и заявил, что за день до закрытия процесса в руки обвинения попали существенные доказательства связи Крогеров с советской разведкой, затем, посмотрев в конец зала, он пригласил к себе Супер-Смита. Все невольно повернулись назад и увидели, как от входной двери, словно из засады, к центру зала устремился суперинтендант Смит. Он даже не шел, а почти бежал по узкому проходу зала. Остановившись около длинного стола, на котором в строгом порядке были разложены вещественные доказательства шпионской деятельности «портлендской пятерки», он повернулся к генеральному прокурору и замер — весь в ожидании его дальнейших распоряжений.

Прокурор. Ваша должность, свидетель Смит?

Смит. Суперинтендант Управления специальных расследований Скотленд-Ярда.

Прокурор. Что вы, мистер Смит, имеете сказать высокому суду?

Смит. У меня есть дополнительные сведения, касающиеся подсудимых Крогеров.

Прокурор. Каким образом они были получены вами?

Смит. С помощью американского Федерального бюро расследований. По отпечаткам пальцев оно установило подлинные имена и фамилии подсудимых Крогеров…

Прокурор. Но при чем здесь ФБР?

Смит. Извините, ваша честь, я еще не закончил свои пояснения.

Прокурор. Пожалуйста, продолжайте.

Смит. Десять лет назад в целях поиска внезапно исчезнувших из Нью-Йорка двух американских граждан ФБР разослало по многим странам мира их фотографии, а также приметы и образцы отпечатков пальцев. В первый день настоящего судебного разбирательства нами были взяты у Крогеров отпечатки пальцев. В результате проведенной экспертизы удалось доподлинно установить, что подсудимые Питер Крогер и Хелен Крогер не являются теми лицами, за которых они себя выдают…

Переполненный зал, потрясенный этим сообщением, зашумел. Когда судья восстановил тишину, Смит продолжил:

— Настоящие фамилии и имена подсудимых Крогеров — Моррис Коэн и Леонтина Тереза Коэн, урожденная Пэтке. Оба являются гражданами США.

Прокурор. Мистер Смит, вы можете нам сообщить, чем была

вызвана заинтересованность ФБР в их розыске?

Смит. Да, ваша честь, могу. ФБР много лет разыскивало их в связи с тем, что Коэны причастны к шпионскому делу полковника Абеля.

Прокурор. Какие основания были у ФБР подозревать Коэнов в причастности к этому делу?

Смит. При аресте Абеля была найдена фотография Коэнов с надписью Абеля на обороте: «Моррис и Леонтина».

Прокурор. Вам известно, мистер Смит, как эта фотография оказалась у арестованного в США советского разведчика?

Смит. Полковник Абель утверждал на суде, что эта фотография — произведение фотоискусства, его личная работа, не имеющая никакого отношения к предъявляемому ему обвинению.

Прокурор (обращаясь к судье). У меня вопросов к мистеру Смиту больше нет.

Судья. Вы свободны, мистер Смит. Подсудимый Крогер, как оказалась ваша фотография у арестованного в Америке полковника Абеля?

Питер. Нам неизвестно, как она оказалась у него.

Судья. Но он фотографировал вас? И если фотографировал, то где и при каких обстоятельствах?

Питер. Нет, он нигде нас демонстративно не фотографировал. Но я не исключаю, что его фотообъектив мог нас выхватить из уличной толпы.

Судья. Подсудимый Крогер, вы знали, что полковник Абель — советский шпион?

Питер. Нет, ваша честь, я повторяю, что мы вообще не были с ним знакомы.

Судья. Тогда скажите, для чего вы сменили свои фамилии при отъезде из США?

Питер. В период расцвета маккартизма все члены Компартии США подвергались преследованиям и репрессиям. Чтобы не оказаться в их числе, а мы были тогда активными ее членами, мы решили покинуть Америку и купили у незнакомого нам моряка два мексиканских паспорта за пятьсот долларов.

Судья. Но почему вы, подсудимый Крогер, не признались, когда был задан вопрос, знакома ли вам фамилия Санчес? Не лучше ли было все сразу рассказать?

Питер. Я ничего не могу вам добавить по этому поводу.

Судья. А для чего вам понадобились паспорта на имя Джеймс Цилсон и Джейн Смит?

Не имея желания восполнять пробелы следствия, Питер обежал взглядом зал, глубоко вдохнул в легкие воздух и,

выдохнув, сказал:

— Извините, ваша честь, но я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

Судья, многозначительно перекинувшись взглядом с генеральным прокурором, равнодушно обронил:

— Садитесь, подсудимый Крогер…

Сделав небольшую паузу, лорд Паркер скопом задал ранее упоминавшиеся вопросы Хелен. Она с неприязнью долго смотрела на Верховного судью, потом громко произнесла:

— Я, ваша честь, тоже отказываюсь отвечать на ваши вопросы.

— Ах, вот как! — обрадованно воскликнул лорд Паркер и, подмигнув присяжным заседателям, добавил — Члены жюри, я полагаю, должны сделать из этого соответствующие выводы…

В этот момент сдали нервы и у сэра Реджинальда Мэнингхэма-Буллера, которого английская пресса не без фамильярности окрестила «Сэром Устрашающим», поскольку его фамилия была созвучна со словом «булли», что в переводе на русский язык означало «забияка», «задира». Получив поддержку от Верховного судьи, Мэнингхэм-Буллер, что называется, ринулся в бой:

— Вы, Крогеры, как и подсудимый Лонсдейл, являетесь профессиональными разведчиками! Единственная разница, которую я вижу между вами и Лонсдейлом, состоит в том, что вы были лишь исполнителями его воли…

Зал снова зашумел. Успокаивая его, лорд Паркер поднял руку, затем начал рыться в своих бумагах. Отыскав нужный документ, он встал и с высоты своего судейского кресла произнес пространную речь, в которой всячески подчеркивал все, что свидетельствовало против обвиняемых, искусно обходя при этом очевидные слабости обвинения.

После своего выступления Верховный судья объявил перерыв. Подсудимых отвели в камеры. Журналисты и юристы, присутствовавшие на суде, стали гадать, сколько лет каждому из «портлендской пятерки» могут дать. Многие из них сходились на том, что Лонсдейлу как руководителю шпионской сети «влепят» четырнадцать лет, Хаутону и Этель Джи — десять, чете Крогеров по всем канонам английского судопроизводства — три-четыре года каторжной тюрьмы.

О чем же в это время думали, сидя в камерах-одиночках, Питер и Хелен? А думали они о том же самом — о предстоящем решении суда. Через полчаса их снова ввели в зал. Верховный судья, исполненный важности и значительности момента, спросил присяжных, пришли ли они к какому-нибудь решению.

Старший из них ответил кивком и тут же зачитал протокол, по которому все члены «портлендской пятерки» признавались виновными в тайном сговоре с целью нарушить закон о сохранности государственной тайны.

Затем в соответствии с правилами британского судопроизводства заключительное слово было предоставлено суперинтенданту Смиту. Располагая копией переданного присяжным заседателям и обвинению документа, подготовленного по результатам экспертизы, и полученным от ФБР дополнительным материалам, Смит начал громко читать:

«Настоящее имя Питера Крогера — Моррис Коэн. Он родился в 1910 году в Нью-Йорке, в семье эмигрантов из Украины. В 1937 году уехал в Испанию, где принимал участие в гражданской войне. Вернувшись в США по другому американскому паспорту, на имя Израэля Олтмана, он получил работу в советской коммерческой организации «Амторг». В 1941 году женился в штате Коннектикут на Леонтине Терезе Пэтке (или Хелен Джойс Крогер). В июле 1942 года он был призван в армию, воевал в Европе. После демобилизации в 1946 году поступил на учебу в педагогический колледж Колумбийского университета. По его окончании преподавал в различных школах г. Нью-Йорка.

Леонтина Тереза Пэтке родилась в 1913 году в городе Адамс штата Массачусетс, в семье польских эмигрантов. По окончании школы получила работу домашней прислуги, работала управляющей школы на авиационном заводе в Нью-Йорке, была активной коммунисткой.

В 1948 году Коэнов иногда навещал мужчина по имени Милк.[55] Они представляли его соседям как преуспевающего английского бизнесмена. Впоследствии было установлено, что это был полковник Рудольф Абель — советский шпион.

Весной 1950 года по подозрению в шпионаже были арестованы граждане США — Дэвид Гринглас,[56] его сестра с мужем — супруги Розенберг — Этель и Джулиус, которые впоследствии были казнены на электрическом стуле. Когда проводились эти аресты, Коэны, закрыв свои банковские счета, исчезли из Нью-Йорка. Несмотря на их розыск в Штатах и в других странах, ФБР не удалось напасть на их след в последующие десять лет.

В Англию Коэны прибыли из Вены в 1955 году по новозеландским паспортам на имя Крогеров. Сначала они поселились в южной части Лондона — Кэтфорде, а затем купили собственный дом в Руислипе, в графстве Миддлсекс. Арендовали офис на Стрэнде, где Питер Крогер, он же Моррис Коэн, Санчес Педро Альварес и Джеймс Цилсон, развивал свое книготорговое

дело. В дальнейшем Крогеры периодически выезжали за границу, причем эти поездки иногда совпадали с поездками Гордона Лонсдейла в те же страны. Например, во Францию и Швейцарию. На допросах Коэны отвечали не на все вопросы и при этом не всегда были искренни…»

Закончив чтение документа, суперинтендант поднял на Верховного судью заискивающий, покорный взгляд:

— У меня все, ваша честь.

— Хорошо, мистер Смит. Вы свободны, — ответил ему лорд Паркер.

После этого наступил черед огласить заранее приготовленный приговор. Лорд медленно поднялся из судейского кресла, окинул зал торжествующим взглядом и, ощущая себя чуть ли не спасителем Великобритании от иностранных шпионов, почувствовал, что наступил час его великой славы, с которой он войдет теперь в историю английского правосудия, и начал читать приговор. Закончил он его витиеватыми фразами:

— …Поскольку тайный сговор Крогеров с Лонсдейлом длился около пяти лет, каждый приговаривается к двадцати годам тюремного заключения. То есть год их противоправной деятельности приравнивается к четырем годам отбытия наказания…

Зал, удивленный слишком жестоким приговором, в который раз зашумел, осуждая уже лорда Паркера за то, что он непонятно за что и каким способом сумел в пять раз увеличить Крогерам срок.

В общей сложности «портлендская пятерка» получила 95 лет (Гордон Лонсдейл — двадцать пять лет, Гарри Хаутон и Этель Джи — по пятнадцать, а Крогеры — по двадцать). Но Верховный судья посчитал, что не так уж много, и потому вынес еще одно решение: возложить на подсудимых оплату судебных издержек и всех расходов обвинения по этому делу.

Лонсдейл, грустно улыбнувшись, потянулся к Питеру и на прощание громко сказал ему:

— Ничего не поделаешь, Моррис: когда в Англии растут цены, то вполне естественно повышаются и сроки наказания. Так что крепитесь, старина! Я думаю, Родина не забудет нас!

Авторское отступление

«Портлендское дело» не прибавило лавров ни Скотленд-Ярду, ни МИ-5, ни Верховному судье Великобритании. И не только

потому, что никому из них не удалось установить национальную принадлежность Крогеров и Гордона Лонсдейла и добиться от них признания, на чью разведку они работали. Остались без ответа и другие вопросы: какие конкретно секреты стали их достоянием и какой ущерб нанесли они безопасности и интересам Великобритании? «Портлендское дело» со всей очевидностью свидетельствовало о немалых промахах в работе хваленых МИ-5 и Скотленд-Ярда. В частности, не украшал эти ведомства тот факт, что с 1950 года разыскиваемые по приметам и фотографиям Коэны — Моррис и Леонтина (Крогеры) смогли в 1954 году беспрепятственно въехать в Англию и под самым носом у Скотленд-Ярда открыть на Стрэнде книготорговое дело. Никто из тайных агентов не смог опознать их и в последующие шесть лет!

После завершения судебного процесса руководство МИ-5 и Скотленд-Ярда опасалось, что такая негативная информация просочится на страницы печати, что могло подорвать доверие к этим ведомствам. Однако, как ни пытались британские спецслужбы избежать скандальных разоблачений, лидер парламентской оппозиции Гейтскелл в одной из газет потребовал начать официальное расследование: «Как могла неизвестная иностранная разведка с полной безнаказанностью действовать в Англии шесть лет и почему никто не может ответить на вопрос: какую информацию и в каком объеме она добывала?»

Только теперь британские спецслужбы поняли, что поторопились с арестом Крогеров и Лонсдейла и упустили возможность раскрыть действительный объем их разведывательной деятельности. Теперь они старались исправить свою ошибку.

* * *

То, что не удалось выяснить у Крогеров на стадии расследования и в процессе судебного разбирательства, сотрудники британской службы безопасности попытались сделать в центральной лондонской тюрьме Уормвуд Скрабе. Надеясь раскрыть действительный объем разведывательной деятельности Крогеров и получить от них хоть какую-нибудь дополнительную информацию, они начали вести внутрикамерную их разработку. Когда это мероприятие тоже ничего не дало, сотрудники МИ-5 попытались осуществить вербовку Питера. В ответ на выдачу необходимых сведений о разведывательной деятельности на территории Великобритании и о стране, на которую Крогеры

работали, ему и Хелен предложили помощь в организации побега из тюрьмы.

— А что будет потом? — недоумевал Питер. — Допустим, вы получите от меня необходимые сведения, а потом все равно засадите нас в подобную же камеру другой тюрьмы? Если даже и не вы, то сделает это Скотленд-Ярд. Так что у меня нет иного выхода, как молчать и отбывать срок наказания до конца.

— Выход есть, — с любопытством глядя на него, вежливо заметил один из посетителей его камеры, назвавшийся сотрудником МИ-5 Элтоном.

— Но я его не вижу! Какой тут может быть выход? — засомневался Питер.

— Повторяю, выход у вас есть, — настаивал Элтон.

— Тогда назовите его.

— Подумайте сами, мистер Крогер.

— Я уже думал об этом много дней и ночей, но не вижу пока для себя и своей супруги никакого просвета!

— Такой просвет у вас может быть, если вы дадите согласие со своей супругой сотрудничать с нами с позиций той страны, из которой вы прибыли в Англию. Мы отпустим вас домой, если вы…

— Извините, мистер Элтон, — прервал его Питер, — но мы на это не пойдем!

— Тогда оставайтесь в своей камере и подумайте как следует о моем предложении.

На следующей беседе Питера снова спросили, обдумал ли он то, о чем ему говорилось ранее.

— Да, обдумал, — твердо ответил он. — Я отвергаю все ваши предложения и прошу больше к этому вопросу не возвращаться.

Но сотрудники МИ-5 на этом не успокоились, они пошли на новые ухищрения: до Питера довели информацию о том, что в одной из лондонских газет опубликовано сообщение о том, что Хелен согласилась остаться на жительство в Англии. В публикации, с которой ему не дали даже ознакомиться, рассказывалось о возникшем якобы споре между супругами Коэн — оставаться или не оставаться им на постоянное жительство в Великобритании и что этот спор завершился полной их размолвкой — намерением Хелен дожить свой век на свободе.

Питер, ошеломленный таким сообщением, не поверил в это и потребовал немедленного свидания со своей супругой, однако ему было в этом отказано. Несколько дней он не находил себе места, метаясь из угла в угол камеры-одиночки: «Черт возьми, как могло такое получиться? Может, ее спровоцировали: сказали, что это я согласился на такой шаг? Но, с другой стороны, это же

невероятно: она же знает, что в сложных ситуациях я всегда советовался с ней… Видимо, поэтому тюремная администрация и не дает мне свидания с ней… Сознательно хотят разлучить нас, разделить неделимое… Но как они смеют лишать нас права на свидание?! Тоже мне, тюрьма Ее Величества! Будь она проклята со всем Ее Величеством!.. Нет, надо что-то срочно предпринимать… Свидание с Хелен должно состояться…

Он часто и подолгу думал о ней с чувством безмерной вины за то, что она тоже оказалась в тюрьме. Беспокоясь за нее, он постоянно размышлял над тем, что можно сделать, чтобы как-то облегчить ее горькую участь. Но что-то сделать было уже поздно, и он страдал от этого. В тюрьме подобные мысли и чувства у любого человека достигали порой чудовищной силы и поглощали все остальные переживания.

Не раз он подумывал о том, чтобы как-то встретиться с Лонсдейлом во время прогулки и посоветоваться с ним, что можно предпринять в ответ на продолжавшиеся провокационные действия службы безопасности (Питер не знал тогда, что Гордона Лонсдейла давно уже перевели в манчестерскую тюрьму Стренджуэйс — это на самом севере Великобритании). Об этом же он хотел переговорить с англичанином, который тоже находился под «спецнадзором»[57] в соседнем секторе «С» и с которым он в последнее время постоянно замыкал строй заключенных при выходе на работу и по ее окончании, во время получасовых прогулок после ленча.

Это был известный английский разведчик Джордж Блейк, который отбывал наказание за сотрудничество с советской разведкой. Во время прогулок по тюремному двору он рассказывал Питеру о том, что детство его прошло в Голландии, а юность в доме тетки, проживающей в Египте, где он получил хорошее образование во французском лицее, а затем — в английском колледже. Что его двоюродный брат изучал Маркса и Ленина, а другой брат стал одним из основателей Компартии Египта. Что благодаря их влиянию он увлекся идеями социализма и остался им верен все последующие годы. Что «секретная» жизнь его началась еще в годы второй мировой войны, когда он стал выполнять обязанности связного в голландском движении Сопротивления, а в начале сорок третьего он уже был на службе в Сикрет интеллидженс сервис,[58] участвовал в организации разведывательной деятельности в оккупированной нацистами Европе. Потом была учеба по линии разведки в Кембриджском университете, где он изучал русский язык и готовился к работе против СССР.

В октябре 1953 года Блейк встретился в Лондоне с резидентом советской разведки генералом Родиным Б. Н. и передал ему планы проведения против Советского Союза в высшей степени секретных операций. Через некоторое время он выехал на Ближний Восток, чтобы возглавить одну из резидентур английской разведки. Однако через полгода под предлогом консультаций в связи с возможным назначением на новую должность его отозвали из Ливана в Лондон и взяли под стражу по обвинению в разглашении государственной тайны. Немногим позже после судебного процесса над «портлендской пятеркой» в том же зале Олд Бейли он был приговорен к сорока двум годам тюремного заключения.

* * *

Вспомнив все это, Питер поделился с ним наболевшей проблемой, все время не дававшей ему покоя: о возможности внеочередного свидания с Хелен, а также о состоявшихся беседах с сотрудником МИ-5 Элтоном. Но довести этот разговор до конца не удалось: помешали надзиратели. Во время вечерней прогулки, когда моцион по тюремному двору совершали сразу около семисот заключенных, они смогли закончить начатый разговор. Блейк, на удивление, был осведомлен обо всем, что происходило по обеим сторонам тюремных стен. Он знал, что тот же Элтон пытался «обрабатывать» и Гордона Лонсдейла, склонял его к сотрудничеству с МИ-5, обещая безбедную жизнь, но Лонсдейл дал ему ясно понять, что не собирается покупать свою свободу ценой предательства. В ответ на это раздосадованная несговорчивостью Лонсдейла британская Секьюрити сервис перевела его в тюрьму Стренджуэйс. Что накануне своей отправки на север Англии он оптимистично заявил Блейку: «Я, Джордж, уверен, что юбилейный праздник пятидесятой годовщины Октябрьской революции мы будем встречать вместе на Красной площади в Москве».[59]

— Я, конечно, не мог поверить в эти чудеса, — рассказывал Блейк, — но я поверил в то, что у Гордона мог быть шанс выбраться на свободу. Он же как-никак советский гражданин, не то что мы…

— Ну и что из того, что он советский гражданин? — не понял его Питер.

— А то! Стоит русским арестовать английского шпиона, и они сразу же произведут взаимный обмен. А вот у нас с тобой никакой на это перспективы!

— Особенно у меня, — согласился Питер, — поскольку я — американец.

— У меня тоже нет никаких шансов. Английские власти никогда и ни при каких обстоятельствах не отпустят меня, потому что я являюсь британским подданным, и тем более государственным служащим. Это во-первых, а во-вторых, уголовное законодательство Великобритании не предусматривает амнистии своим гражданам.

— Но неужели все сорок лет ты будешь шить здесь почтовые мешки?

— Я подумаю, Питер, что мне предпринять. Все будет зависеть от воли господа Бога. Как говорил он Моисею: «Кого миловать, помилую; кого жалеть — пожалею».

— Получается, что тюремное заключение — это рок?

— А что поделаешь, все предопределено господом Богом.

— Но это же фатализм!

Блейк, подумав, сказал:

— Фатализм заключается не только в том, чтобы смиренно ждать, принимая случившееся как неизбежность. Фатализм может выражаться и в отдельных импульсах, которые побуждают человека к определенным поступкам. Я надеюсь, что со временем появятся и у меня импульсы, побуждающие к каким-то конкретным действиям. К каким именно, поживем — увидим. А пока давай-ка, Питер, решать твою проблему. Мне кажется, тебе следует пойти на маленькую хитрость: притвориться заинтересованным в предложении Элтона хотя бы ради того, чтобы доставить ему удовольствие…

— И что дальше? — не понял его Питер.

— А дальше ты Элтону должен заявить, что без согласования этого вопроса с Хелен ты ничего решить не можешь. Что тебе надо встретиться с ней. Уверен, что после этого они предоставят свидание и ты убедишься, что Хелен никаких обязательств, чтобы остаться здесь, не давала. Знаем мы эти штучки Элтона! Когда ты наговоришься вволю с Хелен и предупредишь ее, чтобы ни на какие провокации впредь не поддавалась, пошли ты его куда подальше!

— Хорошо, я так и поступлю.

Все, о чем Блейк говорил Питеру, впоследствии осуществилось и подтвердилось: Хелен никогда не помышляла об измене и не желала даже весги разговоры с представителями службы безопасности, несмотря на их обещания освободить досрочно из тюрьмы и обеспечить ее старость.

Видя, что у англичан ничего не получается с обработкой супругов Крогеров, сотрудники американского ФБР, специально

прибывшие из Нью-Йорка в Лондон, решили самостоятельно побеседовать с ними о возможно проводимой с полковником Абелем шпионской деятельности против США. Однако Хелен и Питер отказались с ними встречаться, что было на руку английской контрразведке, постоянно соперничавшей с ФБР. Но американцы на этом не успокоились: они потребовали выдачи им граждан США Морриса и Леонтины Коэн. Однако Крогеры и на этот раз, словно сговорившись, сориентировались правильно: они заявили о том, что давно уже не являются гражданами США, поскольку в Лондон прибыли из Варшавы, где они приняли польское гражданство, и что после отбытия срока заключения обязательно вернутся только в Польшу.

Это заявление Крогеров сыграло решающую роль в отказе выдать их Соединенным Штатам Америки.

* * *

Как только над Крогерами свершился суд, в Москве сразу же приступили к изучению вопроса о том, как их теперь выручать? Вариантов предлагалось много, но Центр принял единственное решение: через польский МИД оспорить утверждение об американском гражданстве супругов Крогеров и настаивать перед английским правительством на их польском гражданстве. Но возникла проблема: как информировать их об этом, чтобы они со своей стороны избрали бы тоже аналогичную линию поведения? Решили попробовать начать переписку от имени родственницы Хелен — Марии Пэтке, якобы проживающей в Варшаве на улице Вавельска, что в полной мере соответствовало отступной легенде Крогеров.

Первое сигнальное письмо явилось для Хелен приятной неожиданностью. Несколько месяцев она ощущала полное одиночество, которого не испытывала никогда ранее, и вдруг это письмо из Польши! После его прочтения она поняла, что Центр думает, заботится о них, что они теперь не одиноки, что кампания за их досрочное освобождение практически начала уже набирать обороты.[60] И это страшно обрадовало ее. Но радость оказалась недолгой: Элтон продолжал плести сеть, как паук. Надеясь хоть что-то выжать из Крогеров, он стал опять вызывать их на душераздирающие беседы. Но каждый раз он наталкивался на нежелание обсуждать какие-либо вопросы разведывательной деятельности. Разозлившись, он решил отомстить им и добился, чтобы их развели по разным тюрьмам: Питера отправили в Стренджуэйс (буквальный перевод — «странные пути»), а Хелен

— в графство Чешир, где находилась женская тюрьма Стайл — единственная в Англии.

И Стайл, и Стренджуэйс пользовались у профессиональных преступников самой плохой репутацией, в них всегда было холодно, неважно кормили, свет в камерах горел круглосуточно, а персонал состоял из грубых и вульгарных людей. К тому же Крогерам здесь еще больше ограничили свидания: один раз в три месяца. Особенно не повезло Хелен: ее поместили в камеру с уголовницами, которые совершили самые тяжкие преступления. Ежедневно они старались досадить «чужестранной шпионке»: сыпали соль в ее пищу, иногда опрокидывали, якобы случайно, миску с тюремной баландой, оскорбляли и унижали нецензурными словами. Но Хелен была несгибаемой женщиной и умела постоять за себя: если ей бросали грубый вызов — она принимала его и давала достойный отпор, зная, что обращаться в таких случаях к начальнику тюрьмы или надзирателю бесполезно — все равно никто из них не поможет.

Содержание Питера и Хелен в одних камерах с уголовными преступниками по замыслу службы безопасности должно было подорвать моральный дух и парализовать их волю, однако, несмотря на невыносимые условия содержания, Крогеры вели себя стойко и мужественно, они не выдали на проводившихся с ними беседах никаких секретов, по-прежнему оставаясь непреклонными.

В ответе на первое письмо из Варшавы Хелен сообщила «своей кузине» в Польшу:

> …Мы оказались жертвами случайности. Нас осудили за то, что мы имели дружбу с Гордоном Лонсдейлом и хранили кое-какие его вещи, а не за нарушение законов Великобритании. Очень сожалеем, что нам не удалось пока доказать англичанам и приезжавшим из США сотрудникам ФБР, с которыми я и Питер отказались встречаться, что мы — граждане ПНР. Надеемся, тетя, на вашу помощь.
>
> Время у нас тянется долго, бесконечно долго, его скрашивают лишь редкие свидания с Питером. Он по-прежнему много читает, наверстывает, как он говорил, упущенное за несколько последних месяцев. Сокамерники его уважают за знания и жизненный опыт, но чувствует он себя среди них плохо. Эта зима особенно отразилась на его здоровье. В неотапливаемых каменных мешках тюрьмы он постоянно зябнет.
>
> Ужасаюсь и я при мысли, что зима еще не

закончилась: в камере сильно мерзнут руки. Создается впечатление, что только сейчас наступили сильные холода. Ах, как я хотела бы получить от вас что-нибудь шерстяное из одежды, а из продуктов — польской колбаски и черного хлеба. Но, к сожалению, мне не разрешено получать что-либо с воли, кроме писем. И вообще тюремная рутина меня изнуряет. Режим, будь он трижды проклят, страшно надоел: в 6 часов подъем, потом весь день работа, а в десять вечера уже гасят свет в камерах. У Питера, наоборот, всю ночь горит свет: надзиратели наблюдают за ним через «глазок» в двери, на месте ли он, не подпиливает ли решетки на окне.

…Многое хотелось бы еще написать, но какой смысл: чтобы пополнить архив тюремного цензора еще одним неотправленным письмом?

Поэтому напишу-ка я сейчас Питеру, сообщу ему о том, что мне разрешено получать почту, что наладилась связь с материком. Вот уж он обрадуется! Кто ему, кроме меня, теперь напишет! Тетушка же будет писать только мне!

Нет меры благодарности вам, Мария, за милосердие к нам. Да благословит вас Бог за заботу о нас.

После получения такого ответа от Хелен в Центре поняли, что «Дачники» сориентировались правильно: они твердо придерживаются польского гражданства, не дают показаний относительно того, что работали на советскую разведку. Все это было хорошо, но плохо то, что к ним проявлялся повышенный интерес со стороны американских спецслужб, что существенно осложняло задачу их вызволения. К тому же времени был подготовлен обмен Гордона Лонсдейла на ранее арестованного в Москве английского бизнесмена Гревилла Винна, который по заданию Интеллидженс сервис осуществлял связь с О. Пеньковским.

Располагая подобной информацией, американцы и англичане могли просчитать, что «Дачники», сотрудничавшие с Лонсдейлом, скорее всего тоже работали на Советский Союз. Но поскольку обмен Гордона планировалось произвести через Польшу, а сам Лонсдейл, хотя и выдавал себя за канадца, числился польским разведчиком, то Центр вполне естественно решил до конца побороться за освобождение «Дачников» от имени Польши. Тем более что поляки, прекрасно понимавшие, что причиной провала «портлендской пятерки» явилось предательство их сотрудника Михаила Голеневского, согласились представлять интересы

советской разведки. И к тому же еще у Хелен были твердые доказательства, что ее мать родилась в Польше и что в Варшаве у нее остались родственники, с которыми она ведет постоянную переписку.

Из воспоминаний Морриса Коэна

Находясь в «тюрьме Ее Величества» Брикстон, я сразу же заказал толстую тетрадь в переплете для ведения дневника. Понимая, что мне после освобождения могли и не разрешить взять его с собой, а также принимая во внимание то обстоятельство, что сотрудники службы безопасности или администрации тюрьмы могли читать или копировать записи в мое отсутствие, я вынужден был постоянно придерживаться в тексте отработанной нам легенды, что мы — поляки, занимавшиеся торговлей, а не разведывательной деятельностью. Это во-первых, а во-вторых, мне пришлось пойти на хитрость и соблюсти некоторые меры предосторожности: отражать в дневнике лишь то, что не могло вызвать раздражения у спецслужб. С этой целью я время от времени прибавлял, например, к тексту такие фразы: «Здесь не занимаются «промыванием мозгов», «не замечал, чтобы с заключенными плохо обращались…» Это давало надежду, что после освобождения мне разрешат взять дневник с собой.

Но строгим цензором по отношению к себе я был только в первые два-три года, потом отошел от этого.

Моя первая запись от 12 апреля 1961 года была самой длинной. Я дал тогда, помню, полную волю зажатым в кулак чувствам и изложил их почти на целую страницу. Сообщение о первом полете человека в космос потрясло меня. Оно послужило огромной моральной поддержкой, потому что это был советский космонавт Юрий Гагарин. Я воспринял его полет как подтверждение того, что мы с Лоной не зря работали на Советский Союз.

Вторая запись появилась на другой же день, когда вышли газеты с подробными сообщениями о полете и благополучном возвращении Гагарина на Землю. Помню, я сделал приписку о том, что СССР совершил великий шаг в историю и что мы, Крогеры, были причастны к этому шагу.

На третий день появилась еще одна краткая запись: «Некто Джордж Блейк, очевидно, тоже причастен к тому великому делу, которое совершили вчера русские в космосе. Позавчера он был взят под стражу по обвинению в разглашении всей той же государственной тайны».

За восемь последующих лет до нашего освобождения дневниковых записей было очень много. Многие мне разрешили потом взять с собой.

Вот некоторые из них:

«Один, совершенно один в своем закрытом для всех мире. Бог дал мне жену, и первейшая моя обязанность — это защищать ее от столь враждебного порой мира, чего я не сумел сделать, и вот теперь жизнь ее в руках чужих людей. Все мои знания и умения теперь ни к чему. И это хуже всего на свете».

Запись в дневнике от 18 июня 1961 года:

«Обычный день тюремной жизни. Нахожусь здесь уже полгода. На кого из узников ни посмотришь, на всех лежит печать обреченности, безнадежности, смятения и тоски. Двадцать лет наверняка не выдержу. Скорее всего совершу что-нибудь из ряда вон выходящее».

Запись от 26 октября:

«Довольно холодно. Температура в камере такая же, как и снаружи. Это надо уметь вынести».

Запись от 7 января 1962 года:

«Ровно год, как я в тюрьме. Чтобы не свихнуться, быть в здравом уме, постоянно думаю о чем-нибудь привычном и близком. Чаще всего о Леонтине. Много читаю».

Запись от 13 февраля:

«Рудольф Иванович Абель обменен на американского летчика Фрэнсиса Пауэрса. Рад за Абеля! Но меня поражает критика, которая обрушилась на Пауэрса со страниц американских газет. Разве можно так:

«США не проявили мудрости в обмене шпионами. Русские выгадали в сделке»; «Герой ли человек, не выполнивший своей задачи?» Больше всего возмущает заявление бывшего обвинителя Абеля: «Мы дали им исключительно ценного человека, а получили взамен водителя аэроплана». Как можно так несправедливо заявлять, если оба — и Пауэрс, и Абель — честно выполняли свой долг в ходе очень опасной операции и выполнили его хорошо. Вызывают у меня недоумение и вопросы, заданные газетой «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Почему Пауэрс не

воспользовался булавкой с ядом или пистолетом, которые у него были?»; «Почему, зная, что ни он сам, ни «У-2» не должны попасть в руки противника, Пауэрс не взорвал себя и самолет?» А вот как бестактна «Ньюсуик»: «Не следовало ли ему, подобно Натану Хейлу, умереть за свою страну?» Смешно все это. Я не думаю, что Пауэрсу отдавали приказ покончить с собой в случае опасности».

Запись в дневнике от 11 января 1963 года:

«День рождения Лоны. У нее сегодня юбилей — ровно пятьдесят, а у меня нет для нее подарка. Страшно обидно. Часто думаю о ней с чувством вины за то, что из-за меня она находится в тюрьме, да еще сроком на 20 лет. Чем чаще размышляю об этом, тем больше кажусь самому себе жестоким человеком, втравившим ее в это дело. Все, что мне остается, просто быть рядом с ней. Нельзя разделить неделимое. Особенно любовь. Только она помогает сохранить человеческое в человеке, потому что все люди во все времена, во всех концах земли похожи друг на друга, и все хотят жить, любить и быть любимыми, и никто никогда не должен лишать их права на счастье».

22 апреля 1964 года дверь камеры, в которой сидел Питер, отворилась, и благоволивший к нему надзиратель сообщил, что Лонсдейл из тюрьмы освобожден и обменен на английского коммерсанта Винна. В голове Питера мелькнула мысль, что Бен должен теперь позаботиться и о них, Крогерах. Когда надзиратель покинул камеру, он взял дневник и написал:

«Чрезвычайно рад за Гордона, за себя и за Лону, потому что это предвещает и нам хорошие надежды на будущее. Уверен, он будет делать все, что в его силах, для нашего освобождения. Наше положение теперь намного лучше, чем раньше».

Но вспомнив разговор с Блейком о том, что для заключенных из числа иностранцев перспектива обмена нереальна, Питер снова погрустнел. Тоска опять надолго вселилась в его сердце.

На другой день он получил от Хелен короткую записку, в которой она сообщала, что получила письмо из Польши от своей кузины, проявлявшей большую заботу о их будущем. Эзоповский язык записки был понятен Питеру. Но еще больше обрадовало письмо, доставленное по каналам разведки от Бена:[61]

> Дорогой Питер!
>
> Ты не представляешь, как я счастлив! Не сомневаюсь, что и ты, и Серж[62] так же счастливы за

меня и мою семью.

Поверьте, все произошло с такой поразительной (по крайней мере для меня) быстротой, что я не имел никакой возможности написать вам из Бирмингемской тюрьмы, в которой я находился в последнее время.

После возвращения на Родину вы с Лоной постоянно занимаете мои мысли, я очень мучаюсь тем, что вы оказались в тюрьме. В ближайшее время рассчитываю повидаться с вашим адвокатом господином Погоновским, который нанят вашими родственниками и будет защищать ваши гражданские права как бывших жителей Польши. Главное теперь — оптимистично верить в свое будущее, набраться терпения, а я тем временем буду делать все, что задумал. Не сомневаюсь, что и у вас все будет хорошо.

Извини, что написал тебе мало. В следующий раз напишу побольше, а сейчас я почувствовал себя плохо: британские тюрьмы с их холодом и недоеданием все же отразились на моем здоровье. Работать много и быстро, как это было раньше, я уже не могу. Тем не менее я написал перед этим еще одно письмо для Сержа. На всякий случай ты сообщи ей об этом, а то вдруг она не получит от меня весточки.

Огромный тебе привет от Галины[63] и маленького Арни — того самого Арни, заочным крестным которого ты являешься и который помнит тебя за присланный ему четыре года назад английский красный календарь.

С любовью к Вам

Арни-старший.

В тот же день, после прочтения письма, Питера неожиданно пригласили в кабинет начальника тюрьмы.

— Скажите, мистер Крогер, я могу вам задать несколько интересующих меня лично вопросов? — спросил тот.

Питер, пряча за спиной руки, покрывшиеся от однообразной изнурительной работы волдырями и от простуды — фурункулами, на вопрос ответил вопросом:

— Позвольте мне сначала сесть?

— Да, пожалуйста… Итак, из ваших документов, мистер Крогер, я узнал о том, что вы являетесь выходцем из рабочей среды.

— Именно так, — подтвердил Питер.

— Это хорошо. Теперь мне становится понятно, почему вы встали на путь шпионажа. Но мне непонятно, как могли пойти на

это такие люди, как Филби, Маклин, Берджесс? Они-то не из бедных! Они же аристократы! Истеблишмент… Что их-то заставило примкнуть к советским коммунистам?

Как историк, Питер мог часами философствовать на подобные темы, но, чувствуя себя неважно в этот день, он решил побыстрее отделаться от несимпатичного ему собеседника.

— Скажите, господин начальник, вы когда-нибудь читали Маркса или Энгельса?

— Нет, не читал.

— Напрасно, знаменитых своих земляков, их идеи, известные всему миру, вам тоже не мешало бы знать. Я думаю, они помогли бы вам разобраться в этом вопросе…

— Интересно, это кто же из них был моим земляком? — удивился начальник тюрьмы. — Я знаю одно, что в нашем Манчестере находится самая большая тюрьма Стренджуэйс и что в ней содержится около четырех тысяч заключенных.

— Но не знаете при этом, что все ваши заключенные мерзнут от холода и пухнут от недоедания. Но это к слову о «самая большая»… А что касается знаменитых земляков, то один из них — Фридрих Энгельс — жил и работал в вашем Манчестере. Здесь он женился на ирландке, здесь же управлял фабрикой своего дяди. А Маркс жил в Лондоне. Там, на Хайгейт-хилл, он и похоронен, кстати. Вот Маркс именно о таких людях, как Берджесс, Филби и Маклин, писал приблизительно так только лучшие сыны и дочери своих стран, любящие народ, способны сделать все для его процветания, для торжества социализма… Понимаете?.. Лучшие сыны и дочери, любящие свой народ, способные сделать все, — медленно повторил Питер.

Начальник тюрьмы долго смотрел на него задумчивым взглядом, потом, словно опомнившись, вдруг сердито скомандовал надзирателям:

— Отведите его обратно в камеру!

Оставшись недовольным этим разговором с заключенным, начальник тюрьмы «отыгрался» на Питере, когда в Манчестер привезли для свидания с ним Хелен. Встретив прибывшую вместе с ней охрану в тюремном дворе, он приказал запереть ее в камеру до следующего дня, а если врач не разрешит больному Крогеру свидания, то ее следует отвезти обратно в тюрьму Стайл.

Услышав это, Хелен мгновенно вскинула над головой сцепленные наручниками исхудалые руки и, глотая непрошеные слезы, двинулась на начальника тюрьмы — в эти секунды она выглядела преисполненной твердости и отваги, а серые глаза, горящие злостью на сморщенном маленьком лице, поражали всех надзирателей напряженностью взгляда.

— Ах, вы гады такие! — закричала она дрожащим от гнева голосом. — Меня привезли сюда на законном основании повидаться с мужем, а вы хотите затолкнуть меня в ваши вонючие камеры?! Да я сейчас этими цепями размозжу вашу башку!

Начальник тюрьмы, прикрыв голову руками, попятился назад, быстро приговаривая:

— Что вы! Что вы! Сейчас мы все сделаем для вашего свидания! Только, ради бога, успокойтесь!

Прикашливая и запинаясь, она говорила что-то еще, но потом так разволновалась, что плечи ее стали судорожно вздрагивать, заморгали ее покрасневшие глаза, и казалось, вот-вот прорвутся едва сдерживаемые рыдания. Старый охранник, сопровождавший Хелен из тюрьмы Стайл, подошел к ней и прижал ее к своей груди, уговаривая успокоиться.

Через некоторое время ее провели в комнату свиданий, а несколькими минутами позже в сопровождении вооруженных надзирателей туда же привели Питера. Поприветствовав Хелен тяжелой вымученной улыбкой, он старался все время прятать от нее руки, опухшие от фурункулов.

— Противная штука, эти наручники, — грустно заметил он. Ломая голову, что бы такое ей сказать, добавил: — От металла всему телу становится холоднее.

Лицо его было бледное и тоже в фурункулах. Стараясь не подавать виду, что он болен, Питер пытался бодриться, даже выпрямился, но было видно, как трудно больному человеку это делать, противостоять слабости и болям от фурункулов по всему телу. Не выдержав, он прислонился к стене. И тут Хелен начала ругать надзирателей:

— Что же вы, изверги, с ним делаете? Да разве же можно так обращаться с больным человеком?! Связывать его по рукам и ногам железными цепями? Да вы тут все, вместе взятые, и мизинца его руки не стоите! Я требую, чтобы его немедленно освободили от кандалов и отправили в больницу на лечение! Вы что… не видите, что он весь в фурункулах, ослабел совсем? Да как вы смеете!.. — Она метала громы и молнии, грозила старшему надзирателю всеми небесными и земными карами, если он не отведет мужа к врачу. — Все, я прерываю это свидание из-за невозможности его проведения в связи с тяжелым состоянием мужа.

Питер попытался успокоить ее, говорил, что такие мелочи, как фурункулы и наручники, не должны ее расстраивать, но Хелен и слушать его не хотела. Она подошла к одному из охранников, который стенографировал их разговор, и начала медленно диктовать ему:

«Я прерываю сегодняшнее свидание, которое длилось всего десять минут вместо положенных четырех часов, и буду добиваться от тюремных властей и прокурора графства Чешир, чтобы нам не зачли эту короткую встречу. Требую перенести ее на более поздние сроки, как только выздоровеет мой муж».

Затем она повернулась к Питеру и с успокаивающей мягкой ласковостью произнесла:

— Прости меня, Бобзи, но я вынуждена тебя оставить. Ты же знаешь, как мне ненавистно их скотское обращение с людьми. А потом, помнишь, как говорил Гордон: «Если не мы сами, то кто же еще будет бороться за наши права?!»

— Да, это так, — ответил Питер и, словно вспомнив что-то, радостным возгласом добавил: — Между прочим, я на днях получил от него письмо, но из-за фурункулов на руке не смог написать ему ответ…

— Не беспокойся, Бобзи, — громко произнесла Хелен, чтобы слышали охранники тюрьмы, — я напишу ему за тебя и за себя о том, как в английских тюрьмах Стренджуэйс и Стайл обращаются с политическими заключенными, не говоря уже об уголовниках. А что касается письма, то я тоже получила от него…

* * *

На другой день по ходатайству врача Питера повезли в Лондон, в Уормвуд Скрабе, где была своя медсанчасть. Как только «Черная Мэри» выехала за чугунные ворота тюрьмы, Питер прилип к зарешеченному оконцу. За годы заключения он настолько привык к тюремной тишине, что улицы Манчестера с их шумом и людской многоголосицей буквально оглушили его. И хотя во всей этой уличной какофонии не было ничего мелодичного, для больного Питера она все же была полна божественной гармонии. Продолжая с удивлением вглядываться в прохожих, разгуливавших по городу без какого-либо конвоя, в одеждах всех цветов и оттенков, он как будто только сейчас понял, что далеко не все человечество одето в арестантскую робу.

До самого Лондона Питер продолжал с удивлением и большим любопытством созерцать этот почти забытый им благодатный вечный мир — солнце, небо, реки, полевые цветы, деревья, кустарники — все, что он так давно не видел за мрачными холодными стенами тюрьмы…

Когда машина затормозила и остановилась под кирпичной аркой с крупной надписью на фронтоне: «Оставь надежду всяк сюда входящий», старший конвоя предупредил:

— Мы прибыли в тюрьму Ее Величества! Прошу всем оставаться на своих местах.

Бросив через решетчатое оконце последний взгляд на уличную панораму перед тюрьмой, Питер невольно представил, как через несколько минут он будет опять замурован в глубокий холодный каземат, а все остальное будет снова ограничено прогулочным тюремным двориком.

Вскоре машина въехала на территорию Уормвуд Скрабе и остановилась около группы надзирателей, среди которых находился уже и старший конвойный тюрьмы Стренджуэйс. Они провели Питера в больницу, где должным образом его внесли в тюремные книги, присвоили новый номер 6344 (в обращении к заключенному для удобства опускались первые две цифры, и Питера стали называть «сорок четвертым»), в который раз разлучив с собственным именем и фамилией.

Через неделю ему сделали первую операцию на руке (в последующие два с лишним месяца с его тела сняли более шестидесяти фурункулов).

Отсюда, из Уормвуд Скрабе, он написал Лонсдейлу ответ на его письмо:

> Дорогой Гордон!
>
> Прошу извинить за гадкий почерк. Не подумай, что писалось все это дрожащей старческой рукой в шерстяных перчатках, или о том, что вообще изменился мой почерк. Нет, Гордон, это все из-за того, что я пишу левой рукой из знакомой тебе тюрьмы Ее Величества, в больнице которой мне сделали операцию на правой руке.
>
> Твое письмо я получил. Оно вызвало у меня волнения и счастье, особенно когда я читал о маленьком Арни. Разделяю твою радость и радость твоей семьи в связи с твоим возвращением в Польшу.[64]
>
> Хелен, с которой я встречался два месяца назад, выглядела неплохо. И вообще она никогда не унывает, как это и подобает нашему несгибаемому сержанту.
>
> Извини, Гордон, но писать я на этом кончаю, левая рука тоже не совсем еще здорова — с нее убрали как-никак восемь фурункулов.
>
> Передавай нашу искреннюю любовь Галине и маленькому Арни.
>
> Всего Вам доброго и светлого.
>
> *Пит.*

Получив это письмо, Конон Молодый понимал, что

находящийся в тюремной больнице Питер особенно нуждается сейчас в хороших новостях и потому, не откладывая дело в долгий ящик, сразу же сел за стол и начал писать ему ответ:

Дорогой Питер!

Вне всякого сомнения, я прощаю твой скверный почерк, по мне пиши ты хоть левой ногой, лишь бы я получал твои письма. Если я и не сумею прочесть их, то Галина прочтет любой почерк, она ведь учительница и уже привыкла ко всяким почеркам.

Должен заметить, что и она, и наши дети много наслышаны о вас с Лоной, о вашей стойкости и мужестве, и потому просят передать вам обоим их любовь и восхищение силой вашего духа. Они надеются, что в один прекрасный день познакомятся с вами, и это служит дополнительным стимулом, особенно для Элси (моя дочь Елизавета), которая планирует в недалекой перспективе совершенствовать английский язык с вашей помощью.

Тебе, Питер, наверное, интересно знать, чем я теперь занимаюсь. Должен тебе признаться, я так занят своей семьей и встречами со старыми друзьями, что даже нет времени для просмотра газет, не говоря уже о чтении книг. И, очевидно, нет нужды говорить о том, что у меня всегда есть время много думать о вашей с Лоной судьбе и всегда писать вам. Знайте, вы мои самые дорогие и хорошие друзья и, думается, нет необходимости часто напоминать о моих чувствах к вам, особенно теперь, когда я — здесь, а вы еще там.

Желаю тебе, дорогой Пит, скорейшего выздоровления.

Твой Арни-старший.

* * *

После лечения в тюремной больнице Питер заметно изменился внешне: ссутулился, поседел. Походка — и та стала другой: короче шаг, тяжелее поступь. Набравшись немного сил и здоровья в больничной палате, он все чаще стал подумывать о побеге и однажды даже поделился этой сокровенной мыслью с Блейком, а затем, по наивности своей предполагая, что дневники его теперь никто не проверяет, сделал 22 октября 1966 года легкомысленную запись:

«Мыслями своими все чаще обращаюсь к совершению побега. Еще 15 лет сидеть здесь — мочи нет. Чем больше задумываюсь об этом, тем безнадежнее кажется мне это дело. Шутка ли, около дюжины дверей с надежными засовами и вооруженными охранниками! Да и стены вокруг тюрьмы слишком высокие и к тому же с колючей проволокой. Чтобы вырваться на свободу, нужна помощь других. А кто здесь может помочь мне? Пожалуй, никто, кроме Бертрана[65]».

В тот же день, 22 октября 1966 года, — так уж совпало — Блейк осуществил побег из тюрьмы Уормвуд Скрабе.

Питер был рад за него и очень сокрушался, что не выразил ему в свое время твердого намерения совершить подобный же шаг. «Все единомышленники уже на свободе, мы последние остались, — размышлял он наедине с собой. — Но еще не все потеряно, — надо мне тоже разработать свой план побега. — Потом заколебался: — Ну хорошо, допустим, убегу я из тюрьмы, а как же Лона? Она же в другой тюрьме?.. Не оставлять же ее одну?!» Долго шла в нем внутренняя борьба мотивов, а потом произошло неожиданное: своим побегом[66] Джордж Блейк настолько растревожил «британского льва», что на другой же день неизвестные джентльмены в котелках допросили Питера: что мог он знать о подготовке побега. Но ничего нового, кроме упоминания о своем знакомстве с Блейком, он не сообщил. Рассерженные «джентльмены» с Уайтхолла порекомендовали тюремным властям перевести Питера Крогера в категорию «заплатников»[67] как человека особо опасного для Великобритании. Питер выразил тогда протест против незаконного перевода его в эту категорию, но начальник тюрьмы Стренджуэйс не принял протеста и дал понять, что «гости» из Лондона сделали такое заключение на основании его же собственноручных записей в дневнике, в которых высказывалась мысль о побеге и что это зародилось у него после бесед с Блейком.

Питер понял, что совершил ошибку, потерял на какое-то время бдительность, делая такие записи.

А еще через некоторое время из Скотленд-Ярда пришло указание перевести Питера Крогера в тюрьму особо строгого режима Паркхерст на остров Уайт. Если раньше частый перевод его из одной камеры в другую обосновывался тем, что тюремные власти стремились тем самым якобы помешать всемохущей советской разведке расправиться с супругами Крогер из опасений, что они могут расслабиться и признаться в том, чем занимались в Англии и на кого работали, то перевод Питера на остров Уайт объяснялся уже по-другому: предотвращением его возможного

побега, который он якобы замышлял вместе с Блейком.

Меры безопасности по переводу Питера Крогера в другую тюрьму были приняты чрезвычайные. Только семь человек знали о том, что его через два дня рано утром этапируют в Паркхерст. Сам Питер тоже не знал, в какую тюрьму его повезут. Об этом он узнает, лишь когда окажется на острове Уайт.

Сам остров был невелик, его можно всего за полтора часа объехать на моторной лодке. И в этом был свой смысл: на нем легче организовать охрану. Это во-первых. А во-вторых, и это было важнее, Уайт был совсем малонаселенным островом, и любой незнакомец, особенно сбежавший из тюрьмы, мгновенно привлек бы к себе внимание. Сбежать же из нее было практически невозможно: со всех сторон, кроме морского берега, она была обнесена рядами каменных стен и колючей проволокой, во многих местах были установлены телевизионные камеры, благодаря которым просматривался каждый сантиметр тюремной стены, кроме того, действовала система электронной сигнализации, а вооруженные автоматами стражи с собаками постоянно ходили вдоль стен.

Единственная возможность побега — это использование вертолета, но она была исключена, после того как тюрьму Паркхерст накрыли сеткой. Питера поместили в специальную камеру без окон и дневного света, которая находилась в другой, немного большей камере и представляла собой как бы спичечную коробку. То есть это была тюрьма в тюрьме, и содержались в ней самые опасные, профессиональные преступники — убийцы и участники знаменитого ограбления века.[68]

Что было сил Питер выкладывался днем на работе в надежде, что это поможет ему уснуть ночью, но все было напрасно. Тюремный шум, когда кто-то навзрыд плакал, а другой без умолку громко пел похабщину, и бесконечно раздававшиеся крики надзирателей: «Заткнись, мать твою так!» — не давали никому покоя. Именно ночами унизительность несвободы становилась для Питера особенно нестерпимой, именно ночами он ненавидел свою камеру и мечтал вырваться на волю, в свободный мир Земли.

С сокамерниками он держался просто и с первых дней рассказал им о себе все, что было достоянием суда. Каждый новый день Питер проводил согласно заведенному порядку: завтрак, работа, получасовая прогулка, обед, пятнадцать минут на знакомство с прессой и перелистывание книг, а ровно в семнадцать с наступлением весны он шел на береговой склон и разрабатывал землю для небольшого огородика.

Из рассказа бывшего охранника Алекса Тилла

Я работал в тюрьме Паркхерст с 1963 года и с первого дня создания в ней особо охраняемого блока. Осенью 1966 года к нам привезли Питера Крогера. Выглядел он лет на семьдесят, хотя было ему тогда всего пятьдесят шесть.

Мистер Питер был всегда немного грустным и внешне замкнутым человеком с усталым видом. Казалось, он вообще смирился с тем, что ему предстояло отбывать еще пятнадцать лет. Поместили его в камеру с «выдающимися личностями», проходившими по известному делу об ограблении.

Что удивительно, эти уголовные преступники обращались с ним как с уважаемым человеком, хотя каждый из них знал, что он осужден был за шпионаж То есть ни у кого из них и в мыслях не было, чтобы отомстить за то, что «польский» шпион работал против их Англии. Наоборот, они тянулись к нему, считали своим старейшиной и любезно называли его дон Педро, любили побеседовать у ним, обсудить свои проблемы.

Глубокая убежденность мистера Крогера в справедливости того дела, которым он занимался в Англии, понимание своей роли в общей борьбе за лучшее будущее человечества, за мир во всем мире произвели огромное впечатление не только на аполитичных уголовников, но и на нас, тюремных надзирателей. Все дело, видимо, в том, что была в Крогере какая-то особая сила духа, он был со своими устоявшимися твердыми взглядами на жизнь. Людям слабым рядом с ним, как признавались многие из них при выходе из тюрьмы по отбытии срока наказания, было легко и нестрашно. Он как будто обладал невидимой, внешне неощутимой властью — мог запросто разнять ослепленных злобой драчунов-зэков и пробудить совесть в их заскорузлой душе. Каким-то непонятным мне тогда образом он даже заставлял подчиняться себе самых строптивых. Это потом уже я понял, что происходило так потому, что мистер Крогер, ощущая свое интеллектуальное превосходство над остальными, — а он действительно очень много читал, заказывал книги даже в островной библиотеке — никогда и ничем это превосходство не выказывал. Наоборот, он с уважением относился ко всем заключенным со всеми их недостатками и слабостями, которые являлись, как он считал, порождением социальных условий английской жизни, и был уверен, что на совершение преступлений эти люди пошли не от хорошей жизни.

Авторитет Питера был высок еще и потому, что он никого не подавлял своими знаниями: тот, кто спорил с ним, чувствовал себя всегда равным. Возможно, поэтому все, кто с ним общался, как бы брали над ним опекунство, ограждая его от грубостей и издевок некоторых наших охранников и заключенных из других камер и блоков. Но были у него и некоторые свои странности. Например, на территории тюрьмы он посадил сад, а на одном из береговых склонов раскопал маленький огородик и посадил на нем лук, помидоры, разные салаты. В свободное от работы время ухаживал за ними и вел наблюдения, делая в своей тетради какие-то записи об этих культурах, за что и прозвали его тогда «монастырским садовником».

И еще одна странность замечалась за ним: во время приема пищи он всегда ждал, когда заключенные разберут весь хлеб с тарелки. То есть он жалел их и хотел, чтобы они досыта наедались. Оставшиеся после них куски собирал и тщательно поджаривал их, чуть ли не до углей. Потом ел и приговаривал, что это очень полезно для его кровеносной системы. И если мистер Крогер жив сейчас в свои восемьдесят с лишним лет, значит, он был прав и в этом…

Из воспоминаний Морриса Коэна

Да, все это было так: и прозвище «монастырский садовник», и «дон Педро», и то, что отбывал я наказание в так называемой «коммунистической камере» вместе с неким Уолли, который с девяти лет регулярно попадал в тюрьму. Между прочим, он женился на шотландке, семья которой на протяжении нескольких поколений не выходила из каменных стен Паркхерста.

Но было и более серьезное, о чем забывать никак нельзя: об особом режиме и жестких условиях содержания, которые создавались английской контрразведкой, незримо присутствовавшей в каждой из тех тюрем, где нам довелось бывать. МИ-5 постоянно преследовала нас, стараясь заставить меня и Хелен «подробно» и «правдиво» рассказать все о своей разведработе не только в Англии, но и в Штатах. Не раз предлагалось нам не возвращаться на жительство в Польшу, обещая предоставить в Лондоне виллу и обеспечить нашу старость, сократить срок заключения и помочь совершить побег, если мы только раскроем им действительный объем нашей прошлой деятельности. МИ-5, видя, что Крогеры, начиненные секретными сведениями, хотя и находятся в ее руках, но ничего не говорят, начала переводить нас в самые скверные, с худшим режимом тюрьмы, стала провоцировать нас, выдавая желаемое за действительное. Мне, например, говорили, что Лона, согласившись с их предложениями, раскрыла свою прошлую деятельность в пользу Советского Союза, а ей потом сообщали то же самое обо мне. Но поскольку мы хорошо знали друг друга и понимали, что нас обманывают, берут на пушку, мы не поддавались на их уловки и потому заслужили в английских тюрьмах славу трудных и непокорных зэков.

Подобные заманчивые обещания сотрудников английской службы безопасности уже после вынесения приговора свидетельствовали лишь о том, что британская контрразведка потрясающе мало знала о нашей нелегальной работе, что она поторопилась с арестом «портлендской пятерки» и потому старалась теперь наверстать упущенное.

Однако никакие ходы и уловки не достигали цели. МИ-5, крайне раздосадованная этим, решила побороться с нами с помощью мер дискриминационного порядка. Нам стали ограничивать время прогулок, а Лону перевели в такую тюрьму, где содержались психически ненормальные уголовницы. Там у нее началось истощение нервной системы. Ее пытались лечить, но она решительно отказывалась от навязываемых врачами

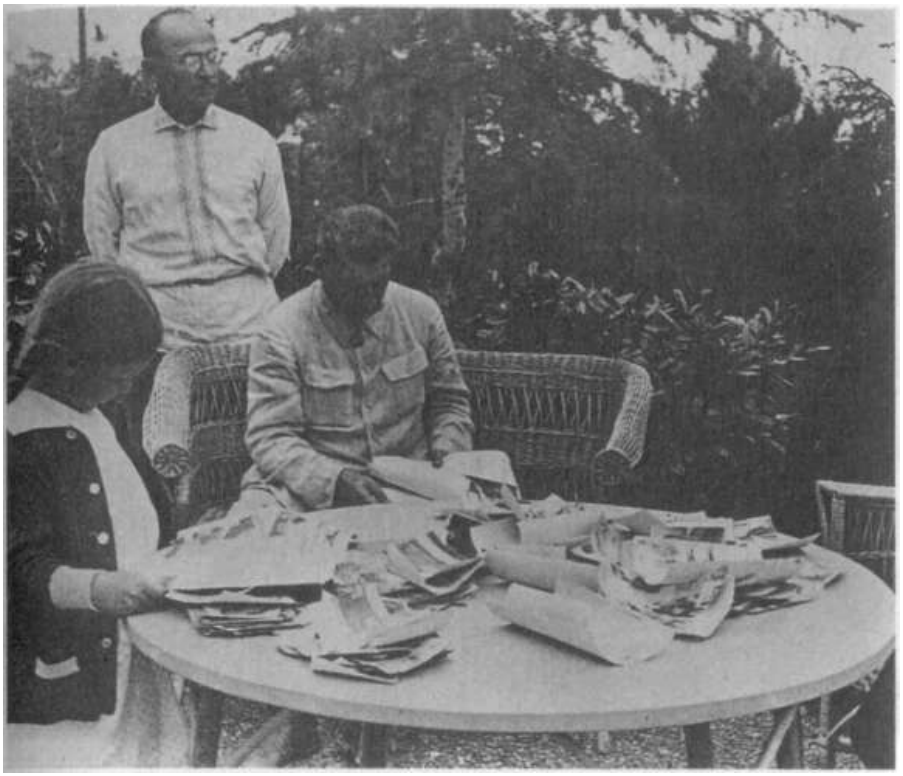
различных лекарств, подозревая, что они могут содержать большие дозы наркотиков, что могло привести к ослаблению силы воли.

После четырех лет специальной подготовки в Москве и Варшаве Моррис Коэн стал нелегалом — новозеландским бизнесменом Питером Крогером

Леонтина Коэн. В 1954 г. перед поездкой в Лондон она уже стала нелегалом — Хелен Крогер

Полковник А. А. Корешков — руководитель подготовки Крогеров к нелегальной работе в Англии. Фото публикуется впервые.

В этом коттедже на Крэнли Драйв, 45, в графстве Миддлсекс жили и работали нелегалы Крогеры. Здесь же размещалась их книготорговая фирма «Эдип и Медея»



И Сталин и Л. Берия на кунцевской даче

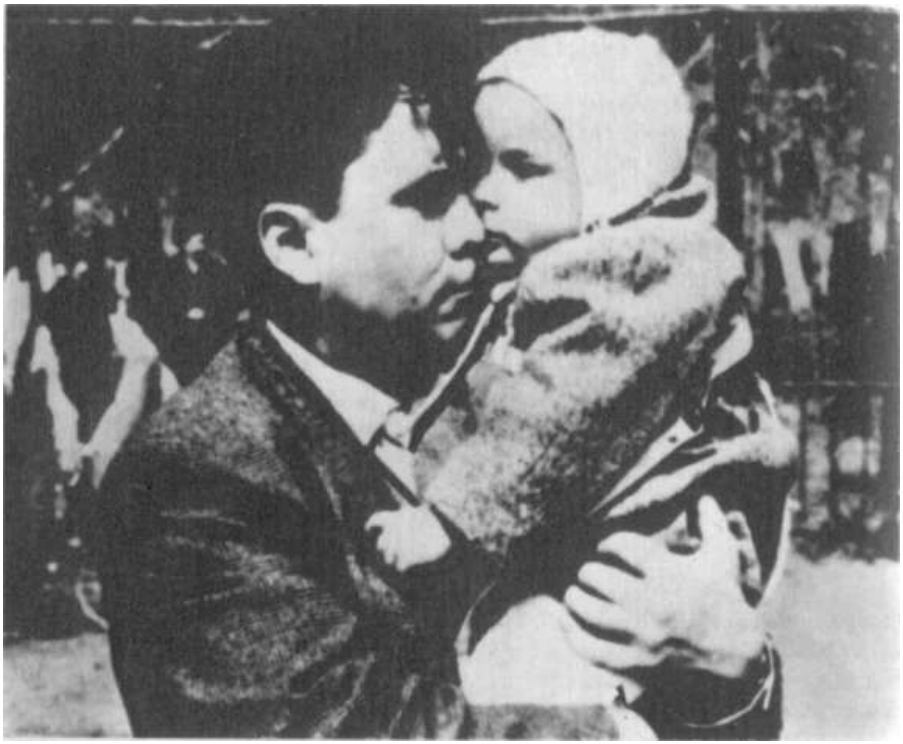
Генерал-майор Н. Б. Родин (он же Коровин), резидент советской разведки в Лондоне. Фото публикуется впервые

Агент Шах — Гарри Фредерик Хаутон и агент Ася — Этель Элизабет Джи — старший клерк бюро учета и размножения секретных и совершенно секретных документов Научно-исследовательского центра по разработке электронной, магнитноакустической и тепловой аппаратуры. Фото публикуется впервые

Агент Шах

Легендарный разведчик полковник Конон Трофимович Молодый — он же Бен, он же сэр Гордон Лонсдейл, возглавивший после войны нелегальную резидентуру в Англии

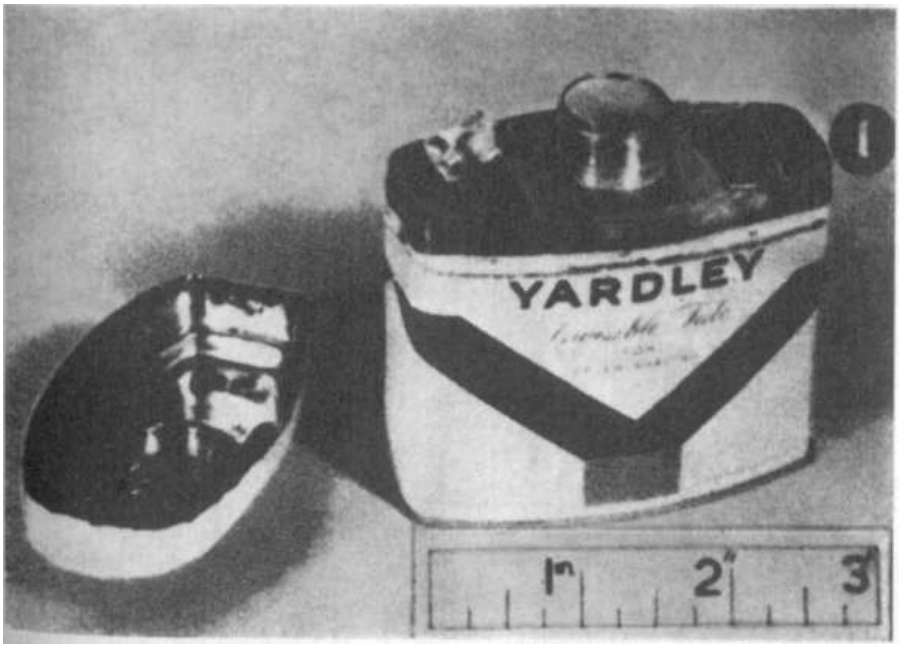
Генерал-полковник И. А. Серов. С его санкции был осуществлен вывод Крогеров в Англию для нелегальной работы



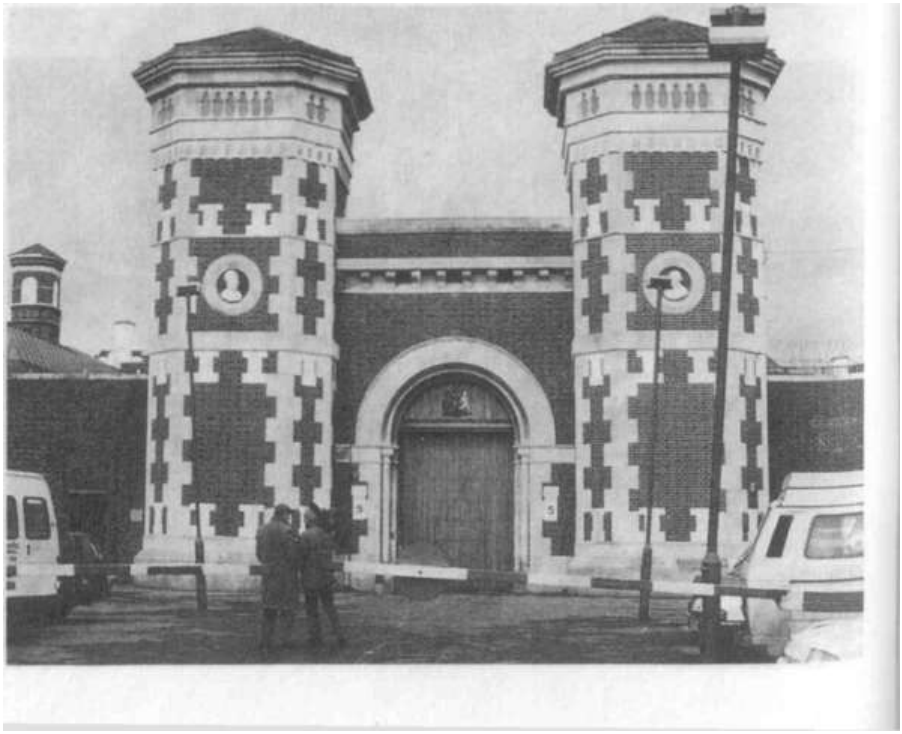
После долгой разлуки радостная встреча полковника Бена — Конона Молодого — с сыном. Фото публикуется впервые

А. Н. Шелепин, осуществлявший руководство КГБ при СМ СССР с 1958 по 1961 г. — в период, когда из резидентуры Г. Лонсдейла стала поступать в Центр значительная часть разведывательной информации.

В январе 1961 г. после ареста Крогеров в их доме под полом была обнаружена быстродействующая радиостанция «Мэрфи». На месте люка-лаза стоял холодильник

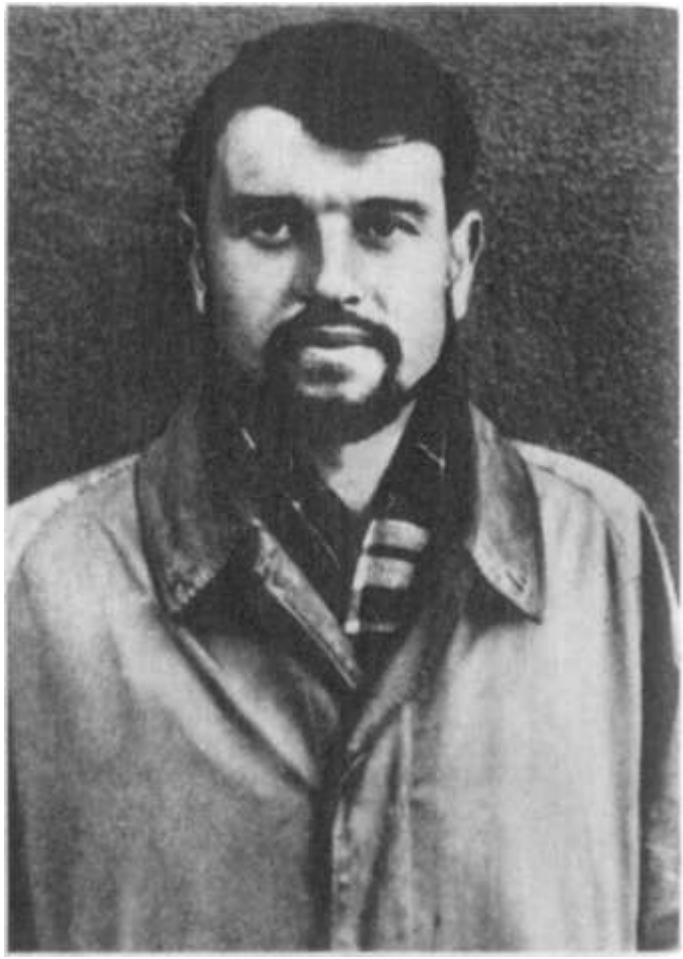


Шпионское снаряжение (контейнер для хранения секретных материалов), обнаруженное при обыске в доме Крогеров и предъявленное затем суду



Тюрьма Уормвуд Скрабс, в которой отбывал наказание Питер Крогер

Леонтина Коэн в одной из английских тюрем в 1960 г. Фото публикуется впервые



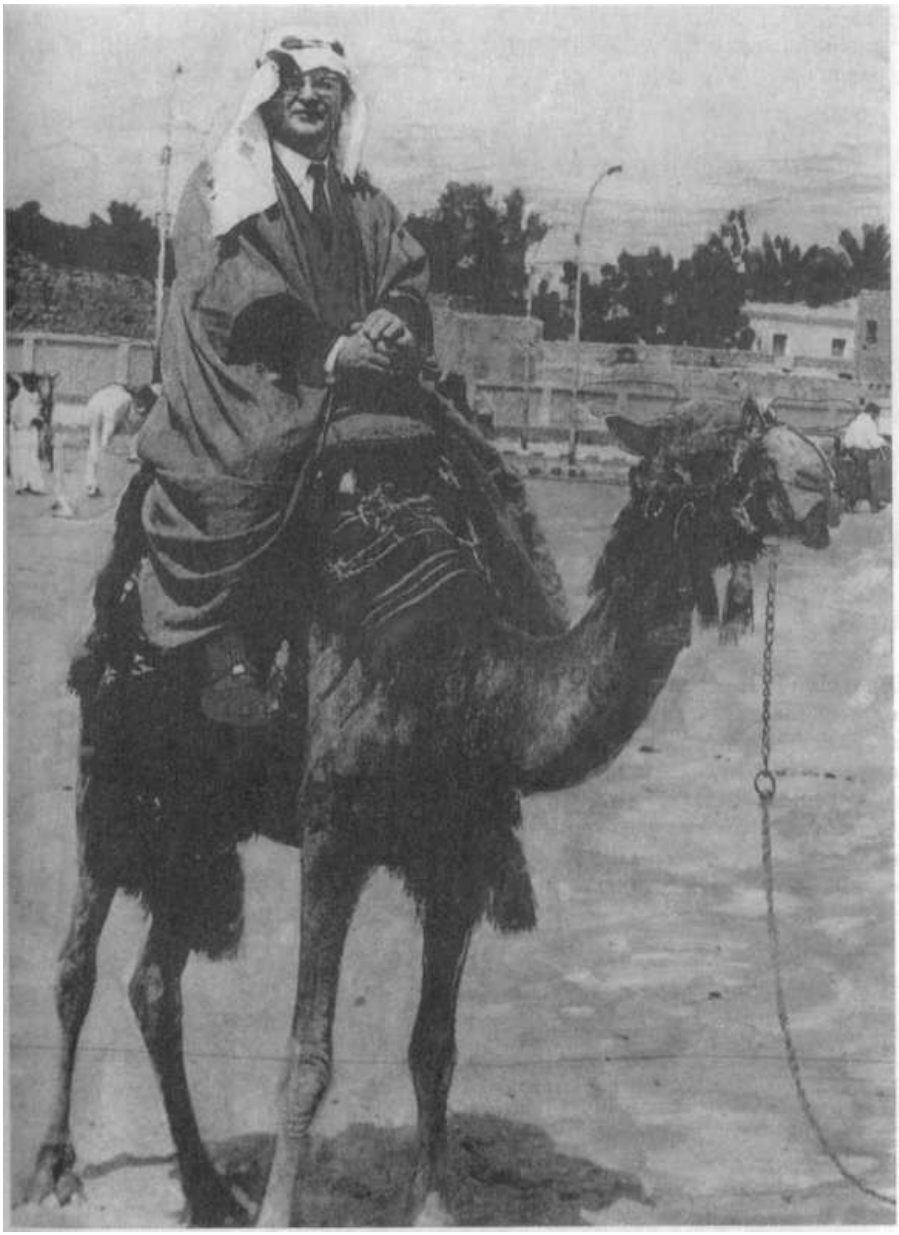
Сотрудник английской СИС (Сикрет интеллидженс сервис), агент советской разведки Джордж Блейк отбывал наказание вместе с П. Крогером в тюрьме Уормвуд Скрабе. В 1966 г. он совершил из нее одиночный побег

Председатель КГБ при СМ СССР В. Е. Семичастный. С его санкции в 1966 г. началась проработка вариантов возможного вызволения Г. Лонсдейла. Питера и Хелен Крогеров из английских тюрем

Легендарный советский Разведчик Ким Филби в своей московской квартире

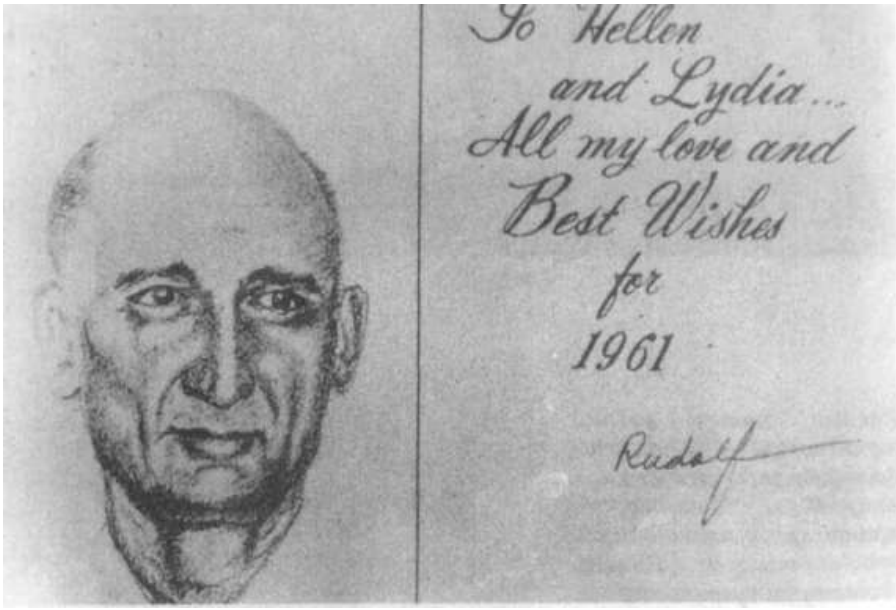
Вид на окрестности Виндзора в графстве Беркшир. Разведчик Юрий Соколов в редкие минуты отдыха

Разведчик Юрий Соколов (он же Клод и Глебов) готов к государственному приему в английском королевском дворце. Фото публикуется впервые



Какими только видами транспорта не приходилось пользоваться разведчику Юрию Соколову во время краткосрочной командировки в Египет. Фото публикуется впервые

Разведчик Юрий Соколов (второй слева) принимает советскую делегацию в Лондоне



Нелегал Р. И. Абель после ареста американской спецслужбой. Рождественская открытка с нарисованным портретом Абеля, изготовленная им самим и направленная своей семье в Москву из нью-йоркской тюрьмы

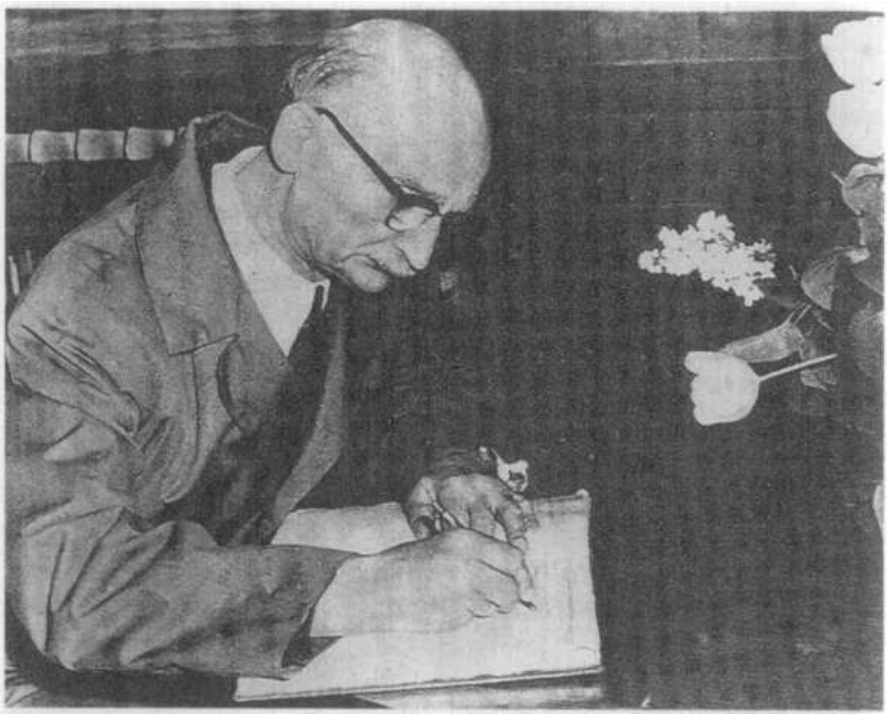
Первый справа — Вильям Фишер (Рудольф Абель) со своей семьей и друзьями во время отпуска в Подмосковье

Рудольф Иванович Абель в момент ареста. Фото публикуется впервые

Американский летчик Пауэрс, совершивший разведывательный полет над территорией Советского Союза. Был сбит под Свердловском в 1961 г.

Первый слева — красноармеец радиотелеграфного полка Вильям Фишер (Рудольф Абель), 1926 г.

Вильям Фишер (Рудольф Абель) с женой и дочерью на даче



Рудольф Иванович Абель при посещении Германской Демократической Республики в 1971 г.

Вильям Фишер (Рудольф Абель) с женой в Ленинграде в 1955 г.

Р. И. Абель был не только прекрасным фотографом, но и хорошим художником-живописцсм. Эти линогравюры были подарены Абелем своим боевым товарищам по работе в США Моррису и Леонтине Коэне 1970 г.

Находясь в тюрьме, Хелен Крогер дважды обращалась к Маргарет Тэтчер с заявлением об улучшении условий тюремного заключения, однако никакого ответа от «железной леди» так и не последовало

Ю. В. Андропов — Председатель КГБ СССР, предпринявший с 1967 по 1969 г. все возможное, чтобы вызволить из неволи советских

разведчиков — интернационалистов Питера и Хелен Крогер

Супруги Коэны после освобождения из британских тюрем встретились в международном аэропорту Хитроу перед отлетом в Варшаву.

Конон Молодый, он же Гордон Лонсдейл, после освобождения из английской тюрьмы

Выдающиеся советские разведчики (слева направо): Ашот Акопян (Артем), Конон Молодый (Гордон Лонсдейл) и Вильям Фишер (Рудольф Абель)

После возвращения Крогеров из Лондона (слева направо): П. Г. Громушкин, Моррис и Леонтина Коэн и секретарь парткома КГБ СССР Г. Е. Агеев. Фото публикуется впервые.

Бывший резидент в Нью-Йорке Л. Р. Квасников часто навещал Коэнов в их московской квартире на Арбате.

Годы нелегальной работы в США и Великобритании, арест, суд, тюремное заключение — все это осталось у Коэнов позади.

Фото на память: после награждения Леонтины Коэн правительственной наградой

Семен Семенов в домашней обстановке

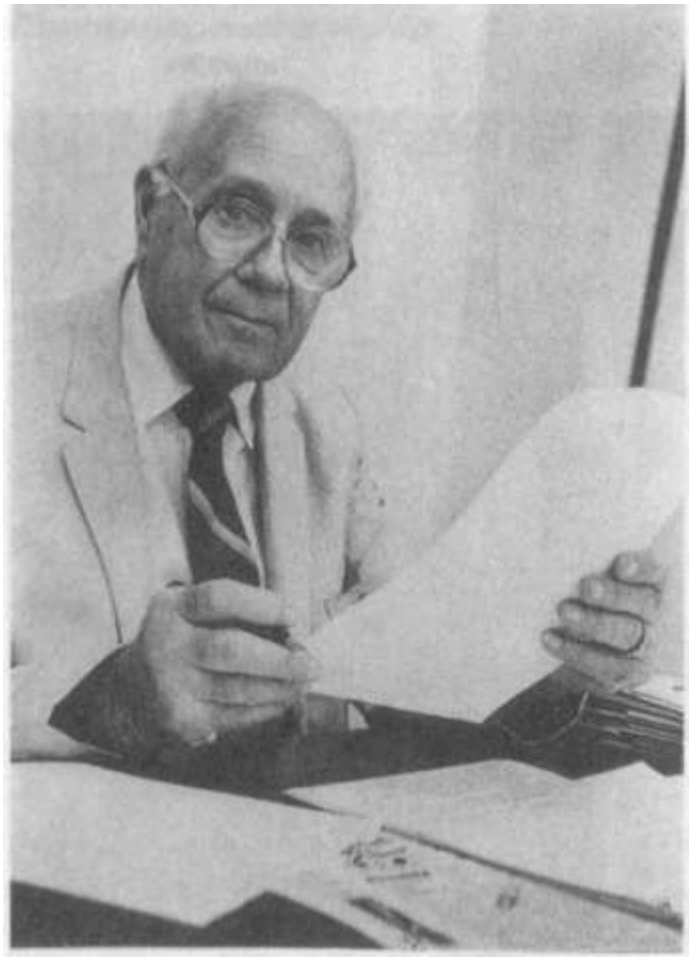
Резидент А. С. Феклисов (он же Фомин, Юджин и Калистрат) с внуком Томасом

После встречи с генеральным секретарем Союза писателей СССР, вице-президентом Всемирного Совета Мира А. А. Фадеевым сотрудники советского посольства во Франции сфотографировались на память в

пригороде Парижа в 1947 г. Крайний справа — разведчик Семен Семенов. Фото публикуется впервые.

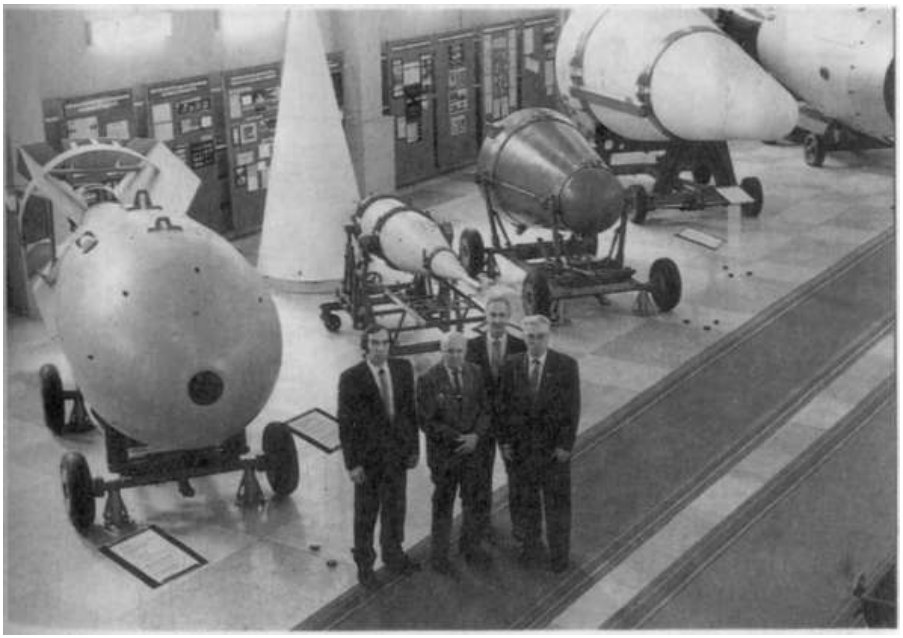
Нелегалы Коэны после вручения правительственной награды

На съемках кинофильма «Мертвый сезон» киноактер Донатас Банионис и его прототип — разведчик Конон Молодый

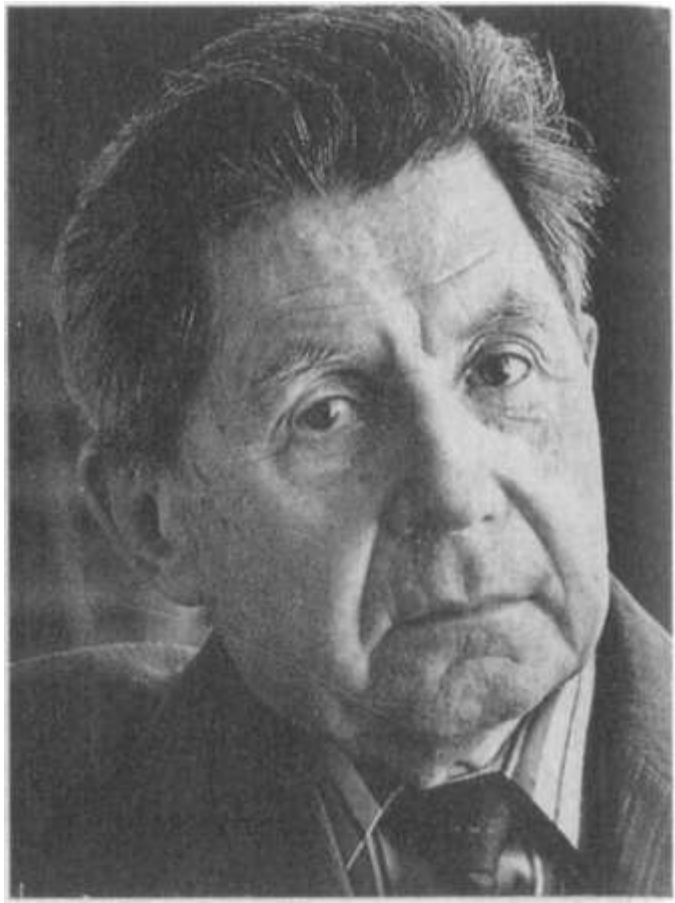


Бывший «охотник» за атомными секретами В. Б. Барковский стал профессором.

А. А. Яцков в минуты отдыха



В Б. Барковский (второй слева) в Музее ядерного оружия Российского федерального ядерного центра в г. Арзамасе. Фото публикуется впервые.



Задумчивым, философичным и остроумным остался в памяти друзей, товарищей и учеников своих разведчик-атомщик. Герой России А. А. Яцков

Генеральный конструктор атомной бомбы академик Ю. Б. Харитон (в центре) после посещения Кабинета истории внешней разведки, где его гидами были В. Б. Барковский (слева) и А. А. Яцков. Фото публикуется впервые.

Начальник нелегальной разведки генерал Юрий Дроздов (справа) поздравляет Леонтину Коэн с правительственной наградой. Второй слева — Юрий Пермогоров. Фото публикуется впервые.

Клод и Луис. Москва, 1990 г., в день 80-летия Морриса Коэна. Все, что было интересного в жизни разведчиков, осталось позади.

Вот они, разведчики-«атомщики», которые добывали в Англии и США информацию по урановой проблеме и внесли неоценимый вклад в создание советскими учеными отечественной атомной бомбы Слева направо: Герои Российской Федерации А. А. Яцков, бывший начальник научно-технической разведки Л. Р. Квасников, В. Б. Борковский и А. С. Феклисов. Фото публикуется впервые.

Вручение Звезды Героя России разведчику-атомщику В. Б. Борковскому летом 1996 г. Фото публикуется впервые.

Узнав о том, что содержат ее в одной камере с непредсказуемо опасными преступницами, я сразу же выразил протест в МИД Англии: сообщил письмом о том, что по отношению к нам незаконно используются дискриминационные меры. Посетивший нас адвокат Кокс сделал тогда правильный вывод и указал администрации тюрьмы Холлоуэй, что нам незаконно ограничили время прогулок и свели количество свиданий до двух раз в год. Надо отдать должное Коксу: он неоднократно выходил с ходатайством в Скотленд-Ярд о возобновлении свиданий раз в три месяца, добивался снятия других ограничений, но — увы! Установленный режим так и не изменился.

Вычитав из газет о том, что некая Маргарет Тэтчер (впоследствии премьер-министр Великобритании) является членом парламента от того округа, где находилась тюрьма Холлоуэй, я написал ей письмо, в котором изложил положение дел и попросил оказать содействие в смягчении тюремного режима, а также об оказании необходимой медицинской помощи

Лоне. Пришел ответ Тэтчер, но в нем не было ни слова о решении вопроса с медпомощью. Тогда я отправил ей еще одно письмо и получил аналогичный ответ, но, правда, с заверением, что нам будет разрешено встречаться, как и раньше, раз в три месяца.

Свидания нам действительно разрешили, но что это были за свидания! Привозили нас друг к другу под усиленным конвоем: до двадцати охранников с собаками, и каждый из нас был «прикован» наручниками к надзирателям. При свидании постоянно находилось три-четыре человека, один из которых, как правило, фиксировал все, о чем мы говорили. А через некоторое время мы получили из Польши интересное письмо от пана Панфиловского,[69] в котором тот сообщал о том, что в недалеком будущем мы будем делать вино из собственного винограда. Разумеется, мы не поверили в это, но, главное, мы уже не сомневались в том, что в Москве продолжают о нас помнить, продолжают думать и делать все возможное, чтобы вызволить нас из неволи. И непоколебимая вера эта помогала нам переносить нелегкие испытания, выпавшие на нашу долю…

* * *

В Москве тем временем уже прорабатывали вариант обмена Крогеров на осужденного еще в 1965 году английского подданного Джеральда Брука.[70] Министр иностранных дел Великобритании Майкл Стюарт первым поставил тогда вопрос перед советским МИДом о возможности освобождения Брука. МИД СССР направил его просьбу на рассмотрение председателю КГБ В. Е. Семичастному. Комитет госбезопасности предложил обменять Брука на «Дачников». В послании А. А. Громыко, направленном Майклу Стюарту, говорилось:

> «…Мы готовы положительно рассмотреть Ваше предложение, если английское правительство со своей стороны положительно решит вопрос об освобождении двух лиц польского происхождения, супругов Крогеров…»

Однако Великобритания не согласилась вести переговоры на таких условиях. Не последнюю роль в отказе сыграли ее союзники по НАТО. Особенно усердствовали в этом американские спецслужбы, которые все еще надеялись заполучить Коэнов (Крогеров) в свои руки. Таким образом, решение вопроса об обмене «Дачников» на Брука затянулось еще на несколько месяцев.

Во второй половине февраля 1966 года находившийся в Москве с официальным визитом премьер-министр Англии Гарольд Вильсон снова попытался в одностороннем порядке добиться освобождения Джеральда Брука, однако ему, как и министру иностранных дел Майклу Стюарту, было твердо заявлено, что это возможно лишь на условиях взаимности: произвести обмен на поляков Крогеров. Вильсон пообещал рассмотреть это предложение по возвращении в Лондон, но потом вдруг сделал заявление о неприемлемости такого обмена: как это, мол, один Брук — на двух Крогеров?! И снова это дело было отложено на неопределенное время.

Посетивший Советский Союз в 1967 году новый министр иностранных дел Великобритании Джордж Браун в ходе переговоров с А. А. Громыко в третий раз затронул вопрос об освобождении Брука и попросил советскую сторону подойти к рассмотрению этой проблемы с позиций гуманности и взаимных интересов. Но Громыко и на сей раз был непреклонен.

— Наша позиция в этом вопросе, — заявил он, — была вам изложена ранее, и она остается в силе.

— Нет, это неприемлемо для нас, — возразил Браун. — Во-первых, Крогеры, как вам известно, не советские граждане, а польские. Во-вторых, характер совершенных ими и Бруком преступлений далеко не равнозначен…

— Вот тут я полностью согласен с вами, господин Браун, — прервал его А. А. Громыко. — Преступления не равнозначны, действительно. Брук, вы знаете, выполнял в Советском Союзе специальное шпионское задание Сикрет интеллидженс сервис. Ему были предъявлены советским судом серьезные улики, и главное — он их признал. А вот у английского правосудия и обвинения таких доказательств хотя и не нашлось, и к тому же не было представлено ни одного факта передачи Крогерами секретной информации потенциальному противнику, их все же осудили очень строго. Им дали двадцать лет только за покушение на шпионаж Это во-первых. Во-вторых, в каких бы тюрьмах Крогеры ни отбывали наказание, они еще ни разу за семь лет не нарушили и не нарушают установленного в них порядка. Что касается мистера Брука, то, по данным компетентных органов, он ведет себя в местах заключения, мягко говоря, далеко не лучшим образом…

— Извините, господин Громыко, — остановил советского министра Браун. — Не могли бы вы сказать, в чем это конкретно выражается?

Громыко, подумав, ответил:

— Мы сообщим вам об этом в самое ближайшее время через

наше посольство в Лондоне.

Громыко к тому времени уже знал, что Джеральд Брук, находясь в Дубравлаге, вел себя настолько легкомысленно и безответственно,[71] что ему давно уже могли предъявить новые обвинения. По согласованию с Комитетом госбезопасности информация об этом была впоследствии доведена до МИДа Великобритании…

* * *

Запись в дневнике Питера Крогера от 15 февраля 1967 года: «Советский премьер прибыл в Великобританию с официальным визитом. Надеюсь, что Косыгин и Вильсон попытаются сделать так, чтобы в мире жилось нам лучше».

Запись от 16 февраля: «Американские ученые обратились к президенту Джонсону с призывом немедленно прекратить применение газов и других химических средств в войне во Вьетнаме. Считаю, что подобные действия любого государства никогда не улучшат нашу жизнь на Земле».

Запись от 2 июня: «В прошлом месяце министр иностранных дел Великобритании Джордж Браун побывал в Советском Союзе. У меня почему-то только сейчас появилась надежда на возможное наше освобождение. Должны же быть когда-то неожиданные перемены к лучшему!»

Запись от 7 сентября 1968 года была последней в дневнике: «В ответ на необдуманное вступление советских войск в Чехословакию Великобритания предприняла вполне справедливо демонстративные меры по ограничению двусторонних англо-советских отношений, прекращаются обмен визитами и все контакты, носящие политический оттенок Здесь, в Лондоне, развернулась сейчас антисоветская пропагандистская кампания, открыто проводятся недружественные действия. Во всем мире отношения к СССР уже изменилось, и после таких событий я оставляю теперь всякую надежду о возможности нашего досрочного освобождения».

* * *

Только после того как в МИДе Великобритании ознакомились с информацией советского посольства о предстоящем увеличении срока наказания Д. Бруку за его неправильное поведение в советской тюрьме, англичане снова пошли на переговоры о

возможности обмена Крогеров на Брука. Началась опять длительная бесплодная переписка двух дипломатических ведомств, обещавшая затянуться на целый год. Видя это, советская сторона предложила англичанам в дополнение к Бруку освободить из тюрьмы еще двух их соотечественников, отбывавших наказание за контрабанду наркотиков. На этих условиях британская сторона сразу же согласилась произвести обмен.

Узнав об этом, лондонские газеты стали писать о Питере и Хелен Крогер как о двух крупных шпионах с большим опытом и стажем. Что достигнутое соглашение об их обмене на Брука и двух каких-то уголовников далеко не равноценно, что это не может не вызывать возмущения. Что не в интересах Англии отдавать «крупных акул» за «кильку».

Договоренность о досрочном освобождении Крогеров расценивалась журналистами Англии как серьезная победа советской стороны.

* * *

Когда в лондонской прессе появилось множество публикаций об обмене Крогеров на трех английских подданных, заключенные особо охраняемого блока были так счастливы за Питера, как будто речь шла об их собственном освобождении. Договорившись между собой, они обратились к администрации Паркхерста с беспрецедентной просьбой — разрешить им устроить прощальный ужин для человека, который делился с ними последней коркой хлеба, был прекрасным другом и добрым советчиком. Начальник тюрьмы, внимательно выслушав их, на свой страх и риск впервые в истории британских тюрем разрешил провести это мероприятие так, как они этого хотели. После этого заключенные спецблока начали экономить продукты из своего скудного пайка, а на деньги, заработанные в цехе по пошиву почтовых мешков, купили недостающее в тюремной лавке, накануне прощального ужина заказали в столовой испечь сладкий пирог.

И вот наконец наступил этот день. Под присмотром большого количества вооруженных надзирателей они сели за «банкетный стол», на котором чего только не было — и свежие помидоры, и огурцы, и свекла, и лук — все это было выращено Питером на тюремном огородике. Были и жареные цыплята, и пирог, и торт. Перед каждым заключенным на столе лежала карточка с его именем и тюремной кличкой — Хэсси, Гуди, Рой, Джон, Висби,

Билли, Уолли, Антони, Чарли, Уильям, Томас и главарь банды Рейнолдс. Питера они усадили во главе стола. На стене, над стулом «именинника» повесили самодельный красный флаг, вручную сделанный Антони, в центре стола установили нарисованный художником — заключенным Хэсси портрет самого «дона Педро». Все было в этот вечер — и тосты, и глубоко прочувствованные речи — все, как в фешенебельном ресторане: узники особо охраняемого блока тюрьмы копировали обычаи высшего света Англии и явно забавлялись курьезностью всего происходящего. Вместе пели песню в «Далекий путь до Типперэри», затем по просьбе друзей «дон Педро», несмотря на свои почти шестьдесят лет, исполнил любимый им танец из фильма «Грек Зорба».

Перед тем как завершиться «торжеству», знаменитый налетчик на почтовый вагон, главарь банды Рейнолдс от имени товарищей подарил, как он выразился тогда, столь же знаменитому «польскому» шпиону «дону Педро» большого плюшевого медведя,[72] изготовленного сокамерниками, и вручил ему на память о совместном пребывании в Паркхерсте пластинку с записью музыкальных произведений Микиса Теодоракиса к фильму «Грек Зорба», а также книгу «Оксфордская антология английской поэзии» с автографами всех шестнадцати узников спецблока.

На другой день Питера навестили сотрудники английской службы безопасности и стали в который раз уговаривать его остаться в Англии.

После восьми лет заключения в разных тюрьмах Великобритании Питер уже привык к подобным визитам: английская МИ-5 продолжала периодически прощупывать, не согласится ли он сотрудничать с ней.

Перед самым отъездом из тюрьмы Паркхерст на острове Уайт появились два «бывших поляка», выдававших себя за бизнесменов. Они сообщили Питеру, что недавно находились по своим коммерческим делам в Польше и убедились, что жизнь там очень бедная и тяжелая, и потому возвращаться туда на старости лет не стоит. Питер сразу понял, откуда дует ветер и что это были за люди, и, раздражаясь от примитивных, шаблонных приемов психологической обработки и неуклюжих попыток склонить его к невозвращению, дал им решительный отпор:

— Прошу вас, господа, не тревожиться обо мне! И тем более не заботиться о моей старости! Неужели вы еще не убедились, что в наши планы никогда не входило оставаться в Англии!

— А кого это вы имели в виду, употребив слово «наши»? — наморщив лоб, с угрозой спросил начальник тюрьмы.

Питер посмотрел на него с недоумением: «Как кого?»

— Себя и свою супругу.

— Я надеюсь, мистер Крогер, что вы теперь оставите ее в покое, — цинично улыбаясь, заметил тот. — Вчера мне сообщили из Уайтхолла, что она намерена в отличие от вас не возвращаться в Польшу.

Питер медленно перевел мрачный взгляд на «бизнесменов-поляков». Его измученный мозг представил вдруг, что они, побывав уже у нее и выдавая желаемое за действительное, сказали ей то же самое от его имени. Сдерживая эмоции, он снова повернулся к начальнику тюрьмы и спокойно ответил:

— Я твердо верю, что моя супруга никогда не станет покупать свободу ценою измены. Надеюсь, ей уже сообщили, что нас собираются обменять на трех английских граждан? Или от нее это все еще скрывают?

— Об этом мне, мистер Крогер, ничего неизвестно, — слукавил начальник тюрьмы.

— Ну хорошо, не будем терять время. Мне сказали, что сегодня после обеда меня повезут в Лондон. А для этого надо ведь еще собраться…

— Вы хотите, чтобы мы оставили вас в покое?

— Понимайте как хотите.

— Вот как?! Но мы еще должны попрощаться с вами. И скорее всего это произойдет не сегодня, а завтра…

Питер посмотрел на него со скорбным чувством: «Вот те раз!»

— Да, да, мистер Крогер. Не сегодня, а завтра. Так что возвращайтесь пока в камеру. Но не в свою групповую, а в другую — более теплую и уютную.

— Спасибо, что вы делаете для меня такую услугу.

21 октября 1969 года Питера уже одного, а не со всеми заключенными повели на завтрак. Также одного его сопроводили в душ и на медицинский контроль, который продолжался больше часа.

— Но почему меня подвергают такому строгому медицинскому осмотру? — забеспокоился Питер, озабоченно глядя на тюремного врача. — Уж не хотят ли мне продлить срок пребывания?

Эскулап, улыбнувшись ему, шепнул:

— Мы должны убедиться, мистер Крогер, что передаем вас польской стороне целым и невредимым, то есть вполне здоровым человеком, о чем и будет сделана соответствующая отметка в ваших документах.

Питер старался теперь не проявлять особой радости по поводу своего освобождения, более того, он вел себя очень

сдержанно, потому что не раз уже убеждался, что в самую последнюю минуту может случиться что угодно, как это было в предыдущий день. «Главное — не терять бдительности, — призывал он себя. — И только бы Хелен там не сорвалась!» — заклинал он, считая оставшиеся часы и минуты.

После завтрака с него наконец-то сняли наручники и принесли гражданскую одежду. Когда он переоделся, его сопроводили к начальнику тюрьмы, в кабинете которого находились в это время еще двое джентльменов в штатском. Они приветливо улыбнулись и впервые за девять лет заключения пожали ему руку — тюремная администрация вела себя так с теми знаменитыми заключенными, которых со дня на день или с часу на час ожидала свобода.

Шеф тюрьмы представил Питеру незнакомых гостей: один из них оказался сотрудником Министерства внутренних дел, другой — старшим инспектором из Управления полиции острова Уайт. После того как все четверо уселись в глубокие кресла у горящего камина, представитель МВД Англии достал из кармана конверт с сургучными печатями и, передав его хозяину кабинета, сказал:

— Правительство Ее Величества, мистер Крогер, дало согласие в ответ на предложение советской стороны обменять вас и вашу супругу на трех английских граждан с досрочным освобождением из мест заключения. Вас отвезут в лондонский аэропорт, где и произойдет обмен на британских подданных. Если по какой-либо причине обмен не состоится, то вас доставят из аэропорта обратно в тюрьму.

Питер в ответ мягко улыбнулся и поблагодарил за принятое Ее Величеством решение.

— Поздравляю вас, мистер Крогер, с досрочным освобождением! — торжественно произнес начальник тюрьмы, ознакомившись с переданным ему документом. — Удачи вам в последующей мирной жизни. Упаковать вам вещи поможет надзиратель Алекс Тилл… Все, вы свободны.

Питер на радостях первым вскочил из низкого кресла и направился к выходу.

— До свидания, господа. — У двери он остановился и поправился: — Нет, господа, свидания с вами в этих стенах я не хотел бы, лучше прощайте навсегда…

В приемной Питера остановил старший конвоя и извиняющимся тоном предупредил:

— Прошу прощения, мистер Крогер, но нам приказано надеть на вас наручники.

Глаза Питера от удивления округлились:

— Но какая в этом необходимость? Неужели вы думаете, что

я решусь на побег? Остров же окружает ледяная вода…

— Приказ есть приказ, — мрачно ответил хмурый конвойный, защелкивая на его руках наручники.

— Тогда позвольте мне хоть попрощаться с моими товарищами по заключению, а заодно и забрать свои вещи.

— Ваши бывшие коллеги по камере под присмотром Алекса Тилл а уже погрузили их в машину, а сами они находятся теперь на своих рабочих местах. Так что поторапливайтесь. В Лондон мы должны прибыть до наступления темноты.

— Почему именно так? — не переставал удивляться Питер.

— Таково указание Скотленд-Ярда.

Питер посмотрел на прощание на решетчатые окна спецблока, в котором он отбывал наказание, и вдруг впервые почувствовал, что здесь остается частица его самого. Так оно и было на самом деле: многие из тех, кто находился с ним в одной камере, взяли от него все то доброе, порядочное и разумное, чем обладал Питер Крогер.

— Прошу вас не задерживаться, мистер Крогер, — поторапливал его старший конвойный.

У ворот тюрьмы их ожидала уже не «Черная Мэри», в которой перевозили заключенных, а обычная полицейская машина. Питера посадили на заднее сиденье, справа и слева от него сели конвойные. Как только они покинули территорию тюрьмы, на «хвост» им села еще одна машина с затемненными окнами. Заметив это, Питер спросил:

— А зачем нам вторая машина?

— Это на тот случай, если наша сломается, — ответили ему.

Когда они въехали на паром, к Питеру пришло хорошее настроение: сомнения и страхи — освободят или не освободят, которые тревожили его последние дни и часы, остались наконец позади. Окидывая прощальным взглядом удалявшийся остров Уайт, он снова вспомнил своих товарищей по тюремному блоку. «А вспомнят ли они теперь меня? — подумал он. — Но как они могут вспомнить, не зная даже моего настоящего имени? Для них я был всегда и остаюсь лишь доном Педро… Вот уж кому действительно не угрожает известность, так это разведчикам-нелегалам, — продолжал он размышлять наедине с собой. — Да и как люди могут знать их, когда разведчики сами вынуждены на время забывать свои настоящие имена?» — И он начал воспроизводить в памяти свои псевдонимы, имена и фамилии. Вспомнил, но не все, а лишь некоторые — Луис, Питер Джон Крогер, Волонтер, Бенджамин Бриггс, Санчес Педро Альварес, Джимми Браун, Джеймс Цилсон… Вспоминал еще, но безрезультатно и лишь в самую последнюю очередь вспомнил

испанский псевдоним Израэль Олтман и свою настоящую фамилию — Коэн.

Все смешалось в его судьбе — и имена, и пароли, и явки, и даже страны: Америка… Испания… Россия… Польша… Канада… Бельгия… Англия… Франция… Мексика… Германия… Чехословакия… «М-да, жизнь почти уже прожита, — подумал он, — Но, думаю, не зря! Вот только жаль последних девяти лет, проведенных в тюрьмах Великобритании — Брикстоне, Уормвуд Скрабе, Стренджуэйс, Паркхерст…»

Моррису Коэну не хотелось вспоминать это недалекое прошлое с разными формами решеток на окнах и стенами с колючей проволокой, но оно не отпускало его, оно продолжало напоминать ему о себе, особенно в те минуты, когда машина въехала в Лондон. Моррис полагал, что его повезут в советское или польское посольство или консульство, но его везли по знакомому уже пути, который ему не хотелось повторять. Машины остановились перед воротами тюрьмы Ее Величества — Брикстон, с которой начиналась девятилетняя тюремная эпопея Морриса.

— Почему вы привезли меня опять сюда? — возмутился он.

— Так нам приказано, — спокойно ответил ничего не знающий старший конвойный. — Как быть с вами дальше, решит начальство Брикстона. Так что все претензии теперь к нему, а не к нам.

С него сняли наручники и предложили выйти из машины, но он отрицательно покачал головой.

— Вы хотите, чтобы мы отвезли вас обратно на остров Уайт? — улыбнулся старший конвойный.

— Нет, я хочу, чтобы вы доставили меня в польское консульство, где бы мне объяснили, что все это значит.

— Мистер Крогер, — обратился к нему встречавший их старший надзиратель тюрьмы Ее Величества, — сейчас мы проведем вас к нашему шефу, там вы и разберетесь во всем.

Ничего не сказав в ответ, Моррис вышел из машины.

Конвойные с острова Уайт тепло распрощались с ним и отбыли обратно.

Начальник тюрьмы Брикстон, узнав причину возмущения Питера Крогера, пояснил ему:

— Не беспокойтесь, вы будете освобождены, но по неизвестным мне пока причинам эта процедура откладывается на неопределенное время.

— Но почему она откладывается? — Моррис с трудом сдерживал охватившее его волнение.

— Лично мне это, поверьте, неизвестно.[73]

Моррис Коэн еще больше встревожился, когда его имя и фамилию не только занесли в тюремный журнал, но и присвоили ему новый номер — 2179. Беспрестанно задавая себе вопросы: «Что могло случиться? Почему не смог состояться их обмен?», он не находил себе места в камере. Но, сколько бы Моррис ни думал об этом, сколько бы ни напрягал память, стараясь вспомнить все, что сообщалось в английских газетах за последние два месяца, он не мог отметить ничего такого, что могло бы послужить причиной срыва уже объявленного в прессе обмена. Навязчивая мысль, что, возможно, опять придется досиживать в тюрьме оставшиеся одиннадцать лет, не давала Моррису покоя ни днем ни ночью. Потом он вспомнил, что однажды в газете «Дейли миррор» критиковались действия английского правительства по обмену Гордона Лонсдейла на Гревилла Винна: «Акула красных была обменена на нашу кильку!» и предположил, что кто-то из высших правительственных кругов, возможно, прислушался на сей раз к мнению газеты и потому отменил их обмен.

Но все происходило совсем не так, как предполагал, сидя в камере-одиночке, Моррис. Вся беда в том, что по погодным условиям не смог из Москвы вылететь самолет, на борту которого среди обычных пассажиров должен был находиться и агент английской разведки Джеральд Брук. Именно по этой причине и откладывался их обмен. И лишь через три дня, 24 октября, рано утром в его камере открылись двери и надзиратель сообщил, чтобы «семьдесят девятый» приготовился к выходу из тюрьмы. Вскоре за ним пришли Несколько офицеров-полицейских и охранники Скотленд-Ярда. Моррис отметил, что в этот раз на него даже не надели наручники, а надзиратель сам вынес все его вещи. На улице один из полицейских сообщил кому-то по рации, чтобы к ним подъехала машина. Каково же было удивление Морриса, когда из-за главного тюремного корпуса показался вполне приличный лимузин. Но еще больше удивился он, когда уже за воротами тюрьмы впереди них пристроился эскорт полицейских на мотоциклах, а позади — несколько автомобилей дорожной полиции. Под вой сирен вся эта кавалькада машин на большой скорости устремилась к центру города, а затем направилась в сторону аэропорта. Прохожие с удивлением провожали кортеж глазами, пытаясь вспомнить, какой заморский высокопоставленный гость должен был осчастливить Англию своим визитом, потому что никаких сообщений в прессе об этом ранее не было. В хвост кортежу пристраивались откуда-то вдруг появившиеся машины фоторепортеров. Они фотографировали таинственный лимузин и идущий впереди него эскорт мотоциклистов. Постовые полицейские на трассе пытались отсечь

их машины и направить на другие улицы, чтобы не мешали процессии, но это было бесполезно: хваткие фоторепортеры и журналисты не реагировали на их сигналы.

Моррис через матовые стекла машины не мог понять, куда и по каким улицам его везут. Единственное, что его тревожило, почему нет рядом Леонтины? Где она сейчас? Он не ведал, что в это же самое время — в семь утра — из ворот тюрьмы Холлоуэй выехала такая же шумная процессия и мчалась она в том же направлении, но по другому маршруту. Встретились они на перекрытом для всех видов транспорта мосту через Темзу. При подъезде к нему машины на ходу перестроились, и вот уже два таинственных лимузина с матовыми окнами оказались в центре удвоенного полицейского эскорта и продолжили свой путь в направлении международного аэропорта Хитроу.

Не останавливаясь перед главным подъездом аэровокзала, где Крогеров поджидали уже сотни репортеров газет, радио и телевидения, полицейский эскорт подъехал к служебному входу. Находившиеся здесь сотрудники Скотленд-Ярда в штатском проводили Крогеров в специально подготовленную для них комнату. Но и там оказалась небольшая группа вездесущих журналистов, которые пытались взять интервью у Питера и Хелен, но полисмены решительно пресекали эти попытки.

Широко улыбаясь, к Моррису подошел заместитель министра внутренних дел.

— Ну как, мистер Крогер, работает наша лондонская полиция? — поинтересовался он.

— Прекрасно, если судить по тому, что была всего лишь одна вынужденная остановка на мосту через Темзу.

— Значит, вы всем довольны?

— Нет, не всем.

Заместитель министра с озабоченным, искренним лицом удивленно посмотрел на него, ожидая пояснений.

— У меня было одиннадцать толстых тетрадей с личными записями. Однако половину из них мне почему-то не вернули. Хотя в моих записях ничего криминального не было.

— Хорошо, мы дадим указание направить их на цензуру и поступим согласно закону. Скажите, мистер Крогер, вы знаете, что в вашем доме в Руислипе живет наш полисмен Дейв и что летом ему и его семье не бывает покоя от приезжающих в автобусах туристов?

Моррис и Леонтина отрицательно покачали головами.

— Дело в том, что ваш дом, называемый теперь «шпионским коттеджем», превратился в лондонскую достопримечательность. Дейв, когда начал кое-что перестраивать в нем, сделал

любопытную находку. В частности, при рытье котлована под фонтанчик нашел под цветочной клумбой, на которой, между прочим, росла почему-то только одна роза…

— Да-да, эту розу посадила я ровно девять лет назад, — радостно перебила его Леонтина. — Скажите, пожалуйста, она жива еще?

— Не знаю, не знаю… А вот что касается клумбы, то под ней он нашел при рытье радиопередатчик «Мэрфи». Простите, мистер Крогер, но исключительно ради любопытства ответьте на один мой вопрос: на кого вы все-таки работали? На русских или поляков? — замминистра смотрел на него изучающе.

Моррис, просияв, загадочно улыбнулся и посмотрел на супругу. Та, шевельнув бровями, кивнула в сторону внимательно прислушивавшихся к их разговору двух джентльменов без фотоаппаратов и телекамер. Поняв, кто это такие, Моррис взял Леонтину за руку и сухо ответил:

— Поверьте, мы были всего-навсего коммерсантами и работали только на себя.

Заместитель министра улыбнулся:

— Но, согласитесь, такое профессиональное оборудование, которое было обнаружено в вашем доме, не применяет никто, кроме разведчиков.

— Что вы имеете в виду? — вмешалась Леонтина, которую стал раздражать этот явно затянувшийся разговор.

— Я имею в виду микропленки, микроточки, одна из которых при многократном увеличении оказалась написанной по-русски. Были также найдены мощные передатчики, специальная радиоантенна и еще кое-что. По-моему, любому непосвященному человеку понятно, что все это преследовало явно разведывательные цели. Вы-то сами как оцениваете это? Разве все это не похоже на шпионаж?

— Такой вопрос нам задается не впервые, — не колеблясь, ответил простодушно Моррис. — Но я ничего не знал об этой экипировке…

Заместитель министра с тяжелым вздохом взял из пачки сигарету:

— Служба безопасности, между прочим, проанализировала весь ваш разведывательный арсенал и пришла к выводу, что некоторые его составные имели клеймо, указывающее на их национальную принадлежность…

— И что из этого следует? — не дал ему договорить Моррис.

— Я не знаю, что из этого следует, но лично я убедился, что советская разведка вместе с вами и Гордоном Лонсдейлом осуществляла в Англии весьма дерзкие и отважные операции.

Даже сама МИ-5 была теперь вынуждена признать, что поторопились они с вашим арестом…

Моррис хотел опять прервать его, но не сделал этого, заметив, как один из джентльменов условным жестом дал понять его собеседнику, что пора заканчивать разговор. Получив этот сигнал, заместитель министра поблагодарил Морриса и вежливо распрощался с ним и Леонтиной. После этого к ним подошли представители польского МИДа, и в сопровождении английских полицейских они вместе проследовали к выходу из здания аэровокзала. Почти до трапа самолета на поле аэродрома выстроились репортеры.

Это была довольно странная картина: пожилая пара, одетая по моде десятилетней давности, медленно продвигалась сквозь толпу людей — он совсем седой, немного сутулый, ведущий под руку немолодую уже женщину, которая тоже, как и он, стремилась не замечать сновавших вокруг репортеров и не отвечать на их вопросы. «Теперь только бы поскорее войти в салон самолета», — думал Моррис, стараясь идти как можно быстрее. Но вот наконец и трап. Под фотовспышки ламп они поднялись по трапу, и если Моррис сразу скрылся в самолете, то Леонтина остановилась на последней ступеньке, окинула взглядом толпу провожавших и, прощально помахав им рукой, вошла в салон. Ей тоже очень хотелось побыть одной и отдохнуть хоть немного после всей этой суеты и шума, начавшегося с раннего утра первого дня свободы. Но — увы! В салоне тоже оказалась небольшая группа репортеров, у которых не было польских виз, но имелись билеты до Варшавы и на обратный путь до Лондона. Журналисты вели себя так же назойливо, как и на земле: они просили Крогеров дать автографы, пытались вовлечь в разговор и взять интервью, ради чего они и летели с ними в Польшу. Но находившиеся в самолете польские полицейские выпроваживали их в туристический салон, в который им были проданы билеты.

Когда английский авиалайнер приземлился в Варшаве, журналисты и фоторепортеры, которые не имели права без виз покидать самолет, снова ворвались в салон первого класса. И только теперь, почувствовав настоящую свободу, Леонтина согласилась на короткое интервью.

— Мы, — сказала она, — не держим зла на английское правосудие. Но хочу подчеркнуть, что отбывали мы наказание несправедливо. Мы не сделали ничего бесчестного и своими поступками не принесли ущерба Англии. Наоборот, мы делали все, чтобы не было новой войны, чтобы дети Земли не были напуганы новыми ядерными бомбежками. То есть мы жили и

боролись, чтобы защитить других, и потому для нас все стороны были равны — и Америка, и Англия, и Советский Союз, и все другие страны. Вот поэтому мы никогда не ощущали себя врагами. И последнее: теперь я могу признаться в том, что мы были разведчиками, но какого именно государства — это пока не столь важно…

Фоторепортеры, которые были в салоне английского самолета, сфотографировали Крогеров напоследок, затем, прильнув к иллюминаторам, стали наблюдать, кто будет их встречать, когда они сойдут на землю. Но — увы! У трапа никого не было. Советских разведчиков-интернационалистов в Варшаве встречали без интервью и фотовспышек, без эскорта мотоциклистов и прочей помпы. И лишь у входа в здание варшавского аэропорта Коэны попали в объятия встречавших. «Со свободой вас, Леонтина и Моррис Коэн!» — негромко проговорил обнявший Питера сотрудник Центра, специально прибывший для их встречи из Москвы. Услышав за последние десять лет свою настоящую фамилию и имя из чужих уст, Моррис, вздрогнув, оглянулся по сторонам: не услышал ли это кто из посторонних. Вспомнив, что находится уже среди своих, он только теперь понял, что можно наконец-то стать самим собой, что уже кончилась для них война на невидимом фронте. Что они, считай, уже дома!

В течение нескольких последующих дней внимание английской прессы и телевидения было приковано к обмену Крогеров и их отлету из Лондона. Это внимание было большим, чем ко многим прибывающим в Англию главам государств: проводы супружеской пары было организованы так, будто отправляли «сокровища британской короны». Потом в газетах стали появляться критические статьи и комментарии. Лондонская «Таймс», например, сообщала об этом так: «Иностранец, прибывший в Англию в нятницу (24 октября 1969 года. — *В. Ч.),* невольно подумал бы, что Крогеры являются национальными гостями, а не шпионами, нанесшими ущерб интересам безопасности Великобритании…»; «Отправку Крогеров нужно было организовать иначе, а не так, чтобы она напоминала отъезд королевской четы», — сокрушалась «Дейли телеграф».

Шумихой вокруг досрочного освобождения и проводов Крогеров из Лондона английские средства массовой информации создали прекрасную рекламу советской разведке, убедив западную общественность в том, что она никогда не бросает в беде верных ей агентов и кадровых сотрудников.

* * *

На другой день после прибытия в Варшаву Коэны обычным рейсом вылетели в Москву. В аэропорту Шереметьево их встречали так же скромно и незаметно, как всех разведчиков, возвращавшихся из-за рубежа. Было много букетов ярких осенних цветов, были теплые объятия товарищей по работе. Моррис и Леонтина сразу почувствовали, какое это счастье — быть среди своих и слышать не только английскую, но и плавную русскую речь! Леонтина внимательно всматривалась в лица встречавших, надеясь увидеть особенно дорогих ей людей — Твена, Лонсдейла, Джонни, Клода, Марка! Но их не было. Да их и не могло быть, не положено им появляться в общественных местах в компании других разведчиков. Узнав одного из тех, кто руководил их подготовкой к работе в Англии, она с распростертыми объятиями бросилась к нему с возгласом:

— Саша! Ты ли это?

Полковник Корешков, обнимая и целуя ее, обрадованно лепетал:

— Конечно, я! Лона, ты не представляешь, как я рад за вас! Я уж думал, не доживу до этой встречи с вами!

— Да, Саша, не попадись вашей контрразведке Брук, и наше с Бобзи пребывание у Ее Величества могло бы затянуться еще на одиннадцать лет. Мы так признательны ему за то, что он попался!

— За это вы должны благодарить контрразведку. Это она постаралась «накрыть» его!

— И все же не будь его, мы бы не встретились сегодня!

— В этом ты права, — кивнул Корешков. Вспомнив, что рядом топчется незнакомый Коэнам Юрий Иванович Пермогоров, он подтолкнул его локтем, давая понять, что пришел и его черед представиться своим «инокорреспондентам».

Высокий элегантный Пермогоров нерешительно вышел вперед и, изрядно волнуясь, обронил:

— Здравствуйте, я ваша «тетя» из Варшавы! Поздравляю вас со свободой!

Ничего не поняв, Моррис недоуменно переглянулся с супругой, но та тоже не сразу сообразила, что к чему, и потому растерянно улыбалась, не зная, как реагировать на его слова.

— Повтори им по-английски, — подсказал Пермогорову Корешков. — Русский язык Лона, видимо, совсем забыла, а Моррис его и раньше не знал.

Пермогоров, кивнув, сказал им то же самое по-английски, а затем пояснил, что именно он от имени их тети вел с ними двухгодичную переписку, и назвал при этом свое имя.

Громко расхохотавшись, Леонтина первой протянула ему свою маленькую ручку:

— Спасибо тебе, Юра, за добрую, заботливую тетю! И за понятный только нам ее эзопов язык! Спасибо еще за то, что ты вселял в нас надежду и веру в наше досрочное освобождение из тюрьмы.

После этого они еще много шутили и смеялись, пока их не пригласили к стоянке машин. Морриса и Леонтину посадили одних в служебную «Чайку». Она поехала впереди остальных машин. По обе стороны дороги стояли в разноцветных листьях деревья, на обочинах вовсю уже жгли костры и пахло гарью уходящей осени. Налетевший ветерок сорвал горсть сухих, умерших листьев, и несколько из них влетели в открытое окно машины. Моррис, подобрав их, улыбнулся и, вскинув глаза на супругу, сбивчиво проговорил:

— Давай соберем наших старых друзей. Я так давно не видел их!

Но Леонтина, очевидно, услышала только последние слова и задумчиво обронила невпопад:

— Люблю я смелых мужиков. Жаль вот, не было их на нашей встрече.

На развилке дорог машина резко свернула на кольцевую автостраду, потом еще раз куда-то в сторону от Москвы. Они ехали на секретный объект нелегальной разведки, где их ждали уже ближайшие соратники по работе в Соединенных Штатах Америки и Великобритании, которых не было на встрече в аэропорту Шереметьево, — Марк, Бен, Джонни, Клод, Твен и Леонид Романович Квасников…

* * *

Сообщения о досрочном освобождении из английских тюрем советских разведчиков-нелегалов Морриса и Леонтины Коэн не передавались ни по Всесоюзному радио, ни по Центральному телевидению, не публиковались они и в печати.

Лишь через несколько дней появился закрытый секретный Указ Президиума Верховного Совета СССР:

> За успешное выполнение заданий по линии Комитета государственной безопасности в сложных условиях капиталистических стран и проявленные при этом мужество и стойкость наградить орденом Красного Знамени Коэн Морриса, Коэн Леонтину
>
> *Председатель Президиума Верховного Совета СССР Я. Подгорный*

Секретарь М. Георгадзе

Москва, Кремль 17 ноября 1969 года.

После издания этого указа в ЦК КПСС было вторично направлено ходатайство Комитета госбезопасности о приеме Коэнов в советское гражданство. Однако секретарь ЦК М. А. Суслов, по-прежнему считая их «провалившимися» разведчиками, не пожелал наложить на документе никакой резолюции, решив предварительно устно обсудить этот вопрос с Ю. В. Андроповым.

Андропов сразу понял, что у Суслова нет желания ставить свою подпись на записке, что он решил предварительно подстраховаться устным разговором, и потому при встрече с ним спокойно объяснил:

— Вы напрасно, Михаил Андреевич, не доверяете Коэнам. Интернационалисты Коэны участвовали в выполнении многих опасных операций советской разведки в Соединенных Штатах и Великобритании. И они выполняли их хорошо. Мне тем более непонятны ваши сомнения и колебания после того, как вы уже однажды поставили свою подпись на представлении об их награждении орденом Красного Знамени.

Суслов, уставившись холодными серыми глазами на Андропова, резко обронил:

— Вы забываете, Юрий Владимирович, что тот указ о награждении был закрытым. О нем никто никогда не узнает, кроме ваших подчиненных. А вот решение о принятии американцев Коэнов в советское гражданство может сразу стать достоянием прессы.

— Я не вижу в этом ничего предосудительного, — не согласился с Сусловым Андропов, — Почему вы считаете, что американцы не могут стать советскими гражданами?.. Мне хотелось бы напомнить вам, уважаемый Михаил Андреевич, что мы знаем своих людей больше, чем вы и остальные члены Политбюро. Что касается Коэнов, то, поверьте мне, они заслуживают от нашей Родины гораздо большей благодарности за свои дела. Эти люди достойны самого высокого уважения в нашем обществе за их достоинство, мужество и умение работать. Чего, к великому сожалению, недоставало часто тем, кто, выезжая в служебные командировки за границу, оставался там, изменяя Родине. Хотя вы знаете, все они носили советское гражданство. А Коэны во время допросов, суда и девяти лет заключения не выдали англичанам секретов и, несмотря на провокационные угрозы и многочисленные обещания в лучшем устройстве жизни, не предали нас, приехали все же в нашу страну. Я уже не говорю об американцах, с которыми они вообще отказались встречаться

во время своего пребывания в тюрьме.

Ничего не сказав в ответ, Суслов молча взял документ и рядом с подписью министра иностранных дел поставил свою…

Эпилог

Американцы по рождению, ставшие гражданами СССР, Леонтина и Моррис Коэны жили до недавнего времени в Москве на Патриарших прудах. На стенах их скромной двухкомнатной квартиры было много фотографий друзей и товарищей по совместной работе в Великобритании и США — Гордона Лонсдейла (Конон Молодый), Абеля (Вильям Фишер), Твена (Семен Семенов) и других разведчиков, имена которых еще не раскрыты. Рядом с ними и вперемежку — рисунки и линогравюры с дарственными надписями их автора — Рудольфа Абеля. Детей у них не было. Господь дал Моррису прекрасную жену, они беззаветно любили друг друга, но его серьезное ранение в Испании лишило их родительского счастья.

Работая на советскую разведку, Коэны жили двумя жизнями — своей собственной и той, которая была расписана в их легенде. Для двух таких жизней они имели одно сердце, одну нервную систему и один запас человеческих сил. Сотрудничество же с разведкой требовало от них постоянного напряжения нервов и сил, строжайшей дисциплины, трезвой расчетливости и готовности идти на риск, огромной выдержки и хладнокровия. Лишь человек, свято веривший в идею, убежденный в правоте своего дела, мог посвятить себя такой работе. Когда Коэнам после освобождения из тюрьмы пришлось выбирать, где им жить дальше, они без колебаний предпочли англоязычным странам Советский Союз.

Считая Россию вторым домом, своей второй родиной, Коэны, не колеблясь, приняли советское гражданство и начали в Москве свою особую, только им присущую жизнь. Но, как и раньше, за границей, она оказалась опять двойной: одна со всеми ее особыми секретами, когда надо было, как этого требовали служебные инструкции, тщательно скрывать от окружения свою прошлую жизнь, свои подлинные имена и фамилии, не говоря уже о кличках; другая — настоящая, совсем не такая, какой она была в последнее время в Лондоне. Если раньше, до командировки в Англию, москвичи казались им добродушными, приветливыми и счастливыми — такова, кстати, особенность первой любви, когда она запечатлевает предмет или живое существо таким, каким он или оно предстает в минуты памятного знакомства, но теперь, по прошествии нескольких лет, они увидели их в бесконечных очередях за самым необходимым совершенно другими, обозленными и мрачными.

— Мне казалось тогда, — вспоминала в 1989 году Леонтина

Коэн, — что люди потеряли веру в «светлое будущее». Нищета, отчаяние, безнадежность и страх, наполнившие их души, — все это, конечно, вырывалось наружу. Интеллигенция, мы видели, задыхалась от отсутствия свежего воздуха и свободы творчества, она часто подвергалась преследованиям со стороны все той же партийной элиты, которая что хотела, то и делала. Мы преспокойненько наблюдали, как люди из этой элиты, не будучи избранными своим народом, пробирались в высшие эшелоны власти и напрочь забывали о тех, кто творил для них благо. Мы были вынуждены постоянно молчать. Что поделаешь? Бунтовать или критически высказываться о существующей власти в стране, которая для нас являлась точкой опоры и в Америке, и в Англии, особенно когда нас арестовали там, было бы подло и непорядочно. В гостях, мы понимали, следует сохранять приличие: не шуметь и не возмущаться. Вот мы молча и наблюдали. И если с кем-то делились своими мыслями и рассуждениями о политических ошибках и просчетах руководства советского государства, то только среди близких нам по духу и профессии людей: с Кононом Молодым, Семеном Семеновым, Рудольфом Абелем, Джорджем Блейком и Анатолием Яцковым…

Однако и друзей с каждым годом становилось все меньше и меньше. В 1970 году в свои сорок восемь лет ушел из жизни Конон Трофимович Молодый, через год — Рудольф Иванович Абель, потом Твен (Семен Маркович Семенов). После этого Коэны несколько замкнулись в своем узком семейном кругу. И хотя в Англии в это время шла о них пьеса под названием «Пакет лжи», а в Лондоне туристы охотно посещали их «шпионский коттедж», они ничего этого не знали. Об их разведывательной работе в Великобритании были изданы книги «Шпионское кольцо» и «Операция «Портленд», которые написал отбывший наказание агент Шах — Гарри Фредерик Хаутон, но и об этом проживавшим в Москве Коэнам ничего не было известно.

До 1990 года настоящие имена Коэнов называть в открытой печати запрещалось. Они до смерти устали от всех этих ограничений и запретов. Им стало легче и свободнее дышать, только когда с них сняли завесу секретности, когда разрешили открыть тайну их бытия. Как только это было сделано, появились публикации в советской и зарубежной прессе, по Центральному телевидению о них был показав документальный фильм «Полвека тайн» (в Великобритании он прошел под названием «Странные соседи»). В этом фильме известный специалист по истории разведки, член английского парламента Рупперт Алласон, он же писатель Найджел Вест, заявил:

— До ареста «портлендской пятерки» концепция

нелегального сотрудника советской госбезопасности была нам абсолютно неизвестна. Разоблачение Лонсдейла и Крогеров, по нашим стандартам, было сложнейшим мероприятием. Техническое снаряжение, хитроумные методы нелегальной работы, которыми пользовались они, просто потрясли контрразведку. Посмотрев телефильм, я понял, что в их работе были вещи, о которых мы, англичане, ничего не знали до сих пор. Прежде всего это то, что они еще в сороковых годах имели самое непосредственное отношение к «атомному» шпионажу…

А вот мнение рядовой англичанки, бывшей соседки Крогеров, домохозяйки Шилы Уилс, высказанное в том же фильме:

— Мы знали только одну сторону их жизни, чисто внешнюю. Это то, что они добросовестно занимались коммерческими делами и были всегда добры, внимательны и честны по отношению к своим друзьям и товарищам. А другая, более важная сторона их деятельности была скрыта он нас, и мы их за это не осуждаем. Да мы и не вправе осуждать их, потому что то, что они делали, делалось из добрых побуждений, во имя воплощения своих идеалов, без которых, как я поняла, жизнь их стала бы абсолютно бессмысленной. Они дорожили своими идеалами, держались за них. И это вызывает у нас, англичан, только уважение: без идеалов не стоило бы жить вообще. Это единственное, очевидно, что помогает им и сейчас в России. Однако я заметила, Питер выглядит в фильме очень грустным. В моей памяти он был, как и Хелен, всегда счастливым и жизнерадостным. А теперь, мне кажется, огонь потух в его глазах. Моррис выглядит как тот человек, который испытывает какое-то раскаяние, разочарование…

Но так ли это?

Легкая тень пробежала по бледному старческому лицу Морриса, когда он решился ответить на этот вопрос.

Начал он издалека:

— Каждый живет жизнью своего поколения, а основными событиями в жизни моего поколения были революция в России, война в Испании, военные действия в Европе, в которых я принимал самое непосредственное участие… Затем были Хиросима и Нагасаки… и была борьба за мир, за запрещение ядерного оружия, в которой мы тоже принимали самое активное участие. Своим сотрудничеством с советской разведкой мы помогли предотвратить ядерную катастрофу и сохранить мир на планете Земля. Все мы — и немецкий ученый-атомщик Чарльз, и американский физик Персей, и их надежные связники Раймонд и Стар, без которых немыслимо было бы обеспечивать СССР информацией о разработках в США атомной бомбы, — делали

одно благое дело. И потому мы не испытывали и не испытываем чувства горечи и разочарования за свои дела. А что касается Советского Союза, то я в целом отношусь к нему с уважением, хотя мои политические взгляды не всегда и не во всем совпадали с подходами бюрократического руководства этой страны. Нельзя не уважать Россию хотя бы за то, что она вынесла на своих плечах и после семнадцатого года, и в тридцать седьмом, и во вторую мировую войну. Это во-первых. А во-вторых, мы ведь прониклись социалистическими идеями и восхищались ими еще тогда, когда они были чистыми и правильными, это потом уже их извратили и испохабили. И виноваты во всем этом те, кто руководил страной после Ленина. А руководили ею люди с двойными душами, начиная со Сталина и кончая Горбачевым. Они прекрасно понимали, что отходят от провозглашенных Лениным принципов новой экономической политики, и все же отходили все дальше, ведя страну в тупик, к глубокому кризису…

Моррис Коэн сделал паузу, посмотрел на супругу, ожидая от нее поддержки. И дождался:

— А происходило это все потому, что в высшие эшелоны КПСС, к государственному рулю пробивались люди не по деловым качествам, а те, кто был предан этой самой номенклатуре, то есть это были такие же коррумпированные выкормыши. Пробиваясь наверх, они, как и их предшественники, не думали о своем народе и потому не делали для него действительно что-либо полезное, необходимое для нормальной жизни. Сами же партийные боссы «жировали», стремились жить по провозглашенному ими лозунгу — «по потребностям». Для них никаких запретов ни на что не существовало. Вот поэтому партийная номенклатура десятками лет поддерживала тот сталинский дух и режим, при котором никто не мог свободно мыслить или высказать открыто свое отличающееся от официальной точки зрения мнение. С такими, как известно, не церемонились, с ними всегда запросто расправлялись. А государственное образование, опирающееся только на силу и страх, на репрессии и лживую пропаганду, никогда не выдерживает внутренней напряженности. Поэтому и рухнул Советский Союз, прекратил свое существование. Гибель его наступила столь же стремительно, как и гибель Российской царской империи в семнадцатом году. А когда старые структуры стали рушиться, то, к сожалению, не оказалось ничего такого, что смогло бы скрепить новое государственное образование. Новоявленные же скороспелые демократы не были готовы к созиданию и к пониманию своей роли. Благо еще, что народ, наивно полагавший, что он победил опостылевший ему режим,

поддержал новых российских лидеров. Эта поддержка была своего рода индульгенцией от всех грехов и ошибок, она, кстати, и определила особое лицемерие и цинизм сегодняшней власти, обладающей, как ей кажется, «кредитом доверия», выданным самим народом. Потому-то и преступность, и мафиозность, и коррупция, и самодурство остались в России нормой общественных отношений…

Моррис, внимательно слушавший супругу, зашевелился в кресле-коляске, осторожно переставил больные ноги, укутанные пледом, а затем мягко, неторопливо заговорил:

— Мы, конечно, верили в другой социализм и боролись в свое время не за такую убогую демократию, какая сейчас в России. Разумеется, нам сейчас обидно, что столько потрачено ума, сил, нервов и вот теперь… ушло нечто бесценное, что мы должны навсегда оставить в прошлом вместе со своими воспоминаниями молодости. Мы начинали свою разведывательную деятельность добровольно, служили Советскому Союзу преданно, не думая о славе. И даже после испытания в СССР атомной бомбы мы не порвали сотрудничества с его разведкой. Откровенно говоря, другого выбора у нас тогда уже не было, и потому мы твердо продолжали служить делу мира и быть верными той стране, на которую десять лет работали в США.

Разведка, кстати, тем и притягательна, что она требует особого, неистребимого свойства характера, данного, скорее всего, Богом — склонности к своего рода авантюризму, и даруется это далеко не каждому смертному. Дальнейшее наше участие в разведывательной деятельности на стороне СССР стало уже не добровольным делом, а обязанностью, которую надо было свято выполнять. И хотя теперь мы совсем отошли от тайных дел и не относимся уже с таким восхищением к России, как раньше, мы тем не менее не сожалеем о том, что сделали для этой страны. Оглядываясь на прожитое, на чудовищные катаклизмы уходящего столетия, свидетелями и участниками которых нам довелось быть, трудно поверить, что мы дожили до конца противоречивой советской эпохи. Эпохи, которая войдет в историю человечества как неудавшаяся попытка построить справедливое общество. За эту идею мы как раз и боролись. И мы гордимся этим и продолжаем верить в нее, потому что не сомневаемся, что люди будут и впредь стремиться с совершенствованию жизни. Общественное развитие не должно остановиться. И кто знает, возможно, в Россию еще придет настоящий социализм и подлинная демократия. Надо только не забывать, что успех любого дела определяет не трибунная болтовня российских лидеров, которые кормят народ лишь одними обещаниями и

заявлениями о том, что они, мол, все могут, но им мешают политические противники. России сейчас нужно созидание, а не транжирство и распродажа сырьевых ресурсов. И нельзя, на мой взгляд, забывать о моральной чистоте общества. Да, Россию надо как можно быстрее спасать, иначе ее драма может надолго затянуться…

— А ты помнишь, что говорил по этому поводу двадцать лет назад Гордон Лонсдейл? — перебила мужа Леонтина.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, внимательно глядя в ее светло-серые глаза.

— Гордон, как ты знаешь, был патриотом до мозга костей. Так вот, он говорил, что в России после Ленина негодные правители своими негодными методами постоянно и насильно заталкивали народ в «смирительную рубашку» испоганенного ими же самими социализма. Потому и оказался непрочным фундамент социализма, что в скрепляющем его растворе оказалось слишком много человеческой крови! Он считал, что в сердца россиян должен постоянно стучать пепел тех, кто пал жертвой Сталина — человека в галифе, сапогах и с трубкой в руке. Если люди забудут об этом, прощения им не будет. Никогда нельзя забывать, что «кулинары кровавых пиршеств «могут быть рядом с нами — этажом ниже или выше, что они ждут своего часа…

В девяностых годах Коэнов еще приглашали иногда выступить перед молодыми сотрудниками разведки, время от времени с ними консультировались, а затем из-за ухудшавшегося здоровья и преклонного возраста их стали постепенно отводить от всего этого. Они, конечно, особенно Леонтина с ее энергией и жизнелюбием, страдали сильно, но — ничего не поделаешь! Такова жизнь. В конце 1992 года, не дожив до восьмидесяти лет две недели, умерла Леонтина. Похоронили ее на Новокузнецком кладбище. После ее смерти Моррис долго находился в глубокой депрессии. Оставшись один, он потерял всякое представление о времени, запершись в своем закрытом для всех остальных мирке. Остатки жизни уходили на чтение любимых книг, которые еще как-то давали ему силы переносить одиночество. Иногда, правда, его навещали работавшие с ним в Нью-Йорке «атомные» разведчики Леонид Квасников, Анатолий Яцков и Юрий Соколов. Но в 1993 году неожиданно ушли из жизни сначала Яцков, вслед за ним Квасников.

Когда их не стало, и Моррис Коэн ощутил на своем плече прикосновение холодной руки смерти. Но она не испугала его: человеку, которому не раз доводилось сталкиваться с нею и в Испании, и на войне с фашистской Германией, и в английских

тюрьмах, ничего уже не было страшно. Памятуя слова Мартина Лютера Кинга о том, что «если человек не познал, за что он готов умереть, его жизнь бессмысленна…», Моррис Коэн в последние годы начал заново перечитывать философскую литературу, задавшись целью основательно разобраться, почему идеи, за которые он боролся пятьдесят с лишним лет, и последние реальности, сложившиеся в России, так не поладили друг с другом.

Будучи человеком чрезвычайно скромным, он никогда не думал о славе, она сама пришла к нему, но, к сожалению, лишь после смерти. Это произошло 23 июня 1995 года, а через месяц Президент России издал указ о присвоении ему звания Героя Российской Федерации. За 75-летнюю историю внешней разведки это высокое звание было впервые присвоено разведчику-иностранцу. Похоронили его рядом с супругой в Москве — на российской земле, на которой они вместе обрели свое последнее убежище и вечный покой.

А ровно через год звания Героя Российской Федерации удостоилась и Леонтина Коэн. Высокими наградами был отмечен труд ученых. За сравнительно короткий срок трижды Героев Соцтруда получили Игорь Курчатов, Юлий Харитон, Яков Зельдович, трижды лауреатами Госпремий стали академики Георгий Флеров, Абрам Алиханов, Исаак Кикоин и многие другие. Эти награды и звания вполне заслуженные. Однако долгое время существовала несправедливость в отношении тех, кто руководил работой по проникновению в тайны «Манхэттенского проекта», кто подпитывал ученых выверенной информацией — сведения от разведки шли регулярно и именно по тем вопросам, которые интересовали академика Игоря Курчатова. По его признанию, разведка обеспечила тогда пятьдесят процентов успеха создания отечественной атомной бомбы. И вот только теперь, через сорок семь лет, справедливость восторжествовала: указом Президента РФ от 15 июня 1996 года четырем разведчикам — Леониду Квасникову, Владимиру Барковскому, Александру Феклисову и Анатолию Яцкову — присвоены звания Героев России. Случалось, что ордена и медали в России получали коллективно. Но чтобы сразу дать Золотые Звезды целой группе разведчиков — такого в истории органов государственной безопасности еще не было!

Досье на тех, кто занимался атомной разведкой

На изломах судьбы

Имя советского разведчика Гайка Овакимяна спито сенсацией **в** США и в некоторых других странах Европы за полтора месяца до начала Великой Отечественной войны. В Советском Союзе оно тогда не упоминалось и было известно лишь узкому кругу посвященных лиц.

Гайк Овакимян родился в Нахичевани в 1898 году. В 1920-м за участие в Ленинаканском восстании был арестован и осужден к длительному сроку заключения. Потом, когда началась советизация Армении, он был освобожден из тюрьмы и назначен секретарем республиканского Совнаркома. В этой должности он находился два года, после чего Гайка направили на учебу в Москву — в МВТУ имени Баумана.

По окончании училища он поступает в аспирантуру химико-технологического института имени Д. И. Менделеева.

После защиты кандидатской диссертации его пригласили на Лубянку для беседы с начальником иностранного отдела ОГПУ А. Х. Артузовым. Артур Христианович, ознакомившись с биографическими данными Овакимяна, задал ему несколько сложных вопросов по текущему моменту. Молодой ученый дал правильные, исчерпывающие ответы. Затем Артузов рассказал ему, чем занимается иностранный отдел, и нежданно-негаданно предложил поработать в новом самостоятельном подразделении ИНО — в научно-технической разведке.

Молодой кандидат химических наук на предложение Артузова согласился без каких-либо раздумий. 18 февраля 1931 года по решению Оргбюро ЦК ВКП(б) он был зачислен в штат внешней разведки и тем же постановлением рекомендован на работу в советское торгпредство в Берлине.

Сообщение начальника о том, что он должен вскоре выехать в Берлин и начать там работу под крышей торгпредства, ошеломило Овакимяна. Но Артузов успокоил его:

— Поверьте, Гайк Бадалович, я убежден, что все у вас будет неплохо получаться. Я исхожу при этом из того, что вы — ученый. И своей образованностью, высокой научной эрудицией, знанием английского и немецкого языков вполне можете заинтересовать

подобный вам круг людей. И не только заинтересовать, но и оказать на них выгодное для нас влияние и убедить в необходимости сотрудничества с нами. То есть завербовать на материальной или дружеской основе. Это во-первых. Во-вторых, вы умеете, как я убедился при первой встрече, проявлять терпение, быть гибким, выдержанным и тактичным. А это в нашем деле — уже половина успеха. Учитывая, что в Берлине вы будете не один — там у нас работают очень опытные люди, — старайтесь консультироваться с ними по всем вопросам… Если у вас ко мне нет ничего… — Артузов приподнялся из кресла и, протянув Овакимяну руку, спокойно заключил: — Тогда ни пуха ни пера.

Через месяц Овакимян под кличкой Геннадий выехал в Германию. Несколько месяцев он вживался в новую для себя роль, изучал страну и политические процессы в ней, устанавливал нужные контакты среди немецких ученых и специалистов, при их проверке пользовался рекомендациями и указаниями «профессоров» разведки Б. Д. Бермана, А. А. Слуцкого и П. Н. Кропотова, под руководством которых начинал проходить первые курсы теории и практики разведывательной деятельности. Через восемь месяцев Овакимян завербовал первого в своей жизни агента — крупного германского специалиста по химическому аппаратостроению Ротмана, от которого стал постоянно получать информацию о строительстве новых военных объектов и о наиболее совершенных технологиях производства синтетического бензола и селитры. Добытые Геннадием документальные материалы по этим проблемам получили высокую оценку Генерального штаба Красной Армии и Научно-исследовательского института № 94 Минхимпрома СССР.

Вдохновленный первой удачной вербовкой, Геннадий стал смелее брать на контакт интересующих разведку лиц и оперативно проводить по ним проверочные мероприятия. Это позволило ему приобрести еще трех хороших источников для советской разведки: Штронга — ведущего инженера фирмы «Ауэр», Людвига — научного сотрудника фирмы «Цейс» и ученого Фильтра.[74] Поступавшая от них информация по оптическим приборам, противогазам, эхолотам[75] и средствам противохимической защиты находила благодатную почву для реализации в отечественных КБ и НИИ, разрабатывавших аналогичные темы.

Польза Отечеству от разведывательной деятельности Геннадия была в те годы огромна — он старался сделать для своей страны как можно больше. Были у него для этого неплохие заделы, и вдруг в один прекрасный день 1933 года пришла в

Берлин короткая телеграмма из Центра с неожиданным для резидентуры требованием:

> Сов. секретно.
>
> т. Черниговскому.[76]
>
> Геннадию сдать дела и откомандировать в Аттику.[77]
>
> *Алексеев.*[78]
>
> *24.09.33.*

Не поняв, в чем дело, А. Слуцкий вызвал в свой офис на Линденштрассе резидента по Германии Б. Бермана. Но тот тоже ничего не знал о причинах отзыва подчиненного, но охарактеризовал его только с положительной стороны.

В Москве Геннадию объяснили, что в связи с установлением дипломатических отношений с Соединенными Штатами Америки руководством разведки принято решение о переброске его в Нью-Йорк для организации работы по линии НТР. Сначала он как научный сотрудник должен для прикрытия пройти стажировку в Нью-Йоркском химическом институте, поработать там над докторской диссертацией, по возможности защититься, а затем он будет переведен в аппарат уполномоченного Наркомхимпрома СССР при Амторге.

В Америку Овакимян выехал полный разных планов и по научным проблемам, и по вопросам разведки. В Нью-Йорке он быстро определился с перспективной темой докторской диссертации и в процессе работы над ней, проявляя изобретательность и находчивость, начал устанавливать и закреплять полезные контакты с нужными для разведывательной деятельности людьми. Обладая исключительной способностью входить в доверие к интересующим его лицам, Геннадий познакомился на одной из научных конференций с неким Дэвисом, имевшим свои труды и запатентованные изобретения на известных американских фирмах «Сперри инструмент компани» и «Сперри гироскоп». Развивая контакт с ним, Геннадий под удобным предлогом начал получать от него заслуживающую высокой оценки Центра научную и технологическую информацию, а затем завербовал его на идейной основе. После этого Дэвис постоянно стал поставлять разведке ценные сведения по авиационным и морским приборам, бомбоприцелам, звукоулавливателям, по телерадиоэлектронике и другие важные документальные материалы, необходимые для реализации советской военной программы.

Убедившись в надежности агента и его возможностях

оказывать своим авторитетом и занимаемым положением воздействие на других людей, Геннадий впервые в практике разведки предложил резиденту П. Д. Гутцайту использовать Дэвиса в качестве вербовщика по научно-технической линии. Предложение Геннадия было воспринято резидентом с пониманием, и на свой страх и риск они решили провести подобный эксперимент без санкции Центра, опасаясь, что там могут с ними не согласиться. Надежды Овакимяна на успех этой новой формы работы с агентурой оправдались: Центр впоследствии дал «добро» на установление подобных взаимоотношений с группой источников.

Так впервые в истории советской внешней разведки начали действовать за кордоном агенты-групповоды, которые сами осуществляли подбор, изучение и проверку нужных людей, а после их вербовки с участием сотрудника резидентуры они же поддерживали и связь с ними. Первыми групповодами стали Дэвис и Звук,[79] которые провели впоследствии вербовки таких ценных источников, как Брюс, Роджер, Брайен, Хью… Дальше — больше.

1937 и 1938 годы стали звездным часом в разведывательной деятельности Овакимяна. Добытые им в эти годы документальные материалы — чертежи, схемы, расчеты, инструкции и описания по проблемам математики, физики, химии, атомного ядра и бактериологии раскрывали направления ранее неизвестных в СССР научных исследований. Для организации проведения подобных работ в Советском Союзе стали создаваться новые НИИ, КБ и секретные экспериментальные заводы. Геннадий же тем временем продолжал с присущей ему активностью разрабатывать и осуществлять операции по проникновению в американские научные центры и крупные фирмы, в которых велись серьезные засекреченные конструкторские изыскания. В характеристике, подписанной резидентом Николаем[80] и отправленной из Нью-Йорка в Центр, отмечалось:

> …Геннадий является ведущим разведчиком нашей секции.[81] Его отличает большое трудолюбие, продуманность всех действий и поступков, смелость и оперативность в выполнении заданий, что позволяло и позволяет ему добиваться положительных результатов в работе с источниками.
>
> Учитывая, что Геннадий накопил уже большой опыт разведработы, обладает хорошими организаторскими способностями и заслуженно стал для своих коллег авторитетом в оперативных вопросах, полагал бы

возможным зачислить его в резерв выдвижения на руководящую работу в Тире[82] или в какой-либо другой секции.

В Москве словно ждали такого предложения: через неделю Г. Б. Овакимян был назначен заместителем резидента в Нью-Йорке. В ответ на это Геннадий еще больше активизировал свою разведывательную деятельность: впервые были получены агентурным путем сведения о технологии производства автобензинов прямой перегонкой в атмосферно-вакуумных установках и авиабензинов с октановым числом -74; о переработке газов нефтеперерабатывающих заводов; о каучуке и масляных дистиллятах для выработки из них разнообразных смазочных масел и парафинов; о термическом крекинге и реформинге и о многих других секретных разработках. Научно-техническая разведка, как отмечалось в 1938 году Центральным Комитетом ВКП(б), имела важнейшее значение для социалистической реконструкции народного хозяйства и развития различных областей науки и техники.

Однако с приходом Берии к руководству органами госбезопасности весь оперативный состав НТР заменили, а ее начальника П. Н. Кропотова арестовали. Вслед за этим отозвали из США резидента П. Д. Гутцайта и разведчиков-нелегалов Б. Я. Базарова и Б. П. Румянцева. В Москве их расстреляли как врагов народа, о чем были сделаны соответствующие сообщения в прессе. Информация об этом перепечатывается в нью-йоркских газетах, и все это приводит к тому, что некоторые агенты, находившиеся на связи у Базарова, Гутцайта и Румянцева, узнав о том, что они сотрудничали с «врагами народа», стали отказываться от дальнейших контактов с советской разведкой.

Назначенный вместо Гутцайта на должность резидента Овакимян не мог поверить, чтобы хорошо знакомые ему люди, верные присяге и достойно служившие Родине, в один день могли перековаться во врагов народа, стать изменниками и шпионами. Невольно подумав о том, что и с ним не сегодня, так завтра могут поступить точно так же, он направляет 24 марта 1939 года шифрованную телеграмму в Центр:

…Испытываю полную неудовлетворенность от своей работы в Тире. Объяснить это состояние могу только тем, что отдача нашей секции с ноября прошлого года стала снижаться по совершенно не зависящим он нас причинам. И вызвано это в первую очередь необоснованным откомандированием из Тира самых опытных охотников[83] и вызванным в этой связи «предательством» пловцов.[84] Должен твердо заверить вас, что

предательства, как такового, нет, но есть отказ от сотрудничества после того, как им стало известно, что они работали с отозванными из Тира «врагами народа». Я не удивлюсь, если и на меня теперь навесят подобный ярлык за снижение результатов работы секции.

Поэтому убедительно прошу вас подобрать мне замену.

Этот документ был доложен исполнявшему обязанности начальника советской разведки С. М. Шпигельглазу в один день со служебной запиской военного инженера 3-го ранга Прудникова.[85] В записке говорилось:

> Работа Геннадия неотделима от подрывной деятельности врага народа Гутцайта. Действуя с ним рука об руку в качестве его заместителя, Геннадий не мог не знать о том вредительстве, которое постоянно процветало в нью-йоркской резидентуре, однако он умышленно умалчивал об этом. Не пресекал он в белогвардейской прессе и те антисоветские публикации, которые клеветали о сближении внутренней политики товарища Сталина с аналогичной политикой Гитлера.
>
> Некоторые из источников, завербованных лично Овакимяном и находящихся у него на связи, являются белогвардейцами разных мастей, однако он всячески защищает их, считая их незаменимыми агентами. Все это должно настораживать нас и даже больше: он опасен для внешней разведки.
>
> Предложения:
>
> 1. Всех сотрудников нью-йоркской резидентуры заменить, а ее резидента Овакимяна отозвать из США.
>
> 2. В связи с неоднократными выступлениями в печати тт. Берия, Ворошилова и Кагановича о том, что наши ученые «сами с усами» и способны это доказать всему империалистическому миру, считаю возможным прекратить разведдеятельность по научно-техническому направлению, а агентуру по линии НТР законсервировать.
>
> 3. Войти с письмом в инстанцию о замене руководства загранучреждений в США кадровыми разведчиками.

На служебной записке наложена размашистая резолюция синим карандашом:

> 1. Ваши предложения по свертыванию работы по линии НТР прошу представить более развернуто для

доклада т. Наркому.

2. По вопросу работы загранучреждений и осуществления руководства ими сделать то же самое.

Шпигельглаз.

16.03.39.

Неизвестно, какой была реакция ЦК и Берии на предложения Прудникова, но Овакимян остался в Нью-Йорке и получил на свою шифротелеграмму спокойный деловой ответ:

> …Ваша семья в ближайшее время будет отправлена на жительство в Тир. Надеемся, что вы переломите пессимистические настроения и будете впредь вести работу так же успешно, как умели вы ее делать раньше. Помощь вам по линии кадров будет непременно оказана…

Прошел после этого месяц, другой, третий, но помощь так и не была направлена в Нью-Йорк. Мало того, в резидентуру Геннадия вскоре пришло указание откомандирования в Союз еще шести человек. С отбытием их в Москву резидентура оказалась наполовину разгромленной. Овакимян вторично ставит вопрос перед Центром о срочном решении кадровой проблемы:

> …Из-за нехватки работников нагрузка на каждого охотника увеличилась до 18 пловцов. Подпольщики[86] остались без челноков.[87] Приостановлена экологическая[88] деятельность по главному объекту.[89] Законсервирована аналогичная работа по Западному побережью Карфагена.[90]

* * *

Прекрасно понимая, что всякое преувеличение трудностей в разведработе может породить у оставшихся в меньшинстве сотрудников резидентуры нерешительность, даже боязнь проведения каких-либо оперативных мероприятий и попытку оправдать потом отсутствие положительных результатов, Овакимян предпринимает все необходимое, чтобы разведка, несмотря на репрессивные меры, исходившие из Центра, продолжала действовать. Зная, что личный пример руководителя психологически сильнее воздействует на подчиненных, чем слова, он, не щадя себя, работает иногда круглые сутки напролет,

выезжая из Нью-Йорка в разные штаты Америки для встреч с агентами. Дело порой доходило до того, что он от усталости валился с ног. Вернувшись однажды из командировки в Кливленд, Геннадий почувствовал себя очень плохо, но, несмотря на это, поехал в генконсульство, чтобы оставить там агентурные материалы. Едва успел появиться в кабинете, как тут же раздался телефонный звонок: на экстренную связь вызывал источник Чарли.

— Придется вот ехать, — тяжело вздохнув, проворчал Овакимян, устало взглянув на присутствовавшего при телефонном разговоре сотрудника резидентуры Луку.[91]

— Это в вашем-то состоянии? — укоризненно глядя на него, спросил Лука.

— Плевать на мое состояние! Вы лучше найдите две-три таблетки саридона или что-то наподобие кофеина.

— Да вы с ума сошли!

— Ничего! Если под воздействием их человек способен не спать двадцать часов подряд, то, может быть, это позволит мне продержаться хотя бы три часа. Впрочем, мне больше и не потребуется…

— Но нельзя же себя…

— Хватит спорить, Павел! — прервал Луку Овакимян. — Это приказ! Выполняйте!

Лука принес ему несколько таблеток. Только после этого Геннадий выехал в город и уже через полчаса почувствовал, как усталость и головная боль уходят. На встрече с Чарли он получил большое количество ценных сведений. На другой день, не имея времени для перевода добытых материалов на русский язык, Овакимян отправил их все скопом диппочтой и сообщил об этом в Центр шифротелеграммой:

> Высылаю оказией[92] данные Артемиды[93] по вискозе, водному раствору йода, по производству иприта из крекинговых газов системы Джайро, а также чертежи по гидравлическим прессам и прокатному стану цветной металлургии. Стоимость последних исчисляется девятью миллионами долларов, нам же они достались даром…

Когда же Овакимян узнал, что Берия, Ворошилов и Каганович принижают роль научно-технической разведки и договорились уже до того, что неэтично, мол, «воровать» секреты иностранных ученых, что советские ученые «сами с усами», он, не боясь последствий, решил дать отповедь подобным высказываниям высокопоставленных особ. В шифровке, отправленной им в Центр на имя Реджи,[94] говорилось:

… Совершенно секретно.

Появившиеся в печати заявления о том, что Аттике не нужны закордонные разведданные по линии НТР, объясняются не чем иным, как некомпетентностью и шапкозакидательскими настроениями. Считаю, что недооценка получаемых Артемидой научных сведений глубоко ошибочна. Смею утверждать, что Артемида на протяжении семи лет добывала по линии НТР ценнейшие документальные материалы, которые способствовали научно-техническому прогрессу Аттики, укреплению ее обороноспособности и, главное, позволяли экономить интеллектуальные, финансово-валютные и топливно-энергетические ресурсы, а также обеспечивать более быстрое внедрение в производство новых образцов техники.

Геннадий.

23.07.39 г.

После такого смелого, можно сказать, дерзко высказанного в шифровке мнения Овакимян опасался, что его вот-вот могут отозвать в Союз и подвергнуть репрессиям. Чтобы как-то смягчить эту неприятную для себя ситуацию и показать, что его несогласие с Берией было вызвано лишь интересами дела, он решил направить в Москву по дипломатическому каналу личное письмо на имя шефа внешней разведки:

…Будучи продолжительное время — шесть лет — оторванным от Родины и в силу своей большой занятости по работе редко встречаясь с семьей, я стал сильно уставать, а иногда и плохо чувствовать себя. Скорее всего, это вызвано переживаниями в связи с происшедшими необоснованными сокращениями кадрового аппарата резидентуры и так называемыми в Центре «предательствами» источников. Предательств нет, есть отказы от сотрудничества и полное разочарование от того, что они контактировали с «врагами» русского народа.

А вообще-то усталость моя закономерна — сказываются перегрузки в работе. Шутка ли: у резидента на связи 14 агентов, кроме того, встречаюсь с групповодами Звуком, Звеном и Юнгом.[95] На мне же висят и касса, и ведение финансов, ежегодный оборот которых превышает 150 тыс. долларов. А еще и

руководство подчиненными! Чтобы каждому уделить должное внимание — для этого у меня уже не хватает времени. Многие в Центре знают, что я обладаю лошадиной работоспособностью, но, поверьте, всему наступает предел. В марте с. г. я ставил вопрос о своей замене, и чем раньше это произойдет, тем будет лучше для всех нас. Сейчас обстоятельства вынуждают меня снова напомнить вам об этом. Семью я, очевидно, отправлю домой в ближайшее время. Ежели по каким-либо причинам я не получу санкции на откомандирование из США, то прошу прислать мне подмогу. Без этого может сильно пострадать дело, поскольку факты нарушений элементарных принципов разведдеятельности — уже налицо. Судите сами:

1. Шифротдел остался без собственной охраны, привлекаются для этого посторонние лица — сотрудники Амторга.

2. Сов. секретные материалы от источников перевозятся с Западного побережья не специальными курьерами, а оказией на самолетах, с чем необходимо раз и навсегда покончить.

3. Половина агентурной сети по-прежнему без связи.

Все это, конечно, ненормально, и если мы хотим, чтобы наша резидентура была мобильным органом и продолжала добиваться хороших результатов, надо срочно предпринять следующее:

1. Командировать к нам минимум пять оперработников для обслуживания аппаратов различных наркоматов и других загранучреждений, аккредитованных при Амторге; столько же человек — для ведения научно-технической разведки, чтобы при этом хоть малость разгрузить меня и Мимозу.[96] В этих же целях полагал бы целесообразным назначить моим заместителем Игоря,[97] а также оставить для работы в Нью-Йорке начальника охраны советского павильона международной выставки Луку[98] и недавно завершивших аспирантскую учебу и языковую практику Глана,[99] Лавра[100] и Твена,[101] зачислив их в штат резидентуры по линии НТР.

2. Направить для работы в Западном пункте США опытного, хорошо знающего английский язык разведчика.

3. Учитывая необходимость строгого соблюдения норм конспирации и нелегальных принципов работы с

агентурой и чтобы не бросить и тени подозрения со стороны ФБР на активную деятельность Звука, прошу направить из Центра спецсотрудника, который бы осуществлял с ним связь. По этим же соображениям необходимо отвести его от встреч с агентами и поручить ему только подготовку и вербовку новых источников информации.

4. Перевести групповода Блерио с Западного побережья США на Восточное для работы с более близкими ему по специальности источниками.

5. Из-за систематически напряженной, нервной и рискованной работы некоторые разведчики (лега-лы и нелегалы) не в состоянии больше продолжать работу, они неотложно нуждаются в лечении. Полагал бы отнестись к этому с пониманием и пойти им навстречу.

6. Для охраны шифротдела прошу командировать из Центра специально подготовленных людей.

Геннадий.

4 августа 1939 г.

* * *

Первый документ, отправленный Овакимяном в Москву, был доложен лично Деканозову. Ознакомившись с расшифрованной телеграммой, он несколько раз нервно дернулся, хотел порвать ее, но, вспомнив о том, что она зарегистрирована, отбросил на край стола. Затем он вызвал к себе секретаря-помощника и отдал распоряжение о направлении Прудникова в командировку в Нью-Йорк с целью проверки работы резидентуры. Того самого Прудникова, который ранее готовил докладную записку об отзыве из Нью-Йорка Овакимяна как пособника «врага народа» Гутцайта.

Со вторым документом — личным посланием Геннадия — Деканозов ознакомиться не успел: письмо шло значительно дольше, чем телеграмма, потом оно задержалось при разборке диппочты, и за это время (в который уже раз) сменился начальник разведки. Вместо Деканозова был назначен выпускник спецшколы НКВД тридцатидвухлетний П. М. Фитин. Когда Павел Михайлович прочел с болью написанное письмо резидента, он сразу проникся к нему большим уважением, поверил этому человеку, как старому знакомому. Действуя по принципу «доверяй, но проверяй» (в царившей в те годы атмосфере подозрительности и шпиономании это было вполне естественно),

Фитин запросил его личное дело. Особое внимание он обратил на подшитую в конце аттестацию резидента Геннадия. В ней отмечалось:

> …Проявляя инициативу и изобретательность, Овакимян постоянно добывает ценные документальные материалы, способствующие развитию советской науки и народного хозяйства. Много сил и энергии он отдает не только получению развединформации, но и обучению и воспитанию агентов, привитию им необходимых для работы с разведкой положительных качеств, таких, как, скажем, смелость, конспиративность и дисциплинированность. В этих же целях он вынужден, несмотря на свою большую занятость, выезжать в другие штаты далеко за пределы Нью-Йорка, в частности, на Западное побережье США…

Дочитав до конца аттестацию, Фитин убедился, что на Овакимяна как профессионала высокого класса не только можно положиться, но и всецело ему доверять. В тот же день Фитин поручил кадровикам подобрать несколько человек для направления в нью-йоркскую резидентуру. Первым выехал туда хорошо владевший английским языком Д. В. Осколков. Через некоторое время материалы к выезду были подготовлены еще на трех кандидатов — А. Н. Антонова, А. И. Прудникова и П. П. Пшеничного. Однако возвратившийся несколько раньше из командировки в США А. Г. Траур нарушил планы Фитина по оказанию помощи резидентуре Геннадия: в докладной записке на имя Берии он выдвинул ряд рекомендаций, противоположных намерениям начальника разведки:

> 1. Во исполнение указания т. Наркома полагал бы возможным сократить до минимума работу с источниками информации, явки проводить только с ценными, не вызывающими сомнения агентами. Исходя из этого, оставить на связи из 36 — десять агентов по научно-технической линии и из 53 — тринадцать по линии политической разведки.
>
> 2. Отозвать в СССР как не вполне надежного и к тому же нездорового сотрудника резидентуры Гарри,[102] а также разведчиков-нелегалов Юнга, Юзика[103] и Мартинеса,[104] оформленных на работу в разведку врагами народа Ежовым, Пассовым и Шпигельглазом.
>
> 3. Резидента Геннадия как не внушающего политического доверия откомандировать в Москву, а

учитывая его подозрительное поведение, связанное с задержкой обещанной им отправки семьи в Союз и темную историю с братом жены, неким М. А. Абовяном, [105] внезапно умершим в Нью-Йорке, полагал бы целесообразным передоложить т. Наркому весь круг вопросов, как они были мною представлены в докладной т. Прудникова в марте с. г.

Вскоре после этого пасквиля последовало указание Л. Берии об отзыве из США нелегала Юнга. Через него Овакимян передал записку для В. М. Зарубина:

Уважаемый Василий Михайлович!

Вы конечно же знаете, зачем приезжал к нам ямокопатель ГАВ-ГАВ.[106] Он пытался загнать меня в пятый угол, но не на того нарвался, видимо, забыл, что я — армянин. Потом он стал настойчиво убеждать меня свернуть всю работу, ссылаясь на какое-то указание Павла,[107] чему я мало верил. Да и вообще мне многое непонятно: и массовый отзыв оперативных и неоперативных сотрудников из-за кордона, и нечеткость и странная медлительность Центра в решении многих вопросов, которые мы ставим перед вами.

Признаться, я страшно устал от всего этого. Поэтому все, что будет в ваших силах, похлопочите за мой отъезд отсюда.

Геннадий.

Опытный разведчик-нелегал В. М. Зарубин прекрасно понимал Овакимяна и его настойчивые просьбы о возвращении домой, но он считал, что его приезд в Москву тоже не сулит ему ничего хорошего: из бывшей сотни сотрудников Центра после массовых репрессий Берии в живых и на воле оставалось к тому времени около двадцати человек, а в подразделении научно-технической разведки — всего двое. А что могло ожидать на Родине руководителя одной из немногих не подвергшихся полному разгрому резидентур, догадаться было нетрудно: скорее всего пуля или изгнание из внешней разведки. И все же Зарубин посчитал своим долгом тактично ответить Геннадию:

…Передал твою просьбу, что ты сильно устал. Это подтвердил у руководства и недавно прибывший из Нью-Йорка Игорь.[108] Каково будет решение — не знаю. Но лучше, если ты поставишь этот вопрос официально перед

самим Павлом.

Максим.[109]

23.06.40 г.

Но поторопилось руководство Наркомхимпрома СССР. Оно направило письма в ЦК ВКП(б) на имя Сталина и в НКВД — Берии с сообщением о том, что наркомат не заинтересован в дальнейшем пребывании за границей Г. Б. Овакимяна, и поэтому Наркомфин по их просьбе прекратил отпуск валюты на выплату ему ежемесячной зарплаты в размере 150 долларов США. Возможно, вопрос с отъездом Овакимяна домой решился бы и положительно, если бы не стечение ряда обстоятельств: агент Звук в то время попал в поле зрения ФБР, и перед Геннадием была поставлена срочная задача по организации его побега в СССР. Поэтому в ЦК ВКП(б) пошло из НКВД письмо совершенно иного характера:

Секретно.

Управление кадров ЦК
т. Силину.

Учитывая, что в настоящий момент имеется острая необходимость оставления Гайка Бадаловича Овакимяна на работе в Нью-Йорке, просим продлить загранкомандировку до 31 декабря 1940 г. и дать указание Наркомфину о выплате ему задолженности с 1 января с. г. по 150 долларов в месяц.

Начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР майор госбезопасности П. Фитин

5 августа 1940 г.

Так Геннадий снова был оставлен работать в Нью-Йорке, и, несмотря на большой некомплект кадровых разведчиков, резидентура под его руководством продолжала добывать ценнейшие сведения по новым видам вооружений и военной технике: были получены документальные данные о проекте первого стратосферного самолета, о кислородных масках, об использовании глицерина в военных целях и новой технологии его производства. Тогда же Овакимяном была зафиксирована и проанализирована ситуация, связанная с большим наплывом из Европы крупных ученых-физиков, спасающихся от коричневой чумы фашизма. В своем сообщении в Центр он делает вывод о том, что данное обстоятельство позволит Соединенным Штатам

значительно увеличить свой научный потенциал и достигнуть ощутимых практических результатов во многих отраслях знаний и экономике.

Тогда же на основании разрозненных агентурных данных он высказывает предположение о начавшихся в Америке совершенно секретных — особой важности — исследованиях по использованию высвобождающейся энергии при расщеплении ядер урана в создании взрывного устройства огромной разрушительной силы[110] и начал активно собирать информацию об этом. Предположение Овакимяна вскоре подтвердилось разведданными, полученными Центром из Лондона. Вот тогда-то новое руководство отделившегося от НКВД Наркомата госбезопасности во главе с В. Н. Меркуловым и отказалось от ранее внушавшейся мысли о нецелесообразности ведения за границей научно-технической разведки и дало резидентурам указание о налаживании и активизации этой линии работы.

Почувствовав более внимательное и заинтересованное отношение к резидентуре со стороны Центра, его поддержку кадрами — пусть даже не в полной мере и порой без знания английского языка, — Овакимян, несмотря на это, не отрешился от мысли вернуться домой:

> Сов. секретно. т. Виктору.[111]
>
> Как только будут реализованы подготовленные мною мероприятия по добыванию подробной информации по урановой проблеме, самолетостроению и по оптике для прицелов, я намерен еще раз затронуть вопрос об откомандировании меня из секции. В Тире я нахожусь почти восемь лет. Готов задержаться немного, но лишь для того, чтобы организовать работу прибывающих из Аттики молодых охотников и оказать им помощь в освоении того или иного направления по линии ХУ.[112]
>
> *Геннадий.*
>
> *24.02.41 г.*

Центр в ответной шифротелеграмме сообщал Геннадию о наконец-то принятом положительном для него решении: все имевшиеся у него оперативные дела и финансовую отчетность надлежало сдать Луке, который назначался исполняющим обязанности резидента. Но тот затянул подписание акта о приемке дел и вынудил Овакимяна ежедневно искать его — ходить из Амторга в генконсульство и обратно. А в это время

ФБР, как никогда ранее, усилило слежку за всеми советскими гражданами, находящимися на территории США, — оно подслушивало их телефоны и подставляло им своих агентов. Такая активность американской контрразведки была вызвана испортившимися между двумя странами отношениями якобы из-за тайно заключенного пакта Молотова — Риббентропа.

Овакимян, перегруженный в это время многочисленными и ответственными обязанностями и заботами, связанными с предстоящим отъездом из США, несколько ослабил работу с находящимися у него на связи агентами, стал реже встречаться с ними, предоставив им излишнюю самостоятельность. Все это привело к тому, что один из его источников — Октан, работавший в «Кэллог компани», по собственной инициативе попытался склонить своего знакомого из другой солидной фирмы к даче ему интересовавшей советскую разведку информации. Фирмач, совершенно не понимая, зачем понадобились тому конфиденциальные данные о его фирме, не долго думая проинформировал об этом руководство «Кэллог компани». После этого Октаном серьезно занялось ФБР. Оно стало следить за ним, а когда была зафиксирована его встреча с Овакимяном, агент был сразу арестован. На допросе он признался, что передал советскому разведчику информацию за вознаграждение. Этот неожиданный провал источника дорого обошелся ничего не подозревавшему Овакимяну.

В середине апреля 1941 года ему внезапно позвонил Октан и вызвал на незапланированную встречу.

Говорят, разведчик ошибается один раз: это был именно тот случай, когда многоопытный резидент допустил ошибку. Тем более если учесть, что на руках у него был уже билет на пароход «Энни Джонсон», на котором ему предстояло отплыть из Лос-Анджелеса. Правильнее было бы отказаться от этой встречи, но Овакимян настолько был уверен в своей безопасности и в преданности агента — доктора Кука из «Кэллог компани», что не смог отказать в его просьбе.

С первых минут встречи Октан вел себя как-то настороженно и холодно. Овакимян почувствовал эту его подозрительную неловкость, подобную той, что испытывает человек, входя в неосвещенное незнакомое помещение, и поэтому начал выяснять, зачем он вызвал его на экстренную связь. Не выдержав колкого подозрительного взгляда разведчика, Октан начал браниться и упрекать, что его насильно втянули в шпионские дела, и в конце концов он «раскрылся»: признался в том, что это ФБР заставило его еще раз встретиться с советским разведчиком. Что говорил дальше агент, Овакимян уже не слышал: он раздумывал теперь о

том, как бы самому выбраться подобру-поздорову из опасно сложившейся для него ситуации.

Благополучно покинув место встречи, Овакимян некоторое время не обнаруживал за собой слежки, но он все больше ощущал, как вокруг него сжимается какое-то невидимое кольцо. ФБР тем временем выясняло, куда ведут следы его разведывательной деятельности. Оказалось, во все штаты Америки. В конце концов сотрудники спецслужбы пришли к твердому выводу: советский разведчик Гай Овакимян является ключевой фигурой в нью-йоркской резидентуре. Узнав о том, что он через два дня намеревается покинуть Америку, ФБР решило произвести его задержание.

Произошло это 5 мая в 11 часов. При выезде из дома на такси Овакимян заметил, что его преследуют на двух машинах четыре федеральных агента. Поплотнее закутавшись в плащ, он натянул шляпу поглубже на глаза и приготовился встретить свою судьбу достойно. При выезде с манхэттенского моста на Канал-стрит одна из машин поравнялась с такси, и сидевшие в ней детективы дали знак остановиться. Мгновенно откуда-то появились еще три легковых автомобиля, они перекрыли путь, оцепили такси со всех сторон, затем один из копов, опустив стекло в дверце, спросил его, является ли он мистером Овакимяном. Получив утвердительный ответ, тот потребовал пересесть в одну из машин и поехать вместе с ними. Но Овакимян отказался это сделать и попросил предъявить ордер на его задержание:

— Если у вас даже есть санкция прокурора, то я должен поставить об этом в известность свое консульство и пригласить адвоката.

Рассердившиеся сотрудники ФБР вытащили его из такси и насильно надели наручники. Так же, не церемонясь, они втолкнули его в свою машину и привезли в здание Юнайтед стейтс атторней оф Соутерн дистрикт, подняли в лифте на 29-й этаж и ввели в комнату с табличкой «Федеральный прокурор Матиас Ф. Хорреа». Вскоре появились стенографистка, помощник прокурора и сам Хорреа. Последний объяснил, что мистер Овакимян арестован за отказ от добровольной явки в суд в качестве свидетеля по расследованию федерального Большого жюри и что в связи с этим было принято решение о его принудительной доставке в суд.

Затем его повезли в здание Федерального суда на Фолей Сквер в комнату № 607. Там он заявил решительный протест по поводу ареста и потребовал разрешения связаться с консульством, иначе ни на один вопрос ответа не даст.

— Вы арестованы, и теперь мое личное дело, разрешить вам

звонить или нет! — заявил прокурор.

Несколько раз Хорреа выходил из кабинета, и из-за двери было слышно, как он с кем-то советовался; в конце концов он разрешил ему позвонить. Однако генконсул Федюшин, вице-консул Заикин и секретарь Смирнов прибыли в суд лишь через три часа (до этого они вели согласование с советским посольством в Вашингтоне и с НКИДом в Москве). В их присутствии Хорреа уже по-новому формулировал обвинение:

— Во-первых, мистер Овакимян не захотел принять приглашение ФБР явиться к прокурору, оказал сопротивление и потому был доставлен к нам силой. Во-вторых, мистер Овакимян заранее знал, что он давно нарушил закон о регистрации иностранцев, и вот теперь принял меры, чтобы совершить побег из США, для чего накануне сдал на пароход в Хобокене все свое имущество, а еще ранее — отправил домой семью.

Овакимян сделал ответное заявление, четко разложив все по полочкам:

— Повестки о вызове меня к прокурору не было, и доказательств на этот счет у вас никаких нет. А вот то, что была применена по отношению ко мне физическая сила, мои доказательства налицо. — Он показал ранения на руках. — Это во-первых. Во-вторых, все формальности закона о регистрации иностранных граждан мною были соблюдены: у меня же есть выданная госдепом регистрационная карта от четвертого апреля этого года. И в-третьих, я на вполне законных основаниях прошу предоставить мне возможность иметь двух адвокатов.

Судья Хелберт не счел возможным что-либо опровергнуть, однако зачитал заранее заготовленный документ о взятии Овакимяна под стражу или же о возможности освобождения его до суда под залог в 25 тысяч долларов. Но все складывалось для разведчика далеко не лучшим образом: ни консульство, ни Амторг на смогли сразу изыскать такую сумму, и Овакимян был препровожден в федеральную тюрьму.

Когда его везли на Вест-стрит, у него невольно мелькнула мысль, что никого уже, наверно, не волнует, что с ним будет и как сложится его судьба. «Да и что есть я? — подумал он. — Всего лишь песчинка в бушующем мире, объятом войной…»

В тюрьме у Овакимяна Несколько раз сняли отпечатки пальцев, дали арестантскую одежду и посадили в камеру, где находились специально подосланные агенты ФБР, которых он легко раскусил. Через некоторое время ему устроили встречу с группой американских ученых и специалистов. Они сначала говорили комплименты, обещали ему как доктору наук предоставить для исследований лабораторию и тому подобное.

Но попытки перевербовать советского разведчика не увенчались успехом: он не пожелал оставаться в Америке. Тогда же Лука направил в Москву тревожную шифротелеграмму:

> …Посол Уманский дал поручение подключить крупнейшего американского адвоката в Вашингтоне Ричберга для выяснения частным путем о существе дела Геннадия. Ричберг намерен встретиться с министром юстиции Джексоном. А пока американские власти под нажимом Спрута[113] упорно ищут различные юридические зацепки для более серьезного обвинения Геннадия, и может статься так, что он из свидетеля превратится в обвиняемого со всеми вытекающими последствиями.
>
> Учитывая это, нами усилена охрана помещений Амторга и генконсульства на случай возможных попыток проникновения в секцию, подготовлены к сожжению все наши документы.

Реакция Центра была мгновенной:

> …Не падайте духом, все зависящее от нас для скорейшего возвращения Геннадия домой мы сделаем. Тщательно ведите наблюдение — не будет ли слежки за остальными сотрудниками секции, при ее обнаружении обязательно ставьте нас в известность.

7 мая 1941 года американские газеты с фотографиями Овакимяна запестрели длинными сенсационными заголовками: «Русский шпион будет освобожден на поруки за 25 тыс. долларов» («Нью-Йорк геральд трибюн»), «Арест крупного тайного агента СССР» («Новое русское слово»), «Тайный агент Москвы вернулся в свой дом в Бруклине»…

«Хотя деятельность Овакимяна еще не совсем точно выяснена, — писала газета «Нью-Йорк геральд трибюн», — прокурор Матиас Хорреа утверждает, что Овакимян является важным ключом для раскрытия русского шпионского гнезда в Америке…»

Советская пресса молчала: то ли по незнанию, то ли по запрету НКГБ.

Тем временем между нью-йоркской резидентурой и московским разведцентром шла непрерывная шифрованная переписка:

> …При личном обыске у Геннадия изъят номер

домашнего телефона Твена.[114] В целях предотвращения провала его агентуры вынуждены законсервировать ее на полтора-два месяца…

Лука.

На шифровке наложена резолюция В. Н. Меркулова:

Геннадия надо подбодрить. В связи с освобождением под залог от участия в делах резидентуры полностью отстранить. Теперь он будет снова находиться под постоянным наблюдением.

8.05.41 г.

9 мая Овакимян, приехав в свое консульство, подготовил и отправил шифровку в Центр:

…Настоящее обвинение в суде будет мне предъявлено не за нарушение старого закона о регистрации, а за ведение шпионажа, и базироваться оно будет скорее всего на показаниях Октана. Не давая заблаговременно оценку его поведения, несомненно одно: случившееся со мной нельзя иначе квалифицировать, как предательство. Октан в процессе предварительного слушания дела в окружном суде рассказал, что за передаваемые материалы о новой технологии добычи и переработке нефти он получил несколько тысяч долларов. И что все суммы своих выплат он скрывал от налоговых властей и потому считает себя тоже виноватым.

Уверен также, что американская пресса и Спрут раздуют мое дело как самое крупное за последние годы, используя наиболее выгодную для американцев ситуацию для проведения очернительской антисоветской кампании. Адвокаты Бакнер и Френкель, сочувствующие левым организациям, будут мелки для такого крупного процесса. Полагаю, что надо искать более солидных защитников.

Но тем не менее я духом не падаю и готов перенести любые лишения.

И последнее: считаю, что я должен на суде подтвердить факт знакомства с Октаном, который много лет имел официальные дела с Амторгом. Прошу указаний.

Геннадий.

9.05.41 г.

Резолюция наркома НКГБ:

1. Пр. сообщить Геннадию, что мы примем все необходимые меры по его освобождению. Пусть он держится крепко, отрицая все, за исключением знакомства с Октаном. Передайте, чтобы о жене и дочери не беспокоился, о них мы позаботимся. Уверены в благоприятном исходе его дела и его достойном поведении.

2. Срочно подготовьте на имя т. Молотова записку в НКИД об аресте Геннадия.

Когда В. М. Молотов ознакомился с обстоятельствами ареста Овакимяна, то сразу же дал указание советскому послу в Вашингтоне Константину У майскому о необходимости заявления официального протеста государственному департаменту США. Но эта акция посольства не сработала тогда. Лишь после нападения Германии на Советский Союз госдеп по личному указанию президента Рузвельта сообщил в генконсульство СССР о разрешении Овакимяну выехать домой. До этого он два с лишним месяца находился под неусыпным наблюдением ФБР. Зная об этом, Гайк Бадалович вел себя предельно спокойно, с большим достоинством гражданина великой страны, чем и заслужил тогда уважение своих противников в Нью-Йорке и своих коллег в центральном аппарате разведки. Поэтому по возвращении в Москву он и получил заслуженное назначение на должность начальника отдела.

А через два года, когда значительно увеличился поток разведывательной информации по атомной проблеме, Берия поставил перед Меркуловм вопрос об установлении новой должности заместителя начальника I Управления НКГБ, который отвечал бы за атомное направление и реализацию добываемых за границей разведматериалов по этой тематике.

— И кого же вы предлагаете на эту высокую должность? — поинтересовался нарком у Фитина.

— Начальника отдела Овакимяна. Два года назад он вернулся из Штатов. Прекрасно знает эту страну… Имел на связи больше десятка ценных агентов, многих из них вербовал сам. Да и здесь, в Центре, он зарекомендовал себя хорошим аналитиком по научно-технической разведке. К тому же он — ученый… доктор наук. Вот ему и карты в руки…

Меркулов, понимая, что начальнику разведки нужен именно такой «зам» — профессионал высокого класса, внесший свой личный вклад в разработку и осуществление многих крупных и сложных разведывательных операций, без колебаний согласился с доводами Фитина.

Назначение Овакимяна было воспринято всеми как должное: достойный авторитетный человек занял достойное его место. Значительно легче стало работать и Фитину: Гайку Бадаловичу он позволил самостоятельно решать многие государственной важности задачи, касающиеся создания отечественной атомной бомбы.

Генерал-майор Овакимян работал в те годы в полном смысле слова на износ, спал предельно мало, старался делать как можно больше и в установленные сроки.

После окончания войны, когда с должности руководителя разведки был неожиданно для всех по неизвестным причинам смещен П. М. Фитин, пошатнулось положение и Овакимяна. То ли что-то не заладилось у него с новым руководством, то ли в связи с очередной в 1947 году реорганизацией внешней разведки и образованием Комитета информации при МИДе СССР, генерал не только не получил назначения на должность, но и оказался вычеркнутым из списка действующих сотрудников разведки. И это после всего того, что он сделал для своей страны! Для разведки! Судите сами: Овакимян создал в Соединенных Штатах прекрасный задел эффективной и хорошо законспирированной агентурной сети во многих научных учреждениях, в которых велись секретные изыскания по созданию первой в мире атомной бомбы, вычислительной, радионавигационной и авиационной техники, а также в области химии и радиоэлектроники. С завербованными им до войны агентами продолжали многие годы работать известные советские разведчики Твен (С. М. Семенов), Антон (Л. Р. Квасников), Яковлев (А. А. Яцков) и Калистрат (А. С. Феклисов). И вот после 16 лет честной бескорыстной службы опытного разведчика-нелегала увольняют, не дав ему выслужить даже положенного срока до пенсии. Это была для него трагедия: рухнуло сразу все — и прошлое, и настоящее.

Когда об этом узнал министр химической промышленности СССР М. Г. Первухин, который был хорошо знаком с Овакимяном в период создания советского атомного оружия, то он пригласил его на должность директора Научно-исследовательского института № 94 — того самого НИИ, который в предвоенные годы давал оценку разведданных, добываемых в Германии и США разведчиком Геннадием.

Невзирая на эти изломы судьбы, Гайк Бадалович Овакимян до

конца жизни трудился добросовестно и самозабвенно, оставаясь всегда патриотом, верным гражданскому долгу и чести генерала-разведчика.

Мэтр Атомного шпионажа

До недавнего времени даже и не предполагалось, чтобы из архивов разведки с грифом «совершенно секретно» и «особой важности» можно было бы извлечь и рассекретить хотя бы одно дело. И только благодаря тому что в 1990 году была поставлена точка в истории «холодной войны», это стало возможным. С санкции бывшего руководства КГБ СССР с волнением открываю первый том личного дела резидента Антона и впервые узнаю о том, что Антон — Леонид Квасников — мой земляк, что у него много родственников в Туле и области, что ему по праву принадлежит исключительная роль в организации, становлении и укреплении нового направления разведки — научно-технической, в руководстве которой он находился почти двадцать лет. Что и говорить, Квасников в разведке — фигура крупного масштаба. Но рассказать о нем полно нелегко — многое в его жизни, по свидетельству тех, кто хорошо знал Квасникова, осталось не зафиксированным на бумаге и теряется в различных документах, разбросанных по оперативным делам с грифом «совершенно секретно» — «хранить вечно».

Он родился в 1905 году в семье железнодорожника на небольшой тогда станции Узловая Тульской губернии. Детские наблюдения за работой паровозов оставили неизгладимый след в его душе и навсегда привили любовь к технике. Именно любовь к паровозам и привела его в 1923 году в Тульский железнодорожный техникум. Учеба, общественная работа, занятия гимнастикой, лыжами поглощали все свободное время Квасникова. Так прошли три года. После окончания техникума работал в Орле помощником машиниста, потом техником депо — в Москве.

В 1929 году исполнилась его давнишняя мечта — он получил права машиниста. Ему стали доверять водить курьерские поезда.

Это было бурное и трудное время первых пятилеток. Ударными темпами строились крупные комбинаты, заводы, фабрики, создавались новые отрасли промышленности — авиационная, химическая, автомобильная. Стране потребовались инженерные кадры, способные управлять производством. По рекомендации трудового коллектива депо Квасникова направляют на учебу в Московский химико-технологический

институт им. Д. И. Менделеева. Он становится студентом механического факультета, который через два года преобразован в институт химического машиностроения.

В 1934 году, на год раньше своего курса, он с отличием заканчивает институт. Как отличника учебы Квасникова рекомендуют в аспирантуру, однако, считая, что без прочных знаний практики производства трудно стать настоящим ученым, он настоял, чтобы его распределили куда-нибудь. Ему предложили возглавить группу отдела главного механика Чернореченского химического комбината в городе Дзержинске Горьковской области. На место работы Квасников выехал уже семейным человеком: он женился на студентке МВТУ Антонине Чижовой, родители которой были ранее тесно связаны с В. И. Лениным.

Не успели они обжиться на новом месте, как вдруг в конце 1935 года последовало распоряжение Главного управления учебных заведений Наркомата тяжелой промышленности об откомандировании инженера Квасникова на учебу в аспирантуру. Но защититься ему не дали: в апреле 1938 года его вызвали в Центральный Комитет ВКП(б) и волевым решением направили на работу в органы НКВД.

* * *

На Западе в свое время много писали о том, как советская разведка овладела самой оберегаемой тайной Америки по созданию атомной бомбы. В книге Ладислава Фараго «Война умов» сообщалось об этом следующим образом:

> «…23 марта 1945 года работник советской разведки в Канаде встретился за завтраком с одним из своих источников… и пытался получить сведения о последних данных, касающихся радара, но источник сказал ему: «Радар больше не имеет значения. Теперь по-настоящему важна англо-американо-канадская попытка применить атомную энергию для военных целей…»

Так якобы советская разведка впервые узнала в 1945 году о важнейшем решении западных союзников создать атомную бомбу, после чего сведения о ней были переданы самому Сталину, и только тогда разведывательная машина Советского Союза сразу закрутилась…

Да, советская разведка приложила максимум усилий, чтобы получить сведения, которые были очень нужны России. Нужны не

только для того, чтобы определить поведение в свете этого нового открытия, но и, главным образом, чтобы снабдить советских ученых необходимыми данными для скорейшей реализации собственного атомного проекта. Но все это было достигнуто не в 1945 году, как пишет Л. Фараго, а гораздо раньше.

В 1940 году назначенный на должность начальника 16-го отделения (научно-техническая разведка) ИНО ГУГБ НКВД Леонид Романович Квасников, будучи человеком, близким к научным исследованиям, обратил внимание на тот факт, что со страниц многих журналов, выходящих за рубежом, стали постепенно исчезать публикации крупных ученых-физиков: Ферми, Гана, Штрассмана, Сциларда и других, регулярно печатавших свои научные статьи по проблемам ядерного распада. «Но почему они, интересно, замолкли?.. Скорее всего, потому, — размышлял Квасников, — что исследования по урану, которыми занимались видные ученые Запада, засекретили… Но это надо еще проверить…» Вскоре догадка Леонида Романовича подтвердилась сообщением нью-йоркского резидента Г. Б. Овакимяна о том, что он, независимо от Квасникова, тоже заметил исчезновение каких-либо открытых публикаций в американских научно-технических журналах о возможности использования огромного количества высвобождающейся энергии при делении ядер урана в целях создания взрывного устройства…

И Овакимян, и Квасников неплохо разбирались в научно-технических вопросах: первый был кандидатом химических наук, второй готовил диссертацию в аспирантуре Московского института химического машиностроения и одновременно работал в специальной комиссии академика И. И. Артоболевского по обследованию заводов Наркомата оборонной промышленности с целью выработки предложений по улучшению технологических процессов производства боеприпасов. Кроме того, Квасников предложил автоматизировать несколько операций технологии снаряжения артиллерийских снарядов. Его идея оказалась настолько удачной, что сразу же последовало решение об изготовлении опытных образцов. Но защитить кандидатскую диссертацию Квасников не успел: судьба распорядилась иначе — по указанию свыше он был переведен на работу в иностранный отдел НКВД.

Имея подтверждающие данные резидента Овакимяна об исчезновении на Западе публикаций ученых-физиков по урановой проблеме, Квасников без указания свыше инициировал посылку директивы резидентурам в США, Англии, Франции и Германии начать поиск научных центров, где могут вестись теоретические исследования и практические работы по созданию

суперсекретного атомного оружия, а также обеспечить получение оттуда достоверной развединформации.

И колесо завертелось…

Сначала пришел ответ из Германии: в донесении говорилось о том, что возле Пенемюнде в засекреченном исследовательском центре немцы разрабатывают дистанционно управляемые снаряды («Фау-1» и «Фау-2»), способные нести большой взрывной заряд. В феврале 1941 года резидентура в Нью-Йорке подтвердила правильность и своевременность поставленного Квасниковым задания: «…По сообщению агента Бир, ядерные исследования в США проводятся с некоторого времени секретно: ученые опасаются, что их публикации могут помочь немцам создать свою атомную бомбу…» Прочитав до конца шифровку, радости Квасникова не было предела: «Это надо же — как в воду глядел! Теперь главное — не сбиться, не затерять «атомный след»! А еще, — подумал он, — уговорить бы Фитина,[115] чтобы он не докладывал пока об этом наркому Берии…»

Когда Квасников обратился с этой просьбой к начальнику разведки, тот, загадочно улыбнувшись, спросил:

— А почему бы нам и не подстраховаться — не проинформировать его?.. Не дай бог, всплывет когда-нибудь содержание этой шифровки, и нам с тобой не миновать тогда лагерной пыли, а то и пули в лоб.

— Но если мы и проинформируем его, он же все равно не поверит! И обвинит еще в дезинформации. Уж я-то знаю его!

Квасников имел все основания отозваться так о Берии: однажды судьба уже сталкивала его с «железным наркомом». Было это в 1939 году, когда коричневая чума фашизма начала расползаться по всей Европе, и масса людей, спасаясь от варварства гитлеровцев, устремилась на территорию СССР. Для урегулирования вопроса о беженцах была создана советско-германская Контрольно-пропускная комиссия, в которую вошли представители различных наркоматов. От НКВД в нее вошел Квасников. В удостоверении, выданном ему Наркоматом иностранных дел СССР, говорилось о том, что он пользуется правом неприкосновенности, всеми прочими дипломатическими преимуществами и что ему предоставлено право многократного перехода советско-германской границы.

Для приема беженцев на советскую сторону Квасников не раз выезжал в Польшу, захваченную немцами, а в последней поездке в Варшаву у него произошла встреча с представителем грузинского католикоса Георгием Перадзе, который рассказал о том, что Берия с 1919 года поддерживал с ним связь, и потому попросил передать ему привет. Возвратившись из Польши,

Квасников на всякий случай передал Берии привет, а об остальном умолчал, но нарком почувствовал, что Перадзе мог рассказать и еще кое о чем, и потому не только лично, но и через своих ближайших помощников пытался выяснить, что еще говорил ему грузинский священнослужитель.

Квасников, конечно, понимал, что дамоклов меч уже занесен над его головой, и поэтому был непреклонен в своих однотипных ответах, утверждая, что один на один с Перадзе не встречался, а был лишь участником общей беседы, и потому ничего другого тот сказать ему в присутствии посторонних не мог. Берия же, не поверив утверждениям Квасникова, стал относиться к нему с неприязнью, и каждый раз, когда через него поступали особо важные разведданные, нарком тут же подвергал их сомнению, подозревая Квасникова в умышленной дезинформации.

Рассказав обо всем этом Фитину, Квасников пояснил:

— А потом, нет смысла докладывать ему. Мы же еще не имеем данных, где конкретно могут вестись атомные исследования и какие ученые привлечены к этому делу.

Фитин ценил энергичный, точный и правильный ум Квасникова и иногда даже сожалел, что этого внешне сурового, строгого и требовательного к себе и подчиненным, трудолюбивого человека в свое время отторгли от работы над диссертацией.

Прекрасно понимая, чего от него добивается Квасников, начальник разведки дружелюбно заметил:

— Вы, Леонид Романович, постарше меня и по возрасту, и по опыту работы, поэтому давайте-ка готовьте шифровку. Можете за своей подписью… Я вам полностью доверяю.

И снова только в резидентуры США, Англии, Франции и Германии за подписью Антона (псевдоним Л. Р. Квасникова) пошло указание: выявлять научные центры, в которых ведутся разработки по созданию атомной бомбы, на какой стадии они находятся и какие научные силы к этому привлечены.

В начале февраля 1941 года произошло разделение НКВД на два самостоятельных наркомата — внутренних дел и госбезопасности. Квасников, воспользовавшись тем, что НКВД стал возглавлять не Берия, а Меркулов, с согласия Фитина оперативно подготовил докладную записку, в которой убедительно, со знанием существа вопроса и с учетом возможного в ближайшее время развязывания Германией войны с Советским Союзом обосновал необходимость расширения заграничных резидентур, а также открытия новых самостоятельных подрезидентур и групп, специализирующихся на добывании научно-технической информации, особенно в тех зарубежных

НИИ и КБ, которые мобилизованы на создание средств вооружений. Тогда же, в 1941 году, по инициативе все того же Квасникова было принято решение о направлении в НТР молодых людей только с инженерным образованием, чтобы они могли разбираться в технологических процессах и понимать научную терминологию.

22 июня началась война с Германией. Для объединения усилий по обороне страны НКГБ и НКВД были слиты в один наркомат, который возглавил Л. П. Берия, а еще через два месяца пришел из Лондона ответ на запрос Центра об атомной бомбе. Это были ценнейшие материалы, в которых очень кратко сообщалось содержание представленного Уинстону Черчиллю особо секретного доклада Уранового комитета, а также информация о том, что идея создания сверхмощного оружия приобрела вполне реальные очертания. Что на совещании британского комитета начальников штабов приняты рекомендации о немедленном начале работ и изготовлении первых бомб через два-три года. Что английские физики определили уже критическую массу урана-235, а также сферическую форму заряда, разделенного на две половины, и установили, что скорость их соударения должна быть не ниже двух — трех с половиной тысяч метров в секунду. Что наиболее приемлемым способом отделения урана-235 от других изотопов является метод газовой диффузии.

Досконально изучив разведывательные данные из Лондона по просьбе Фитина, Квасников вместе с ним доложил информацию Берии. Первая реакция наркома была отрицательной: это, мол, «деза», нацеленная на отвлечение материальных, людских и научных ресурсов от удовлетворения насущных потребностей фронта, обеспечения его новейшими видами вооружений. Мало того, Берия еще и накричал на Квасникова, назвав его «бумагомаракой» и «умником».

— Тоже мне… выискался ясновидящий на мою голову! — заключил Берия.

Ни за что бы не сносить головы Леониду Романовичу, если бы за него не заступился начальник разведки: он убедил Берию, что это не Квасниковым, а резидентурой в Лондоне зафиксированы первые шаги, первые замыслы по созданию атомной бомбы. Что Квасников лишь помог разобраться во всей этой «научной зауми». Косный, чрезмерно подозрительный Берия не сумел сразу оценить колоссальный успех разведчиков в Лондоне и счел разведданные дезинформацией. Но когда в один пакет сошлись дневник немецкого офицера, захваченного в плен под Таганрогом, и научная экспертиза показала, что это были

математические расчеты по тяжелой воде и урану-235, а также письма Флерова и подосланный с курьером из Лондона полный доклад Уранового комитета (копия его была получена разведкой через агента Гомера[116] из знаменитой «большой пятерки»!), Берия решился сообщить это Сталину запиской и попросил Фитина доложить ее проект через два дня.

Подготовить записку было поручено Леониду Романовичу Квасникову. В основу ее он заложил мысль о том, что в СССР давно уже велись исследования по разработке способа использования атомной энергии урана для изготовления взрывчатых веществ (в примечании указывались имена ученых, занимавшихся вопросами расщепления атомного ядра). В той же записке Квасников указал, что агентурным пугем получены достоверные данные о развернувшейся научно-исследовательской работе по созданию урановой бомбы в Англии, США, Франции и Германии и что исходя из важности и актуальности проблемы практического применения атомной энергии урана-235 для военных целей целесообразно:

> 1. Проработать вопрос об образовании при ГКО СССР полномочного или научно-совещательного органа из авторитетных лиц, которые могли бы координировать и направлять работу всех ученых и научно-исследовательских организаций, занимающихся урановой проблемой.
> 2. Обеспечить секретное ознакомление с материалами разведки по урану узкого круга лиц из числа видных ученых и специалистов с целью дачи ими оценки развединформации и соответствующего ее использования.

Практически Л. Р. Квасников в подготовленном им проекте записки предвосхитил создание знаменитой Лаборатории № 2 (впоследствии — Институт атомной энергии имени И. В. Курчатова).

Когда Квасников показал проект записки Фитину, тот после ее прочтения заметил:

— А может, не надо указывать в примечании, что вопросами расщепления атомного ядра в СССР занимались ранее профессор Слуцкий в Харькове, академики Капица в Москве и Скобельцын в Ленинграде? Эти имена для Сталина сейчас ничего не значат… Да и Берия неизвестно как отнесется к этому…

— Известно как! Вскипит опять. Я настаиваю, Павел Михайлович, оставить все как есть!

— Но я хочу понять, почему ты настаиваешь на этом? Мне же

придется убеждать наркома, иначе он просто выбросит это примечание…

— Хорошо, хорошо, я поясню. Примечание нужно не столько для Берии, сколько для Сталина. Он должен наконец понять, что наша страна не по вине ученых вынуждена приступить к развертыванию работ по ядерной физике с опозданием в два года. Ведь Сталин, а не кто-то другой, боясь прослыть агрессором, наложил в свое время вето на исследования Флерова, Петржака, Гуревича, Зельдовича, Харитона. Они еще в 1939 году начали заниматься теоретическими изысканиями по урану. Но в тот период у них не было веса в ученом мире, поэтому я и привел фамилии трех физиков-атомщиков. Каждый из них, я как бы даю понять, способен возглавить какое-то направление в атомной физике или даже руководить научно-совещательным органом при ГКО…

— Вот теперь это звучит убедительно! — воскликнул Фитин. — И если бы я пошел сейчас с твоей запиской на доклад прямо к вождю, то наверняка убедил бы его… А вот Берия станет камнем преткновения! И как он поведет себя на докладе в Кремле, никто из нас не будет знать…

— Интуиция подсказывает мне, что товарищ Сталин в этот раз отнесется к разведданным с полным пониманием. Тем более что они перекрываются дневником немецкого офицера и доводами, изложенными во втором его письме…

Совершенно секретные материалы разведки, полученные агентурным путем из Англии и приложенные к записке, сыграли определяющую роль при выборе Сталиным решения — начинать или не начинать в Советском Союзе работы по созданию атомной бомбы. После этого состоялось специальное заседание ГКО. И хотя над ним довлели заботы о более непосредственных задачах науки, связанных с войной, о ее долге перед фронтом, было принято решение: немедленно приступить к разработке отечественной атомной бомбы. Программу по ее созданию возглавил И. В. Курчатов, а куратором от Советского правительства был назначен В. М. Молотов. По линии разведки ответственным за обеспечение секретности материалов и реализацию разведданных стал, естественно, Л. Р. Квасников.

С этого времени он поселился на Лубянке в доме № 2, где забот у него сразу прибавилось: помимо организации разведывательной работы жизнь заставила заняться изучением поступавших из резидентур многочисленных материалов в виде математических формул, схем и чертежей по урановой проблеме. С учетом их особой важности Квасников поставил перед собой задачу разработать и ввести жесткую систему секретности, не

позволяющую никому, кроме заинтересованных лиц, знать о том, что Советский Союз тоже приступил к работе над атомным проектом.

Поступавшая из Великобритании развединформация по урановой проблеме докладывалась только академику И. В. Курчатову, причем самим Квасниковым (так распорядился нарком Берия, которому Фитин сообщил о том, что Леонид Романович как человек, закончивший аспирантуру, хорошо разбирается во многих научных вопросах). Впоследствии в этом легко убедился и сам Курчатов: он был удивлен, что сотрудник разведки, доставлявший ему под расписку информацию, легко владеет редкими в то время терминами, такими, как «сечение захвата нейтронов», «разделение изотопов урана диффузией, центрифугальным и электролизным методом», «трансурановые элементы», и многими другими. Возможно, только благодаря этому у них с первых дней сложилось полное взаимопонимание, несмотря на то что Квасников обязывал академика расписываться за полученные от разведки материалы, будь то документы на английском языке или переведенные на русский язык с пометкой «подлежат возврату».

В целях конспирации И. В. Курчатов по его указанию не должен был даже ближайшим своим коллегам рассказывать об информации, полученной по каналам разведки. Все отзывы, оценки, а также последующие задания ведомству Фитина представлялись Игорем Васильевичем только в рукописном виде — ни секретарей, ни машинисток, ни своих непосредственных помощников он посвящать в эти вопросы не имел права. Все было строго засекречено, и в то же время была прекрасно отлажена обратная связь — никто из сотрудников нью-йоркской или лондонской резидентуры не знал, что задания и оценка их разведданных давались академиком Курчатовым, имя которого как руководителя советского атомного проекта было в то время строго засекречено и известно лишь высшему руководству страны и узкому кругу ученых-физиков.

Возвращаемые от Курчатова агентурные материалы разведки, представленные в подлинниках, подшивались в дело «Энормоз» (в переводе — чудовищный, колоссальный), а если это были вторые или третьи экземпляры, то, по указанию Квасникова, они уничтожались специально созданной комиссией. Благодаря такой вот четко отлаженной системе учета документов и соблюдения норм конспирации в работе с ними ни одна спецслужба Запада не имела представления о том, что в Советском Союзе тоже начали работать над атомной бомбой.

* * *

Летом 1942 года Центр получил из Нью-Йорка шифровку с грифом «срочно» — «особой важности». В телеграмме сообщалось о том, что к агенту-групповоду Луису[117] обратился знакомый ему ученый-атомщик Артур Филдинг[118] из Чикагского университета с просьбой вывести его на кого-нибудь из советских людей, работающих в Амторге. При этом Филдинг заявил о том, что он хотел бы передать русским сверхсекретную информацию о начавшихся в США разработках супероружия и что они должны узнать об этом как можно раньше, ибо одностороннее владение может привести мир к вселенской катастрофе. Руководитель резидентуры в Нью-Йорке высказал в шифровке предположение, что речь может идти скорее всего об американо-английском проекте урановой бомбы. Заканчивалась шифровка следующими словами:

> …В процессе беседы с Фиддингом у Луиса сложилось твердое убеждение, что тот действительно намерен нам искренне помочь…

Начальник разведки, прочитав доложенную Квасниковым шифровку, спросил:

— Ваши предложения, Леонид Романович?

— Я полагаю, что такого шанса нам упускать никак нельзя! Надо давать санкцию, Павел Михайлович. Интуиция подсказывает мне, что о таких кандидатах на вербовку можно только мечтать. Тем более сейчас, когда перед нами особенно остро поставлена задача по проникновению в тайны «Манхэттенского проекта».[119] А как нроникать в него, если в нью-йоркской резидентуре нет ни одного более или менее подходящего кандидата на вербовку? Да и вообще информационный поток по научно-технической линии с отъездом из США Овакимяна заметно снизился… Меня это очень беспокоит…

На секунду задумавшись, Квасников робко спросил:

— Послушайте, Павел Михайлович, а что, если мне самому поработать в Нью-Йорке, чтобы как-то поправить создавшееся там положение по линии НТР?.. А потом, надо же когда-то и мне поработать в «поле».[120]

Начальник разведки молчал.

— Вы же сами не раз подчеркивали, — продолжал Квасников, — что в условиях войны роль НТР в деле обеспечения науки информацией оборонного и народнохозяйственного значения во сто крат возрастает.

Фитин по-прежнему молчал.

— А что касается вербовки Филдинга, — продолжал Леонид Романович, — то надо, конечно, давать «добро». Кто знает, возможно, это будет еще один, теперь уже американский, Чарльз, [121] с помощью которого мы можем решить задачу, поставленную наркомом…

— Да, Леонид Романович, умеете вы уговаривать начальство. Ладно, я принимаю ваши доводы, но учтите — в случае чего отвечать будем вместе.

— О чем вы говорите, Павел Михайлович! — воскликнул Квасников. — Положитесь на мою интуицию: я убежден, что все будет о'кей!

— Ну хорошо, готовьте в Нью-Йорк шифровку с нашим согласием. А что касается вашего желания поработать в «поле», то я попробую об этом переговорить с наркомом…

Начальник разведки сдержал свое слово.

Сов. секретно.

Наркому внутренних дел Союза ССР Генеральному Комиссару государственной безопасности т. Берия.

РАПОРТ

Для усиления работы американской резидентуры прошу Вашей санкции командировать в США следующих сотрудников 1 Управления НКВД СССР:

1. т. Квасникова Леонида Романовича в качестве руководителя нью-йоркской резидентуры по НТР с задачей организации группы технической разведки на должность уполномоченного Наркомхимпрома СССР;

2. т. Дорогова Василия Георгиевича — для работы по обслуживанию советской колонии на должность атташе Посольства СССР в Вашингтоне.

Фитин.

1 октября 1942 г.

На рапорте наложена резолюция Кобулова:

Прошу оформить.

2. X.42.

В конце того же года под прикрытием сотрудника

«Международной книги» Л. Р. Квасников выехал из Москвы в США. В Нью-Йорк он прибыл в начале марта. Приняв от руководителя резидентуры В. М. Зарубина все дела по научно-технической разведке, Леонид Романович внимательно изучил их и когда освоился с оперативной обстановкой, то пришел к ожидаемому, но неуютному для аса разведки Зарубина выводу: НТР у него оказалась на втором плане, а на первом — политическая разведка. Молодые сотрудники, прибывшие годом раньше в Нью-Йорк, А. С. Феклисов и А. А. Яцков, которым предписывалось вести научно-техническое направление, использовались в основном «на побегушках», имея на связи всего по два агента. В то же время у многоопытного Твена[122] их было в десять раз больше, и половина из них работала опять же на политическую разведку. Это и послужило поводом для серьезного, принципиального разговора тогдашнего майора Квасникова с весьма уважаемым резидентом, легендарным генералом Зарубиным:

— Я был направлен в Нью-Йорк с сугубо определенной целью. Во-первых, чтобы обеспечить руководство научно-технической разведкой, привести ее в полное соответствие с требованиями оборонной промышленности в военное время. Для этого я должен организовать самостоятельную группу НТР и подобрать кандидатов в Лос-Анджелесе, Вашингтоне и Сан-Франциско. В нью-йоркскую группу должны войти четыре человека: я, Семенов, Феклисов и Яцков. При этом мы должны иметь своего шифровальщика и свою автономную связь с Центром, то есть право прямой переписки с Москвой…

— Стоп, Леонид Романович, — остановил Квасникова взмахом руки Зарубин. — Со всем я согласен, кроме одного: Семенова я тебе не отдам. Он хорошо вписался в политическую разведку и потому…

— И потому, — подхватил с возмущением Квасников, — я буду настаивать на том, чтобы вернуть его в НТР, как это уже было при Овакимяне.[123] Твен приносил тогда стране гораздо большую пользу, чем сейчас, когда вы используете его — бакалавра технических наук — в основном по линии ПР.[124] Я расцениваю это как недопонимание или даже как непризнание с вашей стороны растущей роли НТР в условиях войны. К вашему сведению, Центр обязал меня срочно добыть информацию по применению ультрафиолетовых лучей. Они имеют ряд преимуществ перед звуковыми радиоволнами, которые, как показали военные действия, могут улавливаться противником и забиваться. Это во-первых. Во-вторых, мне необходимо получить данные по создаваемому в Америке самолету, управляемому на

расстоянии. Для выполнения этих двух заданий я намерен подключить именно Твена. Только он, и никто другой, имеет для этого соответствующие возможности: опыт, изобретательность и умение находить нужных и надежных людей.

— И все же… — начал было Зарубин, намереваясь убедить Квасникова в том, чтобы оставить Твена за своей резидентурой.

Но Квасников был непреклонен. Будучи человеком твердым, обладающим независимыми взглядами, избавленными от посторонних влияний, он в тот же день направил шифротелеграмму Берии с заявлением о том, что резидент Зарубин частично оголил научно-техническую разведку и не стремится укрепить ее оперативно грамотными сотрудниками. Проявив тогда присущую ему настойчивость и принципиальность, Квасников все же взял под свое крылышко многоопытного Твена.

Особое значение с первых дней работы в Нью-Йорке Квасников стал придавать организации надежной связи с источниками и вопросам конспирации. Даже в стенах консульства он приучал подчиненных вести разговоры шепотом, не называя фамилий и псевдонимов агентов. Если же возникала в этом необходимость, то обязывал писать их на листках бумаги, которые потом сразу же сжигались. Самым уязвимым в работе разведки является передача секретных материалов от агента к разведчику. Квасников начал активно подключать к этому процессу связников. Знал он также, что агентам иногда приходилось выносить со своей работы огромный объем материалов — до полутора тысяч страниц, которые после перефотографирования в консульстве тут же следовало возвращать обратно, на объект. При этом нельзя было исключить, что заинтересованные спецслужбы могли обнаружить их отсутствие. Или агент мог попросту потерять документы при транспортировке.

И в этой связи Квасников предложил самим агентам фотографировать документы у себя на работе, что позволяло бы передавать сведения на непроявленной пленке. При возникновении же опасности пленку можно было легко засветить. Но главное — теперь отпадала необходимость встречаться дважды в день и расхаживать агенту по улицам с особо секретными материалами. К тому же подобное нововведение способствовало созданию более спокойных, нормальных взаимоотношений агента с разведчиком.

В целях той же безопасности Квасников постоянно обращал внимание подчиненных на обнаружение возможной слежки со стороны ФБР, а также на умение выявлять осведомителей американских спецслужб из числа сослуживцев и соседей по

месту жительства.

Поэтому не случайно каждая встреча-беседа Квасникова с подчиненными начиналась с обычного вопроса-напоминания:

— Ну, как дела? Не ходят ли за тобой филеры?

Эта забота Квасникова о неукоснительном соблюдении разведчиками и агентами норм конспирации положительно сказалась на результатах работы всей резидентуры: в Центр стало поступать значительно больше материалов по делу «Энормоз», по радиоэлектронике, без использования которых вообще невозможно было вести работы по созданию атомной бомбы. Тогда же были получены разведывательные материалы, позволившие советским конструкторам создать скоростные самолеты типа ХР-59, ХР-80 и 83, П-81, 1–16, 1–40 и Т-9–180. А информация по радиолампам, радарам и сонарам явилась основной базой для развития такой отрасли советской радиопромышленности, как радиолокационная техника. Поэтому в характеристике, направленной в Центр из Нью-Йорка в 1944 году, отмечалось:

> …«Антон» — знающий, принципиальный и требовательный руководитель, сумевший за короткий срок хорошо организовать работу секции,[125] добиться высоких результатов в расширении стажерской[126] сети и добывании ценнейшей информации по линии ХУ.[127] За полтора года его работы в Тире секция приобрела шесть стажеров, три из них — по «Энормозу».
>
> К сожалению, по указанию Микояна «Антон» недавно назначен руководителем крупного отдела «Амторга», куда помимо «Международной книги» вошли еще два самостоятельных направления: издательская деятельность и отдел технической информации. Учитывая большую загруженность «Антона» в работе секции, просим освободить его от этих дополнительных функций и полагали бы возможным наградить его личным оружием.
>
> *«Май».*[128]
>
> *21.03.44 г.*

В Центре же не только прислушались к мнению Мая, но и оценили заслуги Квасникова гораздо выше: в представлении его к награждению орденом Красной Звезды говорилось:

> …Тов. Квасников принес огромную пользу

> укреплению оборонной мощи нашего государства. Возглавляемое им подразделение разведки сэкономило стране не одну сотню миллионов госсредств. Им было положено начало получения документальных материалов о производстве ядерных взрывчатых веществ и конструкции американской атомной бомбы, добыто много ценной информации по вопросам радиоэлектроники, аэродинамики и химии…

Вскоре после издания Указа Президента Верховного Совета СССР Центр телеграфировал Антону свои поздравления с награждением орденом Красной Звезды и присвоением ему очередного воинского звания — подполковника госбезопасности.

Но, очевидно, не зря говорят: жизнь — что тельняшка, в ней светлые полосы чередуются с черными. Не прошло и двух месяцев, как в резидентуру пришло письмо иного содержания. Дело в том, что Квасников в условиях заграницы старался всегда оперативно принимать собственные решения, увязывая их со здравым смыслом и считая, что ему на месте виднее, чем кому-либо другому за десятки тысяч километров от Нью-Йорка. Он прекрасно понимал, что можно сделать самому, а что необходимо согласовать с Центром, что может получиться удачно, а что — неудачно. Поэтому когда потребовалось срочно решить вопрос об оказании материальной помощи источнику Линзе в связи с переездом ее на другую конспиративную квартиру, то Квасников, не имея времени на согласование с Центром, отдал личное распоряжение выплатить ей 500 долларов. Это и вызвало неоднозначную оценку Центра: в присланном Антону письме сообщалось о том, что «за самовольную выдачу «Линзе» денег, за необдуманность и поспешность, которые могут способствовать развитию у нее иждивенческих настроений» Квасникову объявляется выговор…

Но не таков был Квасников, чтобы молча проглотить пилюлю и делать вид, что все так и должно быть. Нет, он никогда не терпел несправедливости, лжи и обмана и потому сразу же написал письмо на имя начальника внешней разведки:

> Тов. Виктор! Я отлично сознаю, что Дом[129] несет ответственность за работу нашей Конторы,[130] но не меньшую ответственность несут и ее оперработники, и в первую очередь ее руководитель. Поэтому я не могу безропотно согласиться с постановкой вопроса о необходимости беспрекословного выполнения всех указаний, исходящих из Дома. В ваших указаниях иногда тоже могут быть не до конца продуманные выводы в

силу разных причин. В таких случаях в целях лучшего разрешения вопроса Дом и Контора не только должны, но и обязаны спокойным тоном высказывать свои мнения и вносить конкретные предложения. К сожалению, наши встречные предложения зачастую рассматриваются как дискуссионные или даже наказуемые, хотя все прекрасно понимают, что нам тут, на месте, всегда бывает виднее. И если это так, то, наверно, надо считаться с этим и не забывать о тоне своих указаний, а порой и ничем не мотивированных наказаний.

Тов. Виктор! Я достаточно хорошо знаю Вас, и Вы тоже неплохо знаете меня, и это дает возможность высказать одно полезное соображение: наши взаимоотношения должны быть более товарищескими, они должны способствовать лучшему взаимопониманию, а потому прошу Вас отменить не заслуженный мною выговор. Созданием конспиративной квартиры резидентура проделала весьма полезную работу, она повысила конспирацию встреч с весьма ценным агентом, и промедление с переездом Линзы было чревато опасными последствиями.

С уважением, Антон.

А чтобы как-то подкрепить свое право на такое смелое обращение к руководству разведки, Квасников через две недели направил в Центр годовой отчет о результатах работы резидентуры по линии НТР.

Вот лишь некоторые красноречивые выдержки из него:

1.. Артиллерия нашей страны во всех ее формах — от легкой до тяжелой — не только не уступает, но и в большинстве случаев превосходит этот вид вооружения в США. Поэтому нас интересовали не столько сами орудия, сколько взрывчатые вещества, применяемые и разрабатываемые в США. Особое внимание мы уделяли добыванию информации, связанной с «Знормозом».

Сложнейшие по своему техническому замыслу и грандиозные по своей значимости научные разработки по делу «Энормоз» проводятся совместно с Островом.[131]

Задания Бородина[132] по этой проблеме нам удавалось выполнять благодаря Чарльзу, Персею,[133] Калибру и Рэду. Для вспомогательных целей активно использовались Арно, Лесли, Стар, Линза и Объектив…

2…По скоростным летательным аппаратам США

достигли колоссальных результатов. Информация по всем тактическим и эксплуатационным характеристикам новых американских самолетов нами постоянно направлялась в Центр и получала всегда высокую оценку…

3…Радары — новое достижение научной мысли, революция в вопросах определения и обнаружения противника, в точности управления огнем, в автоматизации различных видов вооружения. Добытые образцы и разведданные по наземным, самолетным и морским радарам окажут неоценимую помощь в сегодняшних и перспективных разработках средств связи…

4…Все материалы, направленные мною в Центр и не востребованные до сего времени, прощу сберечь. По возвращении из Тира[134] готов лично заняться их реализацией…

Информация по атомной бомбе, полученная резидентурой Квасникова, довольно высоко оценивалась И. В. Курчатовым. Он с первых дней признал, что данные разведки «указывают на технические возможности решения всей проблемы в *значительно более короткие сроки, чем думают наши ученые, не знакомые с ходом работ по этой проблеме за границей».* Заместитель Курчатова по советскому атомному проекту В. В. Гончаров считал, что *«вклад разведки неоспорим, многих тупиков и ошибок удалось избежать…»*. Такого же высокого мнения придерживался и академик А. Ф. Иоффе: «… *получаемая нами информация всегда оказывалась точной и, большей частью, всегда полной, наличие такой информации на много месяцев сокращает объем нашей работы и облегчает выбор направлений, освобождает от длительных поисков. Я не встречал пока ни одного ложного указания…»*

Если во время Великой Отечественной войны ФБР занималось выявлением и пресечением разведывательной деятельности в основном немцев, японцев и итальянцев, то уже после победы Советского Союза над Германией ситуация резко изменилась: американские спецслужбы все свои усилия переключили на борьбу с русской разведкой и русскими шпионами. Около представительства СССР при ООН и Амторга, у посольства в Вашингтоне и у Генконсульства в Нью-Йорке появились закрытые посты наружного наблюдения. Слежка стала вестись постоянно за Твеном, спорадически — за Калистратом[135] и за самим Квасниковым. Об этом, как

положено, он проинформировал Центр, реакция которого была совершенно неожиданной:

> В связи с резким осложнением оперативной обстановки в Тире срочно откомандировать Твена в Аттику[136] и законсервировать работу с наиболее ценной агентурой до особого распоряжения. Возможность восстановления с нею связи допустима только с санкции Центра и при условии, если у источника возникнет необходимость сообщить нам экстренную информацию.
>
> *Петров.*[137]

Прочитав шифровку, Квасников задумался: «Скорее всего, это перестраховка. С одной стороны, она вроде бы оправдана заботой о безопасности сотрудников резидентуры и тех агентов, которые оказали немало услуг советской разведке. А с другой стороны, это нарушит регулярное поступление разведывательной информации и отлаженный годами ритм и режим работы с агентами. Некоторые из них прекращение связи могут расценить как проявление недоверия и, получив интересующие разведку материалы, уничтожить их из опасения длительное время хранить дома… А как быть со связниками, которые втянулись в постоянную работу с нами и уже не мыслят себя без нее? Агентуре, еще куда ни шло, перенести этот временный разрыв можно — с некоторыми из них мы и раньше встречались нечасто: раз в три месяца. А вот связники каждую неделю по два-три раза контактировали с источниками и доставляли разведке ценнейшую информацию. Надо же знать психологию этих людей, прежде чем отказывать им в активной работе! А расслабляться и терять бдительность им сейчас никак нельзя! Да, это непродуманное и оперативно неграмотное указание! Оно может иметь самые негативные последствия для функционирования такого сложного и весьма чувствительного к волевым решениям организма, каким является разведка…»

Эти тревожные размышления вынудили резидента Квасникова вступить в долгую переписку с Центром и доказывать, что нельзя прерывать связь с вспомогательными источниками и с агентами-«атомщиками», поскольку это может замедлить ход работ по созданию отечественной атомной бомбы. Приводил он и другие аргументы, но, увы! Из Центра не последовало никакого ответа. Квасников посчитал, что его мнение, очевидно, ничего не значит для Москвы и, в конце концов не выдержав, обратился к начальнику разведки с письменным рапортом:

В течение последних двух с половиной лет по не известным мне причинам я ни разу не получал писем от своих родственников из Тулы и от родителей жены из Подольска. Учитывая это обстоятельство, а также неиспользованный отпуск за 1943–1945 гг., прошу предоставить мне возможность поехать с семьей в Советский Союз.

Квасников.

4.08.1945 г.

Ответ из Центра поступил через два месяца: в нем сообщалось о том, что в связи с возросшей активной деятельностью американских спецслужб против советских загранучреждений руководством Наркомата госбезопасности принято решение об отзыве Антона домой для работы в I Управлении НКГБ СССР.

В конце октября Квасников с семьей отбыл из Америки на пароходе «Натан Тоусон», державшем курс на Мурманск. В Москву он прибыл лишь в конце декабря и сразу же после Нового года вышел на работу. Остро переживая за последующую разведывательную деятельность нью-йоркской резидентуры и за оставшегося вместо него в качестве ее руководителя А. А. Яцкова, Леонид Романович попросил начальника разведки принять его в тот же день.

Генерал-лейтенант Фитин принял его сразу. После традиционного начала разговора о жизни и об обстановке в Америке Фитин вдруг как-то по-домашнему обратился к нему:

— По глазам вижу, вы, Романыч, чем-то озабочены…

— Да, Павел Михайлович, вы угадали, — ответил Квасников. — Я усомнился в целесообразности и правильности указания Центра, направленного мне в Нью-Йорк четыре месяца назад.

— Что вы имеете в виду?

— О временном прекращении связи с агентурой. Мне очень хотелось бы знать, кто был инициатором такого необдуманного решения?!

Фитин, прижав указательный палец к губам, остановил его. Затем, взяв карандаш, размашисто написал на листке бумаги: «Прошу быть поосторожнее. Стены могут иметь «уши»…

Прочитав это, Квасников взял у Фитина карандаш и на том же листке быстро нацарапал: «Спасибо, я понял. Но все же — кто?»

В ответ Фитин черкнул: «По личному указанию Л. П. Б.[138]

шифровку готовил сам Меркулов». Квасников: «Но почему не сведущие в разведке люди так бесцеремонно вмешиваются в ее тонкие дела?» Фитин: «По-моему, так было всегда». Когда Квасников прочитал это, начальник разведки чиркнул спичкой и сжег листок с записями, затем осторожно собрал пепел и бросил его в коробку, лежавшую на дне сейфа.

— Лишь крайние обстоятельства, Леонид Романович, вынудили нас направить в загранточки такое указание, — тихим голосом продолжил Фитин. — Оно было продиктовано стремлением сохранить наших закордонных источников для дальнейшей работы.

— Но вы же прекрасно знаете, что в разведывательном процессе перерыва не должно быть. Я не могу себе представить, как можно прекращать работу таких связников, как Лесли, Линза, Стар или Объектив. Если это произойдет, то советские ученые, работающие над созданием атомной бомбы, не получат от разведки в течение года никакой информации. Я настоятельно прошу вас, Павел Михайлович, правильно понять меня: нельзя отстранять связников от активной работы. Они же этим живут! И требовать от них, чтобы они прекратили работу с агентами-групповодами, — это просто глупо! Мы можем так навсегда потерять их для разведки!

— Не надо нервничать, Леонид Романович. Постарайтесь сделать для них с позиций Центра все необходимое. Надо обязательно найти возможность оказать им материальную и моральную поддержку. И посоветуйтесь, пожалуйста, с Овакимяном, что можно еще сделать для дела «Энормоз». Ну, а что касается указания, — Фитин развел руками и улыбнулся: мол, не взыщи, мы все ходим под Берией и его верным сатрапом Меркуловым! — то надо выполнять… Вопросы еще есть?

— Какие после этого могут быть вопросы! — безнадежно махнул рукой Квасников, поднимаясь из-за приставного столика. Высокий, плотного телосложения, он две-три секунды постоял в задумчивости, что-то припоминая, и, когда вспомнил, снова опустился на стул, — Извините, Павел Михайлович, но все же есть один вопрос…

— Да, пожалуйста.

— Скажите, есть ли сейчас в Центре невостребованные материалы по линии НТР, которые направлялись из нашей резидентуры? Я почему-то склонен считать, что какая-то часть агентурных подлинников, исключая, конечно, те, которые шли по делу «Энормоз», остались лежать в сейфах мертвым грузом.

— Да, есть такие! Они даже до сего времени не переведены на русский язык.

— А кому было поручено это делать?

Фитин бросил на Квасникова чистый, пронизывающий взгляд: что, интересно, он задумал?

— Три месяца назад, — наконец начал медленно рассказывать Фитин, — мы у себя в управлении создали отдел «С» специально для перевода, обработки и реализации скопившихся агентурных материалов — как по делу «Энормоз», так и по другим научно-техническим вопросам. Это — одна из первых его задач. Вторая — выявление и розыск ученых в освобожденных от гитлеровцев странах и вывод их в СССР, чтобы они у нас занимались разработкой проблем урана, радиолокации, телевидения, высоких частот и так далее. Но, к сожалению, этот отдел, по сей день возглавляемый генералом Судоплатовым, наших надежд не оправдал. Американцы намного раньше нас подготовились к аналогичной акции на территории Австрии и Германии. Они шли по этим странам вместе со своими передовыми воинскими частями, выискивая заранее научные учреждения, оборонные предприятия и забирая по ходу все, что им было нужно. Я имею в виду ученых, специалистов, различное оборудование, приборы и даже целые лаборатории. Должен, к сожалению, заметить, что большинство немецких и австрийских ученых и специалистов боялись русских, и потому с захваченных советскими частями территорий они сами уходили к американцам. В итоге результаты отдела «С» оказались более чем скромными, и что-либо серьезное в разведывательном плане сделать не удалось… Не смог наш Судоплатов вовремя развернуться…

Фитин на некоторое время умолк, посмотрел на Квасникова долгим взглядом, а затем продолжил:

— Не удалось ему решить и первую задачу по реализации агентурных материалов, поступавших не только из вашей резидентуры, но и из многих других загранточек. Возможно, это произошло потому, что мы создали практически два параллельных аппарата — отдел «С» и одиннадцатый отдел, которым руководит известный вам Лев Петрович Василевский. Он же, кстати, является и одним из заместителей Судоплатова. Так вот, подразделение Василевского тоже занимается реализацией разведывательных материалов. Потому и получилось, что у семи нянек дитя оказалось без глазу…

— А вы не позволите мне, Павел Михайлович, быть единственным нянькой этих бесценных документов, ради получения которых мы за кордоном тратили столько нервов, сил и ума?! Я уж не говорю о материальных средствах и большом риске наших разведчиков, агентов и их связников, чтобы добыть

эти сведения. В самом деле, дайте санкцию на передачу мне по реестру всех скопившихся невостребованных материалов по линии НТР. Сейчас, когда наша страна переживает трудный период восстановления разрушенной войной экономики, я найду потребителей нашей информации! Дайте только в помощь пару-тройку человек для перевода и обработки наших документов. Надо же спешить, ведь недавние взрывы американских атомных бомб в Японии понадобились США для того, чтобы положить начало беспримерному атомному шантажу СССР…

Начальник разведки одобрительно закивал, еще раз убеждаясь в том, что Квасников — государственно мыслящая личность.

— Наши желания, Леонид Романович, совпадают, — заметил он. — Мы тоже хотели бы, чтобы именно вы возглавили эту работу. А поскольку вам придется иметь дело с членами Спецкомитета по атомной бомбе, с руководителями различных НИИ и КБ, мы назначим вас заместителем начальника одиннадцатого отдела… Возражений не будет?

Квасников на знал, что ответить: ему очень хотелось вернуться в свое родное подразделение, где он всегда чувствовал себя как рыба в воде. Ему же предложили работать в одиннадцатом отделе, о котором он не имел никакого представления — в момент его создания Леонид Романович находился в пути из Америки в Европу. Потому и спросил:

— А что это за отдел? Техническая разведка или нет?

— Да, это НТР. Как раз по вашему профилю.

— Тогда согласен.

* * *

К работе в одиннадцатом отделе Квасников приступил после небольшого отпуска — догулять его полностью не позволяла совесть: в процессе беседы с Фитиным он понял, что после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки отношение к атомному проекту в высших эшелонах власти изменилось — появилось ощущение срочности и неотложности форсирования программы создания собственной атомной бомбы. В этом Леонид Романович убедился, когда начал лично передавать Курчатову, Кафтанову, Первухину и Малышеву разведывательную информацию по атомной проблеме и по другим направлениям науки и техники. Служебное положение Квасникова давало ему право встречаться с самыми высокопоставленными лицами — членами ЦК, министрами, академиками, руководителями научных учреждений

и даже принимать участие в работе союзных партийных пленумов и правительственных заседаний, на которых рассматривались вопросы научно-технического прогресса.

Отслеживая, как использовалась разведывательная информация, кого с ней знакомили, какого содержания накладывались на документах резолюции и какой вклад она вносила в развитие науки и техники, Леонид Романович с присущей ему настойчивостью и энергичностью добивался признания растущей роли НТР в обеспечении различных научно-исследовательских и конструкторских разработок передовыми сведениями оборонного и народнохозяйственного значения.

Перехватив инициативу в реализации той части агентурных материалов, которая скопилась в отделе Судоплатова, Квасников тем самым дал понять руководству МГБ СССР о нецелесообразности функционирования двух параллельных аппаратов. С ним согласились, и с учетом того, что отделу «С» так и не удалось развернуть свою работу и достичь каких-либо серьезных результатов по атомной проблеме, Фитин дал указание Квасникову подготовить об этом записку на имя министра Абакумова. Леонид Романович, будучи человеком несколько капризным, сначала заупрямился: «Почему это должен делать я?» Но потом, когда начальник разведки объяснил, что Судоплатов пытается присвоить себе славу атомных разведчиков, наконец согласился. И в октябре 1946 года отдел «С», просуществовав всего год, был упразднен.

Тогда же П. М. Фитин вышел с предложением к Председателю Спецкомитета по атомной бомбе Л. П. Берии о награждении орденами небольшой группы сотрудников научно-технической разведки, среди которых был и Квасников.

— О какой награде вы говорите, Павел Михайлович? — возмутился Берия. — Я вашего Антона собираюсь в подвал спустить как вредителя, а вы предлагаете наградить его орденом?! Бомбы-то у нас до сих пор нет! Где же она, ваша НТР?!

Фитин уловил, что Берия по-прежнему относится к технической разведке настороженно и неодобрительно. Мало того, он недвусмысленно намекнул ему тогда, что если Квасников будет иметь свое мнение, то долго в разведке усидеть не сможет. Так оно впоследствии и получилось. Когда начальник отдела «С» генерал-лейтенант П. А. Судоплатов и его заместители генерал-лейтенант А. З. Кобулов и генерал-майор Н. И. Эйтингон узнали, кто был инициатором упразднения их подразделения, они встретили это с явным раздражением. Министр Абакумов, вместо того чтобы приглушить вспыхнувшее недовольство авторитетных генералов, сообщил о возникшей коллизии самому Берии. Тот

решил, что наилучшим выходом из создавшегося положения может стать перемещение Фитина в какой-нибудь периферийный орган: «А то он что-то долго засиделся в Центре…»

— Что касается награждения Квасникова, то такие люди — деятельные, с самостоятельным мышлением — нам сейчас особенно нужны! Поэтому дайте ему какой-нибудь орденок. Фитин прав: Квасников заслужил его своим старанием…

Абакумов раболепно «взял под козырек».

Начальника разведки Фитина после этого направили в Свердловск заместителем начальника областного управления, Квасников же продолжал работать под страхом возможных репрессий.

— И только лишь тогда я отошел, — рассказывал Леонид Романович, — когда был пущен у нас, в Союзе, первый атомный реактор. Мы все очень обрадовались, потому что поняли и были уверены, что нас уже не расстреляют как вредителей. Конкретный результат совместной с учеными работы был налицо! А потом мы поняли и другое: бывшему наркому Берии, после того как он заменил Молотова на посту шефа советского атомного проекта, нужен был крупный, ошеломляющий успех чужими руками. Руками рядовых разведчиков и ученых. Но должен заметить, мы продолжали тогда честно и добросовестно работать не на успех Берии, а на скорейшее создание принципиально нового оружия — оружия сдерживания глобального агрессивного курса США…

* * *

В 1947 году постановлением правительства I Управление МГБ и Главное разведывательное управление при Генштабе Вооруженных Сил (ГРУ) были объединены и на их основе создан Комитет информации (КИ) при Совете Министров СССР. Возглавил его В. М. Молотов. Научно-техническая разведка как целостное подразделение вопреки логике вещей оказалась, наоборот, разъединенной и разбитой по трем самостоятельным управлениям КИ. Квасникову судьба на сей раз соблаговолила: он не только остался на месте, но и должность у него оказалась повыше — стал начальником отдела. В функции его отдела входили: обработка и реализация развединформации, поступавшей из других оперативных подразделений, поддержание деловых связей с отраслевыми министерствами и ведомствами, получение от них оценочных заключений и отслеживание хода выполнения заданий за рубежом.

Из резидентур США, Канады, Англии и Франции продолжали

поступать ценные материалы и образцы по новым разработкам в химии, авиации, радиоэлектронике, металлургии, средствах связи, ЭВМ и ракетной технике.

Но больше всего разведку по-прежнему интересовало то, что было связано с делом «Энормоз». «Дайте нам атомную бомбу как можно быстрее. Вы знаете, что Хиросима и Нагасаки потрясли мир. Равновесие нарушилось. Дайте бомбу, и вы избавите нас от огромной опасности!» — этот призыв Сталина к ученым и специалистам был доведен и до атомных разведчиков. И они делали все зависящее от них даже в весьма неблагоприятных для ведения разведывательной работы условиях, когда в США начались разгул реакции, травля и открытые репрессии против прогрессивных американских граждан.

Многие ценные агенты в связи с закрытием американскими властями генконсульств в Нью-Йорке и Сан-Франциско были переведены на нелегальные формы работы, и потому сведения от них, несмотря ни на что, продолжали поступать в Центр. Об этом свидетельствуют и отзывы на материалы разведки академиков И. В. Курчатова и И. К. Кикоина. «Произведенное мной рассмотрение материала показало, что получение его имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки» — так отмечал руководитель советского атомного проекта Курчатов. А вот заключение Кикоина, направленное на имя заместителя Председателя Совнаркома СССР М. Г. Первухина: «Всякое умножение разведывательной информации по плутониевой бомбе было бы и впредь необычайно важно и оказало бы нам большую помощь…»

* * *

В 1948 году суперагент советской разведки Чарльз — доктор Клаус Фукс, на протяжении нескольких лет передававший Советскому Союзу самую точную информацию из Лос-Аламоса о разработках первой американской атомной бомбы, сообщил некоторые сведения о возможности создания нового ядерного оружия — водородной бомбы. Чтобы опять не оказаться в роли догоняющих, советские ученые во главе с А. Д. Сахаровым намного раньше, чем американцы, приступили к развертыванию работ по термоядерной проблеме. На этот раз Сталин не побоялся прослыть агрессором, как это было в 1938 году, когда он наложил вето на урановые исследования, а потом лишь через четыре года дал на них «добро».

Квасников, по службе в Нью-Йорке зная о том, что

получаемые от Клауса Фукса материалы всегда отличались научностью, содержательностью и убедительностью, рекомендовал в связи с его переездом в Англию строить работу с ним с максимальной ответственностью, быть предельно внимательными к нему и, главное, заботиться о его безопасности. Инструктируя так выезжавшего в Лондон для работы с Фуксом опытного сотрудника разведки Александра Феклисова, мэтр атомного шпионажа строго наказывал встречаться с агентом только при полной уверенности в отсутствии слежки английских спецслужб, а для каждой последующей встречи разрабатывать и утверждать в Центре план ее проведения.

Клаус Фукс, являясь руководителем отдела теоретической физики Научно-исследовательского атомного центра в Харуэлле, продолжал передавать Советскому Союзу объемную и обстоятельную информацию вплоть до первого испытания отечественной плутониевой бомбы, взрыв которой был осуществлен 29 августа 1949 года.

Неожиданно быстрое создание в СССР атомной бомбы вызвало в правительственных кругах США и Англии предположение, что русские выкрали ядерные секреты. Американские спецслужбы, чувствуя свою вину за утечку информации, развернули бешеную деятельность по выявлению советских шпионов. В результате предательства Фукс был изобличен и арестован. Квасников, узнав о его аресте, поставил вопрос о немедленном выводе из США и Великобритании всех связей Фукса, однако к его голосу не прислушались, считая, что информационный поток в условиях сложной международной обстановки не должен снижаться. В итоге советская разведка потеряла тогда около сорока источников, находившихся на ключевых постах в госаппарате, различных министерствах и научных ведомствах США. Удобными «козлами отпущения» оказались и небезызвестные супруги Розенберг, которые не имели никакого отношения к секретам американской атомной бомбы.

За вклад, который внес Леонид Квасников в дело завершения советских работ по созданию отечественного атомного оружия, он был награжден орденом Ленина.

В 1952 году Комитет информации был упразднен, а взамен его было создано Первое Главное Управление МГБ. Леонида Романовича утвердили начальником научно-технической разведки. Будучи строгим, но справедливым руководителем, обладавшим огромным трудолюбием и умением преодолевать любые трудности, Квасников работал буквально на износ. Благодаря его организаторским способностям из загранрезидентур постоянно поступала в большом объеме

документальная развединформация по химии, радиоэлектронике, ЭВМ, микробиологии и ракетно-космической технике. Личный вклад Квасникова в разведку был несомненен и очевиден. Заслужив звание полковника и около двадцати лет возглавляя научно-техническое направление разведки — а это говорит о многом, — он так и не дождался генеральских лампасов и золотых погон, ушел на пенсию скромно — Почетным сотрудником госбезопасности. Умер Леонид Романович в возрасте 88 лет осенью 1993 года. А его заслуги перед Родиной были оценены лишь в 1996 году: указом Президента ему было присвоено звание Героя Российской Федерации.

Послесловие

В последний раз с героем своего очерка я встретился за месяц до его медицинской операции, после которой наступила смерть. Меня интересовало мнение Квасникова по поводу развернувшейся тогда на страницах прессы полемики о том, чьих заслуг — ученых или разведчиков — больше в создании первой советской атомной бомбы, взорванной под Семипалатинском в 1949 году. Совершенно спокойно, взвешенно Леонид Романович высказал свое мнение:

«То, что наша бомба была копией американской, — это фундаментальный факт, рядом с которым блекнут все комментарии и рассуждения и попытки смягчить или не смягчить это. Разведданные были использованы при выборе плутониевого варианта бомбы, метода диффузии для разделения изотопов урана, а также при выборе графита в качестве замедлителя и при других ключевых моментах создания ядерного оружия. Отрицать важное значение добытой развединформации никак нельзя. Я считаю, решение использовать для первой бомбы именно американскую конструкцию, проверенную в США в 1945 году, было совершенно правильным. Ведь речь шла не о борьбе за научный приоритет, а о прекращении американской монополии, становившейся с каждым днем все более опасной, создававшей угрозу новой войны. Поэтому нам надо было тогда спешить, чтобы продемонстрировать миру, что атомное оружие у нас тоже появилось. И тем самым лишить американцев монополии на это чудовищное оружие. Вот почему надо было пользоваться тем, что добывала разведка, но, разумеется, не без каких-то определенных уточнений и изменений.

Меня иногда спрашивают: а могли бы советские ученые и инженеры создать оружие без помощи разведки? По-моему, наши

ученые были способны решить все эти проблемы. Ведь следующие образцы нашего ядерного оружия были и легче, и в два раза мощнее американской бомбы. И по габаритам — в полтора раза меньше. Но другое дело — факторы затрат и времени. Разведывательные данные позволили Игорю Курчатову своевременно ориентировать участников советского атомного проекта и не тратить ресурсы и время на проработку множества дополнительных путей, на проверку тупиковых или, попросту говоря, возможных, но более трудоемких вариантов, проведение которых у нас в то время, когда страна жила под лозунгом «Все для фронта, все для победы», было затруднено ввиду недостаточности экспериментальной базы.

Я считаю, что только благодаря совместным усилиям ученых, производственников и разведчиков, которые — каждый в своей сфере — отдавали всю свою силу и знания для достижения поставленной цели, Советский Союз сумел в сравнительно короткое время создать собственное ядерное оружие и поэтому, я думаю, настало время раз и навсегда перестать препираться в том, чьих заслуг больше. Нам всем должно быть дорого сознание честного и бескорыстно исполненного долга. Не менее бесспорно и еще одно: велик и до сих пор не оценен по достоинству подвиг тех агентов, кто воевал на своей и чужой земле, забывая порой свое настоящее имя. Кто, ежечасно рискуя жизнью, вызывал к себе ненависть одних и уважение других и делал тем самым все возможное, чтобы помочь отвратить грозившую всем нам катастрофу, кто в самый трудный период «холодной войны» встал между двумя системами и внес свой вклад в предотвращение возможной термоядерной войны».

Охотник за атомными секретами

Владимир Борисович Борковский родился в 1913 году в Белгороде Курской губернии.

После окончания средней школы работал слесарем и одновременно учился на вечернем рабфаке. В 1934 году стал студентом Московского станкоинструментального института. Тогда же занимался самолетным, планерным и парашютным спортом в студенческом аэроклубе на базе летного отряда МАИ. Умел хорошо стрелять, водить машину и мотоцикл. В 1938 году его зачислили пилотом запаса в подмосковный истребительный полк ПВО.

20 мая 1939 года Владимира Барковского вызвали в дом № 2

на Лубянке в числе сотни таких же, как он, студентов-дипломников высших учебных заведений технического направления, где им объявили, что они являются теперь сотрудниками органов государственной безопасности. Потом их отпустили, предупредив, чтобы о состоявшейся беседе никому не рассказывали, а когда они понадобятся, их найдут. Чем предстояло заниматься, никто из них не знал.

Мобилизация в органы госбезопасности была неожиданной и необычной для Барковского, однако он продолжал заниматься подготовкой дипломного проекта. Работая над дипломом, как правило, почти до утра, он предупреждал своих однокурсников, чтобы его не поднимали на первую лекцию. Тем не менее однажды утром кто-то решился его разбудить, называя по фамилии. Незнакомец представился младшим лейтенантом Мамаем, и тут Барковский понял, с кем имеет дело. Мамай приказал ему на следующий день явиться с вещами в район Планетария за получением дальнейших распоряжений. Барковский, как было приказано, прибыл в указанное место, Мамай отметил его в списке и сказал:

— Заверни за угол и садись в стоящий там крытый фургон.

Когда собрались все приглашенные, машина отправилась в путь. Ехали долго. В закрытом фургоне определиться, в каком направлении их везут, было невозможно. Лишь только по хлеставшим веткам Барковский определил, что они находятся далеко за городом. Затем машина остановилась, со скрежетом открылись ворота, и приезжие оказались на каком-то спецобъекте.

На территории располагался двухэтажный деревянный дом, в котором, как им сказали, находились учебный корпус и общежитие.

Приезжих разместили по комнатам и не по-студенчески вкусно накормили.

На следующий день им представили начальника спецшколы Владимира Христофоровича Шармазанашвили, который объяснил, что после непродолжительного отдыха они в течение года будут обучаться разведывательному делу.

Барковский был обескуражен: через десять дней ему предстояло защищать диплом в Станкине. Оставаться без диплома как-то не хотелось. Барковский обратился к Мамаю за советом, как получить разрешение на защиту дипломного проекта. Тот порекомендовал написать начальнику школы рапорт, в котором обосновать причины отлучки из разведшколы с обязательным возвратом после защиты. Через два дня он получил разрешение.

После защиты Барковский вернулся на объект, так и не сказав друзьям о предстоящей учебе в разведшколе. Родители также не знали об этом и удивлялись, почему их сын появляется в доме лишь раз в неделю.

Большое внимание в разведшколе уделялось обучению иностранным языкам. Общеобразовательные дисциплины были отменены. Барковский стал заниматься английским. В целях повышения эффективности изучения языка группы состояли из 4–5 человек. В день занимались по 5 часов, и 3–4 часа давались на домашние задания.

В 1939 году нарком НКВД Л. Берия отозвал из-за границы ряд резидентов и квалифицированных опытных разведчиков, которые были расстреляны или осуждены на длительные сроки заключения. Со «своими» НКВД расправлялось особенно жестоко. В результате этого резидентуры в странах главного противника были практически парализованы, хотя обстановка того времени требовала, наоборот, их укрепления и расширения — в воздухе все более отчетливо витала военная угроза со стороны Германии и Японии.

После окончания спецшколы лейтенант госбезопасности Владимир Барковский приступил к работе в английском отделении Иностранного отдела НКВД. Около месяца он стажировался в английском отделе МИДа СССР. В ноябре 1940 года он был назначен на должность атташе Полпредства СССР в Великобритании. До Лондона добирался два с половиной месяца — через Владивосток, Японию, Гавайские острова и США. Прямой путь в Англию через Европу был закрыт: там шла война. Прибыл он в Лондон в феврале 1941 года…

* * *

Лондонская резидентура перед войной оказалась без оперативных работников. В ней находился лишь один резидент Вадим — Анатолий Горский, прибывший в Англию в конце 1940 года. Работал он за всех — и за разведчика, и за переводчика, и за шифровальщика, и за бухгалтера. А куда деваться! Хорошо еще, что посол Иван Майский, зная его ведомственную принадлежность, не обременял посольскими поручениями. Одной из главных задач резидентуры было тогда восстановление агентурной сети и ее расширение за счет новых вербовок.

В марте 1941 года в Лондон прибыл однокашник Барковского по разведшколе — Павел Ерзин. Вдвоем им, казалось, будет легче. Но увы! Не до того было Дэну (В. Барковский) и Ерофею (П.

Ерзин). Англия уже воевала с Германией. Чуть ли не каждый день объявлялись воздушные тревоги из-за налетов и бомбардировок немецкой авиации. Как тут было встречаться с агентами и восстанавливать утраченные связи, а тем более когда у молодых разведчиков не было практического опыта в работе?!

— Разведка — это мобильный орган, и она обязана действовать и добиваться результатов в любых условиях, — постоянно напоминал им главную заповедь резидент Вадим. — А потом вы не забывайте, друзья, о своем воинском звании, обязывающем вас помнить, что в Европе идет война… — Маленький, полноватый, но твердый как кремень резидент был непреклонен: — Опыт приобретается не в разведшколе, а здесь, за границей. Поэтому чем скорее вы включитесь в работу, тем быстрее придет желаемый опыт. Но сначала мы должны с вами четко определиться, кто из вас чем будет заниматься. То есть должна быть какая-то специализация. Дэн, как инженер-механик, поведет научно-техническое направление. Он будет отслеживать и оценивать достижения английской науки и техники, используемые, в частности, для создания новейших эффективных видов вооружения. Что касается Ерофея, ему предстоит заниматься обеспечением безопасности сотрудников советских учреждений в Лондоне и членов их семей от происков британских спецслужб и враждебных нам организаций белоэмигрантского толка…

Недостаток у Дэна и Ерофея практического опыта Вадим восполнял путем тщательного предварительного обсуждения предстоявших разведопераций.

Дэн к своим обязанностям относился предельно ответственно. С агентурой встречался и рано утром, и поздно вечером. Включившись в активную работу, Дэн не мог не обратить внимания на мужественное поведение агентов. Поражала их готовность выходить на встречи, несмотря на рвущиеся бомбы, самим предлагать информацию, которая, по их мнению, представляет интерес для разведки. Деньги для них не играли заметной роли в общении с разведчиком. Порой они отказывались от материального вознаграждения. Их мотивами сотрудничества были симпатии к нашей стране, желание помочь СССР в скорейшем разгроме фашизма.

Однажды Вадим передал Дэну указание Центра найти агента Дика, определить его пригодность для дальнейшего использования и договориться о порядке работы с ним в перспективе.

— Учти, он классный специалист по радиотехнике и очень нужен нам, — заметил резидент. — Это задание Центра —

персональное. Условия встречи я назову завтра. Завтра же и обсудим твои действия.

Дэн, соблюдая меры конспирации, заблаговременно выехал в район Майда Вэйл, где проживал агент. По пути следования он несколько раз проверялся на предмет обнаружения слежки, менял направление движения и транспорт. Убедившись в отсутствии наружного наблюдения, Дэн вышел на указанный адрес, но вместо дома увидел развалины. Уничтоженным оказался и тот самый подъезд с квартирой, в которую так стремился попасть Дэн. Заметив копавшихся в руинах людей, он подошел поближе и остановился около пожилой леди, пытавшейся высвободить из-под обломков какую-то домашнюю утварь. Дэн помог ей это сделать, и они невольно заговорили об ужасах бомбардировок немецкой авиации. Англичанке не составило особого труда понять, что ее собеседник — не местный житель, о чем она и спросила его. Дэн признался, что является беженцем из Европы (на случай возникновения таких разговоров у него была заготовлена легенда, что он — выходец из Дании или Голландии). Пожилая леди сообщила ему, что в их доме тоже жили беженцы-европейцы, что дало Дэну возможность вполне естественно поинтересоваться:

— А где же они теперь?

— Их переселили в дом на соседней улице, — ответила пожилая англичанка и указала на сумрачное трехэтажное здание из красного кирпича.

Дэн миновал развалины и перешел на соседнюю улицу к указанному дому. Он посещал квартиры до тех пор, пока не нашел нужного ему человека. Обменявшись с ним условными в таких случаях фразами, они для продолжения беседы вышли на улицу. Дэн для удобства общения отрекомендовался Дику под именем Джерри (впоследствии Дэн использовал это имя и в общении с другими источниками информации).

Над городом уже опускались сумерки. В это время, как обычно в Лондоне, становилось неспокойно и опасно: над южной частью города с ревом носились немецкие самолеты, доносились взрывы бомб.

Разговор с Диком показал, что он рад этой встрече, давно ждал ее и готов к продолжению сотрудничества. При этом Дик сообщил разведчику, что на его новой работе можно было бы получить хорошую информацию по вопросам радиолокации, и они договорились об условиях проведения последующих встреч.

По заданию резидента Дэн теперь восстанавливал утраченные связи, обучал своих агентов способам и методам конспирации: как им следовало проверяться и выявлять наличие

слежки при выходе из дома и с места явки, как правильно оценивать обстановку с точки зрения появления возможной опасности и как вести себя в таких случаях, чтобы не вызывать подозрение.

* * *

В конце сентября 1941 года Дэн засиделся в резидентуре допоздна — он готовил отчет о работе за месяц и настолько увлекся этим, что не заметил, как в кабинет вошел резидент. Бросив на стол объемистый пакет, Вадим сел напротив, вытащил из пакета документы и стал их просматривать. Затем он подозвал Дэна, предложил ознакомиться с некоторыми из них и попросил высказать свое мнение.

Пока Дэн читал материалы, резидент уснул прямо на стуле, так как в последнее время ему удавалось спать только по 2–3 часа в сутки.

Беглый просмотр информации, добытой Вадимом, не вызвал у Дэна особых эмоций. Для него это была просто техническая информация, но только на необычную тему. Разбудив резидента, он сообщил ему:

— По всей видимости, речь идет о путях использования атомной энергии для военных целей. В этих документах много непонятных для меня специальных терминов и цифрового материала…

— Ты инженер, Дэн, вот и разберись со всеми этими материалами и подготовь обзорную шифровку для Центра, — распорядился резидент.

Потратив всю ночь на перевод и осмысление полученных Вадимом разведданных, Дэн к утру подготовил обзор, который был отправлен в Москву двумя частями — 25 сентября и 3 октября 1941 года. Это было первое соприкосновение разведчика с атомной проблемой и первое получение советской разведкой достоверных сведений о том, что работа над созданием первой атомной бомбы приняла совершенно конкретные практические очертания, и не где-нибудь, а именно в Англии.

Потом уже, когда Дэн с помощью словарей и справочников вник в суть проблемы, он стал понимать, что значение разведматериалов может оказаться чрезвычайно важным для отечественной науки и обороноспособности страны. В добытой информации — а это был подробный секретный доклад Уранового комитета премьер-министру Великобритании Уинстону Черчиллю о возможностях создания атомной бомбы — содержались сведения о ее первичной конструкции и способах производства необходимого для нее урана-235, а также о привлечении к ее разработке университетских и промышленных центров Англии.

Фотокопия подлинника (фотографирование всех информационных материалов тоже входило в круг обязанностей Дэна) доклада Уранового комитета была отправлена позднее дипломатической почтой. Пока она шла в Москву, в Центр направлялись шифротелеграммы с особо важными сведениями из доклада:

> …Урановая бомба вполне может быть разработана в течение двух лет, в особенности если фирму «Империал кемикал индастрис» обяжут сделать ее в наиболее сокращенные сроки…
>
> …Комитетом начальников штабов на своем совещании, состоявшемся 20.09.41 г., было вынесено решение о немедленном начале строительства в Англии завода по изготовлению урановых бомб…
>
> …Помимо огромного разрушительного эффекта урановой бомбы воздух на месте ее взрыва будет насыщен радиоактивными частицами, способными умерщвлять все живое, что попадет под воздействие этих частиц…

Таким было начало атомной эпопеи, пионером которой явилась лондонская резидентура, а точнее, ее руководитель Анатолий Горский (Вадим). Для продолжения этой эпопеи требовались компетентные источники информации — непосредственные участники всех теоретических и прикладных исследований по урану, способные освещать различные специфические вопросы по мере их возникновения. Источником самых первых сведений стал агент Гомер (Дональд Маклин — сотрудник Министерства иностранных дел Великобритании). Он не был научным работником или специалистом, и поэтому получилось так, что с поступлением первой информации о реальности появления ядерного оружия сразу же возникла проблема специализированной агентурной сети, нацеленной на освещение важнейших аспектов принципиально новой и сложной программы, засекреченной англичанами под кодовым названием «Тьюб Эллойз» («Сплав для труб»). С учетом этого и развернулась вербовочная работа всем составом резидентуры.

В октябре 1941 года по указанию посла И. М. Майского неожиданно для всех Ерофей был командирован на Шпицберген для эвакуации находившихся там советских граждан. В этой связи обязанности Ерофея были возложены на Дэна, что заставило последнего работать с удвоенной энергией: днем проводить встречи с агентурой, в том числе и с источниками Ерофея, а ночами заниматься перефотографированием полученных

разведданных. Резидентура в Лондоне, как и перед началом войны, опять оказалась самой малочисленной. Оставшимся резиденту Вадиму и Дэну пришлось добывать и политическую, и научно-техническую информацию. Центр знал о кадровых трудностях загранточки в Лондоне, но помочь ничем не мог: в годы войны сотрудников разведки не хватало и в Москве. Лишь в начале 1942 года в Англию был командирован Борис Крешин (Боб), который разделил с Вадимом руководство работой агентов «кембриджской пятерки».

* * *

Полученная из лондонской резидентуры информация о начале разработки атомной бомбы была доложена лично Л. Берии, но он в силу своей подозрительности и научного невежества посчитал ее немецкой подрывной акцией, рассчитанной на отвлечение людских и материальных ресурсов от потребностей фронта. Тогда Центр, чтобы убедить своего наркома в достоверности первой информации, затребовал из резидентур в Канаде, Англии и США дополнительные данные по урановой проблеме и поставил перед ними задачу по приобретению новых компетентных источников из исследовательских и производственных центров, занимающихся разработкой атомного оружия.

В разведке, как и в жизни человека, тоже бывают случаи везения: среди контактов Вадима оказался научный сотрудник, к которому обратился его друг с просьбой помочь установить связь с кем-либо из работников Полпредства СССР, чтобы проинформировать о начавшихся в Англии исследованиях по созданию атомной бомбы. При ознакомительной беседе от нового доброжелателя был получен обзорный доклад, который существенно расширял представления о состоянии разработок по урановой тематике. Новые разведданные убедили Л. Берию в правоте первичных материалов и послужили для него основанием в марте 1942 года подписать спецсообщение И. Сталину о реальности создания атомного оружия в ходе войны и об английских усилиях в этом направлении.

Для Дэна директива Центра по приобретению новых источников информации по атомной проблематике обернулась прямым указанием резидента Вадима:

— Ты у нас ближе всех стоишь к людям науки. Вот тебе и карты в руки по решению этого вопроса…

Дэн обладал способностью улавливать суть оперативных

проблем разведработы и потому почти всегда умел находить оптимальные варианты их решения. Подумав, он ответил Вадиму:

— Задача мне ясна, но я хотел бы поделиться с вами некоторыми соображениями по поводу вербовки научных сотрудников и высокопрофессиональных специалистов. Опыт показывает, что чем выше место в научной иерархии занимает ученый, тем труднее склонить его к сотрудничеству с разведкой. Если только он сам не придет к мысли об этом. Обычно такая категория людей ревностно относится к собственному благополучию и, как правило, опасается скомпрометировать себя в глазах своих же коллег. Мотивы социального благополучия у них бывают более сильными, чем материальные. Спокойная жизнь превыше всего. Особенно это характерно для англичан…

— Пожалуй, я соглашусь с тобой, — заметил резидент. — Но проблему все равно надо решать. И решать ее надо следующим образом: сначала необходимо выявить ведущих ядерных физиков, затем изучить их окружение и определить специалистов, которые на равных с ними правах участвуют во всех теоретических и прикладных разработках. Как показывает практика, у таких ученых, хотя они рангом и пониже, достаточно знаний и объема информации, чтобы успешно решать наши разведывательные задачи. Но учти, что при подборе таких помощников из этой среды особое значение имеет их честность перед нами и политическая благонадежность…

Руководствуясь этой установкой, Дэн решил пересмотреть свои личные контакты, изучить связи имеющейся агентуры, а также возможность их использования в плане поиска и изучения новых источников информации. В результате этого Дэн получил данные на инженера-физика одного из английских университетов, который входил в систему Уранового комитета и был причастен к атомному проекту «Тьюб Эллойз». Однако территориальная удаленность университета значительно затрудняла изучение кандидата на вербовку. Впоследствии выяснилось, что жена объекта работает в Лондоне, в одном из учреждений, связанных с учетом и распределением научных кадров. После тщательной проверки Дэн убедился, что жена объекта симпатизирует СССР в его борьбе против фашизма, является волевым и решительным человеком и имеет большое влияние на мужа. Это и послужило основанием для привлечения ее к негласному сотрудничеству под псевдонимом Кристина. В процессе работы через Кристину был осуществлен выход на ее мужа, разработана тактика проведения с ним бесед. В результате этого была осуществлена еще одна вербовка, агента Крона, который дал много полезной информации по атомной тематике.

Однажды, передавая материалы о мощном генераторе высокочастотных электромагнитных колебаний — магнетроне, Крон отметил:

— Между прочим, при его создании были использованы идеи ваших ученых, опубликованные в тридцатые годы в одном из советских научно-технических журналов…

В дальнейшем агент представил схему термоядерного реактора. С точки зрения современных представлений данный реактор был абсолютно неработоспособен, но в те времена данные сведения могли представлять интерес как о новом направлении в утилизации атомной энергии.

В том же году Дэн начал работать по атомной проблеме с агентом Спиной И на первой же встрече попал в неудобное положение. Спин, объясняя Дэну принцип захвата нейтронов ядрами урана-235, вдруг прервал разговор и сказал:

— Судя по вашей реакции, вы почти ничего не поняли из того, что я рассказываю.

— Так оно и есть на самом деле.

— А как в таком случае вы думаете общаться со мной дальше?

И тут Дэн вышел из положения:

— А я буду передавать вам вопросы наших ученых, вам же останется только отвечать на них.

— Нет, так дело не пойдет. Я хочу видеть в вашем лице человека, который понимает хоть что-то из того, что я вам сообщаю, и может участвовать в совместном обсуждении.

И тут же Спин посоветовал Дэну посетить на Стрэнде магазин технической книги, купить американский учебник «Прикладной ядерной физики» и изучить изложенные в нем сведения с его помощью.

Совет был дельный. Книга была куплена, и Дэн занялся самообразованием, постигая новые для себя физические явления и термины. И даже составил рукописный словарь по ядерной тематике, который весьма пригодился и в работе со Спином, и при переводе поступавшей от него информации.

* * *

До начала 1943 года Дэн работал в посольстве под прикрытием атташе по культурным связям, затем его перевели в консульский отдел. В этой связи у него появилось больше свободного времени, что позволило активнее заняться разведдеятельностью. Изменилась также и оперативная

обстановка в Лондоне. В связи с разгромом немецких войск под Сталинградом улучшилось отношение англичан к СССР. Спецслужбы Великобритании практически прекратили слежку за советскими дипломатами, а если она и проводилась, то пассивно и в основном за офицерами — военными атташе, которые носили офицерскую форму.

Пассивность британской контрразведки объяснялась еще и тем, что она была значительно ослаблена мобилизацией ее опытных сотрудников в армейские подразделения, а молодой состав МИ-5 был ориентирован на выявление немецкой агентуры среди осевших в Лондоне беженцев из Европы. И хотя слежка за союзниками не велась, казусы тем не менее происходили. Однажды, по вине агента, Дэн попал под наружное наблюдение. Детективов за собой привел агент Френд, которого в МИ-5 приняли за немецкого шпиона. Ничего не подозревавший Дэн посадил агента в такси и на первом же повороте обнаружил за собой «прилепившийся» автомобиль. Проверившись еще раз, Дэн убедился, что это слежка.

Оценив обстановку, он заявил агенту, что якобы плохо себя чувствует, и предложил перенести встречу, договорившись о способе связи. После того как они расстались, Дэн обнаружил, что и он сам является объектом наблюдения. Необходимо было оторваться от наружного наблюдения во что бы то ни стало.

Дэн спустился на одну из станций метро. Войдя в вагон и убедившись, что оба детектива также зашли вслед за ним, в последний момент перед отходом поезда разведчик покинул вагон. Ему повезло, так как детективы были в разных концах вагона, находились далеко от дверей и выйти вслед за Дэном просто не успели. Проверившись еще несколько раз и убедившись, что ему удалось уйти от наружного наблюдения, Дэн прибыл в резидентуру и доложил о случившемся Вадиму.

Несмотря на то что Дэну удалось тогда оторваться от наружного наблюдения, однако в сводках МИ-5 осталась лаконичная запись, как бы оправдывающая непрофессиональность действия сотрудников: «…объект был потерян при естественном стечении обстоятельств…» И хотя внешность советского разведчика была описана достаточно точно, установить его британской разведке так и не удалось.

В том же 1943 году произошла смена резидента. На замену Вадиму прибыл заслуженный и уважаемый в разведке человек Константин Михайлович Кукин (Игорь). Он попросил Дэна как наиболее опытного сотрудника принять участие в сложной и ответственной операции по выемке секретных документов по атомной бомбе из сейфа руководителя одного из научно-

производственных центров Уранового комитета. Сложность операции состояла в том, что проведение ее должно было уложиться в чрезвычайно сжатые сроки. Агент Уилки, имевший доступ к сейфу, мог изъять «и передать материалы разведчикам только в период обеденного перерыва. С учетом этого был составлен план операции и распределены роли ее участников. Документы от Уилки получил Ерофей, передал Дэну, который на машине доставил их в резидентуру для перефотографирования. Далее секретные материалы таким же путем были возвращены агенту. Во время следования Дэна по городу с документами его подстраховывал в качестве водителя резидент Игорь. Операция была проведена успешно, точно по разработанному плану.

* * *

В конце 1943 года лондонская резидентура пополнилась еще двумя сотрудниками: сначала из США прибыл опытный Глан (Н. Н. Ершов), а чуть позже из Центра приехал Ник (И. В. Тарасов). Руководство разведки планировало тогда по образу и подобию оправдавшей себя в Нью-Йорке группы НТР создать аналогичное подразделение и в Англии. Именно с этой целью и был командирован в страну туманного Альбиона Глан, однако ему не довелось поработать на новом месте: в силу некоторых обстоятельств он был вскоре отозван в Москву. Не у дел в этой группе оказался и второй разведчик: прикрытие Ника не позволяло ему постоянно находиться в Лондоне. Поэтому во главе «группы», если можно было ее так назвать, остался Дэн — он же опять оказался ее единственным оперативным работником.

Для Дэна этот период времени стал самым тяжелым во всех отношениях: мало того что продолжались усиленные обстрелы Лондона снарядами «ФАУ-1» и ракетами «ФАУ-2», осложнилось еще и положение с вербовочным контингентом. После ряда крупных побед советских войск над фашистскими захватчиками в высших эшелонах английской власти появилась нескрываемая боязнь, возникшая из-за растущего влияния СССР в Европе. Поэтому возрождались опять подозрительность и неприязнь, которые умело подавались через средства массовой информации и негативно влияли на настроения населения. Из-за этого изучать и вербовать нужных разведке людей становилось делом нелегким и далеко не простым.

— Всякое преувеличение трудностей не должно порождать нерешительность и боязнь в проведении вербовочных и других оперативных мероприятий, — наставлял своих младших коллег

резидент Игорь. — Складывающаяся оперативная обстановка призывает каждого из нас к еще большей гибкости, смелости и трудолюбию. Требования Центра к нам остаются прежними, они увязываются с нуждами продолжающейся войны…

Львиную долю времени поглощала у Дэна работа с собственными источниками информации, находившимися в Лондоне, и обеспечение связи с агентами, проживающими в других городах Англии. И тем не менее ему удавалось находить время для работы с теми, кого он намеревался привлечь к сотрудничеству с разведкой. В 1943-м и последующие два года Дэн осуществил шесть вербовок. От всех его помощников продолжала регулярно поступать политическая и научно-техническая информация по атомному оружию и ядерной физике, радиолокации и реактивной технике, электронике и химическому машиностроению. В поступившей тогда на имя резидента Игоря шифровке, содержание которой Дэн запомнил на всю свою жизнь, отмечалось:

> …Вами и Дэном проделана большая полезная работа. В полученной от Вас научно-технической информации около 60 % было весьма ценных и ценных. 30 % материалов, на которые оценки еще не поступили, в большинстве своем касались атомной энергии и являются безусловно ценными.
>
> За последнее время активность контрразведки возросла, и в этих условиях наличие у Дэна на связи большого количества агентов является ненормальным. Нет необходимости объяснять Вам опасность и неоправданность риска такого положения…

Из-за предательства в Канаде шифровальщика И. Гузенко работа с агентами по указанию В. С. Абакумова была прервана. К этому времени завершилась и командировка Дэна в Англию. По возвращении в Центр он был тогда награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За Победу над фашистской Германией». Через некоторое время ему снова представилась возможность послужить Родине за границей вместе со своим коллегой из лондонской резидентуры — Борисом Крешиным, который стал руководителем вашингтонской резидентуры, а Дэн — его помощником по НТР.

Работать им пришлось в довольно сложной оперативной обстановке. Руками сенатора Маккарти американские власти развернули широкую антисоветскую кампанию шпиономании и «охоты на ведьм». Дело дошло до того, что в Нью-Йорке был совершен налет на Амторг и закрыто генконсульство,

соответственно ликвидировалась и резидентура. Дэн был вынужден по указанию Центра работать на два фронта — в Вашингтоне и в нью-йоркской резидентуре, которая постепенно возрождалась под прикрытием Представительства СССР при ООН.

Первым персональным поручением Дэна после отмены указания Абакумова стало восстановление связи с группой агентов, от которой ранее поступала обширная информация по авиационной и реактивной технике. Эта группа, считавшаяся самой надежной, была создана в последние годы войны и находилась в районе Великих Озер. В порядке подготовки к руководству ее работой Дэн несколько раз посещал Кливленд для ознакомления с городом и подбора мест для встреч с агентами. Когда он определился с этим и готов был уже ехать в Кливленд, в очередном номере журнала «Ридерз дайджест», случайно попавшемся ему в руки, оказалась статья с сенсационным названием «Дело шпиона с трясущимися руками». Из этой статьи следовало, что некий господин Шевченко А. И., являвшийся в годы войны представителем Советского Союза по приемке авиационной продукции по ленд-лизу, находился под постоянным наблюдением ФБР, что завербованная им группа агентов по авиационной технике состояла из подставленных американской контрразведкой информаторов, которые передавали ему препарированные, внешне достоверные сведения. И только благодаря этому поистине счастливому случаю Дэну удалось тогда избежать перспективы принять на себя управляемую спецслужбой группу провокаторов и избавиться от шумного провала.

В 1950 году в связи с болезнью жены, нуждавшейся в экстренном хирургическом вмешательстве, Дэн получил разрешение выехать домой, в СССР. Перед отъездом он получил поздравление Центра с награждением его орденом Трудового Красного Знамени за участие в добывании информации об атомной бомбе, успешное испытание которой завершилось в Советском Союзе под Семипалатинском.

Возвратившись в Москву, Дэн был назначен начальником сектора научно-технической разведки Комитета информации при МИДе СССР. В 1954 году прошла очередная реорганизация внешней разведки, и Владимира Борисовича Барковского назначили заместителем начальника кафедры той самой разведывательной школы, в которой он учился до войны.

В мае 1956 года было принято специальное решение ЦК и Совмина СССР об улучшении деятельности научно-технической разведки за рубежом с выделением дополнительных 30 должностей прикрытия в представительствах различных

советских ведомств за границей. В связи с этим Дэна во второй раз командировали на работу в США: сначала заместителем резидента, а потом он стал руководителем нью-йоркской резидентуры. За добывание полезных для науки и советской внешней политики сведений он по возвращении на Родину был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени.

По истечении срока командировки В. Б. Барковский возвратился в центральный аппарат разведки, где был назначен на должность начальника престижного первого (американского) отдела. А в 1963 году, когда решением ЦК и Совета Министров СССР 10-й отдел ПГУ КГБ был реорганизован в Управление «Т», опытный разведчик-профессионал стал по праву одним из его руководителей. Проработав заместителем начальника управления шесть лет, он был потом выдвинут на должность профессора кафедры Краснознаменного Института разведки. Защитил в нем диссертацию на звание кандидата исторических наук, опубликовал свыше сорока научных работ по проблемам внешней разведки.

В настоящее время, несмотря на свои 83 года, В. Б. Барковский продолжает по-прежнему работать в качестве консультанта в главном здании разведки в Ясеневе, где он участвует в подготовке документального шеститомного издания под общим названием «Очерки истории российской внешней разведки». Не порывает он связей и с наукой: печатается в журналах «Наука и жизнь», «Вопросы истории естествознания и техники», «Энергия» и в других изданиях.

Являясь много лет судьей всесоюзной категории, Владимир Борисович почти каждый год, невзирая на свой солидный возраст, участвует в разных городах страны в судействе крупных международных и российских соревнований, в которых он 56 лет назад, до того как стать сотрудником внешней разведки, выступал сам в качестве спортсмена-планериста. Он, как прежде, бодр, энергичен, общителен и остроумен. А главное — по-прежнему весьма уважаем в коллективе разведчиков.

15 июня 1996 года указом Президента России за успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество полковнику Барковскому В. Б. присвоено в числе других ветеранов разведки звание Героя Российской Федерации. Об этом указе Владимир Борисович узнал на своем рабочем месте в Ясеневе. В ответ на многочисленные поздравления молодых коллег он сказал тогда довольно четко и емко:

— Для меня такая высокая оценка труда является полной

неожиданностью. Я очень рад и за себя, и за своих товарищей. Мы честно и самоотверженно служили тогда делу защиты национальных интересов Родины. И вот о пользе всего сделанного нами будет теперь свидетельствовать эта высокая награда.

«Горячая линия» Фомина

Александр Семенович Феклисов родился в 1914 году в семье железнодорожного стрелочника, выходца из крестьян Тульской губернии.

После школы-семилетки учился в фабрично-заводском училище при московском заводе имени Войтовича. В 1939 году окончил радиофакультет института инженеров связи, а в 1940-м — разведывательную шкалу в Балашихе.

Начальник американского направления разведывательного отдела НКВД Федор Будков, по соображениям конспирации говоривший всегда тихо, иногда даже шепотом, при выходе новичка на работу то ли случайно, то ли с непонятным для Феклисова умыслом обронил:

— А вот притулиться тебе, Саша, у нас негде. Поэтому ты присаживайся пока у окна. А там посмотрим… Возможно, через недельку-другую мы отправим тебя на стажировку в МИД, а потом выбросим в «поле».

Феклисов с обидой посмотрел на Будкова и с робостью спросил:

— А почему в поле?

— А потому, что молодым разведчикам лучше сразу начинать службу «полевым» работником… То есть в какой-нибудь загранточке оперативником. Это даст возможность видеть сразу, способен или нет новичок заниматься разведделом. А то ведь как бывает: болтается человек по заграницам и только зря небо коптит…

Начальник американского отделения слов на ветер не бросал: не успел Феклисов войти в курс дела, как Будков привел его к заместителю начальника внешней разведки М. Б. Прудникову. Тот тоже оказался немногословным и после непродолжительной ознакомительной беседы сообщил:

— Мы решили направить вас в Нью-Йорк. Надеемся, вы приложите максимум усилий, чтобы побыстрее овладеть разведывательным делом. Там же активизируете и свой английский разговорный. Ну, а на первое время мы возлагаем на

вас очень ответственную и, я бы сказал, экспериментальную работу по установлению резервного канала двусторонней радиосвязи с Москвой. Перед тем как отправиться в Нью-Йорк, вы пройдете в нашем радиоцентре месячную стажировку, а затем столько же времени постажируетесь в американском отделе НКИДа. Где-то сразу после Нового года готовьтесь к поездке в США…

Два месяца пролетели как один день. Всех отъезжающих за кордон принимал сам нарком иностранных дел. Вместе с Феклисовым на прием к В. М. Молотову были приглашены еще два новобранца внешней разведки. Нарком детально расспрашивал каждого из них. Потом очередь дошла до двадцатишестилетнего Феклисова, он рассказал все о себе, в том числе и о том, что еще не женат. Молотов удивился:

— Как же так, голубчик, вы оказались у нас на холостом ходу? Разве вам не говорили, что за границу неженатых мы не направляем? Тем более в такую страну, как США. Вам же могут там устроить ловушку: подберут какую-нибудь красивую блондинку или брюнетку — и все пропало.

Молотов с упреком посмотрел на присутствовавшего в кабинете заведующего отделом кадров НКИДа А. П. Власова, ожидая от него поддержки в отрицательном решении вопроса. Но Андрей Петрович, безропотно соглашавшийся с любым мнением наркома, на сей раз позволил себе заступиться за молодого разведчика:

— Фитин[139] говорил мне вчера, что невеста Фомина[140] уже полгода как работает в Нью-Йорке. Да и вообще он — морально устойчивый человек. Я думаю, он женится там. Пусть едет…

Молотов, медленно кивнув, так же медленно заговорил:

— Хорошо. Я не возражаю. Со своей стороны прошу вас всех уделять внимание выявлению возможных тайных шагов Англии и США по заключению альянса с фашистской Германией, направленного против нашей страны…

На другой же день в Нью-Йорк на имя резидента ушла шифрованная телеграмма:

> Совершенно секретно.
>
> Нью-Йорк. т. Геннадию.[141]
>
> Для работы к вам в качестве радиста и стажера консульства по линии НКИД командируется толковый и способный радиоинженер Фомин А. С. (Калистрат). Его главная задача на первых порах — налаживание прямой связи с нами.
>
> Для установления радиопередатчика, рации и приемника типа «Скайрайдера» необходимо обеспечить

Фомина комнатой в верхнем этаже консульства с окнами, обращенными на восток, и отдельным выходом в коридор. Стены должны быть звуконепроницаемыми, глухими.

Виктор.

4.01.1941 г.

Прибывшему в Нью-Йорк Феклисову генконсул В. А. Федюшин четко обозначил круг обязанностей по дипломатической линии:

— Как стажер нашего ведомства, вы должны до обеда работать с командированными из Советского Союза лицами и с постоянно проживающими на территории консульского округа гражданами нашей страны. За вами закрепляется оказание им помощи и обеспечение полной их защиты в случае возникновения конфликтных ситуаций. Оформление их выезда из США — это тоже остается за вами. Будут, конечно, и другие разовые поручения…

* * *

Отношения между СССР и США складывались в те годы не лучшим образом. Вызвано это было заключением пакта Молотова — Риббентропа. Американская пропаганда усиленно и лживо утверждала, что Россия является союзником гитлеровской Германии, и потому она подписала пакт о ненападении. США фактически прекратили в тот период экономические и торговые отношения с Советским Союзом. Возникали опасения, что Соединенные Штаты и Англия могут тоже объединиться против СССР и пойти даже на такие крайние меры, как осуществление контроля за дипломатической почтой. С учетом этих обстоятельств и в связи с тем, что международные коммерческие телеграфные линии могут внезапно отказаться отправлять в Москву шифрованные телеграммы, Центр напомнил резиденту о необходимости выполнения первоочередной задачи персонально для Калистрата — установлении двустороннего резервного канала радиосвязи с Москвой.

После этого указания Феклисов приступил к освоению приема радиопередач. Но сколько он ни старался, слышимость получалось плохой. Потом он понял, что в четырехэтажном доме консульства, окруженном со всех сторон небоскребами, надо поднимать выше антенну. Чтобы не отягощать резидента

хозяйственными вопросами, Феклисов сам купил бамбуковые шесты, продававшиеся для спортивных целей, нашел соединительные муфты и стяжки и с их помощью нарастил антенну до семи метров. Слышимость после этого значительно улучшилась, и радиоканал Нью-Йорк — Москва — Нью-Йорк начал функционировать круглосуточно.

Почти два года этот новый и более дешевый канал связи, по которому принимались и отправлялись шифрованные телеграммы, работал бесперебойно, а потом американская радиоконтрразведка засекла в советском учреждении радиопередатчик, о чем первой поторопилась растрезвонить на своих страницах газета «Джорнэл американ», и по указанию Центра двусторонняя связь с Москвой была вовремя прекращена.

После этого по заданию резидента В. М. Зарубина молодой разведчик Калистрат стал заниматься вспомогательной работой: подготовкой проверочных маршрутов с целью обнаружения слежки, подбором новых мест для встреч с источниками информации, а затем ему стали поручать проводить разовые встречи с так называемыми транзитными агентами.

* * *

В начале 1943 года в Нью-Йорк прибыл в качестве заместителя резидента по научно-технической разведке Леонид Романович Квасников. Он сразу же поставил перед Василием Михайловичем Зарубиным вопрос о переводе Феклисова в создаваемую им группу НТР, где тот мог бы заниматься не вспомогательной, а основной работой. Резидент согласился. Через некоторое время Феклисову было постепенно передано несколько агентов, состоявших на связи у опытного сотрудника резидентуры Твена — Семена Семенова. Это были надежные, хорошо подготовленные источники информации по авиации и электронике — Мэтр, Сеня, Хьюс, Стенли и Рэтро. Работа с ними окончательно убедила Феклисова в том, что разведка играет очень важную роль не только в решении вопросов политического характера, но и в укреплении военно-экономических позиций страны в трудные для нее годы войны. Все эти агенты, которых принял на связь Феклисов, были непосредственными участниками научных исследований и технических разработок и поэтому объективно освещали реальное положение вещей в своей области знания. От них постоянно шла информация по радарам, прицельным устройствам, сонарам, по тактико-техническим и эксплуатационным характеристикам самолетов ХР-80 и 83, Т-9–

180. Документов поступало столько, что вполне было достаточно, чтобы построить на их основе подобного класса отечественные самолеты, радиоприборы и различные виды боевой техники и вооружений.

Получая такие ценные сведения, разведчик Феклисов впервые почувствовал всю значимость и необходимость своей работы. А сколько радости испытал он, когда один из агентов передал ему много документов с подробным описан **11**ем конструкции и даже действующий образец радиовзрывателя, на создание которого в США потратили миллиард долларов. На основании полученной им информации советское правительство приняло тогда закрытое постановление об организации специального конструкторского бюро. Творческое использование этих разведданных позволило советским ученым и конструкторам изготовить собственный радиовзрыватель, с помощью которого был впоследствии сбит под Свердловском американский самолет-шпион У-2, управляемый Фрэнсисом Пауэрсом.

Вкусив впервые плоды самостоятельной разведдеятельности, Феклисов продолжал работать с еще большим желанием и напористостью. С помощью находящихся на связи агентов ему вскоре удалось приобрести четырех новых источников. Один из них — Монти являлся руководителем инженерной группы концерна «Келлекс». Эта фирма возводила в штате Теннесси большой промышленный объект, на котором отрабатывалась технология получения урана. Поступавшая от Монти информация представляла для руководителя советского атомного проекта огромный интерес.

Квасников, ставший в 1944 году резидентом, был доволен успехами Феклисова. В шифротелеграмме, направленной им в Центр, он отмечал:

> …Ранее Калистрат использовался в основном на побегушках, задания ему давались Максимом[142] несерьезные. В настоящее время он переключен на работу по линии ХУ[143] и по делу Энормоз.[144] Калистрат сейчас резко усилил свою активность, работает он с большим интересом, серьезнее и энергичнее. Считаю, что он вполне оправдал свое пребывание в Тирс.[145]
>
> Учитывая, что он дал большую пользу Аттике,[146] ходатайствую о повышении его по должности и поощрении правительственной наградой…
>
> *Антон.*

Закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1944 года за успешную работу по добыванию особо важной информации для нужд обороны страны А. С. Феклисов был награжден орденом «Знак Почета».

Центр назначил его на должность старшего оперуполномоченного и присвоил воинское звание «майор».

* * *

1944 год. После ряда побед советских войск под Сталинградом и Курском начался развал военной машины Гитлера, а авторитет СССР на международной арене стал, наоборот, подниматься. Соединенные Штаты Америки такой расклад дел явно не устраивал, и они перестали считать Германию врагом № 1. Эта установка целиком и полностью переносится теперь на Советский Союз. За сотрудниками Амторга, генконсульства и резидентуры периодически устанавливается слежка. Особенно много неприятностей она доставляла опытному разведчику Семену Семенову: за ним ФБР установило тогда круглосуточное наружное наблюдение. Вследствие этого он вынужден был по указанию резидента прекратить все встречи со своими агентами. Большая часть их передавалась Феклисову, который должен был без помощи Твена восстанавливать с ними контакт только по паролю. Сделать это было не так-то просто. Центр, узнав, что ФБР возобновило активную работу против советских учреждений в Нью-Йорке, дал указание резидентуре в срочном порядке повысить конспиративность, особенно в работе с агентами.

Выполняя эту директиву Москвы, Феклисов стал учить своих помощников более конспиративному поведению не только на службе, но и в быту, а также способам обнаружения слежки и взаимной проверки перед каждой встречей с оперработником или со своим связником. Тогда же резидент Квасников с санкции Центра дал новое указание своим подчиненным переходить на групповой принцип связи: за группой источников закреплялся один связник, он получал от них материалы, а затем сам или через другого агента-связника передавал информацию непосредственно разведчику, у которого он находился на контакте.

При таком способе связи риск сотрудника резидентуры попасть в поле зрения ФБР снижался в три-четыре раза, а главное, это повышало личную безопасность агентуры, от которой без перебоя, несмотря на активность американской контрразведки,

продолжал поступать не меньший, чем раньше, объем информации. Да еще какой информации! По созданному авиационной компанией «Локхид» первому в мире реактивному истребителю П-80, по радарно-компьютерной установке SCP-584, которая не только определяла скорость и траекторию полета «ФАУ-2», но и автоматически управляла огнем зенитных батарей. Несколько тысяч страниц информации с подробным описанием, рабочими набросками, схемами и чертежами Феклисов получал теперь с таких особо важных объектов, как РСА, «Вестерн электрик», «Джэнерал электрик» и с других ведущих компаний и научно-исследовательских центров США.

За оперативное выполнение особо важных заданий Родины во время Великой Отечественной войны Феклисову впервые за эти годы была объявлена благодарность наркома внутренних дел. Вдохновленный сразу четырьмя поощрениями — орденом «Знак Почета», повышением в должности и звании и благодарностью наркома, — он, несмотря на усложнившуюся оперативную обстановку, снова активизировал свою разведывательную деятельность. В последний год войны опять же по рекомендации Квасникова он принял дополнительные меры предосторожности: материалы, которые предстояло передать советской разведке, агент должен был сам переснять на пленку и передать ее связнику на конспиративной квартире. Встречи же с разведчиком стали проводиться за городом, в утренние часы, причем в машине или в защищенных от слежки местах.

Новые способы связи, и особенно передача развединформации от агента к разведчику в непроявленной пленке, которую в случае опасности можно было легко засветить, позволяли не только свести до минимума риск расшифровки источников, но и сокращать в два раза количество встреч: если раньше агент должен был нести с собой на явку толстые пакеты или папку с сотнями, иногда и больше тысячи листов секретных материалов, а после их пересъемки в тот же день еще раз встречаться с разведчиком, то теперь достаточно было одной встречи со связником.

Для обнаружения возможной слежки Феклисов стал прибегать к услугам Зинаиды Осиповой, на которой он женился. Она ехала вместе с ним в машине до определенного места, затем выходила и конспиративно — через стекла магазинов, баров и ресторанов — вела контрнаблюдение. При обнаружении филеров подавала обусловленный сигнал опасности. Феклисов же в этих случаях уводил за собой наружку и как ни в чем не бывало возвращался в консульство.

Именно с такими ухищрениями были получены от

агентурных источников весьма ценные сведения по радарам, по автоматическому управлению артиллерийским огнем и по некоторым прицельным устройствам, которые показывали на испытаниях настолько поразительную точность, что сами американцы то ли в шутку, то ли всерьез называли их «прицелами третьей мировой войны».

Большой интерес для советских ученых представляла регулярно поступавшая от источников Феклисова информация о заседаниях Координационного комитета США по радиотехнике. Она позволяла находиться не только в курсе всех разработок, ведущихся в Соединенных Штатах, но и давала возможность знать перспективные планы американцев по радиотехнике на ближайшие годы и на этом основании выходить с обоснованными предложениями в правительство о создании и развитии новых отраслей науки и техники. Так получилось с данными агента Кордела. Благодаря его информации советские конструкторы не только находились в курсе всех авиаразработок в США, но и на их основании вели научно-исследовательские работы по аэродинамике и по зарождавшейся тогда ракетной технике. С 1943 по 1946 год Кордел передал Феклисову около трехсот наименований совершенно секретных разработок по авиации общим объемом более 70 тысяч листов описаний, чертежей и схем.

Активная разведывательная деятельность Феклисова не осталась незамеченной со стороны ФБР. В конце 1945 года все чаще стала вестись слежка, а потом в течение двенадцати дней за ним установили плотное наружное наблюдение, когда бригады американских детективов менялись через каждые три-четыре часа. Чтобы не подвергать опасности грамотного оперработника и сберечь его для дальнейшего использования в закордонных мероприятиях, Центр решил отозвать его из Нью-Йорка, направив 4 апреля 1946 года письмо в МИД СССР:

> т. Вышинскому А. Я.
>
> Прошу Вашего распоряжения об отзыве в Москву Фомина Александра Семеновича, работающего с 1941 года стажером в советском генконсульстве в Нью-Йорке.
>
> *Абакумов.*

Но лишь 26 августа того же года семья Феклисова смогла отплыть от берегов Америки на пароходе «Старый большевик».

* * *

В середине мая 1947 года Феклисова вызвали в отдел кадров МИД. Он предполагал, что кого-то из чиновников американского отдела не устраивал его отчет о работе по дипломатической линии. Но он ошибся в своих догадках: в МИДе с ним пожелал встретиться посол СССР в Англии Г. Н. Зарубин. Удостоверившись после общего пятиминутного разговора на английском в хорошем знании Феклисовым иностранного языка, посол предложил ему должность второго секретаря посольства.

— Разрешите мне посоветоваться с женой, — попросил Феклисов.

— Можете передать ей, что и для нее найдется хорошая работа. Я жду от вас ответа не позднее завтрашнего дня, — заключил Зарубин.

В тот же день о состоявшейся беседе с послом Феклисов доложил руководству разведки, которое дало ему указание дать положительный ответ.

— Сделанное вам послом предложение очень кстати, — заметил заместитель председателя Комитета информации при Совете Министров СССР П. В. Федотов, — Мы, между прочим, тоже уже дали указание своему кадровому аппарату начать оформление вас в долгосрочную командировку, и именно в Англию. А тут вам тем более подфартило: сам посол пообещал хорошее прикрытие. Давайте, давайте ему согласие…

Постажировавшись по одному месяцу в английских отделах Комитета информации и МИДа СССР, Феклисов после детального инструктажа и письменного задания по встрече в Лондоне с очень важным агентом — источником ценной информации по атомной бомбе — отплыл на пароходе «Белоостров» в Великобританию. Вместе с ним отбыли из Москвы еще четыре оперработника, которые должны были составить костяк оперативной группы по научно-технической разведке. Руководство ею после отъезда из Лондона Джерри (В. Б. Барковский) возлагалось теперь на Юджина (английский псевдоним А. С. Феклисова). Главное задание для разведывательной группы было определено в Москве: получение достоверной информации о ходе секретных работ в области создания и совершенствования ядерного оружия.

Самым ценным источником по этой проблеме являлся ранее работавший в США, в Лос-Аламосской лаборатории («Манхэттенский проект»), доктор Клаус Фукс. Это о нем в книге «Атомные шпионы» Чарльз Уайтон писал: «Профессор Пайерлс и его коллеги считали, что Фукс — физик от Бога, обладающий исключительными способностями, что его голова работает как вычислительная машина…» А руководитель теоретического отдела в Лос-Аламосе Ганс Бете так характеризовал своего

земляка: «Он один из наиболее ценных людей моего отдела. Скромный, трудолюбивый, блестящий ученый, внесший большой вклад в успех программы «Манхэттен». Над этой программой работали двенадцать нобелевских лауреатов из США и Европы. Даже в сравнении с ними Фукса считали выдающимся ученым-физиком, и потому ему поручали решение самых сложных и важных физико-математических расчетов и обоснований. В числе ведущих ученых Лос-Аламоса он присутствовал при испытании первой в мире атомной бомбы в штате Нью-Мексико.

Советская разведка поддерживала с ним связь в Америке только через вспомогательного агента, от него поступали самые ценные сведения, которые, по заключению И. В. Курчатова, ускорили решение проблемы по созданию отечественного ядерного оружия, а его информация по водородной бомбе дала возможность начать эти работы в СССР раньше, чем в США.

В Англию Клаус Фукс (агент Чарльз) вернулся осенью 1946 года, где его сразу же назначили главой отдела теоретической физики Научно-исследовательского атомного центра в Харуэлле. Отец американской ядерной бомбы Роберт Оппенгеймер, ставший к тому времени директором Принстонского университета фундаментальных исследований, не раз приглашал его к себе на высокие должности, но Клаус Фукс отказывался. И вот наступил момент, когда на связь с этим суперагентом должен был выходить напрямую представитель советской разведки Фомин.

Первая явка была запланирована в пивном баре в отдаленном от центра районе Лондона. Приехав на место встречи заблаговременно, чтобы еще раз изучить обстановку, Юджин в оставшееся до назначенного часа время вспомнил обстоятельную инструктивную беседу с генерал-лейтенантом Р. С. Савченко: «… всю работу с Фуксом строить с учетом пожеланий ученого, быть предельно внимательным к нему и всегда помнить, что он является нашим идейным соратником. Превыше всего ставьте заботу о его безопасности, вступать в контакт с ним только при полной уверенности, что ни за тобой, ни за ним нет слежки. К каждой последующей встрече с Чарльзом подходить надо с максимальной ответственностью, с заранее разработанными нешаблонными способами взаимодействия с ним. План каждой вашей явки будет утверждаться в Центре лично мною. Помните, что в такое сложное и опасное время, когда «холодная война» достигает максимальной интенсивности, только беспредельная преданность Чарльза, его огромное мужество и крепкие нервы позволят продолжать вам обоим тайные встречи…»

Под влиянием этих воспоминаний Фомин снова тщательно проверился и, не обнаружив ничего подозрительного, крадучись,

«подчалил» к бару. Чарльз прибыл без опозданий и зашел в бар. За ним последовал и Фомин. Как произошла их встреча, об этом А. С. Феклисов довольно подробно и красочно рассказал в своей книге «За океаном и на острове», вышедшей в 1994 году в издательстве «ДЭМ»:

«…Как было условлено, Фукс, держа в руке стакан с пивом, подошел к щиту с фотографиями известных английских боксеров. Там уже стояло несколько человек, обсуждавших достоинства спортсменов. Через несколько секунд к этой группе присоединился и я. В обсуждение вступил Фукс и согласно паролю произнес фразу:

— Брюс Вудкок — самый лучший боксер Великобритании за все времена.

На это я заметил:

— Томми Фарр значительно лучше Брюса Вудкока.

Это был отзыв.

Начались споры. Оставив беседовавших у щита, Фукс поставил стакан на стойку, поблагодарил бармена и вышел на улицу. За ним никто не последовал. Через минуту то же самое сделал я. Увидев на улице агента, двинулся за ним, догнал и, поздоровавшись, назвал его по имени. Затем представился ему Юджином.

Деловая беседа прошла во время прогулки по малолюдным улицам. Выяснилось, что по своей инициативе Фукс принес важные материалы по технологии производства плутония, которые он не мог достать в США […].

Я попросил ученого ответить на несколько вопросов, что он охотно сделал. Выслушав, передал ему задание на листке бумаги с вопросами, по которым просил его подготовить информацию к следующей встрече. Клаус Фукс внимательно прочитал записку и возвратил ее, сказав, что сможет это выполнить.

Далее мы обусловили очередную встречу и систему запасных явок на случай, если агент не сможет прийти. Я опасался, что он перепутает время, дни, места обусловленных встреч, поэтому попросил его условными знаками пометить их в своей записной книжке. Однако Фукс ответил, что не хотел бы этого делать, он все хорошо запомнил. Чтобы убедиться в этом, я предложил повторить обусловленную систему встреч. Улыбнувшись, он повторил все без единой ошибки […].

Здесь же мы договорились о способах взаимной проверки, перед тем как вступать в личный контакт.

— Я рад нашему разговору, — заметил Клаус, внимательно посмотрев мне в глаза. После небольшой паузы он, улыбнувшись, спросил:

— Неужели ваш «бэйби» скоро появится на свет?

— О каком «бэйби» идет речь? — ответил в вопросом на вопрос.

— Я имею в виду советскую атомную бомбу. Судя по вашим устным и письменным вопросам, я понимаю, что года через два в СССР взорвут эту «штучку».

Я отказался комментировать высказывание Клауса, сославшись на свою некомпетентность и неосведомленность в этих вопросах.

Но он с заметной радостью продолжил:

— Я вижу, что дела у советских коллег продвигаются успешно. Никто из американских и английских ученых не ожидает, что Советский Союз создаст свою «штучку» ранее чем через шесть — восемь лет. Для этого у СССР, считают они, нет достаточного научного, технического и промышленного потенциала. Я очень рад, что они ошибаются.

Прощаясь, я взял у Фукса довольно пухлый пакет с материалами и поблагодарил его за помощь…»

Полученные от Чарльза материалы, по оценке Центра, были весьма ценны, они позволяли сэкономить стране 200–250 миллионов рублей (рубль был тогда дороже доллара США) и сократить сроки создания атомной бомбы. К оказанию помощи советским ученым Чарльз относился всегда серьезно, старался полностью выполнить все их задания, которые передавались ему Юджином.

С осени 1947 года Юджин провел с Чарльзом шесть встреч, на которых агент передал объемную и весьма ценную информацию по ядерной проблеме. «Вот наименования только некоторых из его материалов, — сообщает в своей книге А. С. Феклисов:

— детальные данные о реакторах и химическом заводе по производству плутония в Уидскейле;

— сравнительный анализ работы урановых котлов с воздушным и водяным охлаждением;

— планы строительства завода по разделению изотопов;

— принципиальная схема водородной бомбы и теоретические данные по ее созданию, которые были разработаны учеными США и Англии в сорок восьмом году;

— результат испытаний американцами урановоплутониевой бомбы в районе атолла Эниветок;

— справка о состоянии англо-американского сотрудничества в области производства атомного оружия […].

Секретные материалы Клауса Фукса были наиболее ценными, так как отличались научностью, содержательностью, убедительностью и систематичностью. Кроме того, они прошли

апробацию на практике».

Подробная информация была Феклисовым получена от Клауса Фукса в 1948 году. Она содержала следующие разделы:

— расчетные размеры и эффективность действия термоядерной бомбы («малая» бомба — основной заряд 1 тонна дейтерия, радиус действия ударной волны 8 км, «большая» бомба — 10 тонн дейтерия, действие ударной волны на площади 26 ООО кв. км);

— скорости реакций, рассеяние нейтронов дейтерием и скорости обмена энергией между заряженными частицами;

— скорость образования энергии и бесконечная среда идеальных температур;

— потери на излучение и потери на тормозное излучение электронов;

— радиационные потери, обратный эффект Комптона;

— пространственные эффекты и воспламенение в пространственном поле излучения.

Об этой информации было доложено в ЦК 28 апреля 1948 года, а 24 мая в Лондон сообщили, что она получила наивысшую оценку у потребителей, которые попросили выяснить, ведется ли кроме теоретических изысканий разработка самой конструкции водородной бомбы, если ведется, то кем и где.

29 августа 1949 года была взорвана первая советская атомная бомба. Неожиданно быстрое ее появление вызвало в правительственных кругах США и Англии переполох: русские агенты выкрали у них ядерные секреты. ФБР проанализировало все материалы на Клауса Фукса и заподозрило его в этом. Но поскольку никаких доказательств у американской контрразведки не было, она вышла на его связника Раймонда (Гарри Голда). Тот двумя годами раньше в связи с предательством работавшей на советскую разведку Елизаветы Бентли уже привлекался к суду по обвинению в шпионаже, но ввиду отсутствия достаточных улик был тогда освобожден. На сей раз он после нескольких хитроумных допросов и усиления нажима растерялся и, вообразив, что ФБР уже все известно, дал полные показания о своих встречах с Клаусом Фуксом в Нью-Йорке и Санта-Фе (недалеко от Лос-Аламоса).

Центр после ареста Чарльза[147] посчитал целесообразным немедленно отозвать Феклисова в Москву, полагая, что Клаус Фукс не выдержит изощренных пыток допросами и может сообщить следствию о своих встречах с советским разведчиком Юджином.

Но для окончательного решения этого вопроса Центр запросил мнение лондонского резидента. Многоопытный Б. Н.

Родин дал Москве мудрый совет:

> …Нужно исходить из того, что МИ-5 ведет усиленное наблюдение за советскими сотрудниками и наверняка ожидает: разведчик, работавший с Фуксом, поспешит убраться из Англии. Таким образом, отъезд Фомина означал бы, что именно он был связан с Фуксом, и его, возможно, задержат, когда он сядет в самолет, на теплоход или в поезд. Поэтому я предлагаю — не торопиться с принятием решения о срочном отзыве Фомина…

Взвесив все доводы «за» и «против», в Центре решили повременить с отъездом Феклисова, пока не будут получены подробные сведения о причинах провала Клауса Фукса и о том, что он рассказал о своих встречах с советской разведкой.

После суда над агентом данных о провале Фомина резидентура не получила. Спустя два месяца, когда шпионские страсти в Лондоне вокруг дела Клауса Фукса улеглись, Центр дал команду резиденту, чтобы Феклисов возвращался в Москву.

* * *

В начале апреля 1950 года Феклисов вернулся со своей семьей домой, получил повышение по службе — стал заместителем начальника английского отдела, а после смерти И. Сталина его назначили заместителем главного советника МГБ при чехословацких органах госбезопасности. В течение двух с половиной лет он оказывал им помощь в создании собственной разведывательной службы, потом вернулся в Москву, где вскоре возглавил самый престижный в разведке американский отдел. Это подразделение Первого Главного Управления КГБ при СМ СССР (ПГУ) вело работу с легальных позиций во всех странах Западного полушария.

В 1959 году полковник Феклисов участвовал в обеспечении безопасности первого за всю историю советской власти официального визита главы государства Н. С. Хрущева в Америку.

После этого ничего не изменившего во взаимоотношениях двух стран визита Феклисова вызвал начальник ПГУ А. М. Сахаровский и сообщил:

— Мы хотим вас направить резидентом в США. Как начальник первого отдела, вы хорошо знаете Соединенные Штаты и все наши разведывательные проблемы там. Надеюсь, с вашей стороны возражений не будет?

Феклисов заколебался:

— Не будет, но я бы не хотел снова ехать в США.

Сахаровский улыбнулся, покачал головой, потом сказал:

— Мне понятно ваше нежелание ехать в США. Там, конечно, очень сложная обстановка и поэтому трудно работать. Но у нас нет сейчас другого опытного работника, которого мы могли бы направить резидентом в такую важную точку, как Вашингтон.

— Хорошо, я согласен.

В Вашингтон он поехал на должность советника посольства СССР в США. Там в это время в самом разгаре была борьба за пост президента. Победу одержал 43-летний Джон Кеннеди. В связи с его приходом к власти А. А. Громыко заменил своего почти шестидесятилетнего посла М. А. Меньшикова на более молодого, но достаточно опытного дипломата-американиста А. Ф. Добрынина. Этим и другими политическими шагами окружение Н. С. Хрущева стремилось установить хорошие, плодотворные контакты с новой американской администрацией. Однако радужным надеждам советского руководства не суждено было сбыться. Администрация Кеннеди, как и все предшествующие президенты, продолжала проводить прежнюю внешнюю политику с позиции силы и не намеревалась отказываться от мирового лидерства и борьбы с социалистической системой. Отношения между США и СССР носили непоследовательный, нервозный характер — то ухудшались, то улучшались.

Весной 1961 года США предприняли попытку свергнуть режим Фиделя Кастро на Кубе с помощью армии наемников, подготовленной ЦРУ. Возрастала также напряженность между США и СССР из-за Западного Берлина, когда ГДР возвела стену, разделившую бывшую столицу Германии на две части. Потом внезапно разразился карибский кризис, поставивший мир у края пропасти — на грань ядерного столкновения. Это была самая острая конфронтация между СССР и США за всю историю отношений между этими странами, когда война могла начаться в любую минуту.

А начиналось все так: после того как план вторжения американских наемников на Кубу завершился 19 апреля 1961 года полной катастрофой — все интервенты попали в плен или погибли, ЦРУ и Пентагон по указанию президента Кеннеди, жаждавшего реванша, начали готовить новый план вторжения на Кубу, чтобы свергнуть режим Ф. Кастро. Получив эти сведения, Хрущев решил разместить на Кубе ракеты, чтобы предотвратить нападение на остров.

В середине октября 1962 года американские разведывательные самолеты У-2 засекли на кубинском острове

строящиеся стартовые площадки для ракет средней дальности. Реакция Белого дома была мгновенной: на заседаниях сформированной при президенте «кризисной группы» генералитет Пентагона при поддержке бывшего госсекретаря Д. Ачесона, директора ЦРУ Д. Маккоуна и отчасти помощника президента по национальной безопасности М. Банди выступили за немедленную бомбардировку советских ракетных установок. Еще решительнее были настроены «ястребы» войны: некоторые из генералов предлагали даже возможность использования атомной бомбы.

Но Кеннеди после некоторых колебаний отверг все это и заявил о том, что предпочтение должно быть отдано переговорам и компромиссам, не забывая при этом и о силовом нажиме. В конце концов было принято предложение о введении морской блокады Кубы: на близлежащие к ней базы было стянуто в течение суток большое количество американских войск. В боевую готовность были приведены 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии, 18-й парашютный корпус, вокруг острова было сосредоточено свыше 180 военных кораблей. Половина стратегической авиации находилась в состоянии готовности № 1. С грузом атомных бомб на борту круглые сутки висели в воздухе бомбардировщики Б-52. Если самолет садился для дозаправки топливом или смены экипажа, то другой тут же взлетал и занимал его позицию.

Война была настолько близка, что Белый дом, Пентагон и ЦРУ обсуждали уже список лиц, которых следовало допустить в правительственное бомбоубежище, а также какого уровня руководителей оповещать об эвакуации из Вашингтона в отдаленные районы США.

21 октября Фомин (Феклисов) направил в Центр телеграмму о чрезвычайном заседании под председательством Кеннеди кабинета вместе с руководством Пентагона. На другой день в своем обращении к народу Кеннеди объявил об угрозе безопасности США, сложившейся в результате поставок советских ракет на Кубу. В тот же день Хрущев направил американскому президенту послание, в котором морская блокада Кубы расценивалась как «беспрецедентные агрессивные действия», отвергалось и право США устанавливать контроль над советским судоходством в международных водах. Во избежание «катастрофических последствий для мира во всем мире» предлагалось отменить меры, объявленные Кеннеди.

Очевидно, после ознакомления с этим посланием Фомина неожиданно пригласил на завтрак внешнеполитический обозреватель телекомпании Эй-би-си Джон Скали. Он был вхож в

семейство Кеннеди, хорошие отношения у него сложились и с госсекретарем США Дином Раском, которого он часто сопровождал в поездках.

Встретились они в расположенном в центре Вашингтона ресторане «Оксидентал». Будучи давно уже знакомым с советником посольства СССР Фоминым, Скали сразу начал обвинять Хрущева в агрессивной политике и авантюризме, вспомнил встречи в Вене, где советский лидер вместо переговоров пытался навязать Кеннеди свою позицию по Западному Берлину, а теперь, мол, грозит Америке ракетным ударом с Кубы.

— Он что… считает Кеннеди молодым и неопытным политиком? — возмущался Скали. — Ну-ну… Ваш премьер глубоко заблуждается, и скоро вы в этом убедитесь! Пентагон уже заверил президента, что в случае его согласия военное ведомство в сорок восемь часов покончит с советскими ракетами и режимом Фиделя Кастро.

Тут уже не выдержал невозмутимый Фомин:

— Зря вы так набрасываетесь на советского лидера и в его лице на весь Советский Союз. Насколько мне известно, наше руководство считает Кеннеди способным и дальновидным государственным деятелем. Думаю, что он разумный человек и остановит воинственных генералов и адмиралов, собирающихся втянуть его в величайшую авантюру. Это во-первых. А во-вторых, кубинский народ готов защищать свою свободу не на жизнь, а на смерть. Прольется много крови, и США понесут чувствительные потери. В-третьих, ваш президент должен отдавать себе ясный отчет, что вторжение на Кубу равносильно предоставлению Хрущеву свободы действий. Советский Союз может нанести удар по уязвимому месту в другом районе мира, имеющему важное военно-политическое значение для Вашингтона.

Скали, видимо, не ожидал такого ответа. Молча посмотрев Фомину в глаза, он спросил:

— Думаешь, что это будет Западный Берлин?

— Вполне возможно.

Как продолжался дальше этот диалог и что было потом, об этом рассказывает сам Фомин (Феклисов) в книге «За океаном и на острове»:

«— Но США и союзные войска будут упорно защищать Западный Берлин, — парировал мой собеседник.

— Знаешь, Джон, когда в бой идет тысячная лавина советских танков, а с воздуха на бреющем полете атакуют самолеты-штурмовики, то они все сметут на своем пути. Кроме того, войска ГДР поддержат наступательные действия советских дивизий. Я

думаю, что им вряд ли потребуется более двадцати четырех часов, чтобы сломить сопротивление американских, английских, французских гарнизонов и захватить Западный Берлин.

На этом наша полемика закончилась. Молча мы допили остывший кофе, обдумывая сложившуюся ситуацию. Затем Скали как бы про себя произнес:

— Выходит, война с ее непредсказуемыми последствиями не так уж и далека. А из-за чего она может начаться?

— Да просто из-за взаимного страха, — ответил я, — Куба опасается вторжения американцев. А США — ракетного обстрела с Кубы.

Никаких попыток сформулировать предложение о выходе из возникшего кризиса мы не делали, лишь проиграли первые ступени эскалации возможной войны. Выразив надежду, что наши руководители не допустят возникновения бойни, мы расстались. Я пошел докладывать содержание беседы послу, а Скали отправился в Белый дом.

Здесь я должен сказать: никто меня не уполномочивал говорить Скали о возможном захвате Западного Берлина как ответной мере СССР на вторжение американцев на Кубу. Это походило на порыв моей души. Я действовал на собственный страх и риск, не думал о последствиях, ибо был убежден, проанализировав создавшуюся ситуацию, что дела развернутся именно таким образом. Теперь, задним числом, мне совершенно ясно: да, я рисковал, но не ошибся.

Чего я не ожидал, так это того, что мои слова будут быстро доведены до сведения хозяина Белого дома и что через два-три часа Кеннеди передаст через Скали компромиссное предложение об урегулировании карибского кризиса.

Часа в четыре дня я начал докладывать Добрынину о беседе со Скали. Вдруг вошел его помощник Олег Соколов и сообщил, что меня срочно к телефону просит Скали. Когда я взял трубку, он попросил немедленно встретиться с ним.

Через десять минут мы уже сидели в кафе отеля «Статлер», находившегося между посольством и Белым домом. Не теряя времени, Скали заявил, что, по поручению «высочайшей власти», он передает следующие условия решения карибского кризиса:

1) СССР демонтирует и вывозит с Кубы ракетные установки под контролем ООН;

2) США снимают блокаду;

3) США публично берут на себя обязательство не вторгаться на Кубу.

Скали добавил, что такое соглашение может быть оформлено в рамках ООН.

Я быстро записал и прочитал Скали все, что он мне сказал. Он подтвердил — правильно. Затем я попросил Джона уточнить, что означает термин «высочайшая власть»? Чеканя каждое слово, собеседник произнес:

— Джон Фитцджеральд Кеннеди — президент Соединенных Штатов Америки.

Я заверил Скали, что немедленно доложу предложение послу, и оно, надеюсь, будет немедленно послано в Москву. В то же время я обратил внимание моего собеседника на то, что предлагаемые условия не совсем равнозначны. Если вывоз ракет с Кубы производится под контролем ООН, то под наблюдением ООН должен быть произведен и отвод американских войск, стянутых в юго-восточные районы США для вторжения на остров. На это Скали заметил, что такое добавление осложнит и затянет достижение соглашения в период, когда время является самым существенным элементом в разрешении конфликта. И взволнованно добавил, что военные продолжают давить на президента и требуют согласия на вторжение […].

Я еще раз заверил Скали, что переданное мне предложение будет немедленно сообщено в Москву.

Однако одно обещать, а другое — сделать. Быстро у меня не получилось. Я составил подробную телеграмму о двух встречах со Скали и передал послу для отправки в Москву за его подписью. Добрынин минимум три часа изучал проект телеграммы, а потом вызвал меня и сказал, что не может послать ее, так как МИД не уполномочивал посольство вести такие переговоры. Удивившись нерешительности посла, я подписал телеграмму сам и передал шифровальщику для отправки по каналу резидентуры своему шефу, начальнику разведки КГБ генерал-лейтенанту А. М. Сахаровскому […].

Утром следующего дня мы с большим волнением ждали ответа из Москвы. Решалось: быть войне или нет. Время шло, но Добрынину из Москвы ничего не поступало. Зато мне пришла депеша из Центра: Сахаровский подтвердил, что получил мое сообщение, и попросил повторить его по мидовскому каналу за подписью посла. Я ответил, что пытался сделать это еще вчера, но Добрынин отказался […].

Утром в разгар заседания исполкома в Белом доме президенту принесли сообщение, что над Кубой сбит самолет У-2, а пилот, майор Р. Андерсен, убит. Реакция членов исполкома была почти единодушной: завтра утром американская авиация должна бомбить все ракетные установки на Кубе. Но президент не давал согласия, медлил… Возможно, он ждал ответа Хрущева на его предложение, переданное через Скали. А ответа из Москвы

все не было.

Обстановка на заседаниях исполкома достигла крайнего напряжения. От споров все устали и находились в подавленном состоянии. Впоследствии Р. Кеннеди писал: «И росло ощущение, что вокруг нас, вокруг американцев, вокруг всего человечества стягивается петля, из которой высвободиться становится все труднее».

Как я узнал позднее, в такой же тревожной атмосфере с 22 октября работало советское руководство. Все члены Политбюро находились на казарменном положении — безвыездно жили в Кремле.

Вечером 26 октября от Хрущева в адрес Кеннеди пришло два послания. Первое — примирительное, с проблесками желания достичь соглашения, второе — более жесткое. Ответ, подготовленный госдепартаментом после полудня 27-го, президенту не понравился. Он поручил Р. Кеннеди и специальному помощнику президента Т. Соренсену быстро составить другой текст. Через сорок пять минут проект был готов. Ссылаясь на первое послание Хрущева, американская сторона подтверждала, что также желает урегулировать кризис мирным путем. Далее повторялись условия соглашения, которые накануне направил президент Кеннеди через канал Скали — Фомин. Кеннеди подписал ответ, который открытым текстом был передан Хрущеву.

В субботу Скали вновь вызвал меня на встречу. В резких выражениях он стал обвинять меня в обмане и коварстве. Утверждал, что переговоры с ним я намеренно затягиваю, якобы для того, чтобы закончить монтаж ракетных установок и сосредоточить новые самолеты Ил-28 на Кубе. Не раз повторял, что своим поведением я-де поставил его в глупое положение перед руководителями США.

Как мог, я старался успокоить Скали. Несколько раз разъяснял ему, что каналы связи на Москву забиты […].

Скали направился прямо в Белый дом и рассказал Кеннеди и исполкому о содержании нашей беседы.

В книгах, изданных в США, пишут, что в субботу, 27 октября, Р. Кеннеди встречался с Добрыниным. В одних указывается, что их встреча состоялась в советском посольстве, а в других — в кабинете министра юстиции. В действительности же они встречались дважды в этот день. Я был свидетелем их первой встречи в посольстве. По вызову Добрынина около 14 часов я пришел в зал на втором этаже, где он сидел вместе с Р. Кеннеди на диване и о чем-то беседовал. Мне показалось, что диалог шел трудно. Я приблизился к ним. Посол, нервничая, обратился ко

мне за какой-то справкой. Его речь, в отличие от обычного, была сбивчивой. Я сразу понял, что мой приход был нужен не послу, а его собеседнику. Р. Кеннеди сидел наклонившись и пристально глядел на меня изучающим, а может быть, и осуждающим взглядом. Он пришел в посольство, видимо, для того, чтобы лично посмотреть на советника Фомина и удостовериться, передал ли тот послу известное предложение президента.

Вторая встреча между ними состоялась в тот же день вечером. До четверти восьмого ответ от Хрущева не поступил. Президент поручил брату вновь поговорить с Добрыниным. Встреча состоялась в кабинете Р. Кеннеди. Министр юстиции заявил послу:

— Мы должны получить заверение, что не позже завтрашнего дня ракетные базы будут демонтированы… Москва должна понять, что если эти базы не снесет она, то снесем их мы.

Со своей стороны, Добрынин, действуя в соответствии с последним письмом Хрущева, направленным Кеннеди, настаивал, чтобы США согласились в обмен на вывоз советских ракет с Кубы убрать американские ракеты «Юпитер» из Турции. Доводы посла, исходившие из принципа равной безопасности, были весьма убедительными. Роберт Кеннеди, после консультации по телефону с Белым домом, заявил, что президент Кеннеди согласен […].

Поздно вечером министр юстиции встретился еще с советником нашего посольства Ю. Большаковым,[148] через которого главы СССР и США иногда обменивались конфиденциальными письмами. В беседе Р. Кеннеди повторил Большакову то, что уже сказал Добрынину. При этом подчеркнул, что если в ближайшие сутки не поступит положительного ответа из Москвы, президенту будет невозможно сдержать военных от вторжения на Кубу.

Тот факт, что эмиссары Белого дома 27 октября настойчиво, целых четыре раза (!), добивались от советского посольства быстрого ответа Кремля на сделанное президентом предложение, свидетельствовало о желании Джона Кеннеди избежать военного конфликта, решить возникший кризис мирным путем и тем самым избежать гибели тысяч и тысяч людей — американских, советских и кубинских граждан.

Ответ Хрущева пришел в Белый дом в девять часов уфа в воскресенье, 28 октября. Он принес огромное облегчение.

Предложение Кеннеди и ответ Хрущева о мирном улаживании карибского кризиса были немедленно направлены Генеральному секретарю ООН У Тану, который вместе с представителями СССР и США В. Н. Зориным и Эдлаем

Стивенсоном должен был оформить официальное соглашение по этому вопросу.

29 октября и 3 ноября Скали приглашал меня на завтраки в шикарные рестораны (как стало известно позднее, он делал это по рекомендации президента). Мой собеседник просил меня назвать ресторан, где мы смогли бы отведать изысканные блюда и распить бутылку хорошего вина. Он несколько раз повторил, что мы заслужили это».

То, что Фомин и Скали, которые проложили свою собственную линию связи Вашингтон — Москва — Вашингтон, заслуживали больше, чем президентское угощение, свидетельствует выставленная в витрине вашингтонского ресторана «Оксидентал» медная мемориальная дощечка. На ней выбиты слова: «За этим столом во время напряженного периода карибского кризиса (октябрь 1962 г.) было внесено предложение вывести ракеты с Кубы, сделанное загадочным русским мистером «Икс» телекорреспонденту Эй-би-си Джону Скали. В результате этой встречи была предотвращена угроза возможной ядерной войны». Этим загадочным мистером «Икс» являлся резидент разведки КГБ полковник Феклисов Александр Семенович, он же Фомин А. С., он же Юджин в Великобритании и Калистрат в Нью-Йорке.

Сам Феклисов не согласен с содержанием текста на табличке.

— Думаю, что такие оценки несколько преувеличенны, — говорит он. — По своему невысокому служебному положению я и Скали, особенно если сравнивать нас с главами СССР и США, не могли взять на себя столь серьезную ответственность за предотвращение надвигавшегося военного конфликта. Я был бы горд, если бы на самом деле лично формулировал условия мирного разрешения возникшего кризиса. Скорее всего, наша встреча в ресторане «Оксидентал» могла послужить лишь толчком для принятия решения руководителями двух стран.

Так оно и было на самом деле. Хозяин Белого дома, ознакомившись с содержанием первой беседы Фомина и Скали, сформулировал условия разрешения кубинского кризиса. Затем президент поручил Скали срочно встретиться с Фоминым еще раз и от его имени попросил через советника советского посла передать руководству СССР свои компромиссные предложения. Что Скали и сделал на второй встрече в кафе отеля «Статлер».

— От кого исходила инициатива во время драматических событий октября 1962 года, — продолжает А. С. Феклисов, — это, конечно, тоже важно. Но главное все же в том, что, подойдя к краю пропасти, руководители супердержав поняли смысл того, какая страшная катастрофа могла тогда разразиться в мире.

Достигнутый ими компромисс был первым в истории примером ответственного подхода двух ядерных государств к вопросам войны и мира в условиях, когда их интересы столкнулись напрямую. А если в целом оценивать значение урегулирования карибского кризиса, то оно, на мой взгляд, стало предтечей, точкой отсчета на пути к последующему достижению советско-американских соглашений по ракетно-ядерному оружию. Главное, что ни в 1963 году, ни позже не возникало новых кризисных ситуаций.

В этом диалоге Александр Семенович Феклисов выглядит больше политиком, чем разведчиком, он говорит «я был бы горд, если бы…». Но никаких «если бы»! Ему есть чем гордиться: когда стране нужны были секреты атомного оружия, он успешно добывал их сначала в Нью-Йорке, потом в Лондоне. А подошло время спасать мир от угрозы применения этого же оружия — и он помог преодолеть тот короткий промежуток времени в истории, в период которого война была близка и реальности. Проявив тогда политическую волю, решительность и выдержку во имя спасения мира, он своим непосредственным участием в погашении карибского кризиса помог людям земного шара дожить до более светлого времени, когда новой реальностью стало осознание невозможности применения такого оружия.

* * *

Я просмотрел двухтомное досье № 34 375 на Феклисова А. С. и обнаружил, что за пятьдесят лет своей службы и работы по вольному найму в разведке он был свидетелем разработки атомного и водородного оружия, не только был причастным к урегулированию мирового кризиса, связанного с возможностью применения этого оружия, но и участником создания трех документальных телефильмов о советской внешней разведке. Кроме того, он являлся прототипом главного героя пьесы Федора Бурлацкого о карибском кризисе, которая в течение пяти лет шла на сцене Московского театра сатиры. Что 27 января 1989 года А. С. Феклисов участвовал и выступал на международном симпозиуме по октябрьским событиям 1962 года. Что тогда он снова, через 27 лет, встретился со своим бывшим визави, прилетевшим в Москву в составе американской делегации, Джоном Скали, который на последнем закрытом заседании «круглого стола» сказал: «Я внимательно прослушал выступление Александра Фомина о характере и содержании наших дискуссий в октябре 1962 года. Я уважаю мистера Фомина и согласен с ним,

что мы сыграли значительную роль в то время…»

На страницах того же досье рассказывается о встречах А. С. Феклисова в США — с В. М. Молотовым и Н. С. Хрущевым, с послом К. С. Уманским и великими русскими композиторами С. В. Рахманиновым и А. Т. Гречаниновым, со всемирно известными дирижерами Артуро Тосканини и Бруно Вальтером, выдающимся басом Полем Робсоном и с одним из крупнейших социологов двадцатого века, патриотом своей Родины Питиримом Сорокиным, о котором В. И. Ленин в свое время писал как о прогрессивно мыслящем человеке и что на него следует обратить особое внимание всех коммунистов; в Великобритании — с писателем Бернардом Шоу и А. Я. Вышинским, с министрами иностранных дел Англии и Франции Э. Бевином и Д. Бидо.

В последние двенадцать лет до ухода в отставку А. С. Феклисов тоже не сидел сложа руки, он все время работал: сначала — заместителем начальника Краснознаменного института по подготовке иностранцев к разведывательной деятельности, готовил для них лекции и учебные пособия на английском языке, потом вел научно-исследовательскую работу в области разведки, результатом которой стала успешная защита диссертации на звание кандидата наук. После выхода на пенсию он, по совету К. М. Симонова, занялся литературным трудом. И, кстати, тоже успешно: два года назад в московском издательстве «ДЭМ» в серии «О разведке и шпионаже из первых рук» вышла его первая книга «За океаном и на острове».

И вот недавно, 15 июня 1996 года, к многочисленным наградам разведчика Александра Семеновича Феклисова — двум орденам Трудового Красного Знамени, двум — Красной Звезды, ордену «Знак Почета» и Отечественной войны II степени — добавилась еще одна, самая высокая: за выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей Родины ему присвоено звание Героя Российской Федерации.

«Атомная одиссея» Алексея

… Он стал разведчиком в 26 лет. Родился в Аккермане в 1913 году.

После окончания школы трудился на сахарном заводе в Большой Грибановке Тамбовской губернии, потом перебрался в Москву и устроился там чернорабочим. Затем стал строителем и слесарем. В 1933 году поступил в полиграфический институт. Окончив его, распределился на картографическую

фабрику имени Дунаева. Не успел он проработать и года, как его вызвали на Старую площадь…

На третьем этаже здания ЦК ВКП(б) за длинным столом кабинета № 316 сидели трое крупных немолодых уже мужчин. Один из них — позже Яцкову стало известно, что это был начальник внешней разведки НКВД Павел Михайлович Фитин, — обратил внимание на закрепленный на лацкане его пиджака значок парашютиста.

— Это что у вас? Для украшения или как? — начал он ознакомительную беседу.

— Нет, значок честно заработан мною.

— И сколько же вы совершили прыжков?

— Около тридцати, — коротко ответил немногословный, угловатый Яцков.

— Прекрасно! А какой вы язык изучали?

— Немецкий.

— Тоже неплохо…

Все трое внимательно всматривались в сосредоточенное бесхитростное лицо Яцкова.

Прощупывающая беседа длилась почти сорок минут.

Кандидат на службу в органы НКВД произвел приятное впечатление.

— Вы нам подходите, — заключил Фитин. — Но сначала вам придется поучиться. Ждите, вас вызовут.

Яцков ждал долго: лишь через полгода кто-то позвонил в партком фабрики и попросил передать, чтобы он прибыл 5 июня к 9 часам утра к Планетарию на Садовом кольце с необходимыми для учебы вещами.

5 июня к Планетарию подъехала крытая брезентом «полуторка», и Яцкова вместе с еще несколькими молодыми людьми доставили в разведывательную школу, располагающуюся в добротном деревянном доме на окраине Балашихи.

Парашютные прыжки Яцкову в разведшколе не понадобились, знание немецкого языка — тоже: он попал во французскую группу (его готовили для работы в Париже). Целый год Яцков усердно изучал новый язык, но и он[149] не понадобился ему: Францию оккупировали фашисты, а советское загранучреждение, под крышей которого ему предстояло вести разведывательную деятельность, закрылось. Ему предложили поработать в американском отделении, а потом поехать в Нью-Йорк.

— Но я же не знаю английского языка… У меня же — французский, — возразил Яцков. — Если можно, направьте меня во Францию, но только не в Америку.

— Во Франции — немцы. Туда можно ехать только в качестве нелегала. Вы к этому не готовились. Поедете в Штаты под фамилией Яковлев. Ваш оперативный псевдоним — Алексей. Итак, даем вам три месяца на английский. Не успеете изучить его здесь — доучите там, в Америке…

Овладеть новым языком за столь короткий срок Яцков, конечно, не сумел. Поэтому в Нью-Йорке ему дали дипломатическое прикрытие стажера генконсульства и посадили на прием американских граждан, чтобы в постоянном общении с ними он побыстрее мог освоить разговорный английский язык.

Работая без переводчика, молодой стажер испытывал муки сам и вынужден был мучить посетителей консульства, переспрашивая и уточняя непонятные слова и словосочетания. Чтобы не чувствовать себя белой вороной ни в консульстве, ни среди своих коллег в резидентуре, Яцков — Яковлев относился к разговорной практике очень ответственно. Такого подхода к изучению языка требовал от него и Павел Пастельняк (Лука), который стал после провала многоопытного Овакимяна исполнять обязанности резидента.

— Без знания английского ты просто-напросто не сможешь вербовать американцев, — предупреждал Лука молодого разведчика.

— Ну почему же? В нашей секции[150] есть сотрудники, которые владеют только русским. И ничего… живут неплохо… Вербуют, работают, как все, с агентурой, — язвительно заметил Анатолий Яцков.

Лука со злостью посмотрел на него и сказал:

— Но они и довольствуются малым… контактами с белоэмиграцией, и только… От вас же, молодых и неиспорченных, мы будем требовать иного класса разведывательной работы, иного уровня связей. Я имею в виду не среди эмиграции, а в среде коренных жителей — представителей научной и технической интеллигенции. Поэтому ты уже сейчас, работая на приеме посетителей консульства, должен устанавливать полезные для нашей разведки контакты. Чтобы впоследствии они могли бы пополнить агентурную сеть ценными источниками информации. И помогать тебе в этом, в том числе и в скорейшем освоении английского, будет Твен.[151] Он уже согласился взять на себя функции наставника. Считай, тебе крупно повезло! Это самый опытный и самый результативный разведчик нашей секции. К тому же он бакалавр наук. Проходил стажировку в Бостоне, в Массачусетском технологическом институте. Постарайся взять от него хотя бы частицу его знаний и опыта…

Попав под начало Твена, можно сказать, на новое разведывательное «поле» (ранее Яцков как стажер больше использовался на побегушках), он старался не подвести своего старшего товарища, когда тот стал давать ему все более сложные и ответственные задания и посвящать его в разработку острых оперативных мероприятий по добыванию необходимой информации. Постепенно у него тоже стало кое-что получаться, появились доверенные лица, первые «заделы» по вербовкам.

Когда Яцков наконец уверовал в свои силы и способности — а это заметили и Лука, и Твен, — ему с санкции Центра позволили в 1942 году подготовить и осуществить первую в его жизни самостоятельную вербовку американца — специалиста по радиоэлектронике. Эта акция прошла успешно, агент взял себе в качестве псевдонима фамилию любимого им русского поэта Блока. Агент Блок оказался поставщиком очень важной для Советского Союза информации по новым радиоприборам, используемым в авиации и в средствах противовоздушной обороны. Добытые через Яцкова материалы получили в Москве самую высокую оценку конструкторов-оборонщиков. Дальше — больше: источник стал приносить на встречи готовые образцы приборов. Общая стоимость переданных для СССР образцов электронных устройств составила за год более 150 тысяч долларов США (по тем временам это была весьма солидная сумма.)

Были замечены и профессиональные задатки Яцкова — и в нью-йоркской резидентуре, и в Москве. В нем с того времени стали видеть перспективного, подающего надежды разведчика. Только этим можно было тогда объяснить принятое Центром решение, которое обязывало резидентуру передать на связь Алексею (Яцкову) не просто одного источника, а целую агентурную группу «Волонтеры», возглавлявшуюся завербованным еще в Испании в 1938 году американцем Моррисом Коэном (Луис). Но поработать с Луисом в годы войны Алексею не удалось: в 1942 году того призвали в армию, а затем отправили на европейский театр военных действий.

Руководство группой «Волонтеры» взяла на себя его жена, Леонтина Коэн (Лесли). Это была удивительная женщина! Она словно родилась для разведки: смелая, решительная, находчивая, артистичная — чем-то даже похожая на Мату Хари. Лесли привлекало все — и романтика, и острые ощущения, и жажда невероятных приключений. Но больше всего подкупали ее самостоятельность и стремление довести любое дело до конца. Это она, участвуя с Яцковым в первичной разработке одной разведывательной операции, после утверждения в Центре сама и

реализовала ее с помощью своего же подысточника Фрэнка. Агент вынес с завода ствол экспериментального авиационного пулемета, а потом вместе с мужем она ухитрилась переправить его в советское консульство в футляре самого большого музыкального инструмента — контрабаса. Это была опасная операция, вызвавшая удивление даже у асов разведки, но благодаря мужеству и хладнокровию Луиса и Лесли она прошла успешно.

* * *

В 1943 году из Москвы в Нью-Йорк перебрался для активизации работы по линии НТР бывший ее начальник Леонид Квасников. Он стал заместителем резидента. В конце того же года в составе английской группы физиков, возглавляемой Рудольфом Пайерлсом, в США прибыл для работы в «Манхэттенском проекте» завербованный еще в Лондоне доктор Клаус Фукс (агент Чарльз). Встала проблема связи: поддерживать с ним контакт напрямую сотрудникам резидентуры по указанию Центра не разрешалось. Чтобы уберечь этого ценнейшего источника атомной информации от малейшей тени подозрений ФБР, предписывалось иметь для связи с такими агентами специального курьера. Им стал биохимик Гарри Голд (Раймонд). А передал его Алексею на связь Твен, которому предстояло в 1944 году выехать из США (он переводился на работу в Париж).

От Чарльза к Яцкову шли очень ценные материалы по разработке американцами и англичанами первой ядерной бомбы. От него же были получены первичные данные о том, что основные атомные объекты находятся в Ок-Ридже (уран-235), в Хэнфорде (плутониевый завод), в Клинтоне (диффузионный и завод по электромагнитному разделению), в Чикаго — Металлургическая лаборатория (проблема выделения плутония) и в далеком штате Нью-Мексико Лос-Аламосская лаборатория. Из всех этих объектов самым главным и строго-настрого засекреченным являлся Лос-Аламос. Это была, как окрестили местные острословы, «мертвая зона генерала Гровса». Проникнуть туда было весьма сложно и рискованно. Генерал Гровс разработал и применил такие крутые меры безопасности, что и речи не могло быть о появлении вблизи этой особой режимной зоны посторонних лиц, тем более иностранцев, особенно из числа граждан СССР.

Однако советская разведка проникла и на этот объект: в 1944 году Яцков вербует предложившего свои услуги молодого ученого из Металлургической лаборатории Чикагского университета

Персея, который к тому времени был уже приглашен на работу в Лос-Аламос. В качестве его связника Анатолий Яковлев (Яцков) приобретает через два месяца еще одного агента — его друга по университету — Стара.

В направленной тогда в Центр шифровке Квасников по поводу этого блестящего успеха, достигнутого Яцковым, отмечал:

> .. Активно заработал в последнее время Алексей. Благодаря своим способностям и упорству он быстро овладел английским языком. Работать стал более ответственно и серьезно, продумывая тщательно и всесторонне каждую явку. Через него резидентура получает достаточно много ценных материалов по «Энормозу» и другим отраслям народного хозяйства. Алексей самостоятелен, тверд и принципиален и мог бы еще более успешно выполнять серьезные задания, если бы поменять ему легенду прикрытия.
>
> Ходатайствую о поощрении Алексея…

Связник Стар дважды встречался с Персеем: один раз — в Чикаго, второй раз — в Альбукерке, расположенном недалеко от Лос-Аламоса. Но встречаться им в одном и том же городе дважды Центр в интересах их же личной безопасности не разрешил: Альбукерке, как и Лос-Аламос, был насыщен агентами ФБР — они могли заподозрить Персея в несанкционированных ими контактах с посторонним лицом, появившимся в секретной зоне. Поэтому через некоторое время перед Яцковым встала новая задача: подобрать курьера, которого можно было бы направить в далекий штат Нью-Мексико для связи с Персеем и доставки от него материалов по атомной бомбе. Сотрудниками резидентуры были предложены три кандидатуры связников, но ни одна из них не отвечала требованиям, предъявляемым Центром.

— А почему бы нам не послать туда Лесли? — спросил Яцков резидента. — Я понимаю, что для женщины это будет нелегкая, изнурительная поездка, связанная с большим риском. Знаю, что, возможно, будут даже приключения, но она, я считаю, как никто другой, справится с нашим заданием. Это же настоящая разведчица! Можно сказать, профессионал! Я уверен, что она выпутается из любой сложной ситуации. И Центр согласится с ее кандидатурой. Там тоже ее знают как жесткого профессионала.

Квасников колебался:

— Но она же работает! Да и под каким предлогом она поедет туда?

Яцков задумался. После долгой паузы твердо ответил:

— Возьмет отпуск. Встреча-то должна состояться как раз в

пору летних отпусков — в середине августа. И предлог у нее есть хороший для поездки.

— Это какой же? — удивился его шеф.

— Очень простой. На лечение.

— Какое может быть лечение в пустыне?

— Но там есть горы. Я хорошо изучил по справочникам этот район Америки и должен доложить вам, что в Альбукерке, где должна произойти встреча с Персеем, есть климатологический курорт Рио-Гранде. Возьмет сама или мы ей сделаем через Центр врачебное заключение, и поедет она как положено.

— Ну, хорошо, — согласился резидент, — Готовь обоснование в Центр, план и условие встречи, отступную легенду. И сам готовься к ее инструктажу.

Задание Лесли выполнила, но, как и предполагал Яцков, не без приключений, связанных с огромным риском и задержкой возвращения в Нью-Йорк на две недели.

«Атомные секреты» с того времени стали поступать из Лос-Аламоса постоянно. Информация Персея и Чарльза, который тоже начал там работать, часто перекликалась и дополняла друг друга.

Об этом же свидетельствовали и отзывы, собственноручно подготовленные руководителем советского атомного проекта академиком И. В. Курчатовым: «…На основании внимательного ознакомления с материалами разведки у меня осталось впечатление, что они отражают истинное положение вещей…»

«Обзорная работа по проблеме урана представляет собой прекрасную сводку последних данных по основным теоретическим и принципиальным направлениям проблемы…»

«…Удалось миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения…»

В конце таких отзывов Курчатовым всегда ставились новые задачи перед разведкой:…было бы исключительно важно иметь более подробную информацию по этой системе…» Или: «… обращаюсь к Вам (М. Г. Первухину. — *В. Ч.)* с просьбой дать указания Разведывательным Органам выяснить, что сделано в рассматриваемом направлении в Америке…»

После постановки подобных заданий начиналась обыденная, рутинная работа разведчиков, размеренные, выверенные по часам и минутам встречи с агентурой. Разведка — дело тонкое. «Она хороша тогда, — любил повторять Яцков, — когда ее не видно и не слышно, как будто нет ее вообще. Вот тогда это разведка высокого уровня. А когда начинаются погони, стрельба, рукопашная — это уже огрехи. Настоящая разведка всегда незаметна». Придерживаясь этого кредо, Яцков также спокойно,

взвешенно относился и к работе.

В представлении на правительственную награду, подписанном тогда Квасниковым — человеком жестким, требовательным, ни на йоту не отходящим от объективности и норм морали, отмечалось:

> .. Алексей решает оперативные задачи по делу «Энормоз» в весьма сложных условиях: основные американские атомные объекты находятся за тысячи километров от резидентуры, в глухих районах США, в «герметически закупоренных» зонах, откуда выезд допускается только по особому разрешению… Работу Алексей знает и любит. Будучи заместителем резидента по линии научно-технической разведки, он умело строит взаимоотношения не только с сотрудниками резидентуры, но и с дипломатическими работниками консульства. Скромен и хладнокровен. Дисциплинирован. Делу Родины предан.

В конце 1945 года Яцков назначается исполняющим обязанности резидента. Центр, чтобы обезопасить его от «ушей и глаз» ФБР, решает поднять и статус его прикрытия. В начале 1946 года он получает должность вице-консула. Но, как назло, после этих назначений Яцкова результативность «атомных» агентов пошла на убыль. Причем произошло это по независящим от резидентуры причинам. Еще до встречи с Лесли Персей, который, как известно, в свое время из гуманных, благородных соображений сам предложил свои услуги советской разведке, после испытания первой американской бомбы, как и другие крупные ученые Лос-Аламоса, подписался под письмом военному министру Генри Л. Стимсону, в котором говорилось:

> …Считаем своим долгом выступить с призывом не применять атомные бомбы для удара по Японии. Если Соединенные Штаты обрушат на человечество это слепое оружие уничтожения, они лишатся поддержки мировой общественности…

Однако администрация США не прислушалась к голосу корифеев науки: шестого и девятого августа 1945 года Хиросима и Нагасаки подверглись атомной бомбардировке. Поскольку попытки ученых-атомщиков воспрепятствовать совершению смертоносных взрывов не увенчались успехом, многие из них стали отказываться от участия в продолжении исследовательских работ. В конце 1945 года в числе других покинул Лос-Аламос и

Персей. Связь с ним была утрачена.

С этого же времени по указанию Центра работа с большей частью агентуры приостановилась. Вызвано это было тем, что если раньше, в годы войны, американские контрразведывательные органы вели борьбу в основном с германским, итальянским и японским шпионажем, то после ее окончания главным противником США становился Советский Союз и его разведка. Повлияла на обострение оперативной и политической обстановки и измена Родине шифровальщика военного атгашата в Оттаве Игоря Гузенко.

Атмосфера подозрительности и шпиономании накалялась по всей Америке. Тех, кто осмеливался симпатизировать СССР, предавали общественному остракизму, изгоняли с работы, и прежде всего с той, которая имела отношение к военным разработкам. Усилилась слежка и за сотрудниками советских загранучреждений в Нью-Йорке, особенно за теми, кто подозревался в принадлежности к разведке. Яцков ощутил это на себе: наблюдение за ним велось демонстративно, без каких-либо ухищрений. Поставив об этом в известность Москву, он стал ждать решения Центра.

Судьба исполняющего обязанности резидента была определена осенью 1946 года: в письме министра МГБ В. С. Абакумова на имя заместителя министра иностранных дел СССР В. Г. Деканозова сообщалось:

«…В связи с возникшей необходимостью просим Вас перевести из Нью-Йорка в Париж вице-консула тов. Яцкова Анатолия Антоновича.

Тов. Яцков характеризуется положительно, хорошо знает английский и французский языки. Социалистической Родине предан».

Так закончилась «атомная одиссея» резидента Алексея. Но до конца 1946 года он еще продолжал руководить нью-йоркской резидентурой, а в начале следующего года был переправлен в Париж с конкретной разведывательной целью.

> «1. Создавать агентурный аппарат по линии научно-технической разведки. Все остальное не должно Вас захлестывать и уводить от основной проблематики», — указывалось в задании.
>
> 2. Заниматься Вам надо главным образом продолжением разработки дела «Энормоз», ибо страна Вашего пребывания и в будущем будет занимать ведущее место с точки зрения применения атома в мирных целях.
>
> 3. Постепенно внедрять «своих людей» в ядерные

НИИ, службы экстракции плутония и строительства атомных котлов…»

Посол во Франции Александр Ефремович Богомолов знал, с какой целью приехал во Францию Алексей, и потому в беседе с ним в присутствии руководителя разведывательной загранточки Николая Лысенкова и Твена, который был заместителем резидента по НТР, не случайно обронил:

— Ваша задача, как я понял из рассказа резидента, — это проникновение в «Акрополь» (так условно назывались все ядерные объекты Франции). Для развертывания такой работы вам, в отличие от Семена Марковича, повезло с легендой прикрытия: вы назначаетесь сразу на должность второго секретаря нашего посольства… А Семенов по-прежнему остается уполномоченным «Совэкспортфильма». Надо вам как можно быстрее разгрузить его на вашем поле деятельности. Иначе он не сможет переключиться на проблемы его на вашем поле деятельности. Иначе он не сможет переключиться на проблемы кинематографа. И учтите, работать во Франции вам будет нелегко. Очень даже нелегко…

Когда Яцков покинул кабинет посла, Богомолов, оставшись один на один с резидентом советской разведки, признался ему:

— Анатолий Антонович произвел на меня приятное впечатление: умный, культурный и уравновешенный человек…

— Но только излишне угловатый и застенчивый, — поспешил Лысенков навязать свое мнение послу, опасаясь, что тот захочет переключить Яцкова на решение дипломатических вопросов (иногда такое наблюдалось за Богомоловым).

— Мне такие основательные люди нравятся больше, чем те, которые много мнят о себе, — парировал Александр Ефремович. — Если он действительно почти пять лет находился на Консульской работе в Штатах и к тому же хорошо знает французский язык, то он вполне может быть полезен и нам…

— Навряд ли, — опять перебил посла резидент, чтобы остановить его поползновения переманить Яцкова на дипломатическую работу. — Да, он действительно пять лет находился под крышей консульства, но занимался-то он там только разведывательной деятельностью! Вот и сюда его командировали с четко обозначенной в Москве целью…

— Ну хорошо, хорошо, мы не будем его отвлекать от решения ваших задач, — заверил резидента посол.

Богомолов сдержал свое слово: в последующее время он не перегружал Яцкова дипломатическими поручениями. Однако легче от этого ему не стало: после окончания войны осуществлять

вербовочную работу оказалось намного сложнее. Но сдержанный рыцарь разведки, великий труженик Яцков не изменил себе: он и во Франции успешно продолжал свое дело, однако это были уже не такого высокого класса источники, какие он имел в Нью-Йорке.

— Заиметь бы нам в Париже хоть одного французского Персея, Стара, Либерала или Луиса, — вспоминал Яцков, — и тогда можно было бы со спокойной чистой совестью возвращаться в Центр. Об этом, кстати, мечтал и Твен — на что уж он был мастером таких дел. Было тогда у каждого из нас на связи по шесть-семь источников информации, но все это было не то. Через полтора года истек предельный срок моей загранкомандировки. Твен, бомбардируя Москву шифровками, бил тревогу, что равноценную замену мне не смогут подобрать, что мой отъезд, мол, только затруднит его работу и тому подобное. Но порядок есть порядок, а в разведке он всегда соблюдался жестко…

* * *

В 1949 году была испытана советская атомная бомба. Многие ученые-физики, работавшие в Лаборатории № 2, удостоились звания Героев Социалистического Труда. Разведчики за проникновение в тайны «Манхэттенского проекта» и добывание актуальной информации по атомной бомбе были награждены орденами Трудового Красного Знамени, а Яцков к тому же был еще назначен заместителем начальника отдела, который возглавлял тогда Л. Р. Квасников. Через некоторое время Анатолий Антонович выехал на работу в Аппарат уполномоченного МГБ в Восточной Германии. Потом была командировка в Ирак.

По возвращении в Москву его подключили к разработке предложений по улучшению работы научно-технической разведки. Когда они были подготовлены, записку доложили в ЦК, и 10 мая 1956 года было принято закрытое решение ЦК и Совета Министров СССР, направленное на укрепление и улучшение деятельности НТР. Через семь лет в Первом Главном Управлении КГБ при СМ СССР начало функционировать управление «Т». Его деятельность стала тесно увязываться с неотложными задачами особо важных конструкторских бюро и научно-исследовательских центров. Этот разведывательный орган должен был обеспечивать отечественную науку и промышленность наиболее передовыми сведениями о состоянии и развитии науки и техники за рубежом. Аппарат нового управления был увеличен на сто человек…

Полковник Яцков возглавил тогда отдел…

* * *

Перед выходом на пенсию он работал начальником факультета Краснознаменного института разведки. Тогда же, восемь лет назад, когда завеса секретности в работе органов госбезопасности стала немного приоткрываться, и состоялось наше знакомство. Тогда я еще ничего не знал о том вкладе разведки, который она внесла в создание отечественной атомной бомбы. А потом нежданно-негаданно на страницах газет стали появляться разного рода «откровения», полные домыслов и заведомой полуправды. Некоторые центральные издания дошли до того, что, пользуясь непроверенными фактами, начали утверждать, что только благодаря разведывательным данным советские ученые смогли скопировать американскую атомную бомбу и создать свою через четыре года. Уж на что был сдержанным человеком Анатолий Антонович Яцков, но и он тогда не смог смолчать, взялся за перо и написал в «Комсомольскую правду» статью о том, что разведка никогда не претендовала в создании ядерного оружия на главенствующую роль, которая, как он считал, всегда по праву принадлежала физикам. «Самая достоверная научно-техническая информация — писал он, — становится полезной только тогда, когда понимается ее значимость. Нашу бомбу создавали ученые, инженеры, рабочие, а не разведка. А сведения, добытые ею, только ускорили эту работу…»

Так же четко он выразился в ответ на одну из публикаций в «Военно-историческом журнале»:

> …Не надо целовать руки разведке. Я никогда не видел смысла заниматься зряшным делом — взвешивать на аптекарских весах каждый факт, подчеркивающий значительный и исключительный вклад ученых-физиков или, наоборот, разведчиков. Ученые сами с усами. Получая полезную информацию, они сверяли ее со своей, отбрасывали малоперспективные, тупиковые направления. Информация разведки позволяла нащупать новые ориентиры и, как подчеркивал И. В. Курчатов, «… миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы…».

Анатолий Антонович — интеллигент в первом поколении. На любой вопрос о работе в США или во Франции, в Ираке или

Германии он привычно прислушивается к внутреннему голосу, голосу совести. И хотя американские газеты шумно, запальчиво писали о нем как о супершпионе двадцатого века, он не похож на него. Скромный обыкновенный человек, с обостренным чувством гражданственности и ответственности. В нем не было позы, этакой вызывающей бравады, манеры рассуждать свысока, зато был иронический склад ума, непоказная независимость мысли. В нем преобладали хладнокровие, расчетливость и дальновидность. Он был больше похож на ученого или философа и на каждый мой вопрос всякий раз, как говорят спортсмены, уходил в глухую защиту.

Воспроизвожу лишь одно его очень важное размышление по поводу любопытной проблемы: почему ученые-физики, строго предупрежденные американским генералом Гровсом и агентами ФБР, посчитали все же нужным раскрыть СССР великую тайну США?

Вот его ответ: «В лагере противника были люди, понимавшие, что будущее человечества связано с социализмом. Они сознавали, какой страшной силой будет обладать американский империализм, создав атомную бомбу, и какую опасность представляет это для судеб человечества. Острота проблемы, ее жизненно важный, может быть, роковой характер придавали им решительность, и они без колебаний шли на передачу Советскому Союзу секретной информации, значение которой нельзя переоценить.

Немаловажное значение для деятельности внешней разведки имел тот факт, что Советский Союз находился в состоянии смертельной схватки с гитлеровской Германией и, естественно, все прогрессивные люди тянулись к нему и старались поддержать в борьбе с фашизмом. Однако подняться до понимания необходимости передачи Советскому Союзу атомных секретов его союзников по антифашистской коалиции мог только тот, кто твердо стоял на позициях социализма и явно понимал временный характер этого союза. Были случаи, когда такие люди сами искали подходы к нам, причем делали это конспиративно, через надежных посредников, отлично понимая, что им самим идти на прямой контакт с советскими представителями нельзя.

И совсем не случайным является также то, что среди всей «атомной агентуры», как источников информации, так и агентов, выполнявших вспомогательные функции, не было ни одного человека, который бы сотрудничал на какой-либо другой основе, кроме идейно-политической. В такой стране, как США, где все продается и покупается, где идеи наживы входят в кровь и плоть каждого американца, материальная основа не нашла своего

развития в той области, где затрагивались жизненные интересы государства, а страх возмездия был непомерно велик.

Вывод напрашивается сам собой и подтверждается всем шестидесятилетним опытом нашей разведки, особенно в периоды острых кризисов, предвоенных ситуаций и в годы войны, когда речь идет об обеспечении Советского государства такой ценной информацией, которая позволит «не просмотреть непосредственной угрозы нападения на нашу Родину», когда речь идет о добывании информации, имеющей действительно жизненно важное значение как для нас, так и для противника — а это как раз и является той целью, ради которой разведка создается и имеет право на существование, — нам не обойтись без людей такого склада, как герои «Красной капеллы», как те, что в июньские ночи 1941 года переплывали Буг, чтобы сообщить о нападении фашистской Германии, как немецкий коммунист Р. Зорге, как те американцы, которые не могли допустить, чтобы Советский Союз остался безоружным перед грозящей опасностью атомной войны».

В семьдесят два года Анатолий Антонович Яцков вышел в отставку. Но возраст не отложил своего отпечатка — он по-прежнему был энергичен и собран, регулярно играл на теннисных кортах в Лужниках, писал, ничего не придумывая и не домысливая, статьи в газеты и журналы (а знал и помнил он очень многое), всегда был внимателен к товарищам и друзьям по службе, спокоен и доброжелателен. Таким он и остался в памяти тех, кто знал его. Умер полковник Яцков весной 1993 года. А летом 1996 года указом Президента ему в числе других разведчиков-атомщиков было присвоено звание Героя Российской Федерации.

Послесловие

Создание ядерного оружия и последующее развитие ядерной энергетики и промышленности решительно изменили весь мир. Основы этой «ядерной революции», началом которой послужило открытие деления ядер урана под действием нейтронов (1938), были заложены во время второй мировой войны, прежде всего в США и СССР. Первыми ядерный реактор и атомную бомбу создали американцы (декабрь 1942 и июль 1945). Затем, с опозданием всего лишь на четыре года, что для всего мира стало большой неожиданностью, это сделали в Советском Союзе: первый реактор в Европе был запущен в декабре 1946 года, а первая советская атомная бомба испытана в августе 1949 года. Впервые экспериментальный термоядерный взрыв был осуществлен США в 1952 году, а первая в мире водородная бомба создана уже в СССР — в 1953 году. Аналогичную бомбу американцы взорвали годом позже. В 1947–1948 годах начали работать первые реакторы в Англии и Франции. В 1954 году в СССР (Обнинск) вступила в строй первая в мире атомная электростанция, а в США — первая атомная подводная лодка. В 1959 году спущен на воду первый в мире атомный ледокол «Ленин». Так человечество вступило в ядерную эпоху.

Как Советскому Союзу в тяжелейшие годы войны и послевоенного восстановления народного хозяйства удалось догнать США и встать вровень с ними в создании атомных реакторов и ядерного оружия? Конечно, это было бы невозможно без развития фундаментальной науки и создания в СССР в 30-е годы весьма передовой ядерной физики. Имена советских ученых И. Е. Тамма, В. А. Фока, Я. И. Френкеля, И. В. Курчатова, Л. Д. Ландау хорошо знало мировое научное сообщество. Фундаментальными исследованиями занималась целая плеяда замечательных молодых физиков, выполнивших накануне войны важные работы по проблемам атомного ядра и, в частности, ядерного деления: Г. Н. Флеров, К. А. Петржак, Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, И. Я. Померанчук, И. И. Гуревич, И. К. Кикоин и другие. И тем не менее по научному, а главное — научно-техническому и промышленному потенциалу в этой области мы уступали Германии, Англии, США, Франции. И здесь решающую роль сыграла возможность быстрой концентрации усилий на одном направлении, поскольку в условиях централизованного управления государством, экономикой и наукой партийно-государственный аппарат СССР обладал безграничной властью. Решения высшего руководства проводились в жизнь хорошо

отлаженной административно-командной системой, были подкреплены огромным, не знавшим жалости ведомством репрессий. Политическая машина обеспечивала эффективную идеологическую и пропагандистскую поддержку атомного проекта. Все это сделало возможным высвобождение значительных ресурсов общества за счет беспрецедентного в истории человечества целенаправленного сокращения потребляемой населением доли распределяемого государством национального дохода. В реализацию замыслов центрального руководства были включены не только усилия выдающихся ученых и организаторов производства, но и самоотверженный труд сотен тысяч строителей, рабочих и инженеров, в том числе заключенных сталинских лагерей, на урановых рудниках, строительстве десятков и сотен объектов.

И вот теперь выясняется, что и советская разведка внесла в это дело огромный вклад. На Западе и в последнее время у нас не раз сообщалось, как много ценнейшей информации передал советским ученым крупный ядерщик Клаус Фукс, участник английского и американского атомных проектов. В документальной повести В. Чикова перед нами впервые предстает еще одна фигура такого же масштаба, тоже крупный физик-ядерщик, с самого начала принимавший участие в разработке «Манхэттенского проекта». Настоящее имя его пока должно остаться в тайне, в документах разведки он фигурировал как Персей.

Именно они — К. Фукс и Персей — стали источниками в высшей степени секретной информации по урановой проблеме, что значительно уменьшило материальные расходы на ее решение в СССР и сократило наше отставание от американцев до четырех лет. В повести приводятся убедительнейшие доказательства этого — фрагменты письменных «отзывов» И. В. Курчатова, руководителя советского атомного проекта, на материалы разведки. Они относятся к 1943–1946 годам, содержат достаточно высокую оценку разведывательной информации и, как правило, ряд конкретных дополнительных вопросов-заданий типа: «Было бы желательно получить…», «Очень важно было бы знать…», «Поэтому было бы крайне важно выяснить…» и т. п.

Никогда еще в советской литературе о шпионаже деятельность разведки не была представлена так полно и аргументированно, на основе таких неоспоримых доказательств, как ее собственные архивные документы. По совершенно понятным причинам большинство архивов разведывательных служб любой страны скрыто в недоступных хранилищах, и, возможно, навсегда. В одной из старейших разведок —

английской Интеллидженс сервис — до сих пор засекречены некоторые материалы, относящиеся к шестнадцатому веку. А здесь, в повести В. Чикова, представлены документы менее чем пятидесятилетней давности, причем окруженные особой секретностью. Речь идет о материалах, показывающих организацию разведывательного канала поступления из США информации по атомной проблеме.

До недавнего времени даже и не предполагалось, чтобы из архивов внешней разведки с грифом «совершенно секретно», «хранить вечно» можно было бы извлечь и рассекретить хотя бы одно дело. И только благодаря тому, что в 1990 году была поставлена точка в истории «холодной войны», это стало возможным. В процессе работы над книгой автор собрал и суммировал значительный материал по одной из интереснейших проблем второй мировой войны — о деятельности советской разведки в США и Великобритании по добыванию информации, связанной с началом работ по созданию первой в мире атомной бомбы. Им исследовано семнадцать томов архивного дела № 13 676, более пяти тысяч страниц различных документов, исходивших из центрального аппарата внешней разведки в Москве и ее резидентур за границей, что позволило почерпнуть богатейший материал, ранее никем не использованный в документальной или научной литературе.

В повести основной акцент сделан на том, как действовали советские разведчики там, в США, и здесь, в Москве, и как это было трудно и рискованно. Повесть наряду с известными уже именами Рудольфа Абеля, Гордона Лонсдейла и Джорджа Блейка впервые выводит из-под покрова тайны новых советских разведчиков — Твена, Джонни, Клода, Джерри, Антона, Максима и доселе неизвестных нам разведчиков-интернационалистов, бывших граждан США Морриса и Леонтину Коэн, которые с 1943 года принимали непосредственное участие в получении материалов о проектировании и создании в Лос-Аламосской лаборатории первой атомной бомбы («Манхэттенский проект»), а с 1956 года — в добывании секретных данных по Портонской лаборатории, занимавшейся в Англии созданием бактериологического оружия, и по военно-морской базе в Портленде. Показывая их деятельность в США и Великобритании, автор при этом использует не только архивные материалы — многочисленные донесения резидентур, сообщения агентов, письма, меморандумы, рапорты, шифротелеграммы с резолюциями И. Сталина, Л. Берии, В. Меркулова, М. Первухина, И. Серова, А. Шелепина, В. Семичастного, А. Громыко, М. Суслова, Ю. Андропова, но и воспоминания самих участников событий и

тех, кто их хорошо знал.

Следует также заметить, что люди, которые добывали и передавали разведывательные материалы, те же Фукс и Персей, супруги Коэны и многие другие, помогали нашей стране, когда она была на переднем крае борьбы с фашизмом; они были убежденными антифашистами и, как правило, приверженцами социализма, а в послевоенное время — борцами за сохранение мира. Материальные соображения в их выборе не играли роли.

Несомненный интерес для читателей представляют страницы книги, описывающие «технологию» вербовки Луиса в Испании и ученого-атомщика Персея в США.

Для воссоздания полной картины разработки ядерной программы в СССР публикуемые в повести материалы, особенно упомянутые «отзывы» Курчатова, крайне важны и интересны. По ним отчетливо прослеживаются главные поворотные моменты в развитии советской атомной программы: выбор в качестве основного диффузионного метода разделения изотопов урана, ставка на плутониевый вариант атомной бомбы и потому на «урановый котел», выбор графита в качестве замедлителя и т. д.

Возникает принципиальный вопрос: не умаляет ли подвиг разведчиков значение подвига создателей атомной бомбы? На наш взгляд, история дает на эти вопросы достаточно определенные ответы. Нет никаких сомнений в том, что советские физики были способны решить все эти проблемы вполне самостоятельно. Более того, они внесли в развитие и фундаментальной ядерной физики, и ее научно-технических приложений свой собственный огромный вклад. В СССР были найдены оригинальные решения множества сложных технических задач и технологических проблем, и во многих случаях эти решения были более эффективными, чем за рубежом.

Оценивая роль внешней разведки в создании атомной бомбы в СССР, следует иметь в виду, что бомбу в конечном счете создают не разведчики, а специалисты, опирающиеся на технические достижения и материальные ресурсы страны. Любая научно-техническая информация приносит пользу только тогда, когда она попадает на благодатную почву, то есть когда понимается ее необходимость и есть возможность ее реализации. Ценность разведывательной информации по атомной проблеме состояла именно в том, что она эффективно реализовывалась. Да и сами разведчики, как показано в повести, свой вклад оценивают достаточно скромно, признавая, что без соответствующего научного и технического потенциала, без самоотверженного труда ученых, инженеров и рабочих было бы невозможно реализовать самую полную и достоверную разведывательную

информацию.

И тем не менее бесспорно одно — велик и до сих пор не оценен по достоинству подвиг тех разведчиков и агентов, кто, воюя на своей или чужой земле, забывая порой настоящее имя, ежечасно рискуя жизнью, вызывая к себе ненависть одних, восхищение и уважение других, сделал все возможное, чтобы помочь отвратить грозившую всем нам катастрофу, кто в самый трудный период «холодной войны» встал между двумя системами и внес свой вклад в предотвращение возможной термоядерной войны.

Использование уникальных, до недавнего времени секретнейших архивных материалов в увлекательно написанной повести наводит на мысль о том, что, по-видимому, настало время для подготовки научной публикации, то есть хорошо документированной истории советского атомного проекта, причем не только на основании архивов КГБ СССР, но и архивов тех научных и технических учреждений, в которых создавалась ядерная мощь страны.

Во второй части книги читатель найдет не менее важные сведения о деятельности нелегалов-разведчиков в Великобритании по добыванию информации о бактериологическом оружии, разрабатываемом в Портоне, а также о создаваемых в Портлендском научно-исследовательском центре новых видах электронной, магнитно-акустической и тепловой аппаратуры для обнаружения подводных лодок, мин и других видов морского и противолодочного оружия. Разведывательная информация подобного характера имела важное значение для проведения аналогичных работ по оборонной тематике в советских НИИ и КБ.

Что же позволило внешней разведке проникнуть в тщательно охранявшиеся от Советского Союза сокровенные тайны главных западных держав? Если отвлечься от деталей, от самой, так сказать, техники разведывательной работы (от которой, конечно, всегда зависит очень многое в том смысле, что она может способствовать реализации наметившихся возможностей и может отрицательно сказаться на результатах самой перспективной разработки), то следует сказать, что успех советской разведки объяснялся умелым сочетанием таких факторов, как присущая ей целеустремленность, аккуратность, точность и быстрота. Несмотря на огромные усилия, американская разведка так и не сумела своевременно установить и информировать президента Трумэна о том, в каком состоянии находятся в Советском Союзе разработки атомного оружия, и во многом благодаря этому монополия США на атомную бомбу продолжалась недолго —

всего четыре года.

Повесть «Нелегалы» отражает часть истории нашей страны и той политической обстановки, которая складывалась в ней и вокруг нее в 40–60-х годах, убеждает в том, что разведывательные службы оказывали и оказывают гораздо большее влияние на ход истории, нежели на историков. «За любым крупным событием, — как говорил автор известной книги «Война умов» Ладислас Фараго, — за спиной каждого государственного деятеля, причастного к этим событиям, стояли разведчики, однако авторы научных хроник — то ли из-за высокомерия, то ли из чувства брезгливости — игнорируют их вклад и редко называют их имена. Даже те политики, дипломаты, генералы и ученые, кому секретные агенты оказали неоценимую помощь, как правило, умалчивают об этом…»

Автор повести «Нелегалы», опираясь на документальные материалы внешней разведки, сделал заслуживающую одобрения попытку исправить это упущение.

Борис Козлов, доктор философских наук

Владимир Визгин, доктор физико-математических наук

Приложения

Обращение к читателю агента ФБР Роберта Ламфиера, подготовленное им к французскому изданию этой книги

Моя цель заключается не в том, чтобы вынести общее суждение об этой книге, а единственно в том, чтобы сделать некоторые замечания с точки зрения агента ФБР, находившегося с автором по разные стороны баррикады во время тайной войны между советской и американской разведывательными службами. Я надеюсь, что эти ремарки будут небесполезны для читателя, который собирается познакомиться с историей внедрения советских агентов в «Манхэттенский проект».

Мои первые шаги в плане недопущения активности советских секретных служб относятся к 1945 году. К этому времени у меня уже был накоплен четырехлетний опыт работы в качестве специального агента ФБР. Во время войны я занимался не только расследованиями федеральных преступлений, но также и делами, связанными со шпионской деятельностью нацистских спецслужб.

Как только нацисты были повергнуты, ФБР почувствовало удовлетворение от хорошо проделанной работы. В последующие годы мне не оставалось ничего иного, как окончательно остановиться на этой специфической работе. Но, с другой стороны, проблема противостояния советским секретным службам казалась в то время менее определенной, поэтому я поначалу опасался, что это направление может оказаться нерезультативным, и посему я всячески от него отмежевывался.

Тем не менее я остался в том же секторе и на протяжении последовавших десяти лет работал в нем. В 1947 году я был переведен из Нью-Йорка в центральный аппарат ФБР в Вашингтоне и назначен генеральным инспектором группы, занимавшейся проблемами борьбы с советским шпионажем.

Затем я стал ответственным работником подразделения, которое анализировало зашифрованные послания, циркулировавшие между консульством СССР в Нью-Йорке и центральным аппаратом КГБ. Шифр был разгадан, и мы стали черпать из перехваченных сообщений все необходимые данные.

В книге «Война ФБР — КГБ: история специального агента», изданной в США в 1986 году и написанной мною вместе с Томом Шахтманом, я уже рассказывал об этом периоде моей карьеры, теперь скажу дополнительно несколько слов. В целом моя изначальная точка зрения была абсолютно четкой: советские секретные службы осуществляли свою деятельность практически

непрерывно, это была ожесточенная деятельность, нацеленная на жизненные интересы Америки. Находясь на этой работе, я был вынужден вступать в контакты с бывшими американскими коммунистами, такими, как Элизабет Бентли, и с советскими агентами, такими, как «атомный» шпион Клаус Фукс, не говоря уже о Джулиусе и Этель Розенбергах, чья судьба оказалась столь же драматичной, сколь и удручающей.

Редко вспоминают, особенно в произведениях, посвященных периоду «холодной войны», что до второй половины 40-х годов ФБР никогда не концентрировалось на проблеме советской опасности. Во время второй мировой войны оно защищало США от шпионажа и саботажа, осуществлявшихся странами оси Рим — Берлин — Токио, и практически весь потенциал и личный состав ФБР был ориентирован на решение этой задачи. В 1944 году, к примеру, личный состав ФБР насчитывал 7 тысяч агентов, причем более тысячи человек было приписано к бюро в Нью-Йорке, наиболее важному и активному. Из всех этих тысяч только пятьдесят или шестьдесят человек входили в состав подразделения, занимавшегося проблемами советского шпионажа. Все остальные сотрудники были нацелены на розыск авторов «федеральных преступлений» или фашистских агентов. Охота, объявленная за нацистским шпионом Эрихом Гимкелем, которая описана в моей книге, дает некоторое представление о распределении сил.

В 30-е и в начале 40-х годов контрразведывательные акции, направленные против операций советских служб, были для ФБР делом десятым. Изучая материалы бюро, чтобы войти в курс, я был потрясен столь малой активностью ФБР в этой области. Полученные нами от советского перебежчика Виктора Кравченко в 1944 году предупреждения по поводу враждебных действий СССР и двойной игры, которую вел Сталин, стали для меня откровением. В дальнейшем на основании личного многолетнего опыта я убедился, что он был более чем прав. Все средства оказались хороши для нашего «великого союзника» времен отечественной войны и для «храброго дяди Джо» — так американская пресса любила называть Сталина, — чтобы внедряться в правительственные учреждения США и осуществлять разведку в области программы создания атомного оружия. Все, что творили русские разведчики, должно быть отнесено на счет их ловкости, но и в не меньшей степени в целом на счет их секретных служб, действительно очень компетентных. Потому НКВД — КГБ всегда было на голову выше и опережало ФБР.

Советское внедрение в американские правительственные органы началось в 30-е годы, когда резидент московского

разведцентра Гайк Овакимян сумел туда проникнуть при помощи функционера компартии Джакоба Голоса. ФБР взяло Овакимяна на крючок в 1941 году, и Министерство юстиции уже было готово выдвинуть обвинение против него, но в дело вмешался госдепартамент, благодаря чему ему было позволено вернуться в Россию. Объяснялось это тем, что на Советский Союз только что напала фашистская Германия и с политической точки зрения было признано «некорректным» выдвигать обвинения против одного из главных советских шпионов в Америке. По возвращении в Москву крупный специалист по США Овакимян возглавил подразделение, специализировавшееся на проведении антиамериканских операций. Читатель настоящего произведения встретится с Овакимяном и другими офицерами НКВД — КГБ, такими, как Василий Зарубин (он же Зубилин), Анатолий Яцков (он же Яковлев), Вильям Фишер (он же Рудольф Абель), другими советскими разведчиками, известными нашему ФБР. Читатель в равной степени узнает и об ученом-физике, работавшем в Лос-Аламосе, человеке, который наконец-то установлен и который поставлял секретную информацию Советам. Его псевдоним был Персей.

Лишь спустя несколько лет, уже после того как Лос-Аламос был нашпигован советской агентурой, я узнал об операциях, которые НКВД проводил в Америке во время войны. В 1948 году я работал вместе с блестящим дешифровальщиком по имени Мередит Гарднер, которого я снабжал необходимыми ему материалами и информацией. Я восхищался той ловкостью, с которой он расшифровывал шифры НКВД, действовавшие с 1944 до весны 1945 года. Расшифровка советских секретных посланий — это мечта любого контрразведчика, поскольку, даже если эти послания относятся к прошлому периоду, их расшифровка имеет огромное практическое значение. Наша работа позволила идентифицировать более двухсот людей, вовлеченных в советские шпионские операции […].

Расшифрованные послания позволили нам выяснить, каким образом Москва осуществляла руководство операциями в Америке, как в Москве решались вопросы методики, вербовки, и отдельные детали, связанные с определением места встречи с агентом и паролей нью-йоркских явок. Все это убеждает нас в том, что советские разведчики не действовали на свой страх и риск; они поддерживали постоянную, порой ежедневную связь со своим руководством на Лубянке. Книга Владимира Чикова, основанная на документальных материалах дела КГБ № 13 676, рисует широкую картину этой деятельности и постоянного согласования между советскими агентами в Нью-Йорке и

центральным аппаратом в Москве.

Вместе с тем расшифрованные сообщения, которые приводит полковник Чиков, не совсем соответствуют, как я припоминаю, тем сообщениям, которые мы читали вместе с Гарднером. В рукописи Чикова они сильно отредактированы. Телеграммы из Нью-Йорка, которые мы расшифровывали, были написаны телеграфным языком […]. Версию автора я понимаю так: Чиков решил переписать на свой манер все шифротелеграммы для того, чтобы придать им более литературный вид, или для того, чтобы не было полного сходства с оригиналами, в результате чего нами могли бы быть раскрыты другие шифры. Я тем не менее полагаю, что для большей красноречивости стоило бы сохранить стиль советских посланий: это придало бы книге больше правдивости.

После этого замечания есть смысл вновь вернуться в прошлое и благодаря книге Владимира Чикова побродить по знакомым улицам Нью-Йорка, в котором человек в длиннополом пальто оставляет на стене шпионскую метку мелом или втыкает сигнальную кнопку на скамейке в сквере, а может быть, и случайно услышать вежливое обращение к кому-то с вопросом-паролем: «Не встречались ли мы в прошлом году в Мадриде?» Узнать новые сведения о мэтре советского шпионажа Анатолии Яцкове, которого я знал как вице-консула СССР Яковлева и за которым мне приходилось даже вести наблюдение. Вновь встретиться с Моррисом и Лоной Коэн, которых я никогда лично не знал, но которые, и в этом я абсолютно уверен, осуществляли связь между полковником Рудольфом Абелем и Джулиусом и Этель Розенбергами. Узнать детали о контактах четы Коэнов с «атомным» шпионом, который, как утверждает Владимир Чиков, всегда проживал в Америке, испытывая гордость за свои подвиги в информировании русских о создании атомной бомбы, и который по-прежнему находится в тени, не будучи идентифицирован. Этого загадочного персонажа, стоящего в центре повествования, как я уже говорил, называли Персей […].

То, что кличка этого ценного для советской разведки шпиона позаимствована из греческой мифологии, само по себе небезынтересно. В посланиях КГБ, которые мы расшифровывали, встречалось много псевдонимов, взятых из того же источника. Наиболее важным из них был Гомер. Этот псевдоним присвоен британскому изменнику Дональду Маклину, члену знаменитой «кембриджской пятерки». В своей книге «Моя тайная война» другой член этой шпионской сети, Ким Филби, повествует о попытках ФБР установить Гомера. Я всегда считал, что этот раздел его книги был чем-то вроде намека, адресованного Западу, чтобы дать понять, что он передал КГБ сведения о разгадке их

шифра. Следующее кодовое название, взятое из античности, было Тир — так обозначался Нью-Йорк. У меня сложилось вполне определенное мнение, что кто-то в аппарате НКВД — КГБ имел явную слабость к греческой мифологии.

Упоминая в рукописи Розенбергов, Владимир Чиков говорит о них совсем немного. Являясь полковником КГБ, он доводит до нас именно официальную версию своих секретных служб в отношении этой супружеской пары, то есть версию, в соответствии с которой спустя сорок пять лет по-прежнему не признается, что они были советскими «атомными» шпионами.

Это отрицание противоречит высказываниям Никиты Хрущева, который утверждал, что был свидетелем разговора Сталина с министром иностранных дел Молотовым, во время которого отмечалось, что Розенберги передали СССР очень ценную информацию. В равной степени оно противоречит мемуарам бывшего разведчика Павла Судоплатова, писавшего, что Овакимян завербовал Розенбергов, которые, однако, выполняли лишь второстепенную роль в качестве агентов-связников. Этот тезис опровергается и тем, что в 1995 году ЦРУ обнародовало сорок девять перехваченных советских шифротелеграмм, которые доказывают, что Розенберги были вовлечены в сферу «атомного» шпионажа. Обнародованные сообщения являются частью кипы документов, расшифрованных Мередитом Гарднером, а опубликование двух тысяч других документов той же серии предусмотрено в перспективе. С другой стороны, автор книги дает детализированный портрет четы Коэнов.

Я встречался с полковником Владимиром Чиковым в Москве. Мы совместно работали, если можно так сказать, над тремя фильмами. Я снялся в одном из них в 1990 году и высказал там собственную точку зрения о Коэнах, а также дал общее суждение о системе советского шпионажа. Это был российский документальный телефильм «Полвека тайн», в котором Владимир Чиков выступал в качестве консультанта.

Отдельные кадры оттуда были использованы и при создании в 1991 году английского фильма «Странные соседи». Наконец, Чиков и я снялись в документальном фильме из трех частей под названием «Красная бомба». Этот фильм создан в США по заказу кабельного телевидения «Дискавери» в 1994 году.

Встречи с Владимиром Чиковым глубоко врезались в память. Он сердечно пожал мне руку перед входом в импозантное здание на Лубянке, пожал так, как если бы мы были давние друзья, а война между ФБР и КГБ принадлежала бы далекому прошлому. По моей просьбе он устроил посещение музея КГБ, находящегося

там же, на Лубянке, что было абсолютно немыслимо еще пару лет назад. В музее я смог увидеть документы и личные вещи известных мне людей, к примеру Рудольфа Абеля.

В другой раз вместе с переводчиком мы расположились на берегу Москвы-реки. Режиссер предложил, чтобы я снял пальто, но без него мне было довольно холодно (это происходило ранней весной). Я бомбардировал Владимира Чикова вопросами, а он, как автомат, давал четкие ответы, но этот сюжет почему-то не вошел в фильм. Я также заметил, что каждый раз, когда я задавал вопрос или касался темы, болезненной для советских разведчиков, лишь недавно переживших крушение режима, все они как-то сразу ретировались, и лишь Владимир Чиков давал деликатные, иногда уклончивые ответы. Среди всех он выделялся искренним динамизмом.

В целом же что касается истории создания атомной бомбы, о которой рассказывает Чиков в своей книге, а также в отношении Персея и Коэнов, то я, как бывший сотрудник секретной службы, прежде чем убедиться в ее правдивости, хотел бы иметь побольше соответствующих доказательств и свидетельств. Я не исключаю, впрочем, и такой возможности, что среди людей, осуществлявших «Манхэттенский проект», работал еще один русский шпион, о существовании которого мы даже не подозревали. А почему бы и нет? Мы же были в курсе пяти внедрений, так почему бы не быть еще одному? Вопрос, однако, заключается в том, смогут ли теперь специалисты на основании информации, предоставленной Владимиром Чиковым, установить, кем же в действительности был Персей?

С уверенностью можно лишь утверждать, что Леонтина Коэн была, скорее всего, связником у Персея, а не у Клауса Фукса. Когда российская бригада снимала меня в Альбукерке для фильма «Полвека тайн», зашел разговор о существовании связки Коэн — Фукс, которое я оспаривал. И сейчас, после прочтения рукописи Владимира Чикова, я вижу, что эта связка действительно не осуществлялась. Тем не менее я считаю, что Коэны были связниками между полковником Абелем и Розенбергами, после того как их прежний руководитель Яцков покинул Америку в 1946 году. В связи с этим я нахожу весьма любопытным и тот факт, что Юрия Соколова (Клода) срочно направили на связь с Коэнами в июне 1950 года, чтобы передать им указания Центра о необходимости срочно покинуть США, поскольку именно в этот момент Розенберги уже были арестованы. Об этом случае Юрий Соколов сам рассказал мне в Москве, причем буквально в тех же выражениях, которые Владимир Чиков употребляет в своем произведении. Я спросил

тогда Соколова, почему же для этой миссии не был направлен Абель, но он ничего мне на это не ответил. Это одна из маленьких загадок того времени, возможно, когда-то эта история и будет пересказана с большими подробностями, нежели сейчас.

Автор книги прослеживает дальнейший путь Коэнов после их бегства в Москву, перекидывает мостик между их прежней деятельностью в Америке в связке с Персеем и Абелем и их работой в Великобритании с Гордоном Лонсдейлом. Вторая часть их многолетней деятельности на ниве шпионажа связана с Портлендской операцией, в результате которой секретные сведения о методах подводного обнаружения были сначала похищены с королевской военно-морской базы, а затем сфотографированы, переведены на микрофильмы и переправлены в Москву. Эта операция была затронута британской прессой после ареста и судебного процесса над Коэнами и Лонсдейлом в 1961 году, а также в книгах, посвященных этому делу. Здесь, однако, Чиков несколько приоткрывает завесу над отдельными фактами, что придает истории некоторую экспрессию и жизненность. Даются, в частности, многочисленные детали о знаменитом «шпионском коттедже» в лондонском предместье Руислин, где проживали Коэны, носившие в то время фамилию Крогеров.

В последней части книги вновь появляются Коэны — Крогеры, чтобы повести разговор уже от первого лица. Проинтервьюированные в 1989 году, они вспоминают о прошлых годах, о своей любви к коммунизму и Советскому Союзу, что в равной степени воодушевляло и Розенбергов, которые предпочли умереть, чем раскрыть известные им сведения. Их вера была столь искренней, что я просто был не в силах их ненавидеть, как я ненавидел Кима Филби, который одно время был моим визави в штаб-квартире ФБР.

В словах Коэнов — Крогеров, высказанных в конце книги, я обнаружил в буквальном смысле слова много патетики Так или иначе, я испытал немалое удовлетворение от того, что, прожив в стране достаточно долго, они сами увидели, как Россия постепенно освобождается от коммунизма и советской системы, которую они обожествляли и которой служили. Некоторым утешением для меня является то, что их жизнь в Москве после девяти лет, проведенных в британских тюрьмах, была далеко не счастливой, а они сами конечно же испытывали ностальгию по Америке, по стране, которую сами же хотели уничтожить.

Из воспоминаний, лично написанных Моррисом Коэном

Мы верно определили свой жизненный путь

Империалистическая агрессия против Советской республики, принесшая столько страданий ее народу, и провал этой авантюры остались в моей памяти с детских лет. Мои родители — бедные эмигранты из царской России, в 1905 году приехали в Нью-Йорк. В 1919 году, когда мне было девять лет, мы посетили Томпкинс-сквер Парк, который находился в нижней части Ист-Сайда в Нью-Йорке. Маленький парк и все прилегающие к нему улицы были заполнены такими же рабочими, как и мои родители, — людьми разных национальностей. Они дружно скандировали: «Руки прочь от России!» Слова этого призыва белели на красном полотнище, протянутом от близлежащих домов через весь парк. Недалеко стояла огромная стена из красного кирпича, и когда все скандировали призывы, то их голоса заполняли парк, повторялись громким эхом. Рабочие протестовали против решения «либерального» правительства президента Вильсона послать солдат и оружие на помощь белой армии, начавшей контрреволюционное выступление в России. Этот день навсегда остался в моей памяти.

Коммунистическая партия США, едва появившись на свет в 1919–1920 годах, сразу же стала объектом нападок и провокаций Министерства юстиции, во главе которого стояли министр юстиции и генеральный прокурор Пальмер и профессиональный жандарм Эдгар Гувер. Последний возглавил ФБР в 1924 году. Около десяти тысяч радикально настроенных деятелей было брошено в тюрьму. Несмотря на атмосферу террора, Компартия США набирала силу, росли ее ряды. В условиях непрекращавшихся преследований Компартия США на протяжении шестидесяти лет ее существования никогда не ослабляла борьбы за дружественные отношения между правительствами и народами США и СССР. Поиски ответов на многие вопросы, которые перед нами неумолимо и безжалостно ставила жизнь, привели Елену и меня в ряды коммунистической партии.

Я родился и вырос в бедной семье и с раннего детства должен был зарабатывать на хлеб насущный. В молодости родители мои не имели возможности получить образование и готовы были

пойти на любые жертвы, чтобы я мог закончить среднюю школу. Мое стремление получить университетское образование еще более возросло в то время, когда в США свирепствовал экономический кризис, в результате которого в стране насчитывалось семнадцать миллионов безработных.

Узнав, что дешевле всего стоит обучение в штате Миссисипи, я проделал более тысячи миль, путешествуя на попутных грузовиках и товарных поездах по штатам Юго-Запада. Нашел работу, чтобы иметь возможность платить за обучение и жилье, однако не смог установить связь с компартией, которая в этом логове, где процветали расизм и социальная несправедливость, вынуждена была уйти в глубокое подполье. В университете штата Иллинойс меня приняли в аспирантуру, и я вступил в Союз коммунистической молодежи, а через несколько месяцев стал членом Компартии США. Нашей партийной организации, в состав которой входили отдельные преподаватели и два студента, пришлось действовать нелегально.

К осени 1936 года по заданию партии я переехал в Нью-Йорк, где возглавил одну из местных партийных организаций. Некоторое время я был безработным, потом товарищи нашли мне работу в небольшой фирме, распространявшей партийные и прогрессивные журналы, а также советские периодические издания на английском языке. Платили мне всего пятнадцать долларов в неделю, но эту работу я очень любил и вкладывал в нее всю душу. Я появлялся на всех забастовках и демонстрациях и распространял среди рабочих нашу партийную литературу. Вечерами и в выходные дни занимался тоже партийной работой.

Затем началась гражданская война в Испании. Борьба испанских патриотов стала для нас, американских коммунистов, «делом всего человечества». Этот лозунг, провозглашенный ЦК Компартии США, был основным в нашей борьбе с фашизмом. Многие американские коммунисты и другие прогрессивно настроенные соотечественники добровольцами отправились в Испанию, чтобы с оружием в руках защищать республику от фашизма.

В июльскую ночь 1937 года вместе с другими бойцами Интернациональной бригады я перебрался через Пиренеи в Испанию. Меня назначили в пулеметную роту батальона Маккензи — Панино нашей Интернациональной бригады. Затем стал кем-то вроде политрука в своем отделении. А во время наступления на фашистские позиции при Фуэнтэс де Эбро, где в операции участвовали и советские танкисты, я был ранен в обе ноги пулеметной очередью.

В госпитале прочитал два тома ленинских работ. После

выздоровления меня направили в Барселонскую школу по политической подготовке, где и состоялось мое знакомство с советскими товарищами, предложившими работу в советской разведке. Я считал большой честью работать в советских органах безопасности и тем самым активнейшим образом способствовать осуществлению дела моей жизни — победе коммунизма, и поэтому охотно дал свое согласие. Мое посвящение в чекисты-разведчики состоялось на одной из вилл в Барселоне.

В конце ноября 1938 года вернулся в США, а в начале 1939 года познакомился с сотрудником «легальной» резидентуры Твеном,[152] под руководством которого и начал свою разведывательную работу в США. Прежде всего мне поручили подобрать группу людей, которые имели возможность помочь в получении разведывательной информации; кроме того, мой руководитель постоянно подчеркивал, что я должен развивать свою наблюдательность в повседневной жизни и научиться видеть все, что происходит вокруг меня, разумеется, не привлекая внимания со стороны.

Нельзя сказать, что жизнь моя была гармоничной во всех отношениях — я не имел спутницы жизни. Найти жену среди молодых женщин-коммунисток было нелегко: я понимал, что в конце концов ей придется разделить мою судьбу во всем, а такую жизнь не назовешь беспечной. Незадолго до моего отъезда в командировку в Испанию один из товарищей познакомил меня с Еленой Пэтке на митинге. Чем чаще мы встречались, тем больше она завоевывала мое сердце. Ее мать была эмигранткой из Польши и работала в текстильной промышленности в одном из городков штата Массачусетс. Когда Елене исполнилось тринадцать лет, она отправилась в Нью-Йорк и получила работу в магазине по продаже одежды.

Самообразование, которым упорно занималась Елена, в сочетании с участием в классовых боях более чем компенсировали пробелы в ее знании. Она вступила в ряды компартии в 1935 году. Потом изъявила желание сражаться в Испании на баррикадах, однако руководящие товарищи из партийного комитета уговорили ее остаться дома. Я постоянно восхищался Еленой, ее самостоятельностью, боевитостью, способностью быстро принимать правильные и разумные решения. Твен согласился, чтобы она оказывала мне непосредственную помощь в разведывательной работе.

Через несколько месяцев фашистская Германия напала на СССР, и перед нами встали задачи, требовавшие быстрого и оперативного решения. Моя группа тогда состояла из семи человек. Нам удалось получить схемы и чертежи, а также

отдельные части новых видов оружия, которое выпускалось на местных заводах.

В начале 1941 года мы с Еленой поженились. Она работала токарем на военном заводе. В выходные дни нам редко доводилось бывать вместе. Задания, которые я выполнял под руководством Твена, вынуждали меня часто выезжать из Нью-Йорка.

Весной 1942 года меня призвали на воинскую службу в американской армии. Поддержание связи с моей группой и другие связанные с этим заботы легли на плечи Елены. Позднее она получила дополнительное задание: начала работать с очень ценными агентами. Одним из них был человек, занимавший важное положение в Управлении стратегических служб (так называлась американская разведка во время второй мировой войны). С ними Елена работала в течение двух лет. Несколько позже Твен познакомил ее с новым руководителем — Анатолием Антоновичем.[153] Елена осуществляла тогда связь с очень ценным агентом, который передавал нам чрезвычайно важную научную информацию о создании атомного оружия. Ей приходилось много ездить по стране и поддерживать связь со многими агентами. У них она получала бесценную разведывательную информацию и доставляла ее в Нью-Йорк.

Моя же служба в американской армии началась на Аляске. Затем я участвовал в операции по высадке в Нормандии, а также в военных кампаниях во Франции и в Бельгии. Потом военная судьба забросила меня в немецкий город Веймар, где я встретился с советскими и немецкими товарищами, пережившими ужасы Бухенвальда. В ноябре 1945 года меня демобилизовали. Заряженный радостью и оптимизмом от общей победы над фашизмом, я вернулся в Нью-Йорк и вновь приступил к разведывательной работе.

Не успели народы вернуться к мирной жизни, как подули ветры «холодной войны», начатой президентом США Трумэном и Уинстоном Черчиллем. Администрация Вашингтона нагло и самодовольно размахивала атомной бомбой, угрожая СССР. ЦРУ, пришедшее на смену Управлению стратегических служб, ступило на скользкий путь заговоров, диверсий и убийств, протягивая свои щупальца по всему миру.

В самих Соединенных Штатах началась травля всех прогрессивно мыслящих американцев. Эта кампания, которая получила название «охоты за ведьмами», проходила в атмосфере клеветы и шпиономании. Инициатором травли стал сенатор Маккарти. ФБР, руководимое Эдгаром Гувером, начало засылать в ряды американской компартии множество своих агентов и

осведомителей. Через некоторое время американская охранка арестовала свыше двухсот руководителей коммунистической партии и многих представителей прогрессивной интеллигенции. Американец, заподозренный в сочувствии коммунистической партии в период маккартизма, мог в любой момент потерять работу и оказаться в тюрьме.

Для Елены и меня неписаным и непреложным законом и заповедью были три правила: стойкость, бдительность и терпение. В самый разгар «холодной войны», когда в Америке свирепствовали оголтелые антикоммунисты вроде сенатора Маккарти, мы познакомились с советским разведчиком-нелегалом, имя которого, как нам потом стало известно, Рудольф Иванович Абель. Поначалу у нас сложилось впечатление, что перед нами фермер из Новой Англии. Одет в легкую летнюю рубашку, а на голове мягкая соломенная шляпа — словом, он ничем не отличался от любого простого американца. Мы сожалели, что нам удалось проработать с ним только десять месяцев. Это был незаурядный человек и талантливый разведчик.

Когда американские власти раскрыли одного из агентов, с которыми Елена поддерживала связь, нам пришлось покинуть Америку. Наш долгий путь в Москву был отмечен множеством интересных и волнующих событий. Наконец мы благополучно добрались до Москвы и оказались на Красной площади в тот момент, когда кремлевские куранты били полночь.

Елена и я прошли курс интенсивной подготовки, а затем выезжали в командировки в капиталистические государства. Нам довелось побывать во многих странах и на всех континентах. В 1954 году мы приехали в Англию и впоследствии вошли в группу Бена (Лонсдейл). В 1961 году Бена, Елену и меня арестовали по обвинению в заговоре и нарушении акта о государственных секретах. На суде было заявлено, что ФБР давно разыскивает нас как лиц, причастных к некоторым событиям, явившимся результатом так называемого «советского атомного шпионажа» на территории США, а также в связи с делом полковника Абеля. Расправились с нами следующим образом: Бена приговорили к двадцати пяти годам, а Елену и меня — к двадцати годам тюремного заключения.

Представители британской и американской контрразведывательных служб прибегали к различным средствам — «мягким» и «жестким», пытаясь склонить нас к сотрудничеству с ними. О том, чего они добились, можете судить сами.

Бен в соответствии с правилами, установленными парламентом, обратился к начальнику тюрьмы с просьбой о получении газет из дома. Судя по всему, начальник тюрьмы не

понял, о чем идет речь. «А где же ваш дом и какую газету вы хотите получать?» — спросил он. Бен ответил: «Мой дом в Москве, и я желаю получать «Правду». Начальник тюрьмы окаменел от такого ответа. Однако он обратился с запросом в Министерство внутренних дел, которое вынуждено было удовлетворить просьбу Бена. Бен всегда знал, как себя вести, кто бы перед ним ни был.

Почти девять лет, проведенные в тюрьме, не могли не сказаться на здоровье Елены. С точки зрения морального и психологического склада женщины, отбывавшие наказание за уголовные преступления, отличались большей неуравновешенностью и жестокостью, чем мужчины, находившиеся со мной в заключении и осужденные за убийства и ограбления. Елене постоянно приходилось применять физическую силу, защищаясь от нападок других заключенных, часто провоцируемых тюремной стражей. Тем не менее она активно изучала русский язык с помощью специального курса, записанного на пластинки. Министерство Англии не могло не пойти на эту уступку, если учесть, что в то время советская контрразведка арестовала английского разведчика, который был осужден и заключен в тюрьму.

После долгой предварительной работы Центр сумел установить с нами регулярную переписку. Мы это поняли, когда стали получать письма и телеграммы за подписью Марии Пэтке (Юрий Иванович[154]), несуществующей кузины Елены, якобы проживающей в Польше. Одна из телеграмм, пришедшая по случаю Нового 1969 года, содержала сообщение, что, по всей вероятности, в этом году мы будем пить вино из винограда дядюшки Миколы (Николая Алексеевича[155]), сидя у него в саду в Люблине. Я много раз перечитывал телеграмму, и с каждым разом у меня все больше кружилась голова, как от хорошего вина, текущего по жилам.

Наконец прошли длинные, мучительные переговоры между английскими и советскими дипломатами. 25 июля 1969 года Елена и я услышали сообщение, передававшееся но радио и телевидению, об условиях достигнутого соглашения. Правительство СССР согласилось освободить английского шпиона Джеральда Брука и двух контрабандистов, которые пытались доставить опиум на советскую территорию и там же были пойманы с поличным, а англичане — освободить нас.

Через три месяца Елена и я шли через лондонский аэропорт, заполненный толпами людей, полицией, репортерами и представителями телевидения. Мы поднялись на самолет вместе с двумя польскими товарищами, сопровождавшими нас, и

увидели, что весь салон битком набит корреспондентами. Они щелкали фотоаппаратами и засыпали нас вопросами, но интервью, которое мы им дали, было очень кратким: «Вы должны заботиться о сохранении мира во всем мире».

В Варшавском аэропорту нам удалось быстро скрыться от наседавших корреспондентов. На автомобиле мы подъехали к тому месту, где нас ожидали товарищи из Центра. Здесь мы попали в теплые объятия «дядюшки Миколы» и «кузины Марии». На следующий день в Москве нас встречали старые друзья.

За последние десять с лишним лет Елена и я много ездили по СССР и регулярно участвовали в подготовке молодых чекистов, и поэтому мы чувствуем себя очень счастливыми.

Посмотрите, как изменилось соотношение сил в мире. В 1950 году, когда США чувствовали себя настолько уверенными, что империалистам казалось, что они могут весь мир проглотить, как устрицу, в журнале «Лайф» появилась статья. Ее автор предсказывал, что скоро американские вооруженные силы оккупируют Советский Союз, а известный в ту пору мюзикл под названием «Парни и куколки» будет якобы исполняться не на Бродвее, а где-нибудь в театре на улице Горького. А пройдет 27 лет, и президент Джимми Картер начнет жаловаться на то, что Советский Союз стал настолько сильным, что «представляет уже угрозу» странам Запада, т. е. США и его союзникам.

Действительно, времена меняются.

г. Москва.

27 декабря 1978 года

Документы секретной операции «Венона»

В рамках кампании, проводившейся в США по рассекречиванию советских шифротелеграмм, Агентство национальной безопасности (АНБ) в Форд-Миде, штат Мэриленд, в июле 1995 года начало публиковать документы из досье «Венона», имевшие до того момента гриф «секретно». Было предано гласности 49 разведывательных сообщений за период 1944–1945 годов, относящихся к истории «атомного» шпионажа.

Потом настала очередь еще 250 документов за 1942–1943 годы, касающихся вопросов Коминтерна и проникновения советских спецслужб в эмигрантские организации за рубежом.

«Венона» — это кодовое обозначение операции, предпринятой в 1943 году по инициативе службы радиотехнической разведки Сухопутных войск США, являвшейся предшественницей АНБ. Ее целью была расшифровка переписки между советскими дипломатическими миссиями в Америке и секретными службами в Москве. Речь идет о нескольких тысячах сообщений, перехваченных с 1939 года. Попытки прочесть телеграммы, зашифрованные при помощи пяти различных систем шифровки, продолжались в течение пяти последующих лет, и таким образом к концу 1946 года дешифровальщик Мередит Гарднер был в состоянии приступить к чтению советских телеграмм, касавшихся «атомного» шпионажа. Но даже разгадав советские шифры, США не уберегли свой «секретный атом» от русских шпионов. Как только усилия в ходе операции «Венона» по расшифровке части кодов дипломатических посланий и разведывательных донесений из Нью-Йорка стали известны в Москве, ее разведцентр начал в срочном порядке менять псевдонимы своих агентов. И это естественно, поскольку в советскую разведку сразу же просочились сведения о первых успехах «Веноны». Признавший это директор АНБ адмирал Дж. М. Маккдоннел, однако, отказался назвать фамилии источников, которые могли сообщить информацию об этой операции. В докладе же о программе «Венона» прозвучало имя советского агента, сотрудника английской СИС Кима Филби, который начиная с 1949 года регулярно получал копии обзоров, делавшихся по ходу самой операции. Процесс расшифровки 2200 документов закончился в 1952 году, но отдельные детали и уточнения американские криптографы продолжали выяснять вплоть до последних дней.

Роберту Ламфиеру было поручено по линии ФБР вплотную заняться вопросами «Веноны» лишь в 1948 году. Питер Райт в

книге «Ловец шпионов», выпущенной французским издательством «Робер Лаффон» в 1987 году, утверждает, что операция «Венона» явилась «самым крупным секретом контрразведки западного мира». Однако, как свидетельствовал доклад, посвященный расшифровке советских телеграмм, большая часть агентов, упомянутых в них под псевдонимами, так и не была раскрыта.

Среди 49 документов, опубликованных в июле 1995 года, шесть касаются «атомного» шпиона № 1, фигурирующего в книге Владимира Чикова и являвшегося, как следует из ее содержания, американским физиком, который работал на советские секретные службы, иначе говоря, на НКВД, под псевдонимом Млад (в российских и американских изданиях он стал фигурировать как Персей). Все документы, в том числе и первый, в котором лишь упоминается этот псевдоним, приведены далее в приложении под номерами:

№ 1 — от 16 декабря 1944 г.
№ 2 — от 13 декабря 1944 г.
№ 3 — от 9 февраля 1944 г.
№ 4 — от 8 мая 1944 г.
№ 5 — от 14 ноября 1944 г.
№ 6 — от 23 января 1945 г.
№ 7 — от 31 марта 1945 г.
№ 8 — от 5 июля 1945 г.

В целом все восемь перехваченных в ходе операции «Венона» документов подтверждают тезис, развитый Владимиром Чиковым в его книге, о существовавших контактах Персея с американскими связниками, такими, как Стар и Лесли (Леонтина Коэн). Самое удивительное, что эти расшифрованные документы полностью опровергают версию, выдвинутую Павлом Судоплатовым. Если верить Судоплатову, то Млад — Персей был не кто иной, как Бруно Понтекорво. Это, однако, совершенно невозможно, потому что Млад работал в Лос-Анджелесе, в то время как Понтекорво там никогда не был. Таким образом, в отношении Млада Судоплатов допускает явную ошибку. В документе № 2 говорится, что Алексей (Яцков) два раза встречался со Старом, которого Судоплатов идентифицирует как Роберта Оппенгеймера и одновременно как Энрико Ферми. В высшей степени невероятно, чтобы Яцков когда-либо встречался с кем-то из них. В том же документе говорится, что Стар планировал вновь вернуться в Гарвард, что никак не сочетается с личностями Оппенгеймера или Ферми, поскольку и тот и другой были профессорами других университетов. Таким образом, Судоплатов много раз ошибается и в отношении Стара.

12/16/44 KALIBE
MLAD

TOP SECRET [redacted]

[redacted]

Reissue(T1304)

From: NEW YORK

To: MOSCOW

No: 1773

16 December 1944

To VIKTOR[i].

OSA[ii] has returned from a trip to see KALIBR[iii]. KALIBR expressed his readiness to help in throwing light on the work being carried on at Camp-2[iv] and stated that he had already given thought to this question earlier. KALIBR said that the authorities of the Camp were openly taking all precautionary measures to prevent information about ENORMOUS[ENORMOZ][v] falling into Russian hands. This is causing serious discontent among the progressive [8% worker

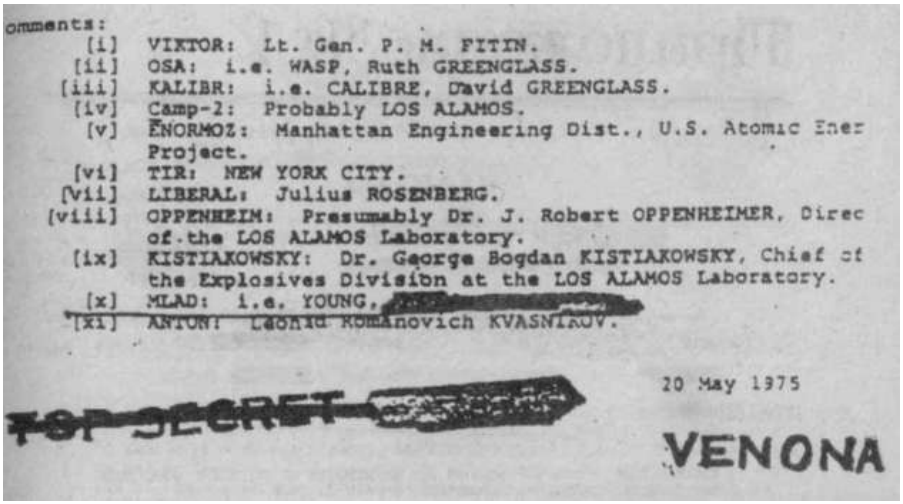
[17 groups unrecoverable]

the middle of January KALIBR will be in TYRE[TIR][vi]. LIBERAL[vii] referring to his ignorance of the problem, expresses the wish that our man should meet KALIBR and interrogate him personally. He asserts that KALIBR would be very glad of such a meeting. Do you consider such a meeting advisable? If not, I shall be obliged to draw up a questionnaire and pass it to LIBERAL. Report whether you have any questions of priority interest to us.

KALIBR also reports: OPPENHEIM[viii] from California and KISTIAKOWSKI[ix](MLAD's[x] report mentioned the latter) are at present working at the Camp. The latter is doing research on the thermodynamic process. Advise whether you have information on these two professors.

No. 967
15 December

ANTON[xi]



omments:
[i] VIKTOR: Lt. Gen. P. M. FITIN.
[ii] OSA: i.e. WASP, Ruth GREENGLASS.
[iii] KALIBR: i.e. CALIBRE, David GREENGLASS.
[iv] Camp-2: Probably LOS ALAMOS.
[v] ENORMOZ: Manhattan Engineering Dist., U.S. Atomic Ener Project.
[vi] TIR: NEW YORK CITY.
[vii] LIBERAL: Julius ROSENBERG.
[viii] OPPENHEIM: Presumably Dr. J. Robert OPPENHEIMER, Direc of the LOS ALAMOS Laboratory.
[ix] KISTIAKOWSKY: Dr. George Bogdan KISTIAKOWSKY, Chief of the Explosives Division at the LOS ALAMOS Laboratory.
[x] MLAD: i.e. YOUNG,
[xi] ANTON: Leonid Romanovich KVASNIKOV.

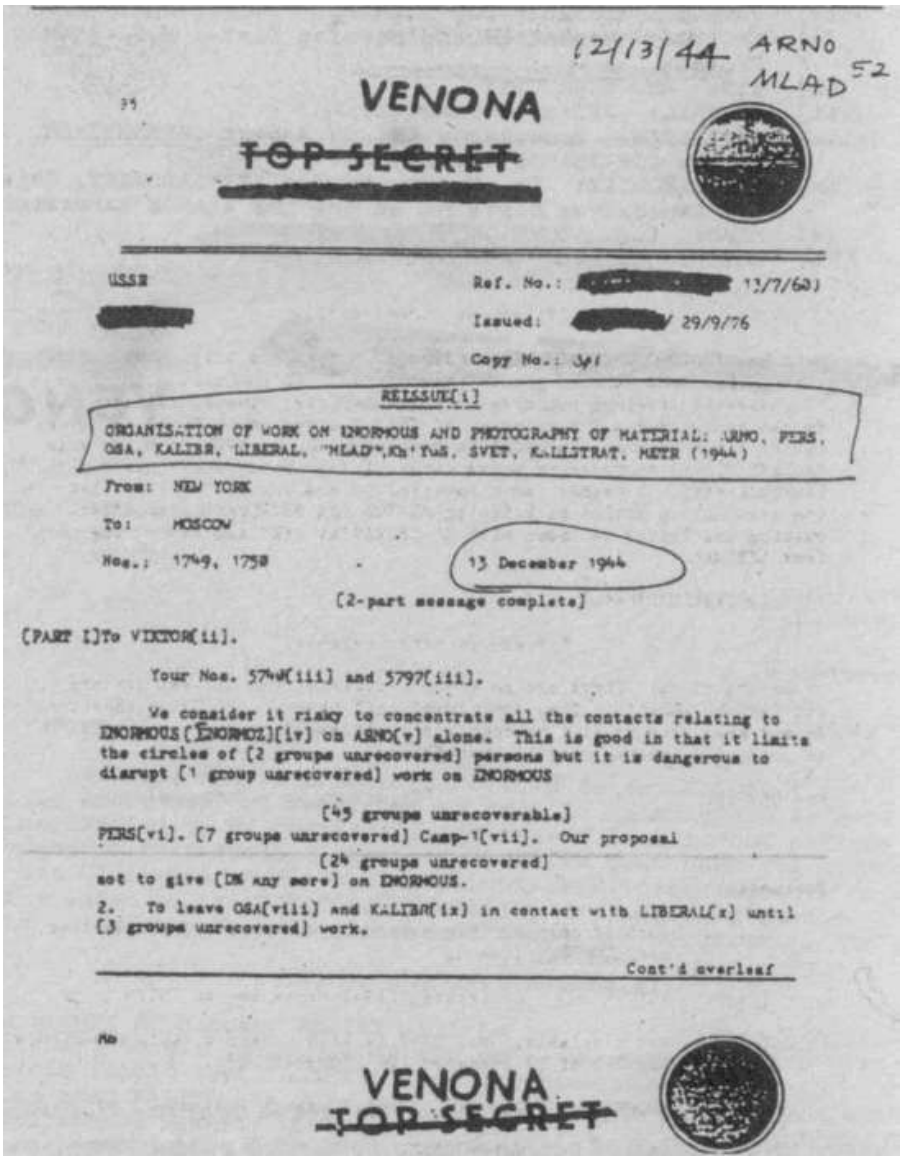
20 May 1975

TOP SECRET

VENONA

В дешифрованной американскими спецслужбами телеграмме, исходящей из нью-йоркской резидентуры в московский разведцентр, сообщается о том, что агент Оса возвратилась из поездки в Лос-Аламос к источнику атомной информации Калибру. Что он просил передать кому положено о том, что в Лос-Аламосе приняли жесткие меры по предотвращению утечки информации в руки России относительно дела «Энормоз». Что, несмотря на это, он согласился пролить свет на интересующую русских проблему. Что в середине января Калибр намерен быть в Тире (Нью-Йорк).

Приложение № 2



12/13/44 ARNO MLAD 52

VENONA

~~TOP SECRET~~

[redacted]

USSR

Ref. No.: [redacted] 13/7/60)

[redacted]

Issued: [redacted] 29/9/76

Copy No.: 341

REISSUE[i]

ORGANISATION OF WORK ON ENORMOUS AND PHOTOGRAPHY OF MATERIAL: ARNO, PERS, OSA, KALIBR, LIBERAL, "MLAD",Kh'TuS, SVET, KALLISTRAT, METR (1944)

From: NEW YORK

To: MOSCOW

Nos.: 1749, 1758

13 December 1944

[2-part message complete]

[PART I]To VIKTOR[ii].

Your Nos. 5744[iii] and 5797[iii].

We consider it risky to concentrate all the contacts relating to ENORMOUS [ENORMOZ][iv] on ARNO[v] alone. This is good in that it limits the circles of [2 groups unrecovered] persons but it is dangerous to disrupt [1 group unrecovered] work on ENORMOUS

[45 groups unrecoverable]

PERS[vi]. [7 groups unrecovered] Camp-1[vii]. Our proposal

[24 groups unrecovered]

not to give [DK any more] on ENORMOUS.

2. To leave OSA[viii] and KALIBR[ix] in contact with LIBERAL[x] until [3 groups unrecovered] work.

Cont'd overleaf

No

VENONA

~~TOP SECRET~~

В шифр отеле грамме сообщается о том, что очень рискованно концентрировать все контакты по делу «Энормоз» только на связника Арно. Отмечается также, что агент Хьюс передал 17 чертежей по радиоэлектронике и есть необходимость передать его на связь от Света к Калистрату. Материалы и от Хьюса, и от Метра желательно передавать не через Либерала, а

напрямую через Калистрата и Света.

VENONA

~~TOP SECRET~~

[redacted]

3. "MLAD"[xi]

[51 groups unrecoverable]

PART II] Further

[14 groups unrecovered].

Both are YELLOWCOUNTRYMEN[ZEMLYaKI][xii]. Both are helping us and both meet LIBERAL and ARNO [3 groups unrecovered]. Kh'YuS[xiii] handed over 17 authentic drawings relating to the APQ-7[xiv] (postal despatch No.3)[He can be trusted. The transfer of Kh'YuS alone to SVET[xv] is no way out of the situation. It will be necessary to put SVET in touch with KALISTRAT[xvi] in order to bring material for photography into the PLANT [ZAVOD][xvii]. I cannot carry material in and out of the PLANT late in the evening. I insist on bringing Kh'YuS and METR[xviii] together, putting the latter in touch with KALISTRAT or SVET and separating both from LIBERAL.

In TYRE[TIR][xix]

[14 groups unrecoverable]

round the clock. There are no major contradictions between letters 5 and 7 about LIBERAL. They complement each other. LIBERAL's shortcomings do not mean that he will be completely useless for photography. He is gradually getting used to photography.

No. 957[i] [Signature unrecoverable]

Footnotes:

[i] Part II only of this message was also published earlier, as [redacted] Item 4.

[ii] VIKTOR: Lt General Pavel Mikhajlovich FITIN.

[iii] Not available. No. 5748 is also referred to in NEW YORK's No.1797 of 29 December 1944 (unpublished).

[iv] ENORMOUS: The U.S. Atomic Energy Project.

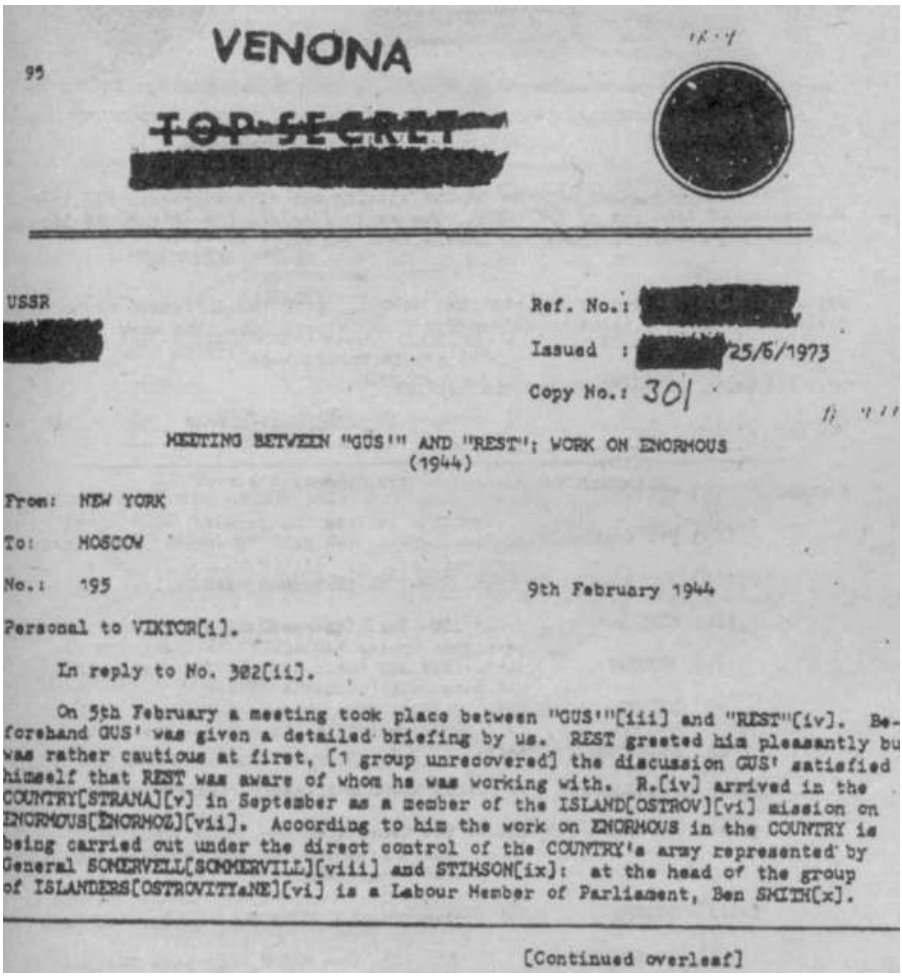
[v] ARNO: Harry GOLD.

[vi] PERS: is "PERSIAN"; formerly "FOGEL"", ie "VOGEL"; unidentified covernames. Also occur in NEW YORK's Nos. 212 of 11 February 1944, 854 of 16 June 1944 and 1251 of 2 September 1944

[redacted]

[vii]	Camp-1:	Not identified; probably an atomic energy site (cf references to "Camp-2" and "campa" in eg NEW YORK's No. 1585 of 12 November 1944 and 729 of 5 July 1945 ([redacted]).
[viii]	OSA:	ie "WASP"; Ruth GREENGLASS.
[ix]	KALIBR:	ie "CALIBRE"; David GREENGLASS.
[x]	LIBERAL:	Julius ROSENBERG.
[xi]	MLAD:	ie "YOUNG"; [redacted]
[xii]	FELLOW-COUNTRYMEN:	Members of the Communist Party.
[xiii]	Ch'YuS:	ie "HUGHES"; Alfred Epaminondas SARANT, who was employed at the BELL Telephone Laboratories (cf. Footnote [xiv]), NEW YORK CITY, from October 1942 to September 1946.
[xiv]	APQ-7:	Or AN/APQ-7: a high-resolution airborne radar developed by the MASSACHUSETTS Institute of Technology and built by BELL Telephones (cf Footnote [xiii]) in the 1940s.
[xv]	SVET:	ie "LIGHT"; possibly Aleksandr Andreevich RAEV.
[xvi]	KALISTRAT:	ie "CALISTRATUS"; Aleksandr Semenovich FOMIN.
[xvii]	PLANT:	The Soviet Consulate.
[xviii]	METR:	ie "METRE"; Joel BARR.
[xix]	TYRE:	NEW YORK CITY.

Приложение № 3



VENONA

95

TOP SECRET

USSR

Ref. No.:

Issued : 25/6/1973

Copy No.: 301

MEETING BETWEEN "GUS'" AND "REST"; WORK ON ENORMOUS
(1944)

From: NEW YORK

To: MOSCOW

No.: 195 9th February 1944

Personal to VIKTOR[i].

In reply to No. 382[ii].

On 5th February a meeting took place between "GUS'"[iii] and "REST"[iv]. Beforehand GUS' was given a detailed briefing by us. REST greeted him pleasantly but was rather cautious at first, [1 group unrecovered] the discussion GUS' satisfied himself that REST was aware of whom he was working with. R.[iv] arrived in the COUNTRY[STRANA][v] in September as a member of the ISLAND[OSTROV][vi] mission on ENORMOUS[ENORMOZ][vii]. According to him the work on ENORMOUS in the COUNTRY is being carried out under the direct control of the COUNTRY's army represented by General SOMERVELL[SOMMERVILL][viii] and STIMSON[ix]: at the head of the group of ISLANDERS[OSTROVITYaNE][vi] is a Labour Member of Parliament, Ben SMITH[x].

[Continued overleaf]

В шифровке, направленной за подписью Антона (Л. Р. Квасников) начальнику внешней разведки НКВД Виктору (П. М. Фитин), сообщается о состоявшейся 5 февраля 1944 года встрече Гаса и Реста (Клаус Фукс). Последний рассказал Гасу о том, что он прибыл в США в составе британской группы ученых, которым предстоит работать по проекту под нспосредственньш контролем Вооруженных Сил США, которые представлены генералами Саммервиллем и Стимпсоном. Что английскую группу ученых возглавляет член британского парламента от лейбористской партии Бен Смит.

The whole operation amounts to the working out of the process for the separation of isotopes of ENORMOUS. The work is proceeding in two directions: the electron method developed by LAWRENCE[LAURENS][xi]

[71 groups unrecoverable]

separation of isotopes by the combined method, using the diffusion method for preliminary and the electron method for final separation. The work

[46 groups unrecovered]

18th February, we shall report the results.

No. 92 ANTON[xii]

Footnotes:

[i] VIKTOR: Lt. Gen. P.M. FITIN.

[ii] Not available.

[iii] GUS': i.e. "GOOSE"; Harry GOLD.

[iv] REST/R.: Dr. Emil Julius Klaus FUCHS.

[v] COUNTRY: U.S.A.

[vi] ISLAND, ISLANDERS: GREAT BRITAIN, British.

[vii] ENORMOUS: a) U.S. Atomic Energy Project.
b) Uranium.

[viii] General SOMERVELL: Lt. General Brehan Burke SOMERVELL, Commanding General Army Service Forces, War Department.

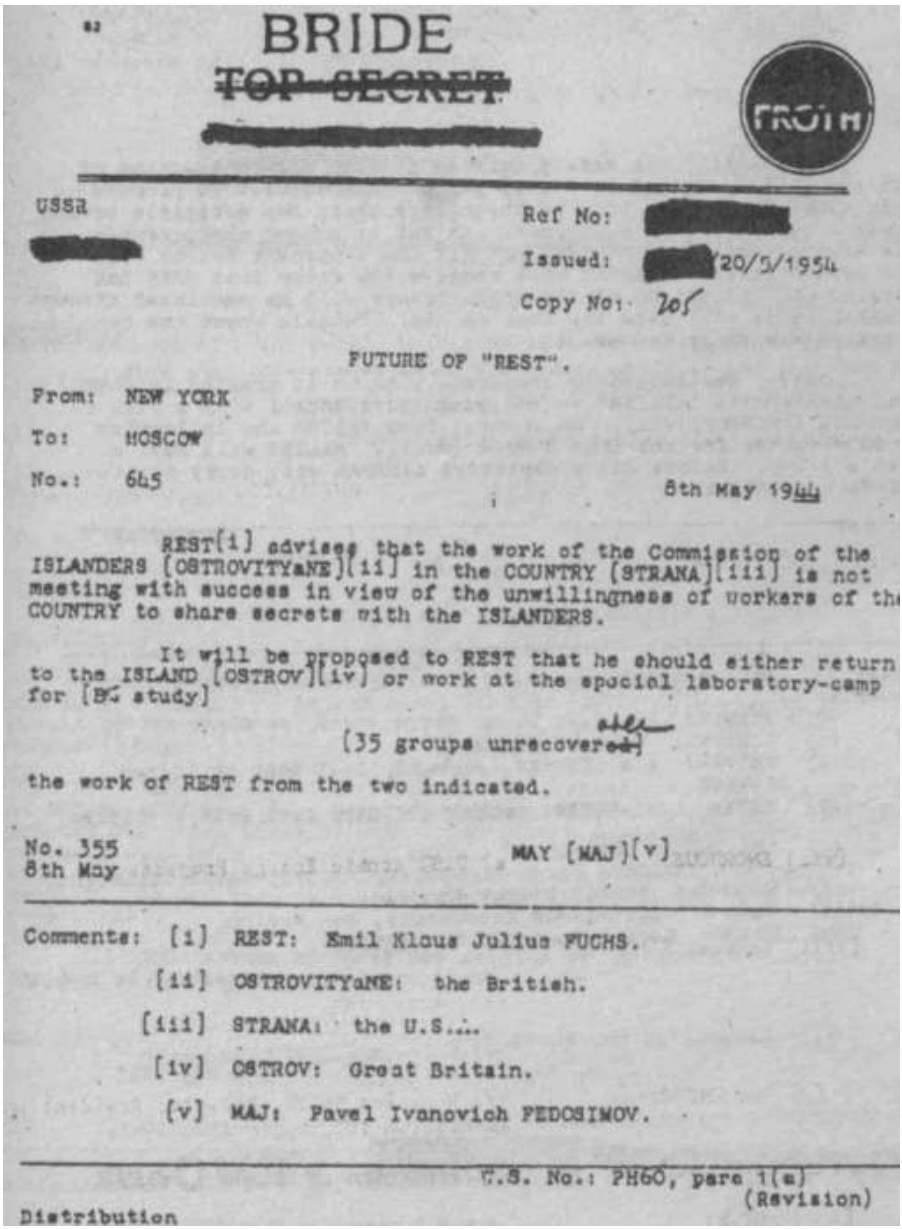
[ix] STIMSON: Henry Lewis STIMSON, Secretary of War.

[x] Ben SMITH: Rt. Hon. Ben SMITH, Minister Resident in WASHINGTON for Supply from 1943.

[xi] LAWRENCE: Professor Ernest Orlando LAWRENCE.

[xii] ANTON: Leonid Romanovich KVASNIKOV.

Приложение № 4



BRIDE

~~TOP SECRET~~

[redacted]

FROM

USSR

[redacted]

Ref No: [redacted]

Issued: [redacted] 20/5/1954

Copy No: 205

FUTURE OF "REST".

From: NEW YORK

To: MOSCOW

No.: 645

8th May 1944

REST[i] advises that the work of the Commission of the ISLANDERS [OSTROVITYaNE][ii] in the COUNTRY [STRANA][iii] is not meeting with success in view of the unwillingness of workers of the COUNTRY to share secrets with the ISLANDERS.

It will be proposed to REST that he should either return to the ISLAND [OSTROV][iv] or work at the special laboratory-camp for [BG study]

[35 groups unrecovered]

the work of REST from the two indicated.

No. 355
8th May

MAY [MAJ][v]

Comments: [i] REST: Emil Klaus Julius FUCHS.

[ii] OSTROVITYaNE: the British.

[iii] STRANA: the U.S.A.

[iv] OSTROV: Great Britain.

[v] MAJ: Pavel Ivanovich FEDOSIMOV.

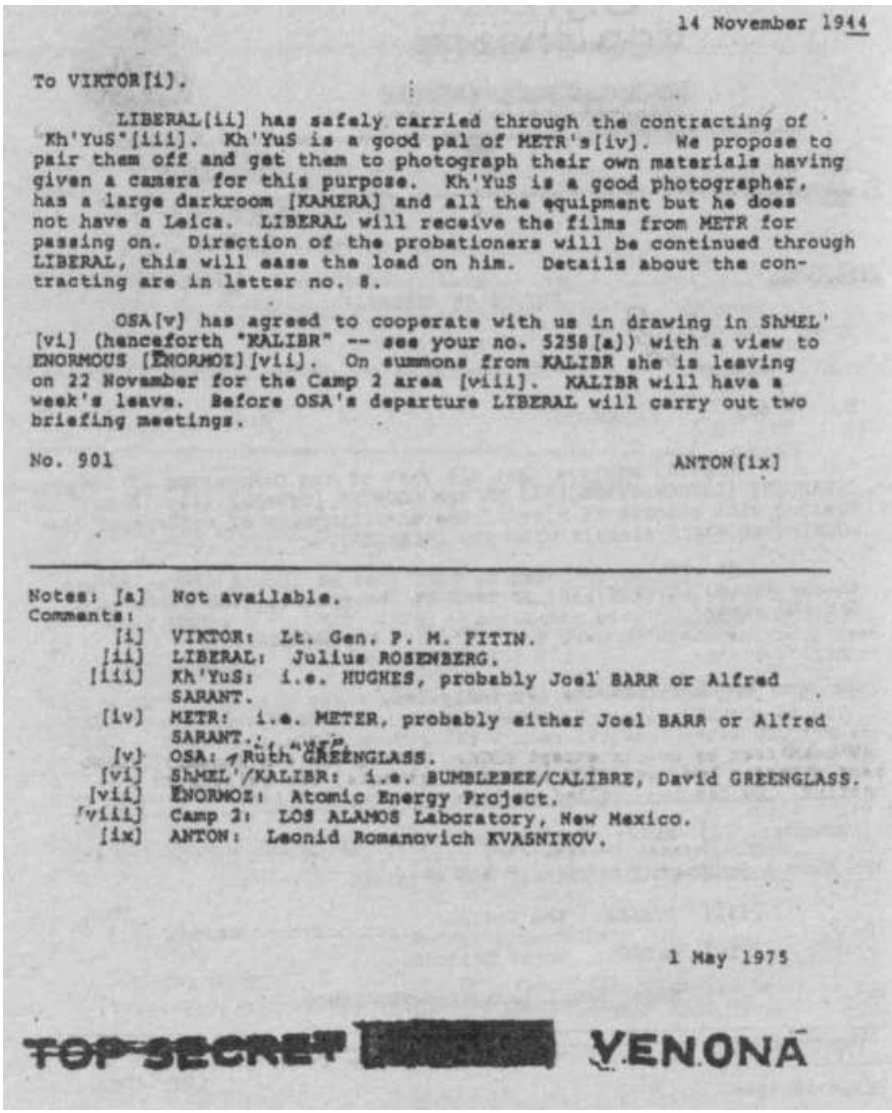
U.S. No.: PH60, para 1(a)
(Revision)

Distribution

В донесении, адресованном в Центр за подписью мая [кстати, его подлинные фамилия, имя и отчество неправильно расшифрованы американскими спецслужбами), Реет отмечает, что работа в США английской группы ученых в связи с нежеланием

американской администрации делиться с Англией секретами разработки атомной бомбы ведется неэффективно. Что если Реста не направят работать в Лос-Аламосскую лабораторию, то он, возможно, вернется в Англию.

Приложение № 5



14 November 1944

To VIKTOR[i].

LIBERAL[ii] has safely carried through the contracting of Kh'YuS'[iii]. Kh'YuS is a good pal of METR's[iv]. We propose to pair them off and get them to photograph their own materials having given a camera for this purpose. Kh'YuS is a good photographer, has a large darkroom [KAMERA] and all the equipment but he does not have a Leica. LIBERAL will receive the films from METR for passing on. Direction of the probationers will be continued through LIBERAL, this will ease the load on him. Details about the contracting are in letter no. 8.

OSA[v] has agreed to cooperate with us in drawing in ShMEL' [vi] (hancaforth "KALIBR" -- see your no. 5258[a]) with a view to ENORMOUS [ENORMOZ][vii]. On summons from KALIBR she is leaving on 22 November for the Camp 2 area [viii]. KALIBR will have a week's leave. Before OSA's departure LIBERAL will carry out two briefing meetings.

No. 901

ANTON[ix]

Notes: [a] Not available.
Comments:
[i] VIKTOR: Lt. Gen. P. M. FITIN.
[ii] LIBERAL: Julius ROSENBERG.
[iii] Kh'YuS: i.e. HUGHES, probably Joel BARR or Alfred SARANT.
[iv] METR: i.e. METER, probably either Joel BARR or Alfred SARANT.
[v] OSA: Ruth GREENGLASS.
[vi] ShMEL'/KALIBR: i.e. BUMBLEBEE/CALIBRE, David GREENGLASS.
[vii] ENORMOZ: Atomic Energy Project.
[viii] Camp 2: LOS ALAMOS Laboratory, New Mexico.
[ix] ANTON: Leonid Romanovich KVASNIKOV.

1 May 1975

TOP SECRET [redacted] VENONA

В этом донесении из Нью-Йорка сообщается о том, что Хьюс является хорошим фотографом и у него для этого имеются все фотопринадлежности, но нет такого хорошего аппарата, как «Лейка». Хьюс мог бы сам переснимать интересующую разведку секретную информацию и передавать ее в непроявленной пленке Либералу.

1/23/45 MLAD STAR

BRIDE

~~TOP SECRET~~

USSR

[redacted]

Ref.No.: [redacted]

Issued: [redacted] 22/1/1953

Copy No.: 4

"OLD" AND "YOUNG"

From: NEW YORK

To: MOSCOW

No.: 94

23 Jan 1945

To VICTOR[i].

Your nos. 116 and 121[a]. The checking of OLD (STAR)[ii] and YOUNG (WLAD)[iii] we entrusted to ECHO (EKhO)[iv] a month ago, the result of the check we have not yet had. We are checking OLD's mother[v] also.

BECK (BEK)[vi] is extremely displeased over the handing over of OLD to ALEKSEJ[vii]. He gives a favourable report of him. ALEKSEJ has met OLD twice (but)[b] cannot yet give a final judgement. YOUNG has been seen by no-one except BECK. [C% On the 8th January] YOUNG sent a letter but never [C% made arrangements] for calling to a meeting. He has been called up into the army and left to work in the camp (viii).

OLD intends to renew his studies at Harvard University at the end of February.

No. 67

[1 group unrecoverable]

[T.N. and comments overleaf]

Distribution

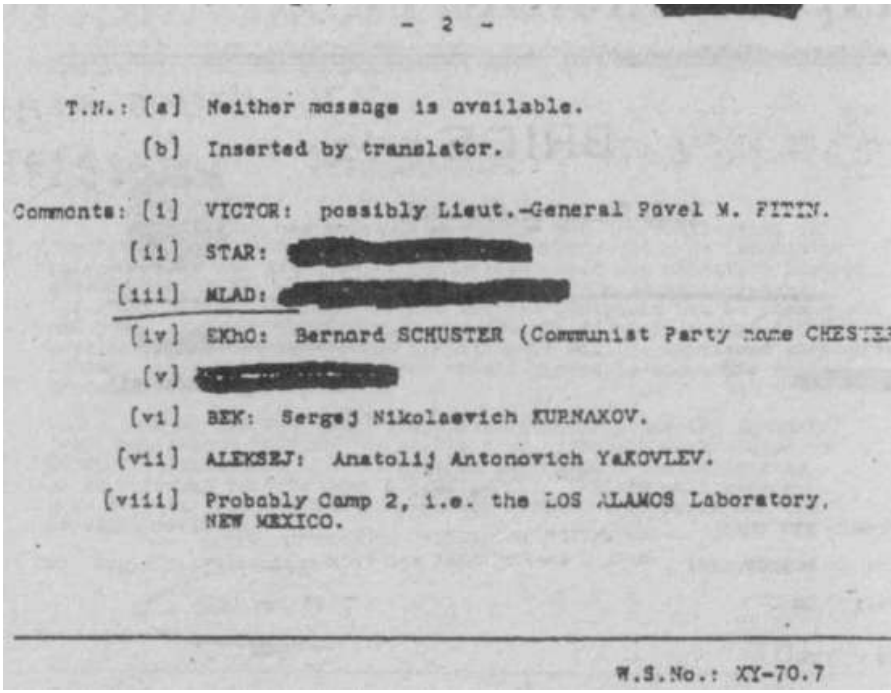
4 M.H. file - return

[redacted]

[2 pages]

~~TOP SECRET~~

BRIDE



- 2 -

T.N.: [a] Neither message is available.

[b] Inserted by translator.

Comments: [i] VICTOR: possibly Lieut.-General Pavel M. FITIN.

[ii] STAR: [redacted]

[iii] MLAD: [redacted]

[iv] EKhO: Bernard SCHUSTER (Communist Party name CHESTER

[v] [redacted]

[vi] BEK: Sergej Nikolaevich KURNAKOV.

[vii] ALEKSEJ: Anatolij Antonovich YaKOVLEV.

[viii] Probably Camp 2, i.e. the LOS ALAMOS Laboratory, NEW MEXICO.

W.S.No.: XY-70.7

В шифротелеграмме отмечается, что резидентурой проводились проверочные мероприятия в отношении Млада и Стара, но данные о результатах их проверки еще не поступили. Сообщается также, что Млада хотели призвать в армию, но его все же оставили в Лос-Аламосе. Что Бек очень недоволен тем, что Млад через связника Стара будет теперь работать под началом Алексея (А. А. Яцков). Вычеркнутые после псевдонимов места в дешифрованных американскими спецслужбами телеграммах под номерами 1, 2, б, 7, 8 свидетельствуют о возможно установленных именах и фамилиях источников советской разведки.

3/31/45 MLAD

TOP SECRET [redacted] VENONA

USSR

[redacted]

Ref. No: [redacted]

Issued : A265/16/08/1979

Copy No: |

REISSUE

EVALUATION OF MATERIAL ON ĒNORMOZ: FROM CHARL'Z ON FUNICULAR AND FROM MLAD (1945)

From: MOSCOW

To : NEW YORK

No : 298

31 March 1945

ANTON [i]

We are sending herewith an evaluation on ĒNORMOZ [ii]. Referenced are materials from "CHARL'Z" [iii] about the FUNICULAR [iv]:

a) 5/46 [v]

[31 groups unrecovered]

gaskets [SAL'NIKI]

b) 5/60 - [6 groups unrecovered] - contains an interesting method of calculation, which will be used during the design.

c) 5/62 - technical data on the FUNICULAR and

[12 groups unrecovered]

d) 7/83, paragraph 1 - about the degree of separation of the membrane [vi] - offers substantial interest.

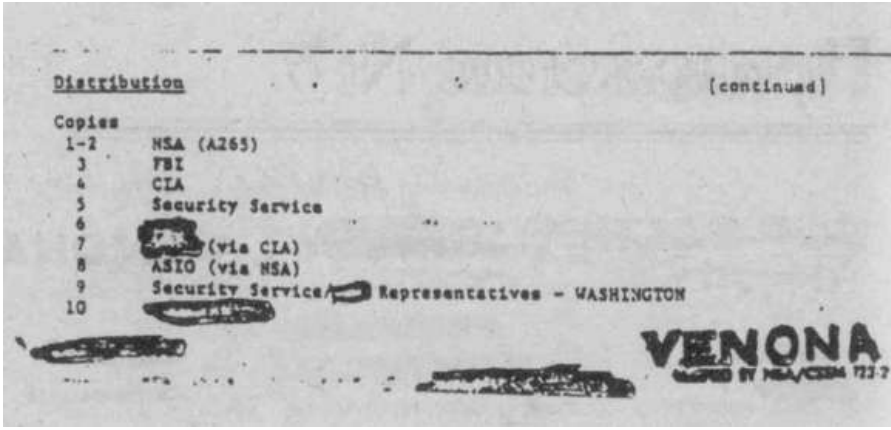
e) 7/84 paragraph 1 - about tests of the membrane and information about the layout of the plant - is of interest. What is needed is [7 groups unrecovered] plan of the plant.

f) 7/83 and 84 - on the theory of the [cE stability] of the FUNICULAR - together with "CHARL'Z" materials on this question received earlier they form a full and valuable piece of information.

Z) MLAD's [vii] report about work [4 groups unrecovered]. [1 group unrecovered] great interest.

No. 1972

VIKTOR [viii]



Distribution [continued]

Copies
1-2 NSA (A265)
3 FBI
4 CIA
5 Security Service
6 [redacted]
7 [redacted] (via CIA)
8 ASIO (via NSA)
9 Security Service [redacted] Representatives - WASHINGTON
10 [redacted]

[redacted]

VENONA

[redacted]

В шифротелеграмме из Москвы дается оценка разведцентром полученных резидентурой материалов по делу «Энормоз» по шкале: ценные, представляющие значительный интерес и просто интерес. Упоминаются псевдонимы агентов Чарльз (Клаус Фукс) и Млад.

7/5/45 MLAD ALEKSEI

TOP SECRET [redacted] VENONA

[redacted]

Reissue(T223)

From: MOSCOW

To: NEW YORK

No: 709

5 July 1945

Your no. 613[a]. The incident involving GRAUBER[i] should be regarded as a compromise of MLAD[ii]. The cause of this is ALEKSEJ's[iii] completely unsatisfactory work with the agents [AGENTURA] on ENORMOUS[ENORMOZ][iv]. His work with [3 groups unrecovered] for this reason we consider it of the utmost importance to ensure supervision so that the C OUNTRY[b][v]

[23 groups unrecoverable]

we once more [3 groups unrecovered] attention to [2 groups unrecovered] our instructions. For the future [4 groups unrecovered] immediately inform us by telegraph about each meeting [with the agents of ENORMOUS. In [C% the next post] [3 groups unrecovered] on this same question to send the most precise reports on meetings,

[14 groups unrecovered]

[C% every] meeting with permanent staff[KADROVYJ]

[14 groups unrecovered]

from all these areas. You

[18 groups unrecovered]

to seek safe flats in the areas of the camps[vi]. This question you must

[17 groups unrecovered]

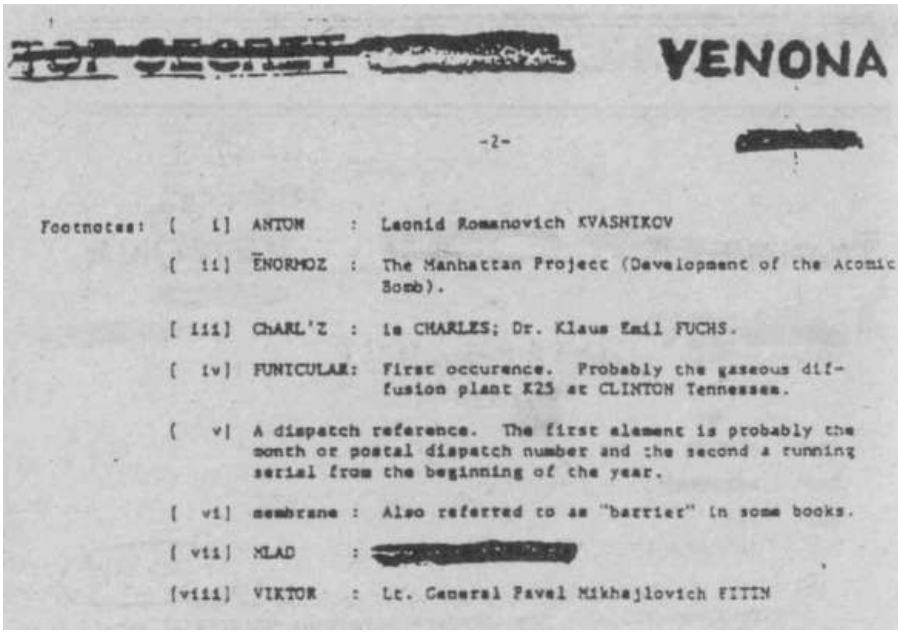
our workers on the development

[35 groups unrecovered]

GRAUBER case meetings[c] of our operational worker with MLAD [you] must [4 groups unrecovered]

No. 4533 VIKTOR[vii]

TOP SECRET [redacted] VENONA



TOP SECRET [redacted] VENONA

-2- [redacted]

Footnotes:
[i] ANTON : Leonid Romanovich KVASHNIKOV
[ii] ENORMOZ : The Manhattan Project (Development of the Atomic Bomb).
[iii] ChARL'Z : ie CHARLES; Dr. Klaus Emil FUCHS.
[iv] FUNICULAR: First occurence. Probably the gaseous diffusion plant K25 at CLINTON Tennessee.
[v] A dispatch reference. The first element is probably the month or postal dispatch number and the second a running serial from the beginning of the year.
[vi] membrane : Also referred to as "barrier" in some books.
[vii] KLAD : [redacted]
[viii] VIKTOR : Lt. General Pavel Mikhajlovich FITIN

В подписанной начальником внешней разведки Виктором (П. М. Фитин) шифровке сообщается о том, что разведцентр отслеживает исполнение всех заданий по делу «Энормоз», что резидентура обязана информировать его о каждой встрече с агентами, работающими по атомной проблеме, и должна давать полный отчет о результатах ее проведения.

notes

Примечания

1

Арсений Васильевич Тишков родился в 1909 году в Пензе. С 1935 года — в органах госбезопасности. После окончания Великой Отечественной войны один год работал послом СССР в Венгрии. В 1949–1951 годах — начальник спецуправления «С» Комитета информации при МИД СССР. Умер в 1979 году.

2

Корешков Александр Афанасьевич, 1909 года рождения. В годы войны выполнял спецзадания в тылу немцев. Неоднократно выезжал в загранкомандировки, связанные с документацией и выводом нелегалов за кордон. Коэнам он был представлен под псевдонимом Денис.

3

Специально разработанная для нелегала биография с целью скрыть его настоящие биографические данные, зашифровать принадлежность к разведке и создать благоприятные условия для легализации и проведения разведывательной работы в стране пребывания.

4

Коэнов.

5

Специально разработанная легенда для нелегала, по которой он может дать показания в случае его ареста.

6

Рудольф Иванович Абель.

7

Молодый К. Т., 1924 года рождения. В Англии он возглавит нелегальную резидентуру под фамилией Гордона Лонсдейла.

8

Генерал-лейтенант Павлов В. Г. В разведке с 1938 года. В 1942–1946 годах — резидент в Канаде, в 1966–1970 годах — в Австрии, в 1961–1966 годах — первый заместитель ПГУ КГБ при СМ СССР. В 1971–1973 годах — начальник Краснознаменного института разведки. В 1973–1984 годах — руководитель представительства КГБ в Польше. В настоящее время на пенсии. Автор Двух книг о деятельности советской разведки за рубежом.

9

Корзников Николай Алексеевич, 1917 года рождения. Работал в Англии, США и Франции. Впоследствии был заместителем начальника нелегальной разведки ПГУ КГБ при СМ СССР. Умер в 1968 году.

10

Корешков Александр Афанасьевич.

11

Генерал-майор Коротков Александр Михайлович — заместитель начальника внешней разведки. В 1933–1938 годах работал в Париже под оперативным псевдонимом Длинный, в 1940–1942 годах — в Германии, где поддерживал связь с особо ценными источниками Харро Шульце Бойэеном (Старшина) и Арвидом Харнаком (Корсиканцем). В 1953–1954 годах исполнял обязанности начальника ПГУ КГБ СССР. В 1957–1961 годах — представитель КГБ в ГДР. Умер в 1961 году.

12

Имелся в виду Громушкин Павел Георгиевич.

13

Следуя за изломами судьбы Коэнов и чтобы не запутать читателя, будем впредь называть их тоже новыми именами и фамилиями.

14

Обеспечение необходимыми документами, на основании которых Крогеры могли бы легализироваться в предписанной им стране для ведения разведывательной работы.

15

Имелся в виду Громушкин П. Г.

16

Английская контрразведка

17

О том, что руководителем лондонской резидентуры будет назначен Бен (Гордон Лонсдейл), Крогеры еще не знали…

18

Под этой фамилией в деле «Дачники» значился Конон Трофимович Молодый, он же Бен и Гордон Лонсдейл.

19

Кредитное учреждение, выдающее денежную ссуду под залог недвижимости.

20

Любопытно, что пророчество Питера сбылось: впоследствии Гордон Лонсдейл действительно стал в Англии крупным промышленником-миллионером, самой королевой Великобритании удостоенным дворянского титула «сэр».

21

Предчувствие Питера сбылось: через полтора месяца его отец умер, и они так и не увиделись.

22

Британская внешняя разведка.

23

Британская контрразведка

24

Уменьшенное до размеров булавочной головки изображение какого-либо документа, изготовленное с помощью микрофотографии и предназначенное для конспиративной пересылки (передачи) в разведцентр.

25

Как иностранцам, им не надо было прятаться и встречаться только в обусловленных местах или поддерживать связь лишь через тайники. Тем более что Г. Лонсдейл был одним из клиентов книжного магазина Крогеров на Стрэнде.

26

Псевдоним начальника внешней разведки КГБ при СМ СССР.

27

Так во всех оперативных документах зашифровывалась фамилия Питера и Хелен.

28

Название радиостанции для двусторонней связи с Центром.

29

Быстродействующий радиопередатчик.

30

Р. И. Абель.

31

Подполковник Рейно Хейханен.

32

Впоследствии Рейно Хейханен погиб в автомобильной катастрофе на Пенсильванском шоссе.

33

Инструкции к радиостанции. Опасаясь, что в доме могла быть установлена подслушивающая техника, разговор велся с применением различных условностей.

Как показали события последующих лет, это были: газ «СИ-ЭС», которым закачивали подземные убежища вьетнамских партизан; смертоносные микроорганизмы, которые отравляли поля и водные источники Вьетнама; ядовитые вещества, которыми опыляли джунгли.

35

Радиоцентр внешней разведки КГБ.

36

Один из агентов, завербованных в Лондоне.

37

Гарри Фредерик Хаутон. Завербован в 1952 году в Польше, когда работал шифровальщиком у военно-морского атташе Великобритании. В 1955 году был отозван в Англию и стал служить на военно-морской базе Адмиралтейства в Портленде.

38

Изготовление уменьшенных до микроскопических размеров фотокопий документов, предназначенных для конспиративной пересылки в разведцентр.

39

Гордон Лонсдейл, как все английские служащие, получал двухнедельный отпуск и проводил это время не «просто так» в Англии, а ездил домой, к семье. Центр шел на это, прекрасно понимая, что чувство родины, чувство семьи надо удерживать и у разведчика-нелегал а. Как Антею, ему тоже надо было периодически прикасаться к источнику своей силы — родной земле. Осуществить поездку домой для нелегала — дело непростое, но Лонсдейл, будучи к тому времени уже миллионером, мог позволить себе на собственной морской яхте уйти со своим верным помощником на пару недель в Северное море и где-то в нейтральных водах пересесть на всплывшую из глубин Атлантического океана «попутную» подводную лодку, не имевшую опознавательных знаков, а затем вынырнуть где-нибудь возле Мурманска или Ленинграда.

40

Генерал-майор Родин Борис Николаевич, резидент внешней разведки в Лондоне. Руководил работой завербованного сотрудника британской СИС Джорджа Блейка

41

Дмитрий Петрович Тарасов — начальник отдела безопасности управления нелегальной разведки ПГУ.

«Дачники».

43

Крогеры будут приняты в советское гражданство ровно через девять лет.

44

М. Голеневский — поляк, родился в 1922 году. В войну вступил в Советскую Армию. В 1944 году был направлен в польскую военную разведку. В 1956 году возглавил 7-й отдел Первого (разведывательного) управления МВД Польши. В начале 1960 года бежал в ФРГ. Умер в Нью-Йорке в 1993 году.

Имелся в виду Джордж Блейк.

46

Гарри Хаутон.

Э. Джи была завербована под псевдонимом Ася.

48

Этот шифр был присвоен в МИ-5 Г. Лонсдейлу, а Лямбда- 1 — Джорджу Блейку.

49

В портфеле Лонсдейлом была оставлена ловушка, которая помогла ему установить, что кто-то в его вещах рылся. О возникших подозрениях он в тот же день сообщил в Центр, продолжая придерживаться обычного для себя ритма работы, чтобы детективы Скотленд-Ярда не начали бы действовать против него более остро.

50

Пивная.

51

Противопожарная стенка, разъединяющая смежные комнаты.

52

Самый большой концертный зал Лондона.

53

Аналог «черного воронка» — камера на автомобильных колесах, в которой перевозились арестованные.

54

Так, по имени крохотного переулка в Лондоне, называют Центральный уголовный суд, на куполе которого много веков уже восседает богиня правосудия Фемида с прикрытыми повязкой глазами, с мечом в одной руке и с весами в другой.

Так по-домашнему Коэны звали Р. И. Абеля.

Агент Калибр, работавший в Лос-Аламосе.

57

Особый режим для заключенных, приговоренных к большим срокам наказания. Они находились под усиленной охраной, каждый день их обязательно переводили из одной камеры в другую, чтобы никто заранее не мог знать, где он будет размещен, и чтобы не имел возможности выпилить прутья в окне или подделать ключи. В их камерах всю ночь горел свет и проводились постоянные проверки — на месте ли они.

58

Британская разведывательная служба МИ-6.

Так оно впоследствии и получилось: 7 ноября 1967 года они вместе стояли на гостевой трибуне Красной площади.

Переписку от имени ее кузины вел сотрудник Центра Юрий Иванович Пермогоров. В органах внешней разведки — с 1955 года. В настоящее время — полковник в отставке. Живет в Москве.

61

Переписка велась через Польшу, потому что сохранялась прежняя легенда Г. Лонсдейла, что он является якобы польским разведчиком.

62

Сокращение от слова «сержант» — ласкательное прозвище Хелен, которым ее «наградили» за бойкость и смелость Питер и Гордон Лонсдейл.

63

Жена Конона Молодого.

Так было обусловлено, поскольку, как мы знаем, Г. Лонсдейл выдавал себя за польского разведчика.

65

Учитывая, что дневник могли прочесть тюремные власти, Питер пользовался» кодом памяти»: отдельные имена, слова и фразы могли потом напомнить ему о событиях, о которых никто в тюрьме не должен знать. Под Бертраном имелся в виду Джордж Блейк.

66

План операции побега разрабатывался самим Джорджем Блейком. Он сам подыскивал для этого надежных людей. С их помощью в субботний день, когда заключенные и дежурные охранники смотрели кино или телевизор, Блейк с наступлением сумерек пролез через заранее подпиленную решетку в окне третьего этажа, затем перешел по крыше в другое, расположенное ближе к наружной стене здание и спустился по водосточной трубе на землю. По рации «уоки-токи» вызвал находящегося с другой стороны тюремной стены своего помощника — бывшего заключенного этой же тюрьмы, тот перебросил ему через стену веревочную лестницу, и Блейк перебрался по ней за территорию Уормвуд Скрабе, где уже стояла ожидавшая его машина. Более месяца, пока шел активный розыск по всему Лондону, он жил на тайной квартире, никуда не выходя из нее. Потом друзья вывезли Блейка в багажнике машины из Англии в Восточный Берлин. Через некоторое время он был уже в Москве и вместе с Кононом Молодым (Гордон Лонсдейл, он же Бен) встречал на Красной площади 50-ю годовщину Октябрьской революции. В настоящее время Джордж Блейк живет и работает в Москве.

На тюремном жаргоне это означало, что заключенный должен находиться под особым, более строгим надзором: каждые пятнадцать минут в глазок двери с дополнительными замками заглядывал надзиратель, на ночь у заключенного отбирали одежду, чтобы он не смог с ее помощью повеситься в камере или задушить себя.

68

Речь идет о банде в количестве 30 человек, которые **в** августе 1963 года, остановив почтовый поезд, перевозивший деньги, вскрыли вагон и похитили около трех миллионов фунтов стерлингов.

69

Под этой фамилией Конон Трофимович Молодый продолжал переписку с супругами Крогер.

70

Д. Брук — 1938 года рождения, англичанин, член лейбористской партии, был задержан в момент передачи контейнера в виде альбома, в котором находились шпионские материалы (шифры, копирка для тайнописи, инструкции по расшифровке радиопередач).

71

Джеральд Брук вместе с другими заключенными участвовал в разработке плана побега из лагеря, что дало основание для возбуждения нового уголовного дела.

72

Этот голубой медведь до последнего дня жизни Крогеров занимал в их квартире самое видное место.

Начальник этой тюрьмы тоже не был посвящен в процедуру обмена, которая по соглашению советской и английской сторон предусматривала сначала прибытие из СССР Д. Брука, а затем уже доставку Крогеров в Польшу.

Фильтр работал с советской разведкой 12 лет. В 1944 году он был изобличен и казнен гитлеровцами.

75

Гидроакустический прибор для измерения глубины моря под килем судна.

Резидент по странам Европы А. А. Слуцкий.

Советский Союз.

Начальник ИНО 01Т1У А. Х. Артузов.

79

Якоб Голос — член ЦК Компартии США. Умер в Нью-Йорке в 1943 году.

80

Петр Давыдович Гугцайт — первый легальный резидент советской внешней разведки в США.

81

Резидентура.

Нью-Йорк.

83

Разведчики.

Агенты.

Имя и отчество установить не представилось возможным.

Нелегалы.

87

Агенты-связники.

Контрразведывательная.

Имеется в виду Амторг.

США.

91

Павел Пантелеймонович Пастельняк — заместитель резидента.

Дипломатический канал.

93

Разведка.

94

Начальник внешней разведки ГУГБ НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга В. Г. Деканозов.

Разведчик-нелегал И. А. Ахмеров.

Фамилию, имя, отчество разведчика установить не удалось.

К. М. Кукин.

П. П. Пастельняк.

Н. Н. Ершов.

Ф. С. Новиков.

101

С. М. Семенов.

102

Г. С. Рабинович — советский разведчик, основной разработчик троцкистской линии в США. В Нью-Йорке работал с 1934 года как представитель Красного Креста.

103

И. Р. Григулевич — агент-нелегал.

Антонио Мартинес — представитель Коминтерна.

105

Депутат Верховного Совета СССР, заместитель главного архитектора советского павильона международной выставки в Нью-Йорке.

Имеется в виду Граур Андрей Григорьевич.

107

Л. П. Берия.

К. М. Кукин.

109

В. М. Зарубин.

110

Речь шла о начале создания первой в мире атомной бомбы.

111

Псевдоним П. М. Фитина.

112

Научно-техническая разведка.

113

Федеральное бюро расследований.

114

Советский разведчик Семен Маркович Семенов.

115

Павел Михайлович Фитин — начальник внешней разведки

116

Дональд Маклин — агент советской разведки.

117

Моррис Коэн — гражданин США, участник гражданской войны в Испании, где и был завербован советской разведкой. Возвратившись из Испании в Нью-Йорк, устроился работать в смешанное американо-советское акционерное общество Амторг.

118

По соображениям безопасности фамилия американского ученого-атомщика, проживающего по сей день в дальнем зарубежье, изменена. Советская разведка никогда не раскрывала имена сотрудничавших с ней людей без их согласия.

119

Совокупность научных и производственных учреждений, занимавшихся разработкой американской атомной бомбы.

120

Работа в заграничной резидентуре.

121

Клаус Фукс.

122

Семен Маркович Семенов, работавший в Нью-Йорке с 1937 года.

123

Гайк Бадалович Овакимян — бывший резидент советской разведки в Нью-Йорке.

124

Политическая разведка.

125

Резидентура.

Агентурной.

127

Научно-техническая разведка.

128

Исполняющий обязанности резидента в Нью-Йорке Степан Захарович Апресян.

129

Центр.

130

Резидентура.

131

Великобритания.

И. В. Курчатов.

133

Этот псевдоним был присвоен после вербовки физику Артуру Филдингу, который начал работать в святая святых «Манхэттенского проекта» — в Лос-Аламосской лаборатории.

Нью-Йорк.

135

Феклисов Александр Семенович — известный советский разведчик.

Советский Союз.

137

Заместитель наркома НКГБ СССР В. Н. Меркулов.

Л. П. Берия.

139

Павел Михайлович Фитин — начальник внешней разведки НКВД.

140

Александр Семенович Феклисов.

141

Псевдоним Г. Б. Овакимяна.

Резидент В. М. Зарубин.

143

Научно-техническая разведка.

144

Кодовое название дела разработки американского атомного проекта «Манхэттен».

145

Нью-Йорк.

CCCP.

147

После пристального наблюдения за ученым и нескольких его допросов Фукс посчитал, что Раймонд его выдал, и в конце концов решил признаться. 1 марта 1950 года он был осужден на 14-летний срок заключения в английской тюрьме. За примерное поведение был освобожден в июне 1959 года. Переселиться в СССР не пожелал, уехал в ГДР, где работал заместителем директора Института ядерной физики. Умер в 1988 году. К сожалению, представителя страны, для которой он сделал неимоверно много, на похоронах не было.

148

Юрий Большаков — полковник ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР.

Знания французского языка А. А Яцкову пригодились много лет спустя, но это отдельная история.

150

Резидентура.

151

Семен Маркович Семенов.

152

Семен Маркович Семенов.

153

Анатолий Антонович Яцков.

154

Юрий Иванович Пермогоров.

155

Николай Алексеевич Корзников.